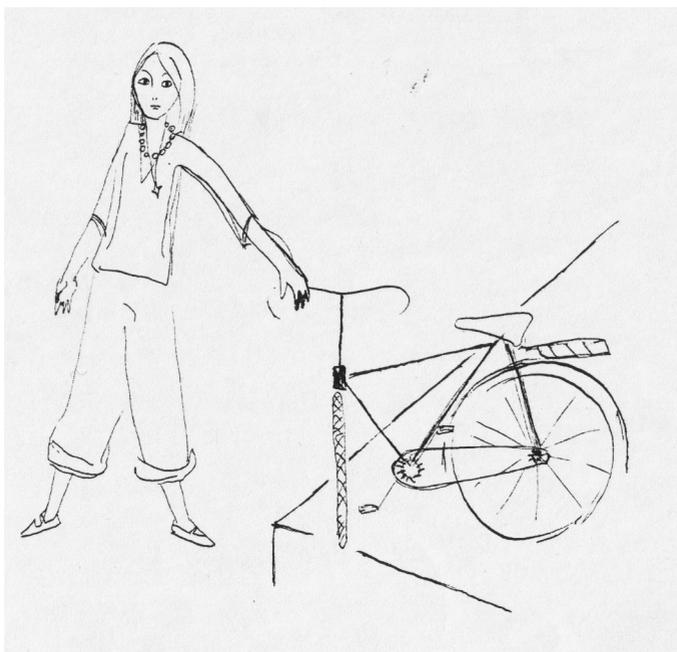

Книга 1

Начало

Часть 1. ВСТУПЛЕНИЕ

1. ЧЕРНАЯ КОШКА, БЕГУЩАЯ ПО ДОРОГЕ

В некотором царстве, в некотором государстве был один город. Город как город, не самый большой, но и не самый маленький, не старый, но и не только что построенный — с асфальтовыми дорогами и фонарями, с машинами и двенадцатиэтажными домами, с полицейскими и школами. Все школы были похожи друг на друга, поэтому совершенно неважно, в какой из них училась беспризорница Юна.

Беспризорнице Юне лет было тринадцать или четырнадцать, и она была самая настоящая беспризорница. Это вовсе не означает, что у нее не было мамы и папы, вовсе нет: у нее была мама, и это была самая настоящая мама, которая умела вкусно готовить и ругала Юну за двойки и плохое поведение, да и папа у нее тоже где-то был. Несмотря на это, Юна была самой настоящей беспризорницей, так говорили все учителя, и директриса, и полицейские, которым Юна нет-нет, да и попадалась, и даже некоторые одноклассники: «Форменная беспризорница!» Думаешь, Юна обижалась на это или как-нибудь страдала — нет, нисколько! Если кто и страдал, так это ее мама, которая, конечно, хотела, чтобы у нее была нормальная дочка, а не какая-то там беспризорница, ну, а саму Юну такое положение дел вполне устраивало, и она даже гордилась этим своим вторым именем. Да, но пора уже рассказать про Юну еще что-нибудь, кроме того, что она

беспризорница. У Юны были хитрые зеленые глаза и большие уши, любимое ее слово было «зыканско!», она умела пронзительно свистеть в два пальца (как ни странно, этому ее научила ее мама — на свою голову), а также лазить по деревьям и драться. Она была похожа на мальчишку, да она и считала себя мальчишкой, и стриглась всегда коротко, а если кто-нибудь напоминал ей, что она же все-таки девочка, очень обижалась и лезла сразу драться. Все мальчишки из ее класса боялись Юну и уважали ее; Юна же относилась к ним свысока, полагая, что она главнее; так оно и было, потому что все безобразия в классе и школе начинались с нее; с девочками же непризорница Юна вообще никогда не имела дел, считая их плаксами, ябедами и дурами.

Любимое время года у непризорницы Юны было, конечно же, лето, во-первых, потому, что летом нет этой дурацкой школы, во-вторых, вообще зыканско: можно влезть на парапет речки с гранитными берегами и на виду у прохожих плюхнуться в воду прямо в одежде, а когда соберется толпа, и все будут шуметь и звать полицию и скорую помощь, тихонько вынырнуть под мостом, незаметно выбраться на берег и уйти, насвистывая; можно еще пойти на базар, где торгуют фруктами, и напробоваться всякого до того, что язык заболит; а можно, например, не пойти ночевать домой, а покружив по городу, найти старый полуразрушенный дом с забитыми окнами — мечта всех непризорниц! — и обследовать его сверху донизу, пугая кошек и крыс, а потом улечься спать на каком-нибудь позабытом матрасе — лето же, тепло! Жаль только, что в этом городе осталось мало старых полуразрушенных домов, а, наверно, должны быть такие города, которые целиком состоят из этих домов — вот туда бы как-нибудь! И вот бы еще... вот бы еще за летом шло лето, а за летом — опять лето!.. Вот бы!

И, однако, за летом шла осень, как ей и полагается, сначала золотая, потом золота становилось все меньше, а дождей все больше, а школа каждое утро ждала на своем месте, как злая собака, от которой никому нет прохода. Но непризорница Юна прекрасно знала, что проход есть, и частенько проходила мимо, посмеиваясь и показывая язык, — эта злая

собака сидела на своей цепи и никак не могла ее достать, ха. Зато потом, вечером, приходилось честно тарашить глаза, доказывая маме, что вовсе нет, вовсе я сегодня и не уходила с уроков (и держать на всякий случай фигу в кармане), и в конце концов, обидевшись на такое недоверие, запереться в своей комнате и сидеть там, и извести многие коробки спичек, учась зажигать их об стену, и все время поглядывать в окно, на голые ветки, качаемые ветром, а дальше — черная дорога, застывшая в фонарях.

Чирк, чирк! Одна из трех спичек зажигалась обязательно, и, подержав ее за головку, пока она не догорит до самого конца и не погаснет, Юна бросала ее и засовывала палец в рот, и грызла ноготь, и смотрела в окно. Перед домом Юны стоял еще один дом, и из-за этого дома выходила дорога — черная дорога, и свет фонарей, отражающийся в асфальте, подрагивал под дождем. Беспризорница Юна вставала на стол и высовывала голову в форточку, под дождь. Выбежав из-за дома, дорога сворачивала легко, плавно и круто, и сияли над ней фонари, как елочная гирлянда... БАМС!

Это глаза беспризорницы Юны врезались в дальний дом, за который уносилась дорога, за который так же легко она сворачивала, а что там, что там? Дорога исчезала за дальним домом так же легко, как и появлялась из-за ближнего, оставив с носом беспризорницу Юну.

Да ну тебя, фыркала Юна, осторожно высовывая голову из окна и оказываясь опять дома, где за дверью ее комнаты ходила и ворчала мама, а на столе лежал коробок спичек, наполовину спаленных.

Что ж, разве не знала она, куда эта дорога ведет? Знала, и ходила... днем: мимо школы (не той, в которой училась Юна, но точно такой же), а дальше — прачечная, а еще дальше — новый район с большими домами, там дорога входила в широкий проспект, по которому ездили троллейбусы, — ну не дура ли ты, беспризорница Юна? Так думала Юна, глядя на редкую машину, которая проезжала по дороге и исчезала за углом дальнего дома, а в час над дорогой вдруг гасли все фонари — спокойной ночи!

Нет.

Было около двенадцати ночи, или, как говорят в телефоне, «двадцать три часа сорок девять минут», и было тихо, потому что мама уже улеглась спать. Беспризорница Юна сидела на столе, рассматривала свои обгрызенные ногти и тихонько напевала песенку, которую она придумала прошлой весной.

Это была такая песенка:

Собак выпускают в дверь.
Собак выпускают в дверь.
Собак выпускают, собак выпускают,
Собак выпускают в дверь.
А птиц выпускают в окно,
А птиц выпускают в окно,
А птиц, а птиц, а птиц, а птиц,
А птиц выпускают в окно!..

Спев песенку, беспризорница Юна немного помолчала, и потом сказала:

— Нет.

Хорошо разговаривать самому с собой — всегда понятно, что имел в виду. Нет ни собак, ни птиц, некого выпускать, да и до весны еще столько, что можно состариться, — вот о чем думала беспризорница Юна, вот что она сказала сама себе, произнеся всего одно слово. Но не только это. Да, не только это сказала себе Юна, а что же еще?

Она соскочила со стола.

В прихожей было слышно, как храпит мама — она уже точно спала. Юна открыла шкаф, и шкаф скрипнул. Юна замерла, но потом решительно вытащила из-под груды обуви свои старые и любимые кеды, и стала поспешно надевать их, — мама могла проснуться, открыть дверь в коридор и спросить Юну: «Ты куда?» Что могла бы ответить ей Юна, если она боялась ответить на этот вопрос даже самой себе? Только — «Никуда», и снять кеды, и войти в свою комнату, и лечь спать.

Дверь все-таки щелкнула, и Юна, как ошпаренная, сбегала по лестнице и, оказавшись на улице, еще немного пробежала, но никто и не думал за ней гнаться, никого не

было вокруг, все уже легли спать, и только она одна. Темно и тихо было на улице, дождя не было, но асфальт был мокрым, и воздух, который Юна, остановившись, глубоко вдохнула несколько раз, пахнул дождем. Юна постояла с минуту, всматриваясь и вслушиваясь, и потом пошла: легко и бесшумно, собранно и напряженно, руки согнуты в локтях, кеды неслышно прикасаются к асфальту. Что-то дрожало у нее внутри, как будто струна, или, может, парус. Она обогнула дом и остановилась. Дорога лежала прямо перед ней. Эта дорога, с этими фонарями — так близко.

Вдруг послышались голоса. В ту же секунду Юна оказалась в кустах. Она следила сквозь ветки. Какие-то запоздалые дяденьки шли к себе домой, громко разговаривая. Она не заметила Юну, а Юна следила за ними, пока они не зашли за дома. Вот и всё, теперь было можно, но Юна медлила. Та беспризорница Юна, которую знали все, в том числе и она, никогда бы не стала так поступать — прятаться по кустам от каких-то там дяденек.

— Зыканско, — пробормотала Юна удивленно. — Кажется, я уже не я. Но тогда меня не должно быть — а я — вот. А тогда — кто я?

Но никто ей не ответил — никого же не было вокруг, и Юна бесшумно выбралась из кустов и подошла прямо к дороге, поминутно оглядываясь. Остановившись перед ней, Юна задрала голову и посмотрела на фонари вверху, затем посмотрела на асфальт и решительно шагнула, и, не задумываясь больше и не останавливаясь, пошла вперед, нет, не пошла, а побежала, и опять нет! Это был не шаг и не бег — а как же тогда?..

А вот так!!! Дорога мчалась под ноги, фонари мелькали над головой, ветер дул в лицо, — было так легко и свободно, как будто дорога летела сама, а она была вовсе ни при чем, как будто раз плюнуть было — побежать по этой дороге, почему только она не сделала этого раньше? Отпустить свои ноги, четыре мягкие лапы, отпустить их мелькать по послушному асфальту, хвост по ветру, и теперь понятно, кто ты такая: ты кошка! Черная кошка, бегущая по дороге, — не вздумайте перейти ей путь! И нет никакой прачечной, никакого проспекта

с троллейбусами, а разве она не знала этого всегда? — только дорога, только фонари и только вперед, — это ли не счастье?..

И вот она бежала, бежала, бежала, бежала, бежала, бежала, и мимолетом отметила, что фонарей уже нет, но разве дело в фонарях, дорога ведь продолжается; и она бежала, но вот кончился асфальт, и это было очень странно, как будто волна набежала на берег, да так и осталась лежать, но все-таки дорога продолжалась, дорога была теперь песчаной, и она бежала, —

А впереди вставал черный-черный лес. И дорога, превратившаяся в узенькую тропинку, ныряла прямо в него.

— Тормози, — скомандовала Юна своим ногам, глядя вперед, на неуклонно приближающуюся стену леса. Но не так-то просто тормозить, если так долго, не знаю сколько, бежала и бежала, вперед и вперед.

— Стой! — крикнула она себе уже испуганно. — Это же совсем не та доро...

В следующую секунду лес поглотил ее.

2. КОРОЛЕВА ЯБЛОЧНОГО ЗАМКА

Тропинка вильнула из-под ног и пропала.

Ветви сплетались высоко вверх, не пропуская неба. Там, высоко вверх, они переговаривались о чем-то непонятном. Тихим и грозным гулом.

Было очень темно. И очень страшно.

Останавливаться поздно. Шаг. Еще шаг. Это муравейник. Нет, в муравейник совсем не надо идти. Где же ты, тропиночка? По тропинке можно обратно. Где оно теперь, это обратно? Кажется, вон там. Или нет?.. Так темно, ничего не разобрать.

А они шумят, высоко над головой. Если прислушаться, можно разобрать слова. Они смеются, смех пересыпается с ветки на ветку, с дерева на дерево, по всему лесу. И возвращается назад.

Обратно — она говорит: обратно! — разве можно обратно — разве река течет обратно — разве дерево растет обратно — она хочет, чтобы солнце село на востоке — она хочет родиться обратно — обратно... обратно.

Нет, лучше их не слушать. Тем более, что это только кажется. Надо идти. Куда-нибудь выйти. Хоть куда-нибудь...

И вдруг!..

Юна не успела понять, даже подумать не успела, но ноги успели! она рванула в какие-то кусты, а что-то камнем обрушилось за ее спиной, и хлопанье крыльев, и злобное уханье; и она, уже не видя ровно ничего, продиралась сквозь какие-то колючие ветки, бросалась из стороны в сторону; она неслась быстрее стрелы, быстрее даже, чем по дороге, хотя какая уж тут стрела, и какая уж тут дорога, — убежать, убежать, ноги-ноженьки, выносите... ну, пожалуйста!..

Почти задохнувшись, она выскочила куда-то и упала, и зажмурилась.

И, когда долго ничего не случилось, медленно начала разжмуриваться.

Прямо над ней было такое... что она тут же зажмурилась назад. Впрочем, это была собачья морда. А она была уже не кошка. Поняв это, беспризорница Юна открыла глаза окончательно. И села.

Перед ней стоял большой черный пёс и внимательно смотрел на нее. Вокруг были деревья. Но это были не лесные деревья. Их ветви пропускали небо. На небе было несколько звезд. Дальше стоял большой деревянный дом. Все это Юна увидела сразу, хотя смотрела на пса. Пёс тоже смотрел на нее, потом он повернулся к дому и несколько раз гавкнул. И снова повернулся к ней. Юна не испугалась. Просто ей стало немного неприятно.

— Ты чего, — сказала она. — Думаешь, я воровать яблоки пришла? Очень надо, если я захочу, мне мама купит! Я нечаянно... я по дороге... а там, — она тыкнула пальцем

в сторону, — с крыльями, страшное, у-у! — Она показала, какое. — В общем, я заблудилась, а вовсе не воровать пришла. Понял?

Пес еще раз гавкнул. В доме открылась дверь. Юна вскочила. Она знала, что нельзя убежать от собак, тогда они могут укусить. Поэтому она просто стояла, настороженно глядя на приближающегося человека с факелом.

Человек подошел. Он был рыжий и бородатый.

— Привет, — сказал он, посветив на Юну факелом.

— Привет, — ответила Юна настороженно, щурясь от яркого света.

— Поздновато ты явилась, — сказал человек.

— А?.. — спросила Юна.

— Я говорю, время позднее, — пояснил человек с рыжей бородой, кивая на звезды. — Все почти уже спят. Картошка, правда, осталась... но холодная. Будешь холодную?

— Ага, — сказала Юна, поняв, что ее за кого-то принимают, и мгновенно решивши не раскалываться почему зря. — Буду.

— Ну пошли, — сказал человек.

Юна пошла вслед за ним.

Они вошли в дом. «Сними обувь», — сказал человек, и Юна послушно стащила кеды, — что если ее ни за кого не принимают, а просто заманили?!.. Между тем они прошли через несколько темных комнат, повернули, потом еще повернули. И вдруг вышли в большой зал. «Садись, — сказал рыжебородый, — я сейчас принесу еду». В зале было темно, хотя и не совсем — в углу стояла печка, а перед печкой сидела женщина, спиной к Юне. Она сидела прямо на полу и смотрела в открытую дверцу печки. Юна тоже села на пол, потому что стульев в зале не было. Не было — и всё тут! Правда, на полу оказался ковер, мягкий и теплый, и Юна, поёрзав у стены, устроилась достаточно удобно. Рыжего все не было, и Юна сидела молча и осматривалась. Глаза ее уже почти совсем привыкли к темноте.

Вокруг не было ничего, что можно было бы схватить и бросить, если ее вдруг захотят... Только поленья, — но там сидела эта тетка: она даже не повернулась к Юне, ни разу!

Зато было много окон, и одно, в том конце, где печка, было открыто, — увидев это, Юна сразу успокоилась. Теперь ее стали занимать другие мысли: в открытое окно торчали ветки какого-то дерева, — интересно, а как оно закрывается?.. В открытое окно ворвался порыв ветра, прошелестев листьями и заставив поежиться беспризорницу Юну. Женщина у печки пошевелилась и бросила в нее полено, и снова замерла неподвижно. Юна шмыгнула носом и устроилась поудобнее, обхватив колени руками. А может, про нее просто забыли? Этот, рыжий?.. Она стала смотреть на волосы этой тетки у печки, которые были такие длинные (черные), что, пробежав по всей спине, спускались на пол. Но потом ей это надое-ло, и она перевела взгляд на что-то черное, стоящее посре-ди зала — а стульев в зале не было; но это, похоже, был стул, если только не этажерка, но только кто же, какой дурак, за-хочет торчать посреди зала, у всех на виду, где на него можно с любой стороны... уж всяко не Юна. Зевнув, она потянулась было пальцем ко рту, но некстати вспомнила, что грызть ног-ти неприлично! Поборовшись с собой, Юна вдруг разозли-лась и засунула в рот аж все пальцы разом, — но за это время желание погрызть их начисто исчезло. Как-то так вдруг ока-залось, что она очень устала, даже глаза закрывались. Потом она услышала музыку.

Музыка эта была очень странная, может и не музыка во-все. Может, это пела какая-то птица, только это была сказоч-ная птица. Белая птица? Да, белая птица! Юне вдруг стало всё понятно, про что эта музыка: про всё на свете! И она была там, беспризорница Юна тоже, она бежала по дороге, превра-тившись в черную кошку! Юне вдруг стало стыдно, аж жарко, она-то думала — никто ее не видит! Разве стала бы она нестись, сломя голову, если б знала, что за ней наблюдают? Нетушки, она бы остановилась, как вкопанная, или вообще пошла бы домой! Ну, вот еще! — рассердилась вдруг музыка. Глупая бес-призорница, ничего не знаешь, с тобой еще разговаривать — спи давай. Ты что ли знаешь, огрызнулась Юна, так, для по-рядка: ведь и вправду она уже проваливалась в сон, так хоро-шо и спокойно... Ничего я больше тебе не скажу, отрезала му-зыка. Нет, взмолилась Юна последним усилием, ну скажи!..

Вошел человек с рыжей бородой, в одной руке он держал факел, а в другой — тарелку с картошкой.

— Я все-таки подогрел... — начал он, но увидел, что Юна спит. Тогда он поставил картошку на пол, а факел сунул в специальную такую штуку на стене. Теперь, если бы Юна не спала, она могла бы рассмотреть этот черный предмет посреди зала, только теперь он не был черным. Он горел миллионом глубоких зеленых огней, и это был трон. Но Юна спала. Рыжебородый поднял ее на руки. Юна что-то пробормотала.

— Что? — спросил рыжебородый. — Что ты хочешь узнать?

Юна открыла глаза и некоторое время молча смотрела на него.

Взгляд ее упал на окно, из которого торчали ветки дерева. — А... — сказала Юна хрипло, — ...как оно закрывается?

— Оно не закрывается, — сказал рыжебородый.

Юна проснулась.

Она вынырнула на поверхность. Она где-то плутала, в каких-то глубоких водах, кошкой... или мышкой? Может, селёдкой? Но тут ее стало звать: просыпайся, просыпайся! — болтая ногами и помогая руками она стала поспешно всплывать на этот зов, и — раз! — вынырнула: несколько секунд все было мутное, и вдруг приобрело четкость.

Она лежала на кровати в маленькой комнатке. Сквозь ветки дерева в окно пробивалось солнце. И кто-то на нее смотрел. Не в окно (это она в окно), а откуда-то сбоку.

Юна притворно потянулась и зевнула, — и вдруг резко повернулась в ту сторону, к двери.

Дверь захлопнулась. Но потом там, видимо, поняли, что проиграли. Дверь отворилась и в комнату вошла девчонка. Подойдя к кровати, она остановилась и стала бесцеремонно разглядывать Юну.

Девчонка была настоящая красавица. К тому же она сама об этом явно знала. У нее были длинные темные волосы, распущенные по плечам, цветом как каштан, а вместо одежды на ней была занавеска с окна, хитроумно закрученная и схваченная черным широким кожаным поясом, а на груди зако-

лотая большой брошкой. Больше всего на свете Юна не любила таких девчонок.

Девчонка смотрела на нее в упор черными блестящими глазами. Потом она сказала:

— Я королева.

— ...Да? — спросила Юна язвительно. — А я — самурай, переодетый в вора.

Девчонке это не понравилось, она дернула головой. Она сказала:

— Чёрта с два! Чёрта с два, — повторила она с удовольствием, — ты не самурай. А я — королева. Повелительница всех изумрудов мира, королева Яблочного Замка Санта Первая!

— Фу-ты ну-ты, — сказала Юна, садясь на кровати. — Нацепила занавеску и воображает! Видали мы таких королев знаешь где в белых тапочках? Щас дам по башке, так уедешь на горшке!..

Девчонка наконец обиделась. Она сказала противным взрослым голосом:

— Нельзя ли повежливее? Ты у меня в гостях, во-первых!

— Фигос под нос, — отрезала Юна. — Я тебя и знать не знаю! И в гости я не просилась, я просто себе бежала, а этот, — она покрутила рукой у лица, — с бородой, это он меня сюда затащил. А никакие и не гости.

— Юрис Рыжебородый, — сказала девчонка важно. — Он доложил нам поутру о появлении нового человека нынешней ночью, и мы прибыли сюда самолично убедиться в этом, а также пригласить ГОСТЯ к завтраку, это великая честь, дура!.. Как, ты сказала, тебя зовут?

— Я никак не сказала, — сказала Юна, — а за дуру...

Девчонка расхохоталась и выбежала за дверь. Но тотчас дверь открылась снова, девчонка всунула голову в комнату:

— Да, и перед тем, как спускаться вниз, не забудь открыть окно, пусть ветер здесь подметет! — Дверь захлопнулась. Юна слышала, как девчонка сбегает вниз по лестнице. Слышно было еще, что внизу тоже есть люди, они ходили и разговаривали. Похоже, здесь было полно народу. Юна еще посидела на кровати, ожесточенно грызя все ногти на правой руке сразу — она вспомнила, что вчера не успела этого сделать.

Пионерский лагерь какой-нибудь. Однажды Юна была в пионерском лагере, правда, всего три дня, потом ее выгнали. Но в пионерском лагере никто бы ей не дал спать сколько хочешь, и потом, лагерь — это летом, а сейчас осень. Ну тогда... еще что-нибудь. Хорошо бы, лесные разбойники, только их не бывает. Юна откинула одеяло, под которым оказались ее ноги в штанах — ни одна беспризорница не раздевается на ночь! — пошла к двери, но потом вспомнила, подошла к окну и открыла его. Ветер ворвался в комнату. Юна поежилась — он был все-таки холодный, несмотря на солнце.

Спустившись по маленькой деревянной лестнице, Юна оказалась в темном коридорчике. Куда дальше идти, она не знала, и наугад толкнула одну из нескольких дверей.

В этой комнате было тоже распахнуто окно и, кроме того, дверь, ведущая на улицу, и ветер гулял по ней совершенно свободно. В комнате никого не было, если не считать здорового дядьки, косматого и бородатого, который сидел на посудном шкафу, почти упираясь головой в потолок. Юна уставилась на него, раскрыв рот. Дядька повернулся к ней.

— Здоров! — рявкнул он. — Держи яблоко! — И швырнул в нее красное яблоко. Шлеп! — в последний момент Юна успела заслонить лицо руками, и яблоко попало ей в ладони. Яблоко было ничего себе.

— Сп... спасибо, — сказала Юна.

В окне появилась голова мальчика лет семи.

— Папаша Маугли, — сказал он заискивающе, тонким голосом. — Ну слазь. Мы больше не будем.

— Чёрта с два! — рявкнул дядька. — Чёрта с два я слезу, будьте вы прокляты! Не вижу тебя в упор.

— Ну Папаша Маугли, — сказал мальчик. — Ты же обещал. Говорю тебе, мы больше не будем. Ну что ты как дурак.

— А ты... ты... — Дядька задохнулся от возмущения. — Иди отсюда, сопля зеленая! — заревел он.

Юна попятилась и задом вышла обратно в коридор, плотно закрыв дверь, и толкая взамен следующую. К счастью, в этой комнате было все нормально; то есть там никого не было, а на столе стояла тарелка и чашка, в тарелке дымилась жареная картошка с грибами, а в чашке — малиновый ком-

пот. Не раздумывая долго, Юна села и навернула это дело в две минуты. Она допивала холодный компот, тоненькой струйкой пропуская его сквозь зубы, когда открылась дверь и вошел вчерашний человек с рыжей бородой.

— О, привет, — сказал он.

— Я съела, — объявила Юна, ткнув пальцем в пустую тарелку.

— Правильно сделала, — сказал рыжебородый. — Ну и как?

— Чего — как?

— Да всё.

— Нормально, — сказала Юна с некоторым сомнением. Рыжебородый больше ничего не спросил, он смотрел в окно. Юна тоже молчала, не потому, что ей было нечего спросить, — но выказывать любопытство настоящие беспризорники считают ниже своего достоинства. Но он, как видно, собирался глядеть в окно до того как борода у него полысеет. Поэтому, кашлянув, Юна наконец сказала независимым голосом:

— Эй, послушай... те. Мне надо домой. В город.

— В город?... — удивился рыжебородый. Он по-прежнему смотрел в окно.

— Ну да, — сказала Юна. — А что, нельзя? Может быть, еще скажете, что я у вас в плену?

Рыжебородый оторвался от окна и взглянул на беспризорницу Юну.

— Нет, почему же, — сказал он. — Ты прямо сейчас пойдешь? Тогда надо только чтобы я, или кто-нибудь, провел тебя через лес до электрички. Электричкой до города час езды.

— Да? — сказала Юна.

— Вот, правда, лес, — сказал рыжебородый задумчиво. Он опять смотрел в окно.

— А что — лес? — спросила Юна.

— Лес... — рыжебородый качнул бородой, — он, понимаешь... лес. Он может и не пустить...

Юна долго ждала, но так как продолжения не последовало, то она наконец догадалась обернуться и тоже посмотреть в открытое окно.

Она увидела вчерашнюю женщину с длинными черными волосами. Женщина стояла в саду и держала ладонь раскрытой. Над ладонью летали птицы. Некоторые присаживались, а некоторые склевывали на лету.

— Извини. — Рыжебородый повернулся к Юне. — Как это она делает, — объяснил он, кивая на окно, — у меня они стряхивают. То ли твердая рука, то ли она их телепатическим путём. Терпению обучает. Так про что ты спрашивала?

— Про лес? — предположила Юна.

— А, ну да, — сказал рыжебородый. — Все нормально с лесом. Я думаю, ты можешь не бояться. Раз уж ты сюда попала... Только, знаешь, я тут только что встретил на речке королеву, она совершала утреннее омовение. Она просила, чтобы ты ее подождала...

— Королеву?.. — спросила Юна.

— Королеву Санту, — рыжебородый кивнул. — Она хочет тебе что-то показать, а может, она хочет, чтобы ты ей что-то показала...

Дверь распахнулась, впуская утреннюю девчонку — только теперь она была одета не в занавеску, а в чьи-то громадные штаны, подпоясанные тем же широким поясом и неоднократно подвернутые снизу, — и с ней была еще одна девчонка, вся кудрявая и кругленькая.

— Юрис! — воскликнула Санта (теперь мы будем называть ее так; почему бы и нет?): — Смотри, это Кондора штаны, красиво, да?

— Очень, королева, — важно отвечал рыжебородый.

— Все, ты свободен, — объявила Санта, — и ты тоже. — Она кивнула кудрявой девчонке на дверь.

— А можно я с вами, королева? — запищала та.

— Еще чего не хватало! — Санта фыркнула. Девчонка, однако, ничуть не обидевшись, спросила:

— А ты представишь нас друг другу? — и уставилась на Юну. Санта фыркнула снова, но все-таки сделала церемонный жест в сторону девчонки:

— Анна-Лидия Вега-Серова. Она маленькая, — сказала Санта беспризорнице Юне, — оттого у нее и имя такое длин-

ное. Она ничего, только глупая совсем. А ты, я не знаю, как тебя зовут.

— Беспризорница Юна, — сказала беспризорница Юна.

— Ее зовут беспризорница Юна, — сказала Санта кудрявой Анне-Лидии, — слышала? Все, иди отсюда! — Анна-Лидия Вега-Серова вышла вслед за Юрисом, Санта закрыла за ними дверь, повернулась к Юне, прижала палец к губам. — Тихо!.. — некоторое время она стояла, прислушиваясь, потом подошла к Юне. — Они ушли, — сказала она, — я их выгнала, теперь мы вдвоем. Ну вот что, в моем замке есть куча всяких тайн и интересных вещей. Я тебе, может быть, кое-что покажу... если ты только будешь себя хорошо вести.

Юна хмыкнула, откусила яблоко — то самое. Прищурившись, она сказала:

— Очень надо! И никакой это не замок, а просто деревянный дом, и никакая ты не королева, а просто девчонка, дура и воображала!

Санта надулась и отошла.

— Ну и иди отсюда, — сказала она, — иди-иди отсюда, — сказала она, — я же слышала, ты в город свой несчастный собиралась, вот и уходи, и ничего не узнаешь.

Юна откусила еще раз яблоко и осведомилась:

— Под дверью подслушивала?

— Не твое дело! Иди давай, проваливай.

— Ну и провалю. — Юна встала.

— И никогда больше сюда не попадешь, лес тебя не пустит, вот что! — сказала Санта ей в спину. Юна резко повернулась.

— Знаешь что? Если бы ты училась в моей школе, ты бы уже получила по мозгам... шесть раз!

— Это почему? — Санта подошла к ней. — Почему — шесть раз? — спросила она с любопытством.

— Почему-почему, по кочану, вот почему!

Санта вдруг хихикнула.

— Ладно, я тебя прощаю, — сказала она милостиво. — Ты еще молодая, ты еще многого не понимаешь. Ну, чего встала? Давай, одевайся, поехали!

— Это куда еще?

— В город твой вонючий, вот куда!

— Ну, ты, — сказала Юна, — за вонючий...

Санта расхохоталась и выбежала за дверь. Юна постояла на месте, вспомнила про яблоко в руке. Задумчиво откусила так много, что еле в рот влезло, и последовала за ней.

3. ЛЕС И ГОРОД

Вот так вот все и было; а если бы было не так, было бы по-другому; а я врать не стану.

Эта Санта, она оказалась ничего, нормальная. Хотя Юна, конечно, никогда не называла ее королевой, как другие в этом двор... доме, — вот еще!.. Но в общем она ничего была, Санта, хотя и зазнавалась порой, — но Юна в таких случаях быстро ставила ее на место. Да. Короче, так получилось, что Юна стала жить в этом зам... доме! Они действительно поехали с Сантой в тот, первый день в город, но потом вернулись. Не потому, что Санте там не понравилось — попробовало бы ей там не понравиться! Юна показала Санте все, что она знала в городе, а ведь всем известно, что никто не знает город лучше, чем настоящие беспризорницы, — и Санта пришла в полное восхищение! Но потом им пришлось вернуться, не могла же Юна повести Санту к себе домой, как бы она объяснила маме, откуда взялась эта девочка и почему она не ночует у своих родителей? И потом, если бы Санта начала разговаривать с мамой так, как она разговаривала со всеми, то Юна бы не выдержала и точно набила ей морду. Ну вот, поэтому они вернулись обратно во дво... да дом же, тысяча чертей! — а назавтра снова поехали в город, и напоследавтра, и Юна показывала Санте тысячи замечательных чудесных безобразий, которые можно было учинить в городе. Потому что Санта, эта воображала, которая только и знала, что твердила Юне: «О! ты еще молодая! ты еще многого не понимаешь!» — на са-

мом деле вообще не знала города, как будто вовсе никогда в нем не бывала! Может она, конечно, ловко притворялась — но зачем ей было притворяться?.. Хотя эту Санту вообще было не понять. Они ехали в город в электричке, и Санта болтала что ни попадя всю дорогу:

— Когда я была маленькая, — говорила Санта, — я влюбилась в звезду. Каждую ночь я смотрела на нее из окна, а если на небе были тучи, я плакала всю ночь и засыпала только под утро. Потом я стала писать звезде письма. Я писала их по ночам. Я писала ей, какая она красивая, как я на нее смотрю, и как я люблю ее и не могу без нее жить, — а утром я опускала письма в почтовый ящик, подписанные: «Самой красивой звезде». Однажды в одном письме я написала звезде, чтобы она приходила ко мне в гости, окошко будет открыто, а если она не придет, я умру. — Тут Санта останавливалась. Юна ей, конечно, не верила, но все-таки спрашивала: — И что? — интересно же было узнать, что она еще наврет.

— Ну, что, — говорила Санта. — Конечно, она пришла. Потом она взяла меня к себе на небо. Небо теплое, как теплая вода, и вокруг звезды. Мы плавали в небе, и все светились, и смотрели на землю. А земля ма-аленькая, и по ней ходили ма-аленькие людишки.

Или еще она говорила:

— Когда я была маленькая, я жила в хрустальной башне, на самом верху. Оттуда было все видно. Вокруг были зеленые поля, а на них росли большие желтые цветы. Там никогда не было зимы. Там была еще река. А папа у меня был король.

— А мама? — спрашивала беспризорница Юна.

— О! — говорила Санта. — Мама у меня не было никогда. А играла я с драгоценными камушками — диамантами, изумрудами, кораллами, аметистами и... перлами, у меня была целая гора камушков, они все сверкали. Но однажды... однажды я увидела из своей башни людей — они шли через поля и приближались. Раньше я никогда не видела людей, только своего папу и... овечек. У нас было много овечек, разных, были большие-большие... как башня! А были маленькие, вот такие, их можно было поставить на ладонь, — и Санта показывала, как овечку можно было поставить на ладонь.

— Я только не понимаю, — говорила тогда Юна, хмыкая, — как же твой папа был король, если там не было людей, а только овечки? Что же, он был овечий король, что ли?

— О, — говорила Санта важно, — ты еще молодая. Ты еще многого не понимаешь. Если ты меня будешь перебивать, ты вообще никогда ничего не поймешь. Эти люди, — говорила Санта, — они все приближались. И они стали убивать наших овечек! И тогда мне стало очень страшно. А эти люди, они подошли к башне и стали ее ломать. И башня закачалась. Тогда я взяла бочку. Я поставила ее на окно, и сама встала в нее одной ногой и зажмурилась. И вот я хорошенько оттолкнулась другой ногой — и полетела! И на лету я залезла в бочку вся, и потом бочка упала в реку. Если бы эти люди заметили меня, они бы меня убили, а так — они подумали, просто бочка упала из окна.

— А папа? — спрашивала Юна. — Они убили твоего папу?

— Ты что, с ума сошла? — злилась Санта. — Почему ты все время меня перебиваешь? Ты просто грубиянка, вот ты кто!

— Ты сейчас получишь по мозгам, — обещала Юна.

— Ты сама дура! Они не убили моего папу! Потому что папы в тот день не было дома! У него заблудилась любимая овечка, и он пошел ее искать. А я, я упала в бочке в реку и поплыла по ней, и плыла так долго, что чуть не умерла за это время. Я даже умерла. Меня, вместе с бочкой, съела огромная речная змея, которая выплывает один раз в сто лет, чтобы подкрепиться.

— Вот тебе и раз, — говорила Юна насмешливо. — Если тебя съела змея, то как же ты сидишь сейчас в электричке?

— Вот тебе и два! — говорила Санта. — Не мешай! Я потом новая выросла. Ну вот, я плыла и плыла по этой реке, сто лет подряд. И вот я попала в лес...

— Все, — говорила Юна, — приехали.

И вот они выходили на вокзале, и тут уже Санта умолкла, и Юна становилась главной, и показывала Санте все, что она знала. И это были всякие тайные переулки, по которым можно пройти с одного проспекта на другой за десять минут, вместо того чтобы полчаса ехать на троллейбусе, и, свернув

в такой переулочек, можешь быть уверенным, что самая быстрая полицейская машина потеряла тебя навсегда. И всякие замечательные старые дома, в которых никто не живет, и в которых можно семь ночей подряд искать клад, и все равно ничего не найдешь; и всякие подвалы, в которых все время капает вода, и тусклая желтая лампочка почти ничего не освещает, или например новые дома в двенадцать этажей, во внутренних переходах которых можно запросто заблудиться; и они катались на лифтах вверх и вниз, и останавливались между этажами, а всякие толстые дядьки и тетki негодовали и кричали на них и колотили в двери лифта, и Санта хохотала звонко и громко, еще громче, чем Юна. И еще они проходили в кинотеатры без билета, через задний ход, и смотрели всякие кина. Или, тихонько подойдя к очереди возле магазина, неожиданно прыгали в лужу полурастаявшего снега, смешанного с грязью, и вся очередь начинала орать, как сумасшедшая, отряхивая снег с пальт и плащей, но никто не двигался, боясь упустить свое место, а они стояли в десяти шагах и хохотали, а потом убежали. А потом Санта говорила:

— Зыканско! а теперь давай с тобой поиграем, как будто ты — королева Санта, а я — беспризорница Юна, и я показываю тебе, как можно воровать конфеты в магазинах.

И, надо отдать ей должное, конфеты были превкусные. А потом еще однажды Санта показала Юне, как можно украсть в магазине велосипед, — вот это было да-а, Юна даже не выдержала и похвалила Санту: «из тебя вышла бы настоящая беспризорница». О! велосипед!.. Кому нужен велосипед зимой? — ведь уже была зима, и снег лежал в городе и в лесу, и в лесу гораздо больше, чем в городе, потому что в городе все топчут снег, и машины ездят, а вот, выходя из электрички, когда она уедет дальше, и станет совсем тихо, ты постой немного и посмотри на огромное белое поле, на дальнем краю которого начинается лес. И вот, тогда тебе покажется, что города просто нет, и не было никогда, — особенно если электричка уже уехала. И, когда тебе так покажется, ты сойди с платформы и вступи в снег. И иди напрямик, проваливаясь по колено, через поле, к лесу — здесь нет тропинок. И слушай свое дыхание, и смотри звезды, и чувствуй воздух,

обжигающий лицо. В лесу водятся волки, дикие кабаны и всякие страхи, но тыходишь в него и идешь, потому что другой дороги к дому нет. Ты помнишь, как дойти до дома. Это очень просто. Нужно идти, пока можешь, — и еще немножко. И ты выйдешь. Большой черный пёс Толет ткнется ртом в твою руку и отойдет к своей кобуре, а ты подходишь к двери, и толкаешь ее, и попадаешь в тепло и хорошо. И это всякий раз — как в первый раз.

Юна уже совсем привыкла к дому, и к людям, которые в нем жили, ей казалось, что это и вправду всё нормально. Хотя, конечно, трон например — разве это нормально? Он был настоящий, и та самая большая комната, в которой не было стульев и всегда было открыто одно окно — она называлась тронным залом. По вечерам все обычно собирались там, и сидели в темноте, кто где, а Юна сидела там, где она села в первый раз. А Санта — она сидела на троне! Нет, я неправду сказала, что Юне казалось все нормально; она подолгу смотрела на Санту, когда та сидела на троне, а Санта ни разу не взглянула на Юну в это время, она сидела так неподвижно, как только можно — как будто это не она недавно показывала Юне, как крадут велосипед в магазине!.. И надо признать, что Юну это злило до невозможности, но все молчали, и Юна тоже как-то не находилась, что сказать; зато потом, когда наступал день и они с Сантой ехали в электричке, Юна обзывала ее всячески, «королева — хвост налево», и еще по-разному, и тогда уже Санта злилась и ругалась с Юной, и опять было все нормально. Но потом опять наступал вечер, и все сидели в тронном зале, в тишине и темноте, и воздух дрожал за открытым окном, и мороз заглядывал в зал, но входить остерегался — печка! Печку всегда топила дона Бетта, и Юна смотрела на ее длинные черные волосы — такие длинные, каких просто не бывает! — а дона Бетта смотрела в огонь, а огонь плясал за открытой дверцей, и отблески его падали на ее лицо, все время меняя его, — иногда Юне казалось, что дона Бетта — просто девчонка, такая же, как Санта, и тут — раз! — и Юне даже холодно становилось, потому что она вдруг понимала, что доне Бетте очень много лет, больше, чем даже фрейлине Марте... триста!.. Но может это просто каза-

лось, а так вообще всё было нормально, и никто никогда не приставал к Юне, чтоб она, например, мыла руки перед едой. Или ходила в школу, да и вообще, трудно себе вообразить что-нибудь более ненормальное, чем ходить в школу, так что точно в этом доме было нормально. Например, та комната наверху, в которой Юна спала первую ночь — теперь это как-то сама собой стала ее комната, и Юна чувствовала себя в ней ничуть не хуже, чем в своей комнате в городе, даже может и лучше, потому что там она теперь редко бывала.

Вот какие еще люди жили в этом доме. Во-первых, конечно, Юрис Рыжебородый, про которого Санта говорила, что он ее рыцарь. Юрис Рыжебородый был ужасно умный — как сто учителей! — он читал такие особенные толстые книги, Юна раз в одну заглянула — ничего не поняла! Но, несмотря на это, он был нормальный, веселый (если только не разговаривал с Сантой), и всегда объяснял, если Юна что спрашивала. Потом, Кондор. У Кондора была козлиная борода, волосы, связанные в маленький хвостик на затылке, джинсовая панама и трубка. Кондор забивал в трубку всякие травы, которые он с графом де Биллом собирал летом в лесу, и курил их. Ароматный дым полз по тронному залу, поднимался кольцами, вился змеями и вытекал в окно. Однажды беспризорница Юна попросила попробовать. Кондор дал ей трубку, и Юна после того кашляла три с половиной часа. Лучше уж пить чай, который заваривался тоже из всяких трав, а дым просто нюхать. Еще фрейлина Марта, в тронном зале она всегда сидела у открытого окна. Юна знала, что, кроме того, летом, когда вишни, фрейлина Марта может рвать их прямо с этих веток, которые росли в зал. А всем остальным пришлось бы выйти в сад. Это у фрейлины Марты была такая привилегия. Юна точно не знала, что такое привилегия, но ей казалось, что здесь какая-то связь с вилами, которые вместе с топорами и всяческими ухватами стояли все в кухне, хотя по большей части фрейлина Марта орудовала из них всех вениками. Еще был, конечно, Папаша Маугли, он был с детьми. Детей звали Иван, Мария, Егор и Вета, а Папаша Маугли был сам такой, как эти дети, хотя он был такой здоровенный дядька, и голос у него был — закачаешься, и никогда было не

понятно, чего от него ожидать; но зато он был очень сильный и знал кучу всяких приемов, и Юна часто с ним дралась по утрам для разминки — не всерьез, конечно, а так. Ну вот, и еще граф де Билл, который уходил в лес с одним топором и спальным мешком, и его не было по несколько дней, а потом он приходил в замок на несколько дней, и опять уходил, этот граф де Билл; он был похож на старшего брата беспризорницы Юны, если бы он у нее был. И Анна-Лидия Вега-Серова, про которую и говорить нечего, потому что она была младше Юны на целый год и настоящая дура. Правда, Санта говорила, что она просто еще маленькая — но Санта вообще много чего говорила, и если Юна в своей нелюбви к девчонкам сделала для нее эту... привилегию, так это вовсе не означает, что теперь она обязана любить всех подряд. Все; больше никого там не было? Еще пёс, его звали Толет — но Толет в дом никогда не заходил: не хотел.

...А велосипед, кстати, они тогда с Сантой в конце концов подарили какому-то школьнику, потому что уже проехали по проспекту, по самой середине: Юна крутила педали, звонила в звонок и еще пронзительно свистела, а Санта сидела на багажнике и раздавала воздушные поцелуи водителям троллейбусов. А потом появилась полицейская машина, но они убежали, и вот уже полчаса сидели в каком-то дворе и вспоминали, как все это было, и хохотали, как сумасшедшие, и велосипед стоял тут же. И тут они увидели какого-то школьника, который брел по этому двору и плакал. И Санта крикнула школьнику:

— Эй, подойди-ка сюда! — А когда он подошел, спросила у него, знает ли он, кто перед ним. Школьник, конечно, не знал, и Санта победно объявила: — Королева всех хороших людей в мире Санта Первая и Единственная, — чуть-чуть склонила голову и сделала маленькую паузу, — и величайшая беспризорница всех времен Юна Непобедимая! — жест рукой в сторону Юны. И после этого спросила школьника, что у него стряслось. Оказалось, что школьник получил двойку. Юна видела, как Санта нахмурилась, — как будто не поняла, что такое двойка, — но после этого лицо ее просветлело, и она вручила школьнику велосипед. И надобно сказать, что

школьник совершенно забыл плакать и укатил причудливым зигзагом, разбрызгивая снег. Юна еще предложила после этого найти ту школу и перебить в ней все окна, и Санта сразу согласилась, но потом взглянула на небо — оно темнело — и забеспокоилась, что они не успеют вернуться в замок к вечернему сбору в тронном зале. Юна сказала ехидно:

— Боишься, что кто-нибудь сядет на твою табуретку?

И они немного поругались, но потом все-таки решили ехать, только Юна сперва заглянет в одно место, а Санта пождет ее неподалеку, как обычно. И, оставив Санту на скамейке, Юна шла к одному пятиэтажному дому, точь-в-точь похожему на все остальные, и заходила в один подъезд, и нажимала кнопку звонка, и не отпускала до тех пор, пока ей не открывали.

— Привет, — говорила она, — дай котлет.

— Ах так? — говорила мама, потому что, конечно же, открывала именно она. — Ты шляешься неизвестно где, и еще имеешь наглость приходить домой за котлетами?

— Почему это неизвестно где! — возмущалась Юна. — Все известно: в лесу, там дом и люди, там зыканско, и печка.

— Какая такая печка? Ты знаешь, что ко мне на работу звонят из школы и спрашивают, почему ты не ходишь? Что мне им отвечать?

— Отвечай... — Юна задумывалась на секунду, — отвечай им, что пусть лысый козел к ним ходит!

И потом Юна набивала бумажный пакет вкусными маминами котлетами, и солеными огурцами, и хлебом, а мама стояла, в дверях и говорила:

— Какие такие люди?!!

А Юна говорила:

— Какие надо.

А мама говорила:

— А вот я тебя никуда не пущу!

Юна говорила:

— А я у тебя и не спрошусь!

А мама говорила:

— А я дверь на ключ закрою и спрячу!

А Юна говорила:

— А я через окно убегу!

И мама говорила:

— Ну и ладно, ну и пусть, иди куда хочешь, знать тебя не знаю. — И начинала плакать.

И Юна говорила:

— Ну ладно, чего ты. Все нормально. Ты у меня самая здоровая мамаша, точно! Ты просто вообще!

— Не подлизывайся, знать тебя не хочу, — говорила мама.

— Пока! — кричала Юна, махая свободной рукой, и убежала по лестнице, а мама выглядывала и кричала ей вслед:

— У всех дети как дети, у одной меня — беспризорница!..

Юна же с Сантой, наевшись котлет и хрустящих огурцов, уезжали из города, и в электричке Юна пела, отстукивая ритм кулаком по окну, всякие песенки, которые она тут же и выдумывала:

У царя была овца
Без начала и конца!
У барана есть конец,
А кто слушал — тому в лоб!

4. НЕЗАКОННАЯ ВЕСНА

И вот однажды был вечер, и все сидели в тронном зале, как всегда, и печка потрескивала, и Юна сидела там, где всегда, ковырялась в носу и прислушивалась, о чем негромко беседуют Юрис Рыжебородый с фрейлиной Мартой, а так, в общем-то, было тихо: любили они здесь все, в этом замке, собраться вечером и помолчать о чем-то, следя за отблесками огня и попивая чай. Но сейчас чай уже был выпит, и Юна как раз раздумывала, не отправиться ли ей спать, и медлила только потому, что ей было лень отправляться спать первой. Если бы Санта встала со своего

трона и, сказав «спокойной ночи», пошла к себе, то и Юна бы пошла за компанию. А так ей пока было лень. Вот так она сидела. И вдруг услышала музыку.

Это была та музыка, которую она слышала в ту, первую ночь, когда попала в замок. Она сразу вспомнила. Она посмотрела на всех. Все сидели молча. Ближе всех был Папаша Маугли. Юна дотянулась до него ногой и толкнула. Папаша Маугли всхрапнул и сказал:

— А!..

Похоже, он спал. Юна фыркнула. Папаша Маугли насутился, подвинулся к ней и шепотом рывкнул:

— Ты что? А?

Юна показала язык, потом спросила, тоже шепотом:

— Это что?

— Где?

Дона Бетта подбросила в печку дерева, и огонь затрещал. Неизвестная птица все пела неизвестно откуда. Только это была не птица.

Папаша Маугли наконец понял.

— Кондор, — сказал он Юне в ухо. Действительно, Кондора не было в зале. — Вылез на крышу и играет на дудке.

После чего Папаша Маугли ушел спать. Юна тоже ушла чуть погодя. Все остальные еще оставались.

А утром мягкие лапы тающего снега прыгали по карнизам. Вода барабанила в большую железную посудину, подставленную под угол крыши. Солнце светило, как сумасшедшее.

Забыла сказать, что в доме не было никаких часов и календарей. Юна спустилась вниз. Внизу был Юрис. Он сидел с большой иглой, в которую была втянута толстая нитка, и чинил старые-престарые кроссовки. Когда Юна вошла, он откусывал нитку зубами, а нитка не откусывалась. Юна помолчала, посмотрела, потом сказала:

— Дай я, у меня зубы знаешь какие... острые.

Она перекусила нитку и отдала кроссовок Юрису.

— Ты очень любезна, — сказал Юрис. — А то я себе уже полбороды отгрыз.

Юна хмыкнула. Потом она сказала, кивая в окно:

— Это что... весна?

— А как же, — ответил Юрис, принимаясь за второй кроссовок.

— Ну и ну! — удивилась Юна, садясь на пол. — Я что-то как-то не заметила... Зима — она же длинная!

— Это когда как, — заметил Юрис. — Бывает даже слишком короткая.

Юна подумала, фыркнула и объявила:

— Это ты, наверное, умность какую-нибудь сказал. Я не понимаю. А где Санта?

— У себя, наверху, — ответил Юрис.

Комната, где жила Санта, называлась «королевские покои». Юна толкнула дверь и вошла. Санта стояла перед кроватью в задумчивости. На кровати лежало белое платье. Оно всё сверкало. Юна еще не видела этого платья, хотя она видела кучи Сантиных нарядов, — Санта могла нацепить на себя что угодно, хоть прошлогоднюю газету. Девчонка все-таки, что с нее взять. Еще на кровати была большая синяя сумка.

— Эй, ты! — сказала Юна. — Хватит смотреть на свои тряпки, погляди на улицу!

Санта мельком взглянула в окно и снова уставилась на платье.

— Вот что значит — девчонка, — заметила Юна. Она подошла и уселась на кровать, рядом с платьем. — Ты что, не видишь? Юрис сказал — это весна! Теперь знаешь что начнется? Знаешь, как мы теперь заживем? Вот ты думаешь: нам зыканско было, да?.. Так это так себе было, так и знай, а настоящее зыканско, оно только теперь и... Эй, ты чего?

Санта закрыла глаза и повела навстречу друг другу два указательных пальца, шевеля при этом губами. Пальцы встретились, Санта открыла глаза.

— Не брать, — сказала она с сожалением. — Не брать! Почему же не брать?!

Постояв немного, она вздохнула и начала складывать белое платье и, сложив, убрала в шкаф.

— Куда не брать? — заинтересовалась Юна. Санта закрыла шкаф и повернулась к ней, как будто только что ее заметила.

— О, Юна! — сказала она. — Хорошо, что ты зашла. Я как раз хотела тебе кое-что показать.

— Вот, — сказала Санта.

Это было не очень далеко от замка, но пока они добрались, Юна зачерпнула полные сапоги снега, и теперь снег таял в сапогах, а Санта — она ударила несколько раз ногой по снегу, очищая камень.

— Это и есть что ты мне хотела показать? — спросила Юна без всякого удовольствия. — Вот этот камень? Может ты теперь еще скажешь, что это какой-нибудь волшебный камень?

Санта приложила палец к губам. Они вместе несколько секунд прислушивались. Днем лес был совсем не страшный, и никакой не черный. И, однако, когда Санта заговорила, она заговорила чуть громче, чем шепотом:

— На этом камне сидит Рыболов, — сказала она. — Снег растает, и река потечет, и здесь будет сидеть Рыболов. Он всегда здесь сидит.

Юна сказала:

— А я думала, здесь не бывает людей... кроме кто из замка.

— Мало что ты думала, — сказала Санта. — А вот он есть. И он не какие-нибудь там люди, он — Рыболов. Он тут всегда сидит. И никогда ничего не говорит.

— Ты его видела? — спросила Юна.

— Да, — сказала Санта. — Ты тоже увидишь. Когда растает снег.

Она еще несколько раз ударила ногой по снегу на камне, а остаток счистила рукой. И села.

— Ты тоже садись, — сказала она Юне. Юна села, тайком потрогав камень рукой — может теплый? Нет, камень был как камень. Они немного помолчали.

— Знаешь, — сказала наконец Санта, — я еще не видела таких людей, как я.

— Да? — сказала Юна через почти минуту. Больше она не знала, что можно сказать, а что-то сказать надо было.

— Ты хорошая, — сказала Санта, заспешив, — ты... во многом даже лучше, чем я. Но ты все равно не такая.

И еще она сказала:

— Мы уезжаем.

— Кто — мы? — спросила Юна, и Санта ответила:

— Мы берем единственного рыцаря из нашей верной свиты — доблестного Юриса Рыжебородого.

— Но вам тоже будет хорошо, — сказала Санта, — вам, кто остается. Я, может, еще даже пожалею, что отправилась в странствие. Я буду думать, как вы здесь... без меня.

— Понятно, — сказала Юна через некоторое время. Больше она ничего не могла придумать. — Понятно.

И день промелькнул, и наступил вечер, и королева Санта Первая и единственный рыцарь из ее верной свиты, доблестный Юрис Рыжебородый, — вышли из Яблочного Замка, одетые по-дорожному, и у Юриса на спине был большой рюкзак, а на плече — большая синяя сумка, а Санта ничего не несла, и все вышли проводить за порог, только донна Бетта не вышла, потому что как раз начинала растапливать печку, но Санта с Юрисом заглянули к ней попрощаться. И потом все вышли за порог, и открылось окно, и дети закричали оттуда: «До свидания, до свидания!», а пёс Толет молчал, а Анна-Лидия Вега-Серова так верещала, что пришлось заткнуть уши. Так Юна и простояла с заткнутыми ушами в комнате, пока они там прощались, и не увидела, как наконец две фигуры двинулись между деревьев по замерзшим лужицам, накапавшим за день, двинулись туда, где сад кончался кустами дикой малины и сменялся лесом; не увидела, не стояла вместе со всеми до тех пор, пока две фигуры наконец не скрылись в темноте. А потом все вошли в замок, и только тогда Юна глянула в окно. А там темно, и деревья. Всё.

А что — всё?

Юна лежала на кровати в этой комнатке, которая была как бы ее комната, и ничего не делала. Поплевывала в потолок. На самом деле она думала. Она думала: как же так? Или еще она бродила по дому и путалась у всех под ногами, в точности как Анна-Лидия. И все время думала, но что-то ничего не сходилось. Теперь ей не хотелось даже ехать в город. Тем более, что на следующий день после отъезда Санты с Юрисом исчезла и весна — как не было; снова ударили морозы и пошел снег. Как раз в эти дни граф де Билл вернулся из леса в замок; он объяснил беспризорнице Юне, посмеиваясь, что

это была незаконная весна — больша-ая шутница и обманщица. Это тебя в твоей школе так научили, — посмеиваясь, спросил граф де Билл, — что времен года четыре? Иди в пень, огрызнулась Юна. Они всегда так разговаривали, граф де Билл подсмеивался над Юной, а Юна огрызалась; а вообще граф де Билл начал обращать внимание на Юну только после того, как увидел, что Юна по утрам обливается холодной водой из колодца, — потому что и Юрис, и Папаша Маугли, и даже дети обливались по утрам, а что, Юна — хуже их? Вот только после того граф де Билл начал разговаривать с Юной, а до этого будто вовсе ее не видел. А, например, с Сантой Юна никогда не видела, чтобы граф де Билл разговаривал, а с Анной-Лидией он только ругался, а с Юной — вот, разговаривал, только все время посмеивался. Конечно, это если он был в замке; потому что в лесу граф де Билл проводил больше времени. В этом вашем лесу, спросила как-то Юна небрежным тоном, какие-нибудь, наверно, есть дикие звери? О, да, посмеиваясь отвечал граф де Билл, да и кроме диких зверей есть там ЕЩЕ КОЕ-КТО... И кто же? — но граф де Билл только усмехнулся, думал, наверно что он самый главный, что в лес ходит и не боится; вот еще!.. Вообще непонятно, что можно в этом лесу делать по несколько дней. Например, говорил граф де Билл, можно слушать, о чем разговаривают деревья. А о чем? — но граф де Билл, усмехаясь, отвечал: на том языке, что тебя в школе учили, об этом не расскажешь. Да иди ты в пень! — злилась Юна. Что ты привязался к этой школе? Я уже не помню, когда я последний раз там была! Тут граф де Билл начинал хохотать, и, отхохотавшись, спрашивал: думаешь, это большое твое достоинство? Я вообще не буду больше с тобой разговаривать! — обещала тогда Юна, окончательно разозлившись. Но потом забывала и все-таки разговаривала, потому что вообще-то он был ничего, этот граф де Билл, похожий на старшего брата Юны, которого у нее никогда не было. Времен года где-то около шести или восьми, сказал граф де Билл, и все законные, а эта незаконная, шляется где попало, всюду сует свой сопливый нос, притворяется настоящей весной, и только ты ей поверил — с хохотом убегает. И тогда просыпается старая зима и, кряхтя и мечтая поскорее

уйти на покой, распоряжается оставшийся положенный ей срок, потому что во всем должен быть порядок, сказал граф де Билл, посмеиваясь.

Порядок! Во всем доме был порядок, как будто ничего не изменилось, и только одна Юна бродила без дела, оставляла повсюду грязные тарелки и чашки, не убирала за собой кровать и вообще вела себя распушенно. Но никто ни разу не предложил ей чем-нибудь заняться и не сказал, что она всем мешает. Все как будто сговорились ее не видеть и не замечать! Или может оно и раньше так было?.. И так прошло несколько дней, а сколько точно — неизвестно, я же говорю, там не было никаких календарей, никто не отмечал время, оно шло само по себе. И вот, в один прекрасный вечер Юна спустилась в тронный зал, где продолжали все собираться с наступлением темноты, и где Юна не была с того самого дня, как уехала Санта.

Юна прошла на свое место и села. Никто ничего не сказал, только фрейлина Марта налила ей чаю и подала чашку, на что Юна буркнула что-то типа «спасибо», только очень неразборчиво. Она сидела и пила этот чай, пахнущий летом, а посередине зала темнел пустой трон, и вился дымок от трубки Кондора, и дона Бетта подбрасывала в печку поленья.

Потом пустая чашка мягко стукнула о ковер.

— Эй, послушайте, я хочу спросить!

Голос Юны прозвенел на весь зал, он был чрезвычайно воинственный. Все посмотрели на нее. Папаша Маугли рывкнул:

— Хочешь спросить — спрашивай, чего молчишь!

— Хочу, и спрошу, — заявила беспризорница Юна. Голос ее не утратил воинственности ни на грамм. — Может мне кто скажет?.. В общем — почему это Санта королева?..

Наступило молчание. Затем кто-то хмыкнул и произнес:

— Да, действительно, почему она, а не ты? Даже обидно...

Юна резко повернулась в ту сторону:

— А ты, граф де Билл, молчи! Я не спрашиваю про себя, просто, — так нечестно, вот что! Если есть трон, то все должны на нем сидеть, все по очереди, а не кто-нибудь...

— Ты просто завидуешь... кому-нибудь! — в восторге пропищала Анна-Лидия.

— Кое-кто сейчас просто получит по мозгам, — пообещала Юна.

— Тихо! — рывкнул Папаша Маугли. Он встал. Подошел к беспризорнице Юне. Протянул ей руку.

— Ты чего? — спросила Юна, ошетилившись. Папаша Маугли тряхнул бородой, кивнул на трон:

— Садись!

Беспризорница Юна вскочила:

— Вы здесь все точно дураки! Сто лет мне нужен ваш несчастный трон! Из-за вас Санта и думает всегда, что она главная... — Голос ее сорвался.

И тогда прозвучал другой голос, негромкий и мягкий.

Дона Бетта, отвернувшись от печки, смотрела на Юну, и отблеск огня был в ее глазах. Помолчав, она сказала Юне: — Отчего бы тебе, в самом деле, не попробовать первой то, что ты предлагаешь?

Наступила тишина, дона Бетта отвернулась обратно к печке. Папаша Маугли буркнул что-то и сел на свое место. Юна же стояла, и все смотрели на нее. Юна фыркнула, затем решительным шагом пересекла зал и села на трон.

5. ВОРОБЕЙ СИДИТ НА КРЫШЕ

В некотором царстве... ну ладно. Жила-была воробей.

Почему «жила-была», а не «жил-был»? Потому что воробей была девочка, и лет ей было, наверное, четырнадцать, но точно я не знаю. Пусть четырнадцать. Она училась в школе на тройки.

Чик-чирик, чирик-чик-чик, трр. Воробей не любила школу, не любила своих одноклассников — они все время задевали ее и клевались. Клевались или плевались? Плевались

тоже. Воробей не любила своего папу, потому что получала от него только подзатыльники и затрещины, когда он видел в ее дневнике двойку или замечание. Мама никогда не защищала воробья, наоборот, они наперебой ругали ее, обзывали лентяйкой и неблагодарной дрянью и обещали ей, что она никогда не выйдет в люди.

— А разве я не люди? — плача, спросила как-то раз воробей, и папа рассердился и больно шлепнул ее, а мама сказала:

— Ха! Ха! Ха! Люди! Вы посмотрите на нее! Люди!

И воробей, плача, выбежала из квартиры и убежала на крышу. На крыше она сначала плакала, потом перестала, сидела, свесив ноги, смотрела вниз и думала, кто же она, если не люди, и наконец поняла, что она воробей.

На крыше было хорошо, только холодно иногда. Зато на крыше никто ее не трогал, папа с мамой не знали, куда она убегает, и ругали ее за то, что она шляется целыми днями; но воробей не говорила им, что она не шляется, а сидит на крыше, — и поэтому могла не бояться, что кто-нибудь найдет ее здесь. Особенно хорошо было на крыше, когда на город снисходила темнота (темнота всегда снисходила), и весь город загорался огнями фар и фонарей, и становился как новогодняя елка, или как большой аквариум с покрашенным в черный цвет задним стеклом, который она видела в зоомагазине. Воробей сидела и смотрела на эту красоту, а этот дом был такой высокий — четырнадцать этажей, один из самых высоких домов в городе, а она, воробей, жила на тринадцатом этаже этого дома. Кажется, совсем близко от крыши — но на крыше она чувствовала себя далеко-далеко от папы с мамой, от своей квартиры, и никто не мог найти ее здесь; и вот она сидела, свесив ноги, и смотрела на город внизу, и не боялась, что упадет — ну и пусть упадет, зато тогда не придется возвращаться домой. Но все-таки она не упала. Ни разу, и всегда приходилось возвращаться домой, и воробей старалась делать это как можно позже, хотя и знала, что ее будут ругать.

Однажды...

Однажды был вечер, и воробей сидела на своей крыше, смотрела вниз, и, хоть все было плохо, одинаково плохо каждый день, и воробей давно уже поняла, что так и будет

всегда, — раньше-то ей часто снились сны, где все становилось вдруг по-другому, и она была не воробей, а... Но что об этом говорить, каждый раз она просыпалась, и наконец она расхотела видеть такие сны, потому что все было неправда. В какой-то книге, которую она плохо изучала в школе, говорилось: «Всё вернется обратно», — воробей запомнила это, и часто про себя повторяла, хотя это была книга для людей, но ей казалось, она понимает, про что это, вот: сколько бы ты ни смотрел свои сны, все равно останешься на своих местах, и будет так как есть, день за днем и всегда. Но все-таки иногда воробей чему-нибудь радовалась; и вот однажды был вечер, и воробей сидела на своей крыше и радовалась тому, что идет дождь.

Спрашивается, как можно радоваться тому, что идет дождь? Правда; воробей уже вся промокла, и была больше похожа на мокрую курицу, и коричневая куртка, которую воробей схватила, выскакивая из квартиры, ничуть не согревала, а была тяжелой и холодной от воды, и воробей тихонько стучала зубами, — и радовалась!

— Я не верю весне до второго дождя, — сказала воробей сама себе для пробы. И испугалась — голос был как будто не ее, а слова прозвучали почти по-человечьи. Она решила больше не говорить, а только думать. Вот что она думала. Например, солнце светит, а по улицам несутся ручьи. Но это ерунда. Появляются облака — эти серые матрасы, набитые снегом, — и становится холодно, и вот снег снова уныло чавкает под ногами. Надо ждать. Надо ждать, когда высоко вверху — там, наверно, холоднее, — снег растает, тогда матрасы отвиснут, будут уже подушки, и наконец порвутся, и вся вода хлынет вниз. Дождь будет лупить что есть мочи, размывая землю и остатки сплющенного твердого снега, и земля как запахнет! И потом еще дождь, для верности, а тогда раскрой глаза, а то пропустишь: вся весна случится за неделю, не успеешь оглянуться, листья вылупятся и вырастут, и все ходят в майках — лето. Потом будет осень, и всё вернется обратно, подумала воробей. Ливень все лил, ей было совсем уже холодно. Квартира, где она жила на тринадцатом этаже, стала вдруг очень близко отсюда. Но она не хочет идти домой. Она

не хочет! Она не... Воробей собиралась тихо-тихо заплакать от холода, тоски и безнадежности. Почему она никак не упадет отсюда вниз, лицом на мокрый, шершавый, наверное, теплый асфальт?

Вдруг она услышала шаги. Никто никогда не заходил на ее крышу, и воробей некоторое время надеялась, что может все-таки дождь, или кто-нибудь по ошибке залез на чердак. Нет. Скрипнула железная дверь, и шаги вылезли на крышу. Остановились. Потом было какое-то слово, которое она не поняла. Воробей сидела, не шевелясь, она хотела быть сейчас у себя дома. Шаги пошлепали к ней.

— Привет, — было сказано воробью, — ты кто?

Воробей молчала.

— Ты что, глухая? — Воробья легонько толкнули коленом. — Я спрашиваю, ты кто?

Воробей сказала:

— Я... воробей.

Тот, кто с ней разговаривал, фыркнул:

— Воробей! Ври побольше!..

Воробей молчала. Обида разгоралась в ней. Она зажмурилась, вдохнула дождевого воздуха и чирикнула:

— Я воробей! И это моя крыша! Я здесь всегда сижу!..

— Зыканско, — удивились там. — Посмотрите-ка на нее, это ее крыша. А может это моя крыша? Может я сегодня придумала, что я теперь буду жить на крыше, а?.. Ну, чего молчишь? Может подеремся?

Воробей сидела зажмуренная крепко-крепко, чтобы не заплакать. Все обижали воробья. Никому было воробья не жалко.

— Все вы, девчонки, дуры, — сообщила эта, и потом долго ничего не говорила.

Внизу был город, а на город падал дождь. Воробей уже открыла глаза. Эта сидела теперь рядом с ней. Краем глаза воробей видела, что она тоже мокрая, и волосы у нее на голове торчали ежиком.

Так они просидели молча не знаю сколько времени, и дождь падал на них обеих.

— ...Ну ладно, — наконец сказала эта и встала. — Скучно здесь. Я, кажется, уже передумала жить на крыше.

Шаги зашлепали к двери, ведущей на чердак. Возле двери они остановились.

— Покедова! — Шаги слезли по лесенке и слышались еще на чердаке, а потом совсем пропали.

Остался большой дождь над большим городом и над маленьким мокрым воробьем на краю большой крыши.

То есть можно сказать, что все вернулось обратно на эти самые свои места, о которых было написано в той книге.

6. БЕСПРИЗОРНИЦА ЮНА И ПЛОХАЯ КОМПАНИЯ

А мы вернемся к нашей глупой беспризорнице и узнаем, что же случилось после того, как она села не на свое место.

Может быть, раздался гром и сверкнула молния, и трон вместе с Юной провалился глубоко под землю?

Хуже, гораздо хуже!

Не случилось ровно ничего.

Ничего не случалось полчаса, или немножко больше, — после чего Юна вскочила. Хорошо, что было темно, — а так бы все увидели, как горят ее уши. Она крикнула:

— Вруны! Козлы!..

И выскочила из замка — как из пулемета! — трах-тах-тах! — прохлопала всеми дверьми, пролетела через черный-черный лес, протряслась в последней электричке, и только в городе перевела дыхание, и долго кружила у вокзала, яростно топая по раскисшему снегу.

Беспризорницы не плачут — не дождетесь! Метко плюнув на фуражку толстому вокзальному полицейскому, Юна немного утешилась и вернулась домой. Отныне и навсегда Юна была одна, с дурацким домом в дурацком лесу было покончено навеки, пусть они там живут как хотят, пусть играют в свои дурацкие игры, уезжают в свои дурацкие путешествия

и называют эту предательницу хоть королевой, хоть птицей соловей — ее, Юну, это больше не касается.

Они еще узнают, кого они потеряли. Они еще придут, и станут проситься. А она, Юна, будет жить весело. Еще в сто раз веселее. В сто миллионов раз! И потом, когда они придут, и будут плакать и умолять... То она, Юна, будет жевать жевачку. И вежливо ответит, — еще вежливее, чем их дурацкий Юрис:

— Пардон, мадам! С девчонками я больше не связываюсь.

Итак, с замком было покончено; и если кто был этому ужасно рад, то это, конечно, мама. Хитрая мама сразу обо всем догадалась и ехидно спросила: «А как же печка и люди?» — и Юна яростно промычала что-то, потому что рот у нее был занят котлетами. Но маме этого показалось мало, и она сразу же стала приставать к Юне, чтобы она сходила в школу, потому что приходили какие-то дядьки, ругали маму, что она не знает, где Юна, и грозились, что если Юна будет и дальше пропадать, то они отберут ее у мамы и отправят куда-то. Юна сказала маме на это:

— Пусть сначала поймают! — лысые дураки, они думали, что у Юны в городе больше не будет дела, как только ходить в их несчастную школу, сидеть день за днем вместе с этими примерными мальчиками и девочками, которые только и знают, что скучать, и не имеют ни о чем никакого понятия! Но тут мама начала кричать на Юну, и Юна начала кричать на маму, а потом заперлась в своей комнате, заткнула уши и бубнила: «Ничего не слышу, ничего не слышу», — а потом они помирились, и Юна с большой неохотой пообещала маме, что пойдет в школу, и мама поцеловала Юну, хотя Юна отчаянно оборонялась — вот еще!.. Но обещание она выполнила и сходила в школу — целых два раза. Сидела одна за последней партой, рисовала в тетрадках королеву Санту с рогами и бородой и самолеты, которые бомбили дом в лесу, а на переменах ходила руки в брюки — не обращая никакого внимания на девчонок, что шушукались кучками за ее спиной, и на затаенно-завистливые взгляды мальчишек. Но на второй раз Юну вызвали с уроков к директрисе, которая сказала про ее штаны:

— Чтоб больше в таком виде в школу не появлялась!

И Юна ответила:

— Очень надо!

Ведь в городе была весна, самая настоящая, а не какая-нибудь там незаконная, ручьи неслись во всю прыть. Нельзя было терять времени, и перво-наперво Юна придумала, что можно жить крыше — это вам не несчастный дом в лесу! Можно сидеть на краю, болтать ногами и плевать на всех!.. Но, взобравшись на крышу самого высокого дома, Юна обнаружила, что ее опередили, — и ей сразу расхотелось. Если бы это был еще какой-нибудь беспризорник, — мог, в конце концов, в этом городе найтись еще хотя бы один беспризорник?.. Нет, это была опять какая-то девчонка.

Ну ладно, тогда держитесь.

После двух вечеров, которые Юна провела, запершись в своей комнате, она вышла на улицу, и в одном кармане у нее перекатывались тяжелые металлические шарики от подшипников, а в другом... По четырнадцать резинок-«модэлок» с каждой стороны, прочная кожаная пятка посередине, а все вместе — новенькая боевая рогатка! И ночь, и пустой проспект, и светофор на перекрестке, и холодок в животе, и сжатые зубы, — не ждите пощады, у беспризорницы Юны не дрогнет рука, раз так, то она выходит на войну, одна — против всех! Она останавливается, оглядывается; она выбирает шарик, подбрасывает его на ладони; прищурив глаз, она оттягивает пятку, и —

ТРАХ, ДЗЫНЬ!!!

— бьет без промаха!..

Трах, дзынь! Война всем, кто хочет жить спокойно! Трах! — всем, кто не принимает беспризорниц всерьез! Дзынь! — всем, кто думает, что она так просто, они еще услышат, качаясь на своих табуретках! Порядок? Будет вам завтра порядок, — трах, дзынь!.. трах, дзынь!

На шестом по счету светофоре сзади раздалась пронзительная трель полицейского свистка.

Никогда ноги не подводили Юну. Она рванула с места так, как будто собиралась выиграть мировой чемпионат по бегу с препятствиями. Она бы точно выиграла, если бы ее не остановил взрыв смеха за спиной.

По инерции Юна пробежала еще несколько шагов, затем затормозила и обернулась.

На темной скамейке, свистя по-всякому и блистая огоньками сигарет, сидела плохая компания и покатывалась с хохоту над беспризорницей Юной.

...В общем, светофоры — это было так, детские игрушки. Те шесть, их все равно через несколько дней починили, и никакого беспорядка не получилось, — но зато Юна связалась с плохой компанией.

Теперь все было по-другому. Юна была не одна, у нее теперь была целая плохая компания! Пришлось, правда, сначала со всеми по очереди передрататься, чтобы они не считали ее девчонкой, и вообще; но зато после этого они признали ее равной, а во всяческих безобразиях она была самой первой, и всегда шла вперед, или совершала в одиночку то или это, после чего получала от плохой компании дружеского тумака в плечо:

— Ну ты даешь!.. — и Юна, не оставаясь в долгу, давала кому-нибудь кулаком в спину и отвечала:

— А ты думал!

А безобразия! О, какие они учиняли безобразия, — что светофоры? тьфу! — Юна и не вспоминала о них никогда. Теперь она со своей плохой компанией дралась с другими плохими компаниями, и у нее все время был синяк под глазом или разбита губа. И еще они ходили по городу целые ночи напролет и громко пели плохие песни, а если им встречался какой-нибудь прохожий, то он, конечно же, старался поскорей перебежать на другую сторону улицы — и горе ему, если Юна вздумывала перебежать вслед за ним! Они рассказывали анекдоты. А один раз увидели пустую полицейскую машину и перевернули ее вверх колесами; а еще один раз взломали ларек и вытащили все, что там было. А еще!.. еще они пили вино — и Юна пила вино. И курила сигареты. И папиросы. И всякие окурки, а еще... Еще было лето.

Ну, а что же говорила по этому поводу Юнина мама? Мама... да ну ее вообще! а вот зато если плохая компания почему-либо расходилась на ночь, то Юна шла напрямиком на ка-

кой-нибудь чердак и засыпала там; и вот утро, и вот Юна выходит, отряхивая с себя опилки, и видит — ого-го! — в подъезде здоровенный папиросный окурок, и, длинно свистнув сквозь зубы, поднимает его и, дунув, вставляет в рот. Кажется, в кармане оставалась еще одна спичка? — да вот она. И спичка зажигается об стену с первого раза, и вот первый утренний дым, от которого чуть звенит в ушах и немножко кружится голова, выливается в светлое небо, выглядывающее из-за высоких домов.

День-ночь, день-ночь, месяц — трах! Другой — дзынь!..

Ночь. Была ночь, когда Юна вдруг вспомнила про замок — и удивилась. А удивилась она потому, что, кажется, совсем-совсем про него забыла, и про Санту, и про всех, кто там был. И это означало, что Юна победила — пусть они теперь там. А она обошлась и без них, прекрасно и замечательно. А, кстати, в этот момент Юна как раз шла домой (она теперь там редко бывала, потому что мама...) — но тут как раз шла; троллейбусы уже не ходили, и она шла пешком, и еще один пацан из ее плохой компании шел с ней, а звали его Боря, или Витя, им было по дороге до перекрестка, а дальше в разные стороны. И вот Юне внезапно стало совершенно обязательно рассказать кому-нибудь, как она здорово обошлась без них, и даже вовсе про них забыла, — а тут как раз этот Боря. Юна шла, думала, а потом сказала этому пацану:

— У меня в окне, ну, где я живу, — там, короче, видно одну дорогу...

И пошла-поехала! Они уже давно стояли на этом перекрестке, а Юна все рассказывала про этот черный-пречерный лес, и какие там деревья, и про то, что там стоит дом, — не дом, а дворец, потому что в нем есть трон, он это... ин-структи-рован изумрудами, и на этом троне... там живет одна такая девчонка, такая красивая — просто ужас, ты таких в жизни не видел, сказала Юна этому Боре или Вите, вот она и сидит на этом троне, потому что она королева, хотя лет ей сколько и мне, но она королева, потому что ее все так называют. Только я одна не называла, и поэтому она со мной дружила лучше всех, и мы ездили в город... И тут Юна снова принималась рассказывать про эту дорогу, по которой она попала

в лес, и про то, как они с Сантой однажды попробовали по ней пройти, но ничего не получилось, а Юрис — он все знает! — он сказал потом, что так и надо, чтоб не получилось, а то если все время будет получаться, так что же это такое выйдет? а этот Юрис — он был рыцарь... и тут она снова перескакивала в замок, и говорила про дону Бетту с печкой и волосами, и про Папашу Маугли, который может пройти весь лес, прыгая с дерева на дерево, и он... знает каратэ, вот! Юна говорила и говорила, и совсем заговорила этого Борю или Витю, он только глазами хлопал, и наконец она остановилась, чтобы перевести дыхание, и посмотрела на потухшую сигарету, и бросила ее на асфальт. А этот Боря, уловив эту минуту, сказал:

— А чего же ты тогда оттуда ушла?..

— Чего, чего, — огрызнулась Юна. — Надоело, вот чего!..

И день, был день, и Юна шла на встречу со своей плохой компанией, и, подходя к тому месту, где они все стояли, увидела, что все они показывают на нее пальцами и смеются.

Оказалось, что этот пацан уже разболтал им про всё, что ему рассказала Юна, и теперь Юну подняли на смех.

— Вот врунья! — кричала вся плохая компания. — В этом лесу — дикие звери? Да они все повывелись давно! И замок! Ха-ха-ха! Замок! — И они стали дразнить беспризорницу Юну и кричать, что нет никаких зверей, и что Юна — просто деточка, маменькина девочка, и дома сказки читает! И Юна так разозлилась, что чуть не полезла драться сразу со всеми, и кричала:

— Ничего я не читаю! И все есть — и звери, и замок!

И тут кто-то сказал:

— А вот мы проверим. Пусть она ведет нас в этот замок, мы и проверим, всё так или не так!

Юна попыталась объяснить им:

— Там такой лес, что он может заблудить, раскидать и растерять нас, и мы можем потерять кучу времени, а замок не найти.

Но тут вся ее плохая компания начала насмехаться над ней сильнее прежнего и говорить, что теперь понятно, что Юна просто-напросто все выдумала, до последнего словечка.

— Хорошо же, — сказала Юна, разозлившись до невозможности. — Хотите — так получите. Едем, сейчас же.

И вот вся эта плохая компания поехала на вокзал и села в один вагон электрички, и электричка тронулась, и они поехали.

И они так шумели и ругались в вагоне, что все остальные люди ушли из этого вагона в другие. А когда в вагон вошел контролер — злой, как собака и как все контролеры! — то они стали плевать, и заплевали ему всю сумку, и контролер поскорее убежал. И, поскольку было вино, то все пили его, а бутылки бросали на пол. Только одна Юна не пила вина, она сидела, мрачно смотрела в окно и помалкивала, а иногда смотрела на свою плохую компанию, как они кричат: «А вот мы разберемся с этим замком, и с этими королевами, и медведями, и собаками!» — и размахивают палками, которые прихватили с собой на всякий случай. И вдруг Юна встала и громко сказала:

— Выходим.

И они вышли на станции, и вся плохая компания собралась вокруг беспризорницы Юны и выжидательно смотрела на нее: ну, что теперь?

Юна же, не говоря ни единого слова, перешла через рельсы и остановилась на платформе, с которой электрички ехали обратно, в город. А когда вся плохая компания вновь окружила ее, посмеиваясь и толкая друг друга локтями, Юна обернулась к ним и сказала:

— Я передумала. Я не повезу вас в замок.

— Ха! — закричала плохая компания, бурно веселясь. — Скажи лучше сразу, что наврала, и что нет никакого замка!..

— Я наврала? — спросила беспризорница Юна, делая шаг вперед. — Я — наврала?!..

Ясное дело, случилась драка, а поскольку вся плохая компания уже к этому времени сильно разозлилась на беспризорницу Юну, они принялись колотить ее, и колотили, пока не подъехала электричка, а тогда они, бросив Юну, вскочили в вагон, и электричка умчалась в город.

И Юна уехала в город, только на следующей электричке, и на этот раз у нее была разбита губа и синяк под глазом одновременно.

В городе она вышла, не доезжая до вокзала. Это был какой-то новый район на окраине, с одинаковыми большими домами, в котором Юна никогда не бывала. Теперь она шла между этими большими домами, сворачивая то туда, то сюда, а в воздухе уже сгушались сумерки. Юна шла не спеша, потому что спешить ей теперь было совершенно некуда. У нее больше не было ни плохой, ни хорошей компании.

7. ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН

Да; вот так вот она и шла по одинаковым большим дворам одинаковых больших домов, подбивала камушки ногой, — а становилось все темнее, так что когда ей под ноги попался желтый лист, то пришлось его поднять и поднести к самому носу, чтобы убедиться: да, действительно, желтый лист. Так что же — это осень? опять осень? Значит, прошел год с тех пор, как она сидела в своей комнате и смотрела на дорогу, — и опять, как тогда, осень. Но теперь не как тогда. Теперь ничего не будет. А интересно, Санта уже вернулась? Наверное, вернулась. И в это время они все сидят в тронном зале, и дона Бетта подбрасывает дрова в печку, и в открытое окно вишня протягивает свои ветки с последними, уже почерневшими и сморщенными ягодами, — очень вкусными. И все они молчат. И еще они пьют чай.

— Ну и сидела бы с ними, — сказала себе Юна, она все шла и шла, пылила кедами. — Никто тебя не выгонял, на фиг кому ты там...

Дядька, попавшийся навстречу, как уставится на Юну — и она прикусила язык. Шла себе дальше, а дядька еще несколько раз оглянулся, — действительно, ну и видон был у беспризорницы Юны. Но Юна уже забыла про дядьку, она думала.

Да, она потерпела поражение. Теперь уже нельзя было не признать, что она потерпела поражение, по всем статьям.

Юна аж сама себе удивилась, как она думает: она думала, как взрослая! Но она и вправду, пожалуй, была взрослая уже — потому что она потерпела поражение сокрушительной силы. И не только с замком, а и вообще со всем, что было, с дорогой, и всё такое. С дорогой больше никогда не получится... а в замок? если и правда можно приехать, на электричке и через лес? Да, можно... было, а теперь нельзя, нельзя — и всё тут. Значит, что же такое получается? — раз в замок нельзя, а как было раньше, до замка, тоже нельзя, потому что она уже взрослая, и все эти штучки — да ну их. И, значит, выходит... придется ходить в школу? В эту школу, где Юну оставили на второй год, и мама даже не ругалась, она теперь только все время плакала — такого Юна хуже всего не могла терпеть!.. Но теперь придется терпеть. Нельзя вернуться назад, это Юна уже откуда-то знала, и больше ничего такого не будет, и, значит, надо забыть это все...

— Ха, — пробормотала Юна, — забыть, терпеть...

И тут она все забыла.

Три маленьких дома. Каменных, трехэтажных, с пустыми провалами окон. Старых-престарых. Они стояли среди здоровенных многоэтажных громад, а те напирала на них ровным строем, и теснили их, и наступали; но три маленьких дома стояли твердо и гордо, спина к спине, и, ясное дело, собирались с честью выдержать этот свой последний и решительный бой.

В двух из них двери были заколочены, а в третьем — нет. Юна толкнула эту тяжелую дверь, и дверь со скрипом подавалась внутрь, и она вошла, вдыхая глубоко-глубоко этот знакомый запах, таинственный запах сырости, и пыли, и неизвестно чего еще — упоительный запах, какой бывает во всех покинутых домах! Юна зажгла спичку и осветила ею, а когда спичка погасла, еще постояла в обступившей ее темноте, слушая, как бьется сердце. Вот так да! В этом районе, где Юна даже раньше и не бывала, потому что ничегошенько интересного найти здесь было невозможно, — здесь три великолепных, восхитительных, незнакомых, необследованных в каждой их щели старых дома!.. Вот так везуха, вот это

зыкано. Понятно теперь, где она будет сегодня спать? Ну конечно, понятно!!! — и, последний раз вздохнув глубоко, беспризорница Юна сделала шаг, наткнулась на лестницу, и пошла-пошла, придерживаясь за стену, потому что перил не было, останавливаясь на площадках и толкая все двери (но они были забиты, или же те, кто там прятался, крепко-накрепко заперлись). И сердце ее стучало так, как будто хотело вырваться наружу.

Так она дошла до третьего, последнего этажа. Здесь была только одна дверь. Юна осветила на нее спичкой, потом протянула ладонь и нажала.

Дверь ушла внутрь даже без скрипа, и прямо в глаза Юне ударил свет. Юна отшатнулась и чуть не упала с лестницы — она же была без перил! Но это был просто фонарь с улицы, он светил в окно. А окно было в комнате, прямо напротив двери. В которую Юна вошла, ступая мягко и пружинисто, как все, кто готов к чему угодно.

Комната. Это была комната. У окна стоял стол и стул. А на столе стакан. Юна неслышным шагом подошла к окну — даже стекло в окне было. Да, здесь можно было спать, — и еще как, даже подозрительно, что такая удача. Окно выходило во дворик, из него были бы видны два остальных дома, если бы фонарь не светил прямо в лицо и не слепил глаза. Юна повернулась спиной к окну и постояла так, привыкая к темноте снова. В глубине комнаты что-то чернело — а вот что: кровать, и что-то еще на ней. Юна отделилась от окна и подошла к кровати.

ХОБА-НА!!!

Нет, у Юны не подогнулись ноги! Просто настоящая беспризорница всегда чувствует, когда надо сесть и посидеть и хорошенько поразмыслить, потому что дело оборачивается незнакомой стороной, и как бы не попасть впросак. Кровать оказалась сетка, всю жизнь Юна мечтала о такой кровати, чтобы на ней качаться. Но сейчас — до кровати ли ей было?

Это был меч, — делов-то. Юна никогда в жизни не видела настоящего меча, но тут уж ошибиться невозможно: вот он лежит на кровати почти во всю длину, и, оттого что Юна села рядом, блик света пробежал по нему (от фонаря) и вернул-

ся обратно, остановившись ярким пятном ближе к рукояти. Меч. Да, это вам не птички-собачки, не шишки-елочки... и не на лифте кататься. Так тихо, и фонарь глядит своим синим лунным глазом в окно, и вся комната целая, а на пружинной кровати — меч. Если тут так еще посидеть, то перестанешь вообще понимать, какой год на дворе — может уже какой другой?..

Но тут Юна засвистела сквозь зубы, и стала качаться на кровати, и потом сказала (не слишком, впрочем, громко):

— Мало что, может тут какой... музей. Может это еще и вовсе не настоящий...

Как будто она забыла, что никогда нельзя разговаривать в таких домах, а если тебе уж жутко в темноте, так попищи как мышь или поскреби пальцем по стене! Она запнулась — и в следующую секунду ее так и подбросило вверх. Шаги! Это были шаги — неужели можно было подумать, что мечи просто так валяются где попало, и что тот, кто его здесь оставил, не явится сюда в самом скором времени!.. Шаги поднялись по той самой лестнице без перил — по чему же еще, и приближались к той самой двери, за которой стояла кровать с мечом и с Юной рядом.

Но Юны уже не было рядом. Юна уже лежала под кроватью, тихонько потягивая покрывало, которое и так свисало почти до самого пола, но чтоб еще чуть-чуть, — и нюхала пыль.

Шаги дошли до двери, дверь отворилась, и кто-то вошел в комнату.

А это был один в поле не воин, или же одинокий рыцарь по прозвищу Заяц.

Но дальше я пока ничего не могу сказать. Вот: пошли спать.

Кто-то спешит через леса и туманы, через темноту и дожди, он все ближе и ближе, он так устал — что же будет, если и мы встретим его усталыми? Ничего хорошего не будет. Вот Санта — та бы нипочем не легла, она говорила: «Я всегда боялась проспать самое интересное», — но ты не бойся, я разбужу тебя раньше, чем все начнется. Честное слово.

Часть 2. ВЫСТУПЛЕНИЕ

1. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЗАМОК

Музыка играла всю ночь.

Это была такая музыка... Ну, как будто бы птица пела: не здешняя, небывалая, знающая, Что было, Что будет и Зачем — птица. Цыганка, что ли?.. Ну ладно. Все равно, музыка играла, и все сидели в тронном зале, и пустой трон таинственно темнел. Все молчали, а музыка играла и играла. Она играла в саду, и даже когда все пошли спать, она все играла, — и всем приснились сны. Графу де Биллу приснилось, что он попал в другой лес, где ему и идти-то никуда не надо, вот он и сидит, сидит и сидит на месте, даже забыл, кто он сам такой, так хорошо. Анне-Лидии Вега-Серовой, которая на все лето куда-то пропала, а потом появилась в туфлях с каблуками и с волосами, покрашенными в белый цвет, — ей снится, что волосы у нее опять такие, как были. А детям снилось... И доне Бетте снилось... но ни к чему раньше времени выдавать чужие секреты.

Лишь к утру музыка прекратилась, потому что Кондор и Бенджамин Приблудный заснули прямо в саду, и Бенджамин и во сне обнимал свой барабан, а Кондор зато отбросил дудку далеко в сторону. Если делать с кем-нибудь вместе что-то одно, а потом, закончив дело, заснуть в одну и ту же секунду, то тогда вам обоим придет один сон. Им повезло: у них так и случилось. Бенджамину Приблудному и Кондору приснилось

море — одно море на двоих. Кондор не знал, что это за море, зато Бенджамин Приблудный очень хорошо знал, что это за море. Во сне они понимали язык друг друга, и Бенджамин Приблудный все рассказал Кондору. Зеландия, — повторял Бенджамин Приблудный, и Кондор его понимал так же хорошо, как когда они играли. Потом Бенджамин Приблудный сказал Кондору: — Сейчас пойдем где нас ждут. — Но сначала они решили полежать у моря на камнях. Они лежали с закрытыми глазами, а ветер доносил до них брызги, сорванные с гребней волн. От этих брызг они и проснулись — оказалось, что это пошел дождь. Тут они вспомнили, на чем они вчера остановились, — они остановились, сыграв, что лето почти прошло. Что же; Кондор посмотрел на Бенджамина, и Бенджамин сразу же улыбнулся, сверкнув белыми зубами на черном лице, а потом пожал плечами. Они пошли досыпать на чердак, и дождь стучал по крыше, стучал, барабанил.

К полудню тучи немного рассеялись, и все разошлись из замка по разным делам: нужно было начинать готовиться к зиме. В замке остались только фрейлина Марта и Анна-Лидия Вега-Серова. Фрейлина Марта закатывала яблоки в большие десятилитровые банки и заливала их сахарным сиропом, а Анна-Лидия ей помогала.

Работа была в самом разгаре, когда за окном раздался одиночный лай Толета. В следующий момент, распахнув двери настежь, в замок вбежала — вбежала? — нет! — вломилась, ворвалась, влетела вихрем неузнаваемая, похудевшая, загорелая, прекрасная...

Королева Санта Первая!

Босиком, в вытертых добела и перепачканных чем попало джинсах, вся в разноцветных бусах, браслетах, побрякушках, звоночках, — Мой земляничный народец!!! — кричала она во все горло. — Я вернулась! Вернулась!!!... — И, хлопая дверьми, через весь дворец, в тронный зал, трогать трон, гладить, осматривать — ждал ли? А Анна-Лидия Вега-Серова, опрокинув большой таз с яблоками — они так и поскакали по гладкому деревянному полу! — бежала за нею с визгом: «Королева!!!»

Вслед за Сантой вошел Юрис Рыжебородый, и фрейлина Марта, оставив яблоки, которые начала было поднимать,

двинулась к нему. Они поцеловались, и Юрис сбросил с плеч два огромных рюкзака, набитых всякой всячиной, и, кивнув на них, объяснил: — Здесь подарки. — А тут Толет еще раз гавкнул и замолк, а в следующую секунду дона Бетта вошла в дом. Она вошла и все увидела.

Королева Санта, насмотревшись на трон, вернулась в комнату, а Анна-Лидия следовала за ней по пятам.

— Все так, как мне и снилось! — объявила Санта ликующим голосом. Затем остановилась и подозрительно уставилась на Юриса, стоящего рядом с доной Беттой. — А ты! Ты, я знаю, ты уже что-то рассказал! Без меня!..

— Нет, — сказала дона Бетта. — Он ничего не рассказывал.

— Смотри! — сказала Санта сурово. — Расскажешь без меня хоть слово — я тебя разжалую... в свинопасы! — Она расхохоталась и перекрутилась на одной ноге. — Дона Бетта! — воскликнула она. — Смотри, как выросли мои волосы!

— Волосы всегда растут в путешествиях, — сказала дона Бетта.

— А вы знаете? — сказала Санта, отступая на шаг и обводя все и всех взглядом. — Вы не знаете! Они не верили мне! Они, никто, не верили мне, что я королева, что у меня есть замок и народ! Так что я в конце концов и сама перестала себе верить — Юрис, скажи им, сколько раз я приставала к тебе, чтобы не возвращаться, потому что вдруг мы вернемся, а здесь ничего нет! Скажи им!..

Юрис покачал головой.

— Ты преувеличиваешь, — возразил он. — Действительно, всякое бывало, — обратился он к фрейлине Марте и доне Бетте и Анне-Лидии, — но королева ни разу не уронила своего достоинства. Она везде была королевой.

Смех Санты смешался со звоном ее колокольчиков.

— Зато теперь — сколько я всего видела, я просто обогатилась! Я вам всё расскажу... нет, не всё, то есть, сразу не всё, а потом всё. А где все остальные? где беспризорница Юна?

Так как она в этот момент смотрела на фрейлину Марту, то фрейлина Марта ответила сухую правду: — Не знаю. — Может, она и еще что собиралась добавить, но Санта все рав-

но ее перебила: — Я так хочу спать! Мы не спали целую ночь, все шли и шли!.. Но сначала я хочу вымыться! И надеть белое платье, которое я не взяла с собой, и белые туфли! Нет, сначала спать, потом надеть! И поесть. Нет, сначала я хочу спать, а потом уже все остальное.

— Анна-Лидия, — сказала тогда фрейлина Марта. — Дай королеве белое полотенце и, если тебе не трудно, постели чистые простыни, пока она будет мыться.

Санта двинулась было за Анной-Лидией, но вернулась.

— А вы что будете делать, пока я буду спать?

Юрис открыл рот. Но, прежде чем он успел что-либо сказать, раздался спокойный голос донья Бетты.

— Мы будем носить дрова и готовить праздничный стол к Празднику Костров.

Праздник Костров!..

Все так и застыли. Потом, через минуту, Санта сказала шепотом, глядя на донью Бетту во все глаза: — Это — мне?.. Праздник Костров... что мы вернулись? — Санта дернула Юриса Рыжебородого за рукав. — Юрис!!! Ты слышишь, Юрис — Праздник Костров! — как хорошо, что мы вернулись! ...Только вы ничего не начнете, пока я не проснусь?

Дона Бетта сказала: — Конечно, нет. — Санта еще секунду стояла, как будто хотела что-нибудь спросить, но потом двинулась к двери. На пороге она обернулась и сказала:

— Скажите беспризорнице Юне, чтобы она зашла ко мне. Даже если я буду спать. — И вышла, не дожидаясь ответа.

Тогда Юрис повернулся к доне Бетте. (Фрейлина же Марта тем временем убирала со стола все яблоки, и все банки, и весь сахарный сироп — раз Праздник Костров, то яблокам придется подождать.) А Юрис сказал, глядя доне Бетте в глаза.

— Белый Ворон. Ты сказала, Белый Ворон был здесь.

— Да, — сказала донья Бетта.

Тогда Юрис снял очки и сунул себе в карман. После этого он размахнулся, и как хватит себя кулаком по лбу! А потом что есть сил дернул себя за бороду, — аж слезы на глазах выступили! Затем он вынул очки, надел их, и, снова ставши вежливым благородным Юрисом, сказал доне Бетте, не проронившей за это время ни слова:

— Прости. Я так хотел увидеть Белого Борона.

Дона Бетта и сейчас ничего не сказала.

— А скажи, пожалуйста, — попросил Юрис, — кто еще был в замке, когда... он...

Фрейлина Марта унесла яблоки в погреб. Дона Бетта отвернулась и подошла к окну. Юрис стоял на месте.

— Был вечер, — сказала дона Бетта, глядя в окно.

Был вечер, и все сидели в тронном зале — всем хотелось еще немного посидеть вместе, перед тем, как разъезжаться на лето. А как же, ведь на то оно и лето, когда ты еще успеешь посмотреть дальние страны и побывать в невероятных приключениях. Но не все разъезжались на лето из замка: дона Бетта, например, никуда не уезжала, и еще Кондор. Так вот, Кондор. В этот вечер он принес из леса какую-то травку, но, против обыкновения, не стал забивать ее в свою трубку, а настоял на том, чтобы бросить ее в печку. Травка была брошена... запах поплыл по всему дворцу. Тогда Кондор сказал, чтобы все загадали желание, и оно сбудется. Только это обязательно должно быть желание не для себя, а для кого-то другого.

И вот они сидели тесной компанией, если можно так выразиться, — а почему бы и нет. Фрейлина Марта и дона Бетта, и Папаша Маугли, граф де Билл и Кондор, и Анна-Лидия, — они сидели в темноте и тишине, слушая, как истекают последние дни перед летом, последние дни, когда топится печка, а дальше — кто знает, что будет, так они сидели, и каждый загадал свое желание, наверное. По крайней мере, дона Бетта загадала. Она загадала кому-то, кто идет по лесу и заблудился — выйти к дому, и, наверное, все остальные тоже загадали что-то кому-нибудь. А запах все не пропадал.

А дальше случилось вот что.

Открылась дверь. Пёс Толет вошел в тронный зал и, не говоря ни слова, улегся рядом с троном. Толет, которого в дом ни заманить, ни затащить было невозможно!.. Гром среди ясного неба! Никто не шевельнулся. Все, затаив дыхание, смотрели на дверь.

И появился человек и остановился на пороге.

— Белый Ворон!..

Это воскликнула дона Бетта, и никто никогда не слышал у доны Бетты такого голоса. Поднявшись, выпрямившись во весь рост, стояла она у печки и смотрела на человека.

Тогда Белый Ворон прошел в зал и уселся на мягкий ковер зеленого цвета (только не видно в темноте) у стены. Он сел и закрыл глаза. И дона Бетта, постояв, тоже села.

Белый Ворон наконец открыл глаза, провел ладонью по лбу и посмотрел на всех.

— Здравствуйте, — сказал он. — Ну надо же, — сказал он, снова обводя комнату и присутствующих в ней долгим внимательным взглядом. — Вот я и здесь. Не думал, что такое может быть.

Поднялась фрейлина Марта и вышла из комнаты. Белый Ворон не обратил на это внимания. Он продолжал смотреть. И все смотрели на него. Он вдруг улыбнулся.

— Я много слышал про вас, — сказал Белый Ворон, — о вас знают в самых разных местах, Вы даже, наверно, не представляете себе, как далеко отсюда знают про этот... замок.

— Кгрм! — в тишине сказал Папаша Маугли. Посмотрел по сторонам и буркнул: — Ничего себе получается. Живешь-живешь, а тут про тебя, оказывается, знают, — это как? — Он посмотрел на Кондора, на графа де Билла. — Это чего теперь? — грозно спросил Папаша Маугли.

— Так всегда, — сказал Белый Ворон, внимательно глядя на Папашу Маугли. — Но это ничего. Для вас — ничего. Разве что кто-нибудь зайдет на минуту.

— Ладно, — сказал Папаша Маугли, и прямо посмотрел на Белого Ворона. — Так, значит, Белый Ворон — это ты и есть.

Белый Ворон кивнул и сказал:

— Так меня называют.

— Очень хорошо, — проворчал Папаша Маугли. — Врать не буду: давно хотел на тебя посмотреть, до нас тут тоже... кой-чего доходит. Я, вообще-то, Папаша Маугли.

— Видишь, — сказал Белый Ворон, — раз так, мы уже как будто знакомы. Я знаю — у тебя дети.

— Дети... Грм! Они спят, — сказал Папаша Маугли. — Когда темно, они спят.

— А завтра? — спросил Белый Ворон. Папаша Маугли почесал у себя в бороде.

— Вообще-то, завтра мы собирались к Рыболову. — Он посмотрел на Белого Ворона. — Да, — сказал Папаша Маугли. — Им нравится река в том месте, где он сидит. Они плавают и купаются, бегают и кричат, а я сижу рядом с Рыболовом. Вообще-то, — сказал Папаша Маугли. — Я стараюсь ему не надоедать... хотя мне это... кажется, мы ему не очень...

— Нет, — сказал Белый Ворон. — Вы ему не мешаете.

— Да? — спросил Папаша Маугли. — Ну, это хорошо, если так. А то мне порой кажется... Но подожди!

Папаша Маугли сурово свел брови.

— Ты меня сбил, — рявкнул он. — Дети — пусть, а вот я слышал, ты появляешься там и тогда, где без тебя никак. — Белый Ворон ничего не ответил на это, и Папаша Маугли стал медленно подниматься, и встал весь, расправив плечи. — Так что, — начал он своим хриплым басом, — им... то есть, нам здесь... может кто-нибудь хочет чего-нибудь...

Белый Ворон молчал, глядя на свои руки. Потом он поднял глаза.

— Нет, — сказал он.

— Ты точно знаешь? — переспросил Папаша Маугли.

— Да, — сказал Белый Ворон. — Точно.

— Это хорошо, — сказал Папаша Маугли и, постояв еще немного, уселся обратно. — Я, вообще, и сам так думал, — сообщил он, — но подумал, а вдруг там чего. А то — пожалуйста. У нас тут ничего, хорошо, лес вот рядом. — Он повернулся к графу де Биллу. — Эй, граф де Билл, расскажи человеку про лес. Он, наверное, узнать хочет.

— Да ты что? — вдруг озлился граф де Билл. — Ты, Папаша, ополоумел сегодня, что ли? Что я могу рассказать про лес? Я про лес ничего не знаю!..

— Я могу рассказать про лес! — вдруг пискнула молчаливая до этого Анна-Лидия, и граф де Билл, застыв с открытым ртом, стал медленно поворачиваться к ней.

— Это Анна-Лидия, — сказал Папаша Маугли. — ...А это фрейлина Марта, — сказал он с явным облегчением.

Фрейлина Марта вошла, неся поднос с чашками дымящегося чаю.

Сделав книксен, она с улыбкой предложила Белому Ворону выбрать любую; Белый Ворон взял ближайшую к нему и поблагодарил фрейлину Марту. И тогда фрейлина Марта, держа поднос в одной руке, подняла вторую и потрепала Белого Ворона по голове.

— Выше нос, — сказала она. — Все хорошо, мальчик. Все правильно. Ты устал — ну что ж, бывает.

— Да, Марта, — сказал Белый Ворон, поднимая голову — а в это время все вытаращились на фрейлину Марту, будто увидели ее в первый раз! Будто только сейчас все поняли, что ничего не знают про эту старушку (она хоть и не слишком-то походила на старушку, но все-таки она была старая) — да нет, никто тут почти ничего ни про кого не знал, только что сами рассказывали, а с вопросами лезут одни невежи... Но фрейлина Марта!.. — Ты, как всегда, права, — сказал Белый Ворон, и глаза его невесело смеялись, — а то, что несу я, ни в какие ворота не лезет...

— Чшшшш, — сказала фрейлина Марта. — А ты сейчас наговоришь такого, за что потом стыдно. Пей давай. А потом Анна-Лидия проведет тебя спать.

Белый Ворон спал ночь, и день. И вторую ночь, и второй день. А Анна-Лидия Вега-Серова все это время ходила и хвасталась, что она, пока провожала Белого Ворона спать, рассказала ему про одно место в лесу, в которое ее Санта однажды водила (у них была такая тайна) и где под снегом растет земляника. И что Белый Ворон слушал ее внимательно, даже когда уже лег, и не перебивал, а только спрашивал. Не то что некоторые. И сказал, что он это место знает. Граф де Билл, услышав это, сказал только: «Хороший он человек». Анна-Лидия, заподозрив подвох, стала спрашивать: «Почему? Почему?»

— По кочану, — ответил граф де Билл.

Все думали, что Белый Ворон будет спать и третью ночь, и Папаша Маугли в шутку спрашивал фрейлину Марту, чем она его напоила. Но на третью ночь Белый Ворон спустился в тронный зал, где все сидели. Он сел на то же место, что и позавчера, и фрейлина Марта, как и позавчера и как почти

всегда, принесла чай. Все попили чай, и Белый Ворон стал рассказывать. Он рассказывал про птицу Субадук и реку Ису Счастья. Он рассказывал про клескопцы, что живут в глубинах океана, и про опоссумов, прячущихся в ветвях. Он рассказывал про холмистую страну, где можно сидеть на одном холме и видеть, как на другом идет дождь, а когда дождь доходит до тебя, на другом холме уже светит солнце, и можно накрыться вшестером одним листом лопуха и смотреть, как там радуются люди. И рассказывал про то, как однажды море обиделось на людей в одном городе и ушло от них и, пока шло, было больше всего похоже на огромную тарелку на тоненьких маленьких ножках. А эти люди, они шли домой с набережной и, потому что дело было вечером, не знали, что море ушло от них, и вели себя так, как будто море у них за спиной, и это было смешнее и грустнее всего в мире. И потом рассказал про человека, который любил море, и поэтому шел к нему пешком за тысячу километров, и вот пришел, и увидел, что моря нет, и увидел этих людей, которые ни о чем не знали. И тогда он не захотел останавливаться и пошел вслед за морем, потому что очень любил его, и догнал его наконец, и сказал о своей любви. И море, чтобы проверить его, стало загадывать ему загадки, — но человек отгадал эти загадки, и тогда море поверило ему и остановилось, и стало не как тарелка на тоненьких ножках, а как... ну, как море.

А лето заглядывало в окно, и уже можно было ехать хоть куда, в любое место, о котором говорил Белый Ворон, — вот послушать еще чуть-чуть, и поехать! И только когда темнота вдруг посерела и все увидели, что за окнами уже светлее, чем в зале — вот только тогда спохватились, что забыли лечь спать! Но теперь уже было поздно, да, к тому же, спать и не хотелось, — может это фрейлина Марта со своим чаем?.. Так или иначе, но фрейлина Марта пошла готовить еду, Кондор ушел в сад играть на своей дудке, а граф де Билл, Папаша Маугли и Белый Ворон пошли в лес, и за ними увязалась Анна-Лидия. И граф де Билл! Граф де Билл, который скорее дал бы отрубить себе ногу собственным топором, чем допустил бы, чтобы за ним в лес увязался кто бы то ни было, а уж Анна-Лидия... — на этот раз и слова не сказал.

Время перевалило за полдень, когда в тронный зал, к доне Бетте, так и не переставшей топить печку, зашел Папаша Маугли.

Усевшись рядом на корточки, он рыкнул, хмыкнул, почесал бороду и потер колено. Дона Бетта смотрела в огонь.

— Он пошел к Рыболову... один, — наконец сказал Папаша Маугли. После чего снова некоторое время издавал нечеловеческие звуки и, все-таки пробравшись сквозь них, спросил: — Слушай, вот как ты думаешь... может фрейлина Марта, она это... того? с детьми-то? а?.. Справится?..

Дона Бетта оторвалась от огня и взглянула на него вопросительно. И тогда Папаша Маугли, покраснев и надувшись, рубанул:

— Я должен пойти с ним!

Дона Бетта на это ничего не ответила, лишь подложила в огонь полено. Папаша Маугли крикнул и спросил:

— Или нет?.. — Поднявшись с корточек, он постоял еще с минуту, после чего вышел, что-то бормоча себе под нос. И вновь наступил вечер, и теперь уже все ждали Белого Ворона в тронном зале. А он рассказывал детям про индейцев, и пришел позже, когда дети заснули. И снова все пили чай, а потом Анна-Лидия Вега-Серова попросила Белого Ворона рассказать еще что-нибудь. Но Белый Ворон улыбнулся, покачал головой и ответил, что уже все рассказал. Но все уже так настроились сидеть, что стали постепенно сами о чем-то разговаривать и рассказывать, а то и помалкивать, и ночь мелькнула так же быстро, как и первая, потому что летом ночи — не то, что зимой. И к концу ее граф де Билл вдруг вспомнил про один холм, не очень далеко, откуда можно смотреть на лес, как с капитанского мостика. И все пошли на этот холм, чтобы встретить там рассвет. А по дороге обратно всех вдруг одолела зевота и усталость: шутка ли, две ночи подряд! Все вернулись во дворец и отправились спать по своим покоям.

А дона Бетта не ходила никуда. Она сидела перед печкой в тронном зале. Только она больше не топила ее: все, лето наступило. И тут открылась дверь, и Белый Ворон прошел по ковру (светло-зеленому, как молодая трава, это уже было видно, потому что было утро).

Он сел. На то место, где обычно сидела фрейлина Марта, и где ковер был усыпан опавшими лепестками от цветов вишни. Они немного посидели в пустом тронном зале. Потом Белый Ворон сказал: «Пойдем».

Они вышли из замка и пошли по лесу. Они шли молча. Затем, на опушке, Белый Ворон попросил, чтобы дона Бетта подождала его немного, и скрылся за деревьями. Дона Бетта стояла и ждала, а затем пошла вперед и вышла в поле. Синее небо распахнулось над ней, и в этом небе летела белая птица.

2. СЮРПРИЗ

Вечер, насвистывая, спускался с луны по канату, и, наступив на землю, превратился в ночь окончательно, — и черной кошкой сиганул за ближайший куст! И тогда высыпали звезды, и ветер промчался по небу с большой метлой и в кирзовых сапогах, сметая остатки туч за горизонт, а после уснул в лесу, — а Юрис Рыжебородый, благоухая земляничным мылом, вышел из замка и остановился на ступенях.

Прямо перед собой он увидел дикого кабана с веточкой красной рябины в зубах. В темноте кабан был похож на статую, и его маленькие глазки пронзительно сверкнули в свете, упавшем из двери.

— Где королева? — спросил кабан, не поздоровавшись. — Я слышал, что королева вернулась.

Юрис моргнул, но тут же ответил чрезвычайно церемонно, склонившись перед кабаном буквой «Г»:

— Королева Санта Первая принимает душ и одевается, дабы выйти к Празднику Костров, устроенному в честь ее возвращения из дальнего странствия... — Он подумал, и добавил: — Может, и в честь чего-нибудь еще.

Кабан некоторое время пронзительно смотрел на Юриса, даже выпустил рябину из зубов и прижал ее копытом к

земле. Однако сверх сказанного этикет от Юриса ничего не требовал, и теперь он стоял прямо и в ус не дул, — а надобно сказать, что такая позиция выходила весьма для кабана неудобной, ибо он занимал в таблице о рангах очень и очень высокое место, и в его кодексе чести значилось: «На все смотреть прямо либо сверху!» И посему, пару раз всхрипнув для остратки, кабан в несколько угрожающем тоне испросил позволения присутствовать на празднике как имеющему важное известие для королевы, — и, получив ответный вопрос, отчего бы ему и не присутствовать на празднике, даже и не имея он такого известия, удалился пока из сада, чтоб подкрепиться, а заодно еще раз заглянуть в лужицу (...была там одна такая лужица, она никогда не высыхала, — в нее можно было смотреться, как в зеркало).

Юрис же, получив возможность сойти наконец со ступеней, не преминул ею воспользоваться и двинулся по саду, удивляясь разве что тому, как этому нахальному типу удалось пробраться мимо Толета, — и тут как раз он заметил невдалеке Толета, и вздумал было подойти и положить ему руку на спину, но вовремя заметил — что-то с Толетом не так: слишком неподвижен он был, натянута, нацелена весь, как стальной. Юрис взглянул в ту сторону, увидел силуэт другой собаки... Какая собака, вдруг понял он, это же волк! Они стояли и смотрели друг на друга, пёс Толет и серый волк, стояли и смотрели, будто лес на дом, а дом на лес... Юрис прошел мимо, и только через пару шагов пришел в себя настолько, чтобы сказать: брррр!..

Ведь это же Праздник Костров, — не лезь, не вмешивайся, не пытайся расставить все по местам, а то по балде получишь! И так все стоит по местам круглый год, надоедает же порой, в самом деле, нужно же иногда встряхнуться, что ты как маленький! А маленьким, вот, право же, Юрис себя не считал; достаточно сказать, что он пережил один такой праздник — ох, давно это было... Тогда ведь он и нашел, никто больше не нашел, а он встал, и пошел, и пришел, и нашел, и взял, и поднял, и к сердцу прижал, и понес, и принес — а между прочим, там девяносто килограммов было, если не все сто... Трон! Ну конечно, ведь всякому всегда было ясно, по крайней мере,

Юрису-то ясно — что королева, — хотя она тогда совсем еще была крошка, чуть постарше, чем папашины дети, — а вот теперь какая стала, и у Юриса самого выросла борода, и — и опять Праздник Костров, то есть, еще не праздник, но уже все готово. На всех местах, свободных от деревьев, заботливо сложенные шалашики дожидались той минуты, когда получат возможность взорваться все разом красными цветами и поспорить с огнями небесными фейерверком своих искр! Посередине же сада стоял длиннющий стол, составленный из всех столов, что были во дворце, и из снятых с петель дверей, поставленных на пеньки, а кое-где и просто наскоро сколоченный из широких досок, и на всем этом столе... О, чего на нем только не было! — разве что пустого места: фрейлина Марта и Анна-Лидия постарались на славу; именно мимо этого стола шагал сейчас Юрис, и был немало доволен тем, что у него плохое зрение. К сожалению, нюх у него был нормальный. О-оо... жареные грибы, ммм! — медовые пышки?.. а это... ну неужто... шоколад?! с орехами??? Ну, это было уже свыше сил человеческих; Юрис приостановился — только на секундочку, чтобы убедиться и проверить... впрочем, было темно, и никто не знает, что он там делал. Так или иначе, но наконец он появился в свете факела, вокруг которого сидели все остальные и отдыхали перед праздником; после трудов к нему подготовки.

— Привет, — сказал Юрис.

— Выспался? — спросила фрейлина Марта, а остальные поздоровались, а Анна-Лидия пискнула: «А где королева?»

— Превосходно, — отвечал Юрис фрейлине Марте, а потом — Анне-Лидии: — Королева просила еще немного времени, потому что она готовит сюрприз. Она хочет, чтобы все ахнули.

Анна-Лидия немедленно ахнула, но тут же повернулась к фрейлине Марте и поинтересовалась: — А блины не остынут?

— А костры на что, — ответила фрейлина Марта. Юрис же между тем сказал доне Бетте: — Можно тебя на минуту?

Они отошли в темноту и оказались под большой развесистой яблоней, самой старой в саду.

— Я не спал, — начал Юрис серьезно.

— А что ты делал? — спросила дона Бетта. В темноте Юрису не было видно ее лица. Он сказал:

— Я думал. Раз Белый Ворон был здесь... — (что-то треснуло в ветвях, и Юрис поднял голову, но, не увидев ничего, продолжил), — и раз он попросил тебя подождать его немного, — то, значит, ему это нужно. Значит, ты должна его ждать... как бы долго для тебя это «немного» ни тянулось. — Он подождал, но, не слыша ответа, добавил: — Знаешь, сколько у него важных дел? Сто восемьдесят девять тысяч триста девяносто пять!

— Откуда ты знаешь? — спросила дона Бетта.

— Я?.. — Юрис несколько смешался. — Ну, я читал много всяких книг... — Но доны Бетты уже не было перед Юрисом! Тут Юрис смутился настолько, что через десять секунд уже настоятельно желал только одного: провалиться сквозь землю на этом самом месте! Чтоб только не выходить на свет факела, где его все увидят и узнают, что он, доблестный Юрис, ляпнул что-то совершенно неподобающее! (Неизвестно, почему так казалось Юрису Рыжебородому: ведь он действительно прочитал массу литературы, и мог бы без труда, своими словами, объяснить все, что угодно.) Ну, только стоять здесь тоже не годилось, и в конце концов он все-таки вернулся к факелу, — где, кстати, никто не заметил ничего, потому что, в ожидании начала, коротали время кто как умел. (А в ветвях яблони опять что-то хрустнуло, но этого тоже никто не заметил.) Ну так вот, — там, у факела, граф де Билл насмеялся над Анной-Лидией Вега-Серовой, потому что было просто уму непостижимо, как может в мире существовать такая вопиющая глупость, как жить с ней рядом и что она отмочит в следующий раз! Потому что днем, несмотря на то, что времени у нее свободного, как и у всех, не было, Анна-Лидия улучила-таки минуту, сбегала на речку и... пригласила Рыболова в гости!! «Анна-Лидия, — звал граф де Билл. — А, Анна-Лидия? Ну и что он тебе сказал?..» «Ну чего он ко мне пристал, — хныкала Анна-Лидия. — Что он, не знает, что Рыболов никогда ничего не говорит?..» «Значит, он пожал тебе руку? — не отставал граф де Билл. — И долго-долго

кивал головой? Кланялся и улыбался?» «Папаша Маугли! Ну скажи ему...» «Анна-Лидия! А тебе никогда не приходило в голову, что если бы Рыболов захотел, он бы просто — взял, и пришел? Что, может, он здесь хозяин, а вовсе и не ты — а?» «Папаша, ну скажи...» «Чего сказать-то», — бурчал Папаша Маугли, косясь на детей.

Они повыврастали за лето — почти на полголовы каждый, и загорели дочерна, дочерта, потому что все лето жили в лесу, очень далеко от замка; и волосы у мальчиков повыврастали почти до плеч, а стричься они не давались. И ко всему этому, когда Папаша Маугли намекнул им сегодня, что кому праздник, а кому и бай-бай, Иван ему надменно ответил: «Бледнолицая собака! Это тебе, может, бай-бай, а мы костры помогали...» «Что-о-о?! Я — бледнолицая?..» — возопил Папаша Маугли, но тут эти щенки разбежались кто куда, а теперь вот сидели поодаль, прямо и неподвижно, изредка перебрасываясь короткими и непонятными больше никому словами. Ну, это кому непонятными, а Папаша-то все мотал на ус, и дожидался только, чтобы нанести ответный удар в самый неожиданный момент... А Кондор обстоятельно набивал свою трубку. Словом, все были здесь, и дожидались только сюрприза, то есть — великой королевы Санты, изволившей почему-то уже порядком опаздывать.

...А вот интересно, что бы они все сказали, узнай они, что в этот момент великая королева Санта, в белых лакированных туфельках, и в белом платье, и с ожерельем морского жемчуга на шее, — что она вылазит в открытое окно по веткам яблони, и платье цепляется за сучки, и кто-то хихикает впереди, а кто-то молча ждет сзади?..

3. ПРОЩАНИЕ

— Ой!..

— ...Я, кажется, провалилась... но еще не совсем...

— Подожди, не шевелись, я зажгу спичку!

Чиркнула спичка — и высветила сплетение ветвей со всех сторон, бурелом под ногами. Еще осветились два испуганных лица, одно выше, другое ниже. И еще одно — черное, неподвижное, как маска. Спичка погасла.

— Бенджамин, помоги ей!.. Вот болван деревянный, ни черта не понимает... Бенджамин! Сюда ее, ну...

Но уже трещали ветки, и человек, весь черный, чернее черной ночи и черного леса, вытащил беспризорницу Юну... А, ну конечно, это была она. Из ямы, в которую она почти рухнула, но вовремя успела уцепиться за разлапистую колючую ель. Юна пробормотала что-то типа «сэнкью» в стусок темноты, засовывая в рот исколотые пальцы. Не привыкла она как-то к таким... черным. Полчаса назад, впервые увидев его в королевской опочивальне, беспризорница Юна не смогла удержаться от удивленного восклицания: «Ого! А это что за чучело?» Полчаса назад?!.. Не смешите! Представить невозможно было здесь, среди этих ветвей и опасного молчания со всех сторон, что где-то совсем рядом может быть дом, и в саду стоит... нет, уж лучше не вспоминать, какой там стол. В этот момент зажглась еще одна спичка, и беспризорница Юна, разглядев Санту, хихикнула:

— Ну и видон у твоего платья, просто зыканско.

Свет растекся по какой-то черной глыбе, и, померцав, погас.

— Что это?!

— Откуда я знаю!

— Нет, я знаю... это... это танк. ...Пошли отсюда!

— Так пошли!.. — Юна подождала и сплюнула сквозь зубы куда-то в темноту. Ох, и не нравилось ей в этом непонятном лесу, да еще ночью, страх царапался изнутри острыми коготками. Юна сплюнула еще раз и заметила небрежно: — Ты же говорила, что знаешь, куда...

— Заткнись! — взорвалась вдруг Санта. — Это из-за тебя все: ты хотела куда-то идти! — (Все это время они говорили зачем-то шепотом, и даже сейчас Санта кричала шепотом, — наверное, это было очень смешно, если там было кому смеяться.) — Если б не ты... я бы дарила всем подарки! На празднике! Это ты во всем виновата!..

Юна... она не нашлась, что сказать. Она стояла молча. Виновата?..

Это после того, как она тряслась в последней электричке, а потом ломилась через весь этот черный-пречерный лес, и твердила про себя, что она обязательно найдет этот проклятый замок, потому что — ей надо! А что надо?.. ну, надо увидеть Санту, и все ей сказать. Не то, чтобы там «извините, пожалуйста», — но просто сказать ей, что она, Юна, тогда была дура, потому так и получилось, — теперь-то она бы и смотреть в ту сторону не стала! Сидите, пожалуйста, на своих тронах — а у нее есть Дело, и Санта спросила бы, что за Дело, а Юна бы ответила, что это Тайна. Потому что это — Тайна, а не какая-нибудь там тайночка, которыми Санта хвастается всю жизнь, а самая настоящая превеликая Тайна, и, когда наступит время, ее все узнают, и тогда, конечно, все поймут, что Юна была не просто так себе беспризорница, а теперь пришлось лезть через весь сад по веткам и прямо над этим столом, из которого она даже не взяла себе ничего попробовать — зря, конечно. Но зато она влезла в окно, а Санта, дура, вертелась перед зеркалом, не могла бусы застегнуть, и говорит:

— Помоги застегнуть! — И потом: — Чего ты ко мне не зашла? Я же говорила, а теперь поздно, уже надо идти туда. — Что-то не похоже было на нее, и Юна спросила: — Ты... тебе что, не сказали?

— Про что? — спросила Санта, становясь перед зеркалом то так, то сяк. — Все, пошли, сейчас будет ПРАЗДНИК!!!

— Что я тебя свергнула, — сказала Юна.

— Что? — Санта повернулась к ней.

— Уши на что, — сказала Юна. — Свергнула, вот что!

— Куда?

— Ты что, не знаешь, что такое свергнула? Села на твой, этот! Стул — вот куда! Не сказали?

— Ты?.. — только и спросила Санта. Не могла же Юна тут же начать все объяснять, Санта так на нее смотрела — как на таракана! А потом она тем более не могла ничего объяснить, потому что Санта развернулась и выбежала вон! И Юна стояла одна. Вот, она опять стояла в замке. Только, кажется, лучше бы она тут не стояла. Но она стояла, пока можно было, а потом стало нельзя, она как будто была прицеплена на резинку, только эта резинка состояла из минут, и теперь она тянула ее обратно к окну. Юна уже сидела на подоконнике, когда дверь распахнулась, вбежала Санта, а с ней...

— Я из-за вас все делала! — крикнула Санта. — А вы... Вы, все... Ну и живите теперь сами, а мы с ним... мы пойдем в монахи!

— Это что за чучело?.. — ошарашенно спросила Юна.

— Дура! Это... мой новый рыцарь, он как даст тебе сейчас... в зубы!

Юна бы могла много чего сказать на это. Уже даже хотела сказать, но вспомнила, что не за тем пришла. Тогда она слезла подоконника и сказала: — Ладно. Пусть даст, только один раз, и не со всей силы — ты тогда успокоишься?

— Не успокоюсь, — отрезала Санта.

— Ну и не надо, — сказала Юна. — Я все равно ухожу.

— Куда это ты уходишь? — спросила Санта. Но Юна снова не успела ничего объяснить! — Ладно: пойдем, — сказала Санта решительно. Тут уже Юна опешила: — К... куда?

— Я знаю, куда, — заявила Санта, — ну, давай, пошевеливайся! Нет, давай, помогай мне — я же в платье!..

Так кто, спрашивается, виноват?! И тут Юна так разозлилась, что могло случиться все, что угодно — ведь всякому известно, как вредно ссориться в таком лесу в такое время. Но случилось другое. В темноте и тишине раздался короткий гортанный выкрик — и у Юны чуть сердце не выскочило! Но это крикнул черный человек, что до этого молча стоял рядом — и, треща ветками, ринулся куда-то.

Юна не успела ничего понять, как Санта вдруг рванулась вслед за ним — и Юна осталась одна, и спустя несколько секунд сквозь топот и хруст услышала: Санта хохотала!..

Значит... Но Юна не стала думать, что это значит, и, если они хотели подшутить над ней и убежать, то зря, потому что она шагнула, зажмурившись (все равно ничего не видно), прямо в ветки, забарахталась в них, и вдруг они выпустили ее, и она побежала куда-то вниз, все быстрее и быстрее, вниз, и остановиться уже было никак, и она уже триста раз должна была врезаться во что-нибудь со всей силы...

Но не врезалась! Потому что деревья. Деревья, деревья, они уступали ей дорогу! Они размыкали свои сплетенные ветки, поднимали их, отводили в стороны, они расступались там, где бежала беспризорница Юна, крича, хохоча, размахивая руками и едва успевая за собственными ногами, — вниз, вниз, не боясь уже больше ничего на свете, — и еще быстрее!!!!

Тут нога ее за что-то зацепилась, а вслед за тем земля исчезла куда-то. Лечу!.. — успела подумать Юна,

— и шмякнулась, и кубарем покатилась по мокрой траве, — но уже не вниз. Последний раз перекувыркнувшись, Юна остановилась на четвереньках и, едва успев перевести дух, обернулась назад и крикнула:

— Ничего не больно, курица довольна!..

Лес темнел, сомкнувшись плотной стеной, как ни в чем не бывало, без лиц, без глаз — и куда кричать, непонятно. И еще Юна услышала другой звук. Ну, и тогда она огляделась по сторонам.

Прямо перед ней текла речка, и вода играла луной, разбивая ее на сверкающие полоски и собирая обратно. Светлый силуэт королевы Санты шел по бревну, перекинутому через реку. На середине Санта остановилась, и черный силуэт, уже сидевший там, протянул ей руку, — качнувшись, Санта взяла эту руку, и тоже села. А потом обернулась к берегу и махнула рукой.

— Вот мы и пришли, — сказала Санта.

Они сидели втроем на бревне, — черный человек, Санта и беспризорница Юна, а лес, расступившийся, чтобы текла река, стоял справа и слева, шелестя верхушками — начинался ветер. А черная вода шуршала внизу, под ними, и все бежала и бежала куда-то. А они болтали ногами. И было ни капельки не страшно. И не холодно. И не еще как-нибудь. А было так, как будто они просто расстались, а теперь встретились,

беспризорница Юна и королева Санта, и просто медлят, одна и другая, оттягивая ту минуту, когда наконец-то начнут друг другу все рассказывать. И, когда Юна подумала это, тут Санта и сказала:

— Ну давай, рассказывай.

Но Юна, прежде чем рассказывать, покосилась на черного человека. Санта, перехватив ее взгляд, сказала:

— Не бойся, он все равно ничего не понимает. — Повернувшись к черному человеку, она крикнула: — Бенджамин! Где твой барабан?

Черный человек тотчас готовно улыбнулся и ткнул пальцем в сторону леса. Потом в воду. Потом в небо. Потом ударил себя кулаком в грудь. И все это время ослепительно улыбался. Санта расхохоталась и сказала Юне: — Видишь? Он ничего не понимает. Потому что он не умеет разговаривать. То есть, умеет, но по-другому, а по-нашему — не умеет.

— Где ты его взяла? — спросила Юна.

— О! это не я, а Кондор. Его зовут, вообще-то, Бенджамин Приблудный. Кондор нашел его в лесу — он хотел застрелить Кондора, из автомата. Но промахнулся. На самом деле он не хотел застрелить Кондора, а просто боялся, а Кондор привел его во дворец, и поселил в королевских покоях, дурак. Селил бы у себя! А Бенджамин тогда там заперся, и три дня его никак не могли выманить. А потом он сам вышел. А автомат он куда-то спрятал, и пистолет, и гранаты, и патроны, а сделал себе взамен барабан — я еще не видела, это Кондор Юрису рассказал, а Юрис мне. А я про тебя думала, — сказала Санта, — часто. Представляла, что ты со мной, и что бы ты делала.

— Я тоже, — сказала Юна, и так оно и было.

— Но ты села на мой трон, — сказала Санта и надулась.

— Ха, — сказала Юна. — Больше не сяду, даже не проси.

— Это почему это?! — Санта повернулась к ней.

— А чего, я не умею. Лучше ты дону Бетту попроси, она тебе расскажет. Или Юриса. Они тебе лучше расскажут.

— Нет, я хочу, чтобы ты!..

— Ну ладно. — Юна перекинула ногу, и устроилась на бревне верхом. — Ну вот помнишь, ты когда уезжала, ты сказала мне... «Ты хорошая, даже может лучше, чем я», — пе-

редразнила Юна Санту. — Но это ты неправильно сказала. Если бы я была лучше, мне бы дали сто рублей. Но так... тоже нормально. Может, даже еще и веселее. Ну... видишь, я не умею рассказать.

— Нет, ты все правильно рассказала. — Санта серьезно кивнула. — Даже Юрис бы не смог так правильно рассказать.

— Ну, — сказала польщенная Юна, — Юрис-то смог бы...

— Юрис бы сказал бы... «Ты повзрослела, дитя мое», — передразнила Санта Юриса. — А ты знаешь — я, я тоже повзрослела! И я теперь старше Юриса! Но только ты ему не говори, потому что это тайна, — пусть он думает, что он по-прежнему старше меня! — Она расхохоталась, и Юна засмеялась вслед за ней. И Бенджамин скалил свои белые зубы, и когда Юна посмотрела на него, на нее накатила новая волна смеха, а Санта тогда взглянула на нее, и как захохочет еще громче!

Лес шумел; проснувшийся ветер летал над ним, играя с вершинами сосен в качели — а-ах!.. шшшшшшшшшш-ш-ш... — а трое на бревне все смеялись и смеялись; так смеялись, что в конце концов попадали в воду: первым Бенджамин, непонятно, нечаянно или специально, но так смешно, что и Юна, а за ней и Санта, прямо в платье! — только Юна плюхнулась прямо спиной, а Санта забоялась, и просто прыгнула. Воды здесь было как раз по горло, и они хохотали еще в воде, и брызгались друг в друга, а потом вылезли на берег, а с берега — опять на бревно, и еще смеялись! Но на самом деле смех в них уже кончался, это уже были остатки смеха, когда они смотрели друг на друга, или когда Санта говорила: «Как Бенджамин плавал — как крокодил!.. одни зубы над водой видны, ха-ха-ха!» Но вот наступила минута, когда уже никто не смеялся, и тогда стало слышно, что вода поет свою песню, не громче и не тише, чем когда они только шли, и что лес все шумит справа и слева.

— Скоро нам будет холодно, — сказала Санта через пять минут, после того как они послушали все это.

— М-да, — сказала Юна, и с сомнением посмотрела на штаны, с которых капали капли прямо вниз, обратно в бегущую речку.

— Я знаю, — сказала Санта. — Я знаю, что надо делать, у нас в странствии такое бывало. Надо развести костер, вот!..

— Точно! только — а спички?.. Они же тоже промокли!

И тут Санта хлопнула себя по лбу, как будто бы убивала комара!

— ПРАЗДНИК КОСТРОВ! — вскричала она.

Они помолчали, королева Санта и беспризорница Юна, — ну, а Бенджамин Приблудный, тот и все время молчал, и лицо у него снова было непроницаемым, как каменная маска. А правда, зачем разводить костер, если здесь, совсем недалеко, всего в получасе ходьбы, — стоит дом, а вокруг дома — сад, а в саду — стол, и сто костров там и сям уже сложены и только дожидаются своей минуты, и там можно выдохнуть, и наесться, и все, что угодно?..

— Так пойдемте же! Пойдемте немедленно! — воскликнула Санта. — Там нас все ждут!..

Но Юна медлила. Сначала она потеряла лоб, потом нос. А потом, вместо того, чтобы подняться и пойти, она посмотрела на небо.

Луна уже висела над самым лесом. А небо... Оно, только что такое густо-черное, кажется, стало немножко синее.

Лес шумел и стихал, и снова шумел, а вода журчала внизу ровно-ровно.

4. ТАЙНА

— У меня есть тайна, тайна,
Тайна, тайна,
Тайна, тайна!
Я ее сама не знаю,
Потому что это тайна!
Потому что это та,
Потому что это-та-та-тайна!..

Так, или примерно так пела беспризорница Юна. То есть, так пел ее язык или горло, а ноги несли ее куда-то, сворачивая в темные переулки и безошибочно угадывая проходные подъезды, — а сама беспризорница Юна была в это время далеко. Но где же была беспризорница Юна? — как где, да конечно там, куда она пойдет завтра. И еще там, где она будет через месяц, а еще конечно и там, где она будет, когда вернется... Так что, когда под ногами у нее кончилась какая-то железная лесенка и началось что-то гладкое, смоляного цвета, то она как раз вовремя успела удивиться и приказать своим ногам тормозить, — а иначе, вполне возможно, она бы свалилась с крыши! (Но, скорее всего, так все же не случилось бы, — ведь ноги Юнины были не какие-нибудь два дурака, они замечательно справились бы сами.)

Но все-таки Юна затормозила и, оглядевшись и убедившись, что она находится на самой высокой крыше и что весь ночной город отсюда виден как на ладони, сказала сама себе:

— Зыко!.. — Да, ноги ее знали, что делали; ведь если завтра ты собираешься уходить так далеко, что даже отсюда не видно, и если тебе ровно ничегошеньки не надо делать до самой последней электрички, на которой ты поедешь сегодня кой-куда... — если все это, то почему бы и не использовать остаток времени на то, чтобы попрощаться с этим городом, глядя на него сразу на весь и покуривая тот замечательный сигаретный огрызок, который припрятан у тебя в спичечном коробке в левом заднем кармане штанов?

Итак, Юна пробормотала «зыко!» — и вдруг какая-то тень отделилась от дальнего края крыши и метнулась за башенку. Юна аж подпрыгнула от неожиданности — на этой крыше была она не одна! Кто-то опередил беспризорницу Юну! Ага! — кто-то прятался от нее, хотел проследить за ней, выведать ее секреты!.. В мгновение ока решение было принято, и Юна шагнула за другую такую башенку рядом с ней. Хотя внутри у нее все жужжало, звенело, стучало и зудело, она стояла не меньше пяти минут в полной неподвижности, а затем присела и осторожнейше высунула нос — гораздо ниже того места, откуда ее мог бы ожидать этот кто-то, кто бы он ни был.

Ага! И Юна спряталась, увидев то, что хотела увидеть — кто-то, забыв об осторожности, стоял рядом с той дальней башенкой и вертел головой, видимо, недоумевая, куда она, Юна, могла деться. Этот бестолковый кто-то еще надеялся выследить ее, — выследить ее! Хорошо же, сейчас он попадет-ся в собственную ловушку, и пусть на Юну наденут платье, если это не так. Прижавшись к стене башенки, она выглянула одним глазом: кто-то неуверенно приближался к ней, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Затаив дыхание, Юна прождала ровно столько, сколько нужно, а затем, когда шорох шагов по мелким камушкам и стеклышкам крыши совсем приблизился, одним усилием, подтянувшись на руках, оказалась на плоской крыше этой невысокой башенки — не больше двух метров. И, прежде чем кто-то успел оглянуться и увидеть Юну прямо над собой, она прыгнула! Можно сказать, что Юна, хорошо зная, что неожиданность — залог победы, просто перемахнула эту башенку и свалилась прямо на голову своему врагу с диким криком:

— Ааа-а-а-а! Попался!..

— Пусти! Пусти! — и они покатались по крыше, и одним кирпичам известно, что было бы дальше, не остановись они на самом краю. Но они остановились на самом краю — и вот почему: беспризорница Юна разглядела, что этот таинственный враг, это неизвестное существо, которое она трясла и дубасила, и которое отбивалось что есть мочи — это была девчонка! Просто-напросто девчонка, с косичками и бантиками, может даже еще и младше беспризорницы Юны, и она уже не отбивалась, а редела, как самая настоящая девчонка, лежа на животе и спрятав лицо в ладони, и косички и бантики дергались и тряслись на ее спине. Вот те на! Юна расцепила руки и обескураженно села. Несколько раз она шмыгнула носом, посматривая на город внизу — город был виден отсюда далеко-далеко, — потом не выдержала, взглянула на эту девчонку, которая все так же лежала, и грубо сказала:

— Ну ладно, хватит! Распустила сопли — сама виновата! Откуда я знаю, кто ты такая! И чего ты за мной следила, а?.. Что?

Девчонка, не переставая плакать и не поднимая головы, что-то буркнула.

— Чего? Я не слышу! Кончай реветь и говори нормально! И, во-первых, сядь — что здесь тебе, пляж, что ли? — Юна протянула руку и дернула ее за куртку, и девчонка послушно поднялась и села. Но на этом ее послушность и кончилась. Глядя на Юну глазами, из которых все еще катились слезы, она оказала зло и упрямо:

— Ты знаешь, кто я такая.

— Очень интересно!.. — Юна, правда, очень удивилась.

— Ты знаешь, — повторила девчонка. — Я тебе говорила. Ты забыла, а вот я тебя помню. Я воробей, и я тебе уже это говорила. Ты уже второй раз пришла на мою крышу.

— Тьфу ты! — Теперь Юна точно вспомнила. Да, действительно, она уже была на этой крыше. Она осмотрелась вокруг, а потом посмотрела на этого... воробья. — Конечно, я забыла, — сказала Юна и фыркнула, — попробуй не забудь. Это же триста лет назад было — а тут такие дела...

— Сто двадцать шесть дней.

— Чего?..

— Сто двадцать шесть дней назад — а вовсе не триста лет.

— Ну ладно, — сказала Юна примирительно, потому что ей чуть-чуть было стыдно, что так получилось, что она приняла за врага какую-то девчонку, которая к тому же называла себя воробьем. — Но ты сама виновата — зачем было прятаться? Я подумала...

— Потому что, потому что я тебя ждала! — Слезы так и катились по щекам этого воробья, она, наверно, и Юну-то не видела, и продолжала ожесточенно выкрикивать: — Потому что меня все всегда обижают, и дубасят, и трясут, а ты тогда пришла и сидела, и мы сидели вместе на моей крыше... И я думала про тебя, всякий раз, когда сидела на моей крыше, и я думала, что ты еще обязательно придешь, хоть ты не говорила, но я все равно знала... И я хотела тебе все рассказать, все-всешеньки, и я знала, что это ты, еще с чердака слышала, но тут я подумала, что все равно все получится не так, а как-нибудь плохо, — пусть уж лучше я тебя никогда не увижу, и буду всегда сидеть одна на своей крыше! — Все это выпалила воробей единым духом, и слезы все катились и катились по ее щекам, а так как она сидела на самом краю крыши,

то кто-нибудь внизу мог подумать, что это идет дождь. А это всего лишь девочка, называющая себя воробей, плакала на своей крыше, и беспризорница Юна сидела с ней рядом, и ей уже порядком надоело, что этот воробей все плачет и плачет. Она сказала:

— Ну ладно, хватит тебе, чего это все будет плохо — все зыканско будет. Ты можешь мне рассказать, что хочешь... только не очень долго, потому что мне скоро уходить, — добавила Юна на всякий случай.

Но эта упрямая воробей покачала головой и сказала:

— Нет. Ты меня обижала, и колотила, и трясла, как они все. Ты не воробей. А я воробей. И я тебе ничего не расскажу. Лучше уходи с моей крыши... и я буду всегда сидеть здесь одна... со своей белой птицей, — закончила она тихо.

Но на беспризорницу Юну эти последние тихие слова произвели такое действие, как будто бы под ней взорвалась бомба.

— БЕЛЫЙ ВОРОН!!! — вскричала беспризорница Юна, подпрыгивая на метр вверх и совсем забыв, что она находится на самом краю.

И, застыв как статуя, она уставилась на воробья, сидящего перед ней в темноте.

Но, если беспризорница Юна была так поражена упоминанием о белой птице, — что сказать про воробья, услышавшего имя «Белый Ворон»?..

Только одно. Достаточно сказать, что воробей перестала плакать.

Хотя, конечно, можно еще сказать, что оно — имя — вонзилось ей прямо в сердце! Но, может быть, имя вовсе и не вонзалось в сердце воробью, а просто понравилось ей, потому что она такого никогда не слышала. А может быть она ожидала чего-нибудь подобного с тех пор, как однажды в начале лета провела на крыше целую ночь — так ей не хотелось возвращаться в квартиру, а было тепло. И она сидела, а потом лежала, и смотрела на луну, а потом смотрела на звезды, а потом смотрела, как они исчезают. А потом вышло солнце — но на солнце уже воробей не смотрела. Оно было такое огром-

ное, красное и кривое, когда выползло из-за домов, что смотреть на него просто невозможно было. Воробей все лежала, хотя можно было уже идти, возвращаться в стены своей квартиры. Но она еще лежала и смотрела в небо, наливающееся летней голубизной. И тут она увидела. Высоко-высоко в небе летела белая птица.

Дома воробья, конечно, ругали, — папа надавал ей затрещин, мама допытывалась, где она шлялась, а потом они в два голоса кричали, что такая неблагодарная дрянь, как она, никогда не выйдет в люди. А воробей молчала. Не сказала воробей, что она не хочет ни в какие люди. И не сказала про белую птицу. А просто, когда ложишься спать и закрываешь глаза — то вот оно, снова как тогда, голубое небо и белая птица в нем.

— А может, тогда и вовсе ничего не случилось, ну, когда Юна сказала это; а случилось потом, постепенно, за много следующих дней, ведь если долго повторять такое красивое имя: «Белый Ворон... Белый Ворон... Ворон, Ворон. Белый, Белый», — то сама не заметишь, как влюбишься в него...

— В кого — в имя?

Да, здесь действительно легко запутаться, а потому лучше просто сказать, что воробей перестала плакать.

Беспризорница Юна и воробей смотрели и смотрели друг на друга. Но наконец Юна шевельнулась, шмыгнула носом и сказала:

— Белый Ворон. Ты сказала — ты знаешь про Белого Ворона.

— Я... — тут воробей запнулась. Все встало на свои места. То есть — она была воробей, и она сидела на той же самой крыше, где и всегда, и никакого Белого Ворона.

— Я нис... — сказала воробей с отчаяньем.

А вот этого совсем уже нельзя было говорить. Воробей иногда говорила некоторые слова не как люди, и за это ее всегда дразнили все, кто попало. Но сейчас ей было все равно.

Но непризорница Юна поняла совсем по-другому. Она хмыкнула и нетерпеливо сказала: — А я непризорница Юна, здарсьте!.. Послушай-ка, Нис! Ты должна мне рассказать, мне это вот так нужно! — она чиркнула пальцем по горлу. —

Так я и знала, что меня ноги не зря завели на эту крышу!.. Эй, Нис! ты молодец, что здесь сидела и хотела все рассказать мне — ты правильно хотела. Рассказывай!

— Я ниснаю и ниснаю и ниснаю и ни-и-ис!.. — закричала воробей зажмурившись от отчаяния. Стало тихо. Воробей почувствовала, как слезы пробираются сквозь зажмуренные глаза наружу. И тогда она сказала: — Я хотела... Но у меня ничего нет. А про Белого Ворона — это ты сказала, а я... я просто придумала себе про белую птицу... чтоб у меня что-нибудь было.

Когда она отжмурилась, беспризорница Юна сидела рядом на краю крыши и вытаскивала из кармана какую-то корбочку. Спичечную, вот какую, — и достала оттуда что-то маленькое и кривое, вставила себе в зубы, зажгла спичку — и выпустила целую струю дыма.

— Тебя мама не ругает? — спросила воробей в ужасе, сквозь слезы.

— Мама... — буркнула беспризорница Юна. — Мама меня заперла на ключ, чтоб я никуда не ушла. А я все равно ушла — через окно! — Она сплюнула и вытянула шею, чтобы посмотреть, как плевок летит вниз и исчезает в темноте. Город лежал внизу и впереди, со всех сторон, мерцал всеми своими огнями, окнами, светофорами и фарами. — Я ей записку написала, — сообщила Юна. — Что вернусь, и всё такое. Я ей говорю, что мне надо — а она реветь... как ты, точно! Ну ничего, она потом узнает. Все вы потом узнаете, — пообещала Юна. — Эй, ну, хватит тебе тут!..

— Фу-у... — сказала беспризорница Юна потом, потому что воробей все плакала и плакала. — Как вы мне, девчонки, надоели все! Ну хочешь... пойдём вместе!

Слезы у воробья высохли в один момент.

— ...Куда?..

— Искать Белого Ворона! А ты думала — котлеты есть?

— Я ни-ис!.. — испуганно закричала воробей. Но Юна уже выбросила щелчком окурочок далеко вперед, и вскочила.

— А я — беспризорница Юна! — И тут случилось целое представление. — Кто со мной — тот герой! — выкрикнула Юна. — А кто без меня — тот паршивая свинья!..

Никогда еще на этой крыше не было так громко! Воробей глядела на Юну во все глаза, боясь шевельнуться, а Юна — она скакала, прыгала, размахивала руками, кричала, пела, и чуть не свалилась вниз!..

— Голова и руки — это я.
Ля, ля, ля!
А две мои ножки —
Это две кошки,
Две мои ножки —
Это две кошки!!!

Наконец, запыхавшись, она шлепнулась обратно на край рядом с воробьем.

— Ну вот, — сказала она и взглянула вниз — а город лежал себе, помаргивая фонарями, и знать не знал про беспризорницу Юну, выросшую здесь, знакомую с каждым закоулком и собирающуюся покидать его!.. — Вот, — сказала Юна потише, и взглянула на воробья, испуганно замершего на краю. — Короче, — сказала Юна. — Завтра. Когда встанет солнце. Я буду ждать тебя где кончается город — ну, большое кольцо, там такой шлагбаум, знаешь?..

«Ни-ис...» — подумала воробей, но вслух сказать не решилась. Она побоялась, что Юна опять начнет скакать, и все-таки свалится с крыши.

А Юна, чувствуя себя очень важной, подумала, что бы еще такого важного сказать, но ничего не придумала, и решила просто повторить:

— В общем, запомни, завтра, когда встанет солнце. А если ты опоздаешь, то я буду знать, что ты захотела идти, и пойду одна, понятно? — Юна почесала нос, и объявила: — Всё! — Поднялась. — Я пошла, мне надо еще на последнюю электричку... по важному делу.

И она побежала вприпрыжку к чердачному люку, и уже было нырнула в него, но потом оттуда донесся ее голос:

— Э-эй! Нис! Я забыла! Возьми где-нибудь одеяло!

— У меня нет, я ни-и... — закричала воробей, но из люка раздалось: — Так укради где-нибудь! — и все стихло, и воробей опять сидела одна на крыше. А город...

5. В ПУТЬ!..

Юна встrepенулась: кажется, она заснула. Но тогда всего на секунду, — журчала вода внизу, а Санта смотрела на нее с ожиданием. Юна глотнула, потом сказала:

— Я вспомнила. — (И услышала свой голос как будто со стороны — это всегда так, когда целую ночь не спишь.) — Я забыла, — сказала Юна, — а теперь я вспомнила. Я же не пойду... в замок.

— Почему? — спросила Санта.

— Потому, — сказала Юна, возвращаясь к своему голосу, — что кончается на у. Я ухожу... — она запнулась, потому что вспомнила: тайна? Но как-то сейчас было не так; тайна вроде как сдулась, как воздушный шарик — может уже никакой тайны и не было вообще?.. — Я ухожу искать Белого Ворона, — сказала Юна поспешно и, насупившись, глянула на Санту: может она теперь еще засмеется?

Но Санта молчала. Потом она сказала:

— Разве Белого Ворона можно искать? — И еще потом сказала: — Белый Ворон приходит сам.

— Точно, — сказала Юна мрачно. — Я теперь еще вспомнила. — И тут она засунула палец в рот и принялась ожесточенно грызть ноготь. — Я же когда лезла, — сказала она, — я слышала. Юрис и дона Бетта разговаривали. Что Белый Ворон приходил, и Юрис сказал, что надо подождать, и он скоро опять придет.

Вода журчала, а лес шелестел, а небо теперь уже точно было синим, и какая-то птица в лесу пробовала голос.

— Знаешь что? — сказала Санта, и Юна повернулась к ней. — Ты сейчас никуда не пойдешь, — сказала Санта. — А мы сейчас вместе пойдем на Праздник Костров. А потом ты мне все расскажешь, и мы тогда придумаем, что надо делать, и, вот, — кто же уходит осенью?.. Надо уходить весной. Если тебе так хочется, то можно пойти весной искать Белого Ворона. Я бы тоже с тобой сходила поискать Белого Ворона. А сейчас — ты представляешь, какой им будет сюрприз? Они уже там, наверно, все локти себе покусали, что меня нету, а тут — хоп! — и мы вместе, я в белом платье, и ты!..

— Вот они обрадуются, — усомнилась Юна.

Но тут же она поняла, что да, конечно обрадуются! И вдруг она увидела, как все это будет: никто ничего не скажет, как будто им и дела нет, один только граф де Билл что-нибудь скажет, а Юна тогда огрызнется... а потом она все спросит у Юриса, Юрис всегда все расскажет, если у него спросить, а если он до сих пор не рассказал, так это потому что Юна не спрашивала, а не спрашивала, потому что не знала — а теперь-то она знает!.. а стол?! Там, на столе — там пироги, и огурцы, и помидоры, и картошка, и компоты, и печенье — и можно будет все это съесть, а потом завалиться спать, потому что где это сказано, что человеку нельзя поспать, если он и так не спал уже две ночи подряд (ну, только дома днем, и то чуть-чуть)? А потом, когда она поспит и поест, потом можно будет что-нибудь придумать. Всегда можно что-нибудь придумать, если ты хоть мало-мальски приличная беспризорница, только сначала поспать, и чтоб не так холодно, и не так мокро. ...Так что — значит все-таки можно вернуться назад?..

Что-то мешало в кармане. Юна сунула руку, и вытащила, и разжала ладонь.

— Что это? — спросила Санта.

— Это... — сказала Юна. — Ну, это... такая вещь. Короче, это тайна. ...Чтобы найти Белого Ворона!

Чиркнула спичка. Санта осветила. Она, и Юна — они вместе смотрели на медальон, похожий на двадцатипятикопеечную монету.

— Здесь их три!

— Ага, — сказала Юна. — Один — Белый Ворон, а эти два...

И тут беспризорница Юна чуть не выронила медальон в воду! Потому что прямо у нее над ухом кто-то как заорет!..

Бенджамин Приблудный, о котором все забыли, потому что он до этого все время молчал, теперь, весь подавшись вперед, смотрел на медальон, — прямо-таки поедал его глазами!

— Смотри! — выдохнула Санта, дергая Юну за рукав. — Смотри! Бенджамин что-то знает! Он сейчас скажет!..

— Интересно, — пробормотала Юна с сомнением, — а как это мы узнаем, что он сказал, ты же говорила, он не...

Бенджамин смотрел на Юну. Он сказал — одно слово.

— Чего?.. — спросила Юна.

Бенджамин повторил это слово, и потом, настойчиво, еще раз.

— Какая-то скумбрия, — сказала Юна растерянно. Она посмотрела на Санту. — При чем тут скумбрия? Эй, дяденька — ничего не понятно все равно! — Юна пожала плечами, развела руками, и еще постучала себя в грудь.

Бенджамин кивнул. И постучал по бревну.

— Это чего он? — Юна с подозрением обернулась к Санте.

— Ты можешь помолчать? — вдруг шикнула Санта. Юна... нет, она не обиделась. Потому что Бенджамин не перестал стучать по бревну, и она стала смотреть на него, а обидеться решила попозже.

Бенджамин стучал по бревну обеими ладонями, а глаза его были закрыты, и черное лицо поднято вверх. А там, вверху — там светлело небо. И лес по сторонам — это были как две поднятые руки, и они держали небо, а оно светлело. И уже можно было видеть желтый лист, который несет вода. И уносит вниз, под ноги, и больше его не видно. А Бенджамин стучал и стучал по бревну, обеими ладонями, не очень быстро, но и не медленно, а в самый раз, и иногда одна ладонь стучала сильнее, чем другая, а потом опять — равномерно. И этот стук отдавался в бревне, а Юна сидела на этом бревне, и наконец ей стало казаться, что это вовсе не Бенджамин стучит, потому что стук вошел в нее, и так в ней и остался. А может быть, всегда в ней был? Может, это стучало ее сердце? И сердце леса. И сердце воды, и сердце бревна, и сердце беспризорницы Юны... И тут Бенджамин запел.

Когда все кончилось, они немножко посидели молча. Уже было почти светло. Но наконец Юна шевельнулась и сказала нарочно небрежно:

— Ага, зыканско. Жалко, что ничего непонятно. — И плюнула в воду.

— Непонятно?.. — Санта посмотрела на нее так, как будто бы ей непонятно было, что сказала сейчас Юна, а все остальное на свете ей было понятно.

— Ха, — сказала Юна, — ну конечно, я забыла, ты же самая умная. Это, наверно, тайна — что тебе там понятно?

— Почему тайна, — сказала Санта. И закрыла глаза, как Бенджамин до этого. Она сказала: — Это песня про... того, кого все ждут. Но он не может сейчас прийти, потому что в него стреляют из пистолета. Но зря стараются — все равно не попадут. Он всех обманет, и все будет хорошо. И он придет. — Она открыла глаза. — Чего тут непонятного?

И тут все стало понятно. Да разве было когда-нибудь непонятно? Нет, это Юна просто притворялась, ну конечно. Беспризорница Юна тяжело вздохнула и потрогала свои мокрые штаны.

— Чего ты? — спросила Санта.

— Того, — сказала Юна сердито. — Без тебя все знаю. Ждут, ждут — подождут! Захочу еще — и не пойду. — Но это она уже так, разговаривала, а все уже было понятно.

— В замке — да?.. нет? А где? Где тебя... ждут?

— У тебя на бороде, — сказала Юна сурово. И плюнула в воду второй раз. — Все, мне некогда. Ты там... никому ничего не говори. Ясно?

Санта смотрела на Юну как-то странно.

— Я бы хотела тебе что-нибудь подарить, — сказала она наконец, глядя на Юну во все глаза. — Но у меня нету. — И тут она вдруг стрельнула глазами на жемчужное ожерелье у себя на шее — и снова на Юну.

— Да ладно, — сказала Юна. — Нужны мне ваши девчонские штучки!

— Нет, подожди!.. Вот, на, возьми... спички. Это очень хорошие спички, видишь, на них нарисована огненная змейка. Они загораются в любую погоду, даже в воде, и пять минут не тухнут.

Юна вспомнила: точно, Санта же светила на медаль, и Юна тогда еще подумала. Но сказала только коротко:

— Спасибо, — пряча спички в карман.

— О, не за что. Мне их тоже подарили.

И Санта встала. И Юна тогда тоже встала.

— Ну пока.

— Пока.

Юна повернулась к Бенджамину, который тоже уже стоял на бревне. — А как мне... — сказала Юна. — Мне туда!.. — Она показала пальцем на противоположный берег. Бенджамин закивал и заулыбался — Юна и пикнуть не успела, как он поднял ее руками и переставил на бревно позади себя. — Ух ты, — сказала Юна, переводя дыхание.

Королева Санта в белом и грязном платье, расставив руки, шла по бревну на берег. Бенджамин Приблудный, улыбнувшись напоследок Юне во все зубы, повернулся и пошел за ней. А Юна еще секунду постояла, потому что на самом деле у нее голова кругом шла от всей этой ночи!.. Но не хватало еще, чтоб Санта это заметила, или еще подумала, что Юне жалко с ней расставаться, — и беспризорница Юна повернулась и пошла на другой берег, изо всей силы мечтая только о том, что она правильно решила, что так выйдет к электричке, а если она и запутается чуть-чуть, то это не страшно, потому что уже утро.

Ну вот. Все сидели в саду, и никто не спал. Нет, дети спали. Папаша Маугли укрыв их одеялом. Он хотел увести их в дом, но они не хотели уходить, и вот, заснули прямо здесь. Тогда он сбегал в дом за одеялом, — им не должно было быть холодно под этим одеялом, ведь оно было пуховое. Всем остальным тоже было не холодно. Папаше Маугли вообще никогда было не холодно, потому что он был закаленный. Анне-Лидии в один момент стало холодно, но тогда граф де Билл отдал ей свою куртку. Но вообще, было уже видно, что этот день опять будет теплым. Как летом. Это хорошо, да? Да, это хорошо. Все сидели, никто не ушел, и день обещал быть теплым, и Кондор играл на дудке, и никак не мог остановиться. И это было хорошо.

Сначала-то было не очень хорошо. И даже очень плохо было, когда Юрис наконец-то сбегал за Сантой, обыскал весь дом и нигде ее не нашел. Когда он вернулся, он был очень расстроен. Он сказал, что ничего не понимает. Он хотел сразу пойти куда-нибудь в лес, чтобы искать королеву, но осталь-

ные уговорили его немного подождать, потому что Санта любит сюрпризы, это все знают. Но вообще было ничего не понятно. И как теперь с Праздником Костров? А донна Бетта молчала. И вот, когда прошел час или полтора, Кондор достал дудку и стал потихоньку на ней играть. И тут пришел Рыболов.

Он пришел, когда Кондор уже играл на дудке изо всех сил. Кондор играл так, что все птицы, сколько их было в лесу, слетелись послушать. Все ветки яблонь ломились от птиц, и еще они склевали все, что было на столе — но это и ничего, все равно уже все остыло. Только одна птица не прилетела (это, кстати, была та птица, которая пробовала свой голос в лесу, когда стало светать, неподалеку от того бревна, а она не слетелась из-за того, что должна же остаться в лесу хоть одна птица). Так что, хоть праздник и не начался, но все равно, это не была и обычная ночь, а самое главное, самое удивительное было то, что Рыболов пришел в замок.

Но разве Рыболов — это такое уж чудо? Кто хочешь может увидеть Рыболова, если, конечно, сейчас весна или лето, нужно только знать место, где он сидит, этот камень, который так и называют: камень Рыболова. Туда и приходи с любимым своим делом — покупаться, или просто посидеть в тишине, посмотреть на воду, в которой неподвижно стоит красная палочка поплавка. Ну, а не распугаешь ли ты рыбу? Вряд ли; может там, конечно, и есть рыба, только никто никогда не видел, чтобы Рыболов что-нибудь вытаскивал. Может у него и крючка нет — кому какое дело? Зато можно рассказать что-нибудь, что тебе важно, и Рыболов выслушает, — то есть, конечно, неизвестно, слушает ли он, глядя на воду, темную или блестящую, смотря по солнцу. Но, вероятно, все-таки слушает. Почему бы и нет? Папаша Маугли, например, постоянно с детьми ходил к Рыболову, а вот граф де Билл, скажем, — совсем редко. Ну, каждый по разному. Но чтобы Рыболов сам пришел в замок?!..

Он пришел, когда Кондор уже играл, играл и играл, — так, может быть, он пришел послушать Кондора? Вот интересно, Кондору же тогда, наверное, должно быть очень приятно. Может он и играл так оттого, что Рыболов сидел вместе

со всеми и слушал его? Но скорее всего нет. Скорее всего, Кондор просто играл.

Кондор просто начал с того места, где они с Бенджамином Приблудным остановились вчера. Лето почти прошло, тихонько сыграл Кондор, и это было правильно, но Кондор почувствовал, что сейчас это уже не вся правда. И он попробовал еще раз. Получилось — что-то почти ушло. Но тут Кондор вдруг все понял. Он понял, что должно быть на самом деле. И он сыграл. Он сыграл: кто-то почти вышел.

Ну наконец-то!..

Ну и времена настали — это сколько же пришлось ждать, чтоб этот кто-то наконец сдвинулся с места? Это же составить можно было, ожидая! Нет, послушайте-ка, — разве мы были такими, когда нам еще не было всем по столько многу лет и зим, как сейчас? Разве кому-нибудь приходилось ожидать, чтобы мы вышли? Эй, Папаша Маугли, ну-ка, признайся, когда ты еще не был Папашей, разве кто-нибудь ожидал, чтобы ты вышел? Никто и оглянуться не успевал, а ты уже был за тысячу миль, — ты вылетал, как торпеда, никто и моргнуть не успевал! Да что, — честное слово, еще день-другой, и я бы плюнул и сам куда-нибудь вышел, удивляюсь, как это я до сих пор этого не сделал. Правда, у меня были веские причины: надо было засушить трав, а то что курить-то зимой, и картошку посадить, кушать ведь тоже хочется, а всякие огурцы-помидоры, редиски-капусты, и все такое — это что, думаете, с неба берется? А так бы я давно уже вышел. Не верите? Ну и правильно не верите, никуда бы я не вышел. Хватит, находился уже, мне и здесь хорошо. Хватит, я уже один раз когда-то вышел. Эй, Папаша, скажи хоть ты им, когда ты вышел — ты ведь прекрасно помнишь, как это было — ну-ка, по-честному: разве ты сюда собирался?.. Ага, то-то же: где-то в пути, видно, ошибочка вышла, и вовсе ты не сюда собирался, совсем в другое место, тихо, не говори, в какое, и так грустная песенка получается.

Ну да! — не ошибается тот, кто никуда не идет, — а кто шел, тот и ошибся. Но теперь — все, хватит! теперь — ни ногой, хватит уже ошибаться, поздно... Но ведь чудеса случаются только по ошибке, разве вы этого никогда не слыхали?

Да, только по ошибке, только по ошибке, а потому давайте-ка вместе подумаем о том, кто сейчас вышел, раз уж ничем другим мы помочь ему не сможем — ведь это его ошибка: его чудеса. А мы — нам всем и здесь хорошо, и это ли не самое главное чудо? Да, мы никуда не пойдем, ведь нам и здесь хорошо. Очень хорошо, вот только грустновато. Ведь лето почти прошло...

Вот что сыграл Кондор. Но разве можно такое сыграть на дудке? Нет, конечно. Это шутка. Это просто мне захотелось такое сказать, вот я и пошутила, что как будто бы это Кондор сыграл. А Кондор просто играл музыку — очень красивую музыку, сначала грустную, а потом веселую, и каждый, кто его слушал, мог бы, конечно, сказать, про что она, — но никто никого не спрашивал, потому что — не дураки же они. Но что лето почти прошло — это точно, это там было. С этого Кондор начал, этим он и закончил, и когда последний звук растаял над яблонями, оказалось, что уже утро. Утро! Пусть бы Кондор еще играл, или пусть бы он закончил чем-нибудь другим! Но Кондор опустил дудку, он все сыграл, и не знал, что дальше, и все почувствовали себя обманутыми или покинутыми...

И вдруг!

Как-бы-не-так, как-бы-не-так!!! — раздалось откуда-то из дальней стороны сада, и это был барабан, и вслед за тем!

Вслед за тем они появились, сначала Бенджамин Приблудный, который мчался огромными скачками, и руки его хлопали как крылья по огромному красному барабану, и за ним — прекрасная королева Санта в белом и грязном платье, и она хохотала! Хохотала во все горло!..

Юрис Рыжебородый вскочил и двинулся навстречу, и лицо у него было... Но, не пройдя и двух шагов, круто развернулся и уселся на свое место: он злился, но смотреть на это нечего. А королева?

— Он сделал мне предложение! — кричит королева Санта Первая, и хохочет во все горло. — Он! ха-ха-ха! Предложил мне замуж!..

Все косятся на Бенджамина Приблудного, который, сверкая зубами, наяживает на барабане, а Анна-Лидия Вега-Серова, не выдержав, кричит:

— Кто, кто, кто?

— Принц! — кричит Санта. — Он — принц! Только он...
Ха-ха-ха!!! — кабан!..

— А ты???

— А я! Я сказала ему, что я еще маленькая!!!

И тогда дона Бетта встала. Она подняла руку, — и тут все костры, дожидаящиеся своего часа в разных уголках сада, вспыхнули одновременно, хотя никто их не поджигал! И все птицы запели, а все дети проснулись.

Праздник Костров начался.

Беспризорница Юна выбралась из леса прямо на асфальтовую дорогу, которая закруглялась вокруг всего города, и поэтому называлась «большое кольцо».

Солнце вылазило из-за леса, а Юна шагала, размахивая руками, и, чтобы согреться, пела такую песню:

— Тише дети, ни шу-шу!
Я поймал большую вшу!
Грязную, вонючую.
Щас ее замучаю!
Шли по полю, и ели «Поморин»,
Ели «Поморин»,
Ели «Поморин».
Шли по полю, и ели «Поморин»!
И ели «Поморин»!
Ели «Поморин»!
«Поморин», о, «Поморин»!
Зубная паста «Поморин»!

— Ха-а-а! Бе-бе-бе! Чтоб у тебя колеса отлетели-и-и! — кричала Юна, когда ее обгоняли машины (их было не очень много, всего одна или две, ведь было еще рано). Конечно, Юна вовсе не хотела, чтоб у них колеса отлетали, а просто так кричала; а если чуть что, то она могла бы запросто спрятаться от них в лес, где им ее словить.

Солнце уже поднялось над лесом, и облака, сначала красные и желтые, постепенно угасали, когда справа показался город. А впереди... Впереди был шлагбаум, и он перекрывал

дорогу, так что все машины, обогнавшие Юну, теперь стояли у шлагбаума. И еще. Еще у шлагбаума кто-то стоял.

— Ну ничего себе! — удивилась Юна.

Ждут, конечно, — только как-то не очень-то верилось. Мама с папой не пустили, или что-нибудь. И вот теперь — Юне даже захотелось приостановиться, но ноги не послушались: привыкли шагать быстро — теперь непонятно было, радоваться или наоборот. Конечно, веселее, и все такое, а с другой стороны — девчонка! всю крышу водой залила, о-ей...

— Привет, Нис! — сказала Юна, бодро стуча зубами и обходя все машины, которые ее до этого обогнали — все колеса у них были на месте. — Ды-ды-ды, холодно!.. — Юна повернулась назад и, шурясь, посмотрела на солнце. — Еще будет час холодно, — определила она, — а потом будет тепло. Как летом.

Воробей смотрела на Юну.

— Я почему-то думала, что ты не придешь, — сказала воробей тихо.

— Я не приду?.. — возмутилась Юна. — Постой-ка!.. — Она увидела, что из окна последней машины выбросили замечательный длинный окурок. В три прыжка она оказалась рядом и подняла его. — У тебя спички есть? — спросила Юна, возвращаясь. — А, стой! Мне же подарили! — Она сунула руку в мокрый карман и достала спички, на которых была нарисована огненная змейка. — Зыканско — сухие! — объявила она. — Сейчас распробуем... думаешь, это так просто — это мне одна девчонка подарила, королева, самая настоящая!

Королевская спичка зажглась как самая обыкновенная спичка, и Юна прикурила. А потом взялась за сторевшую голловку и, перевернув спичку, подождала, пока она догорит до самого конца.

— И мы пойдем искать... Белого Ворона?.. — спросила воробей рядом.

— Ага, — сказала Юна, припрыгивая на месте и выпуская такой клуб дыма, что все машины на секунду скрылись в тумане.

— А куда?..

— Кудях-тах-тах, — сказала Юна. — На Кудыкину гору! Пойдем, и будем у всех спрашивать, вот и узнаем, куда.

— Да? — спросила воробей, и посмотрела на Юну.

— Да, — сказала Юна решительно, потому что на самом деле была вовсе в этом не уверена. Но кому здесь и быть уверенной, как не беспризорнице Юне?! Конечно, узнают, — и Юна, сплюнувши в сторону, протянула воробью окурочек: — На!..

— ??..

— Так положено, — объяснила Юна. — Положено покурить перед дорогой. Бери, — надо тянуть в себя.

Воробей испуганно смотрела на окурочек. Ах, воробей, воробей, что же дальше будет, не лучше ли тебе было сидеть на крыше?.. Но ее спасло то, что в этот момент они услышали поезд.

Это был медленный поезд. Он выезжал из города, и еще не успел набрать скорость. Все машины нетерпеливо загудели, ведь это из-за поезда они стояли столько перед закрытым шлагбаумом. Юна и воробей по имени Нис — обе забыли про сигарету. Они стояли и смотрели на медленный поезд, который шел уже мимо них и мимо шлагбаума. Вдруг Юна посмотрела на Ниса, на поезд, и снова на Ниса.

— Эй! — Она схватила воробья за руку. — Бежи-им! — крикнула Юна сквозь грохот колес по рельсам. — Бежим!

И они побежали.

Они побежали за этим медленным поездом, и Юна не спросила, почему воробей не взяла где-нибудь одеяло, ведь она же говорила; а воробей тоже не спросила, ведь она, наверное, много еще чего хотела спросить... Знаешь что? Пусть бы они еще стояли и говорили, потому что я, оказывается, привыкла к беспризорнице Юне, мне жалко с ней расставаться, и вдруг что-нибудь было не так? Но теперь все, ничего не исправить. Ведь они уже побежали.

Они бежали сначала рядом с поездом, а потом поезд прибавил ходу чуть-чуть, и вот они уже бежали за последним вагоном, — и тут Юна ухватила за поручень, и втащила за собой воробья!

Шлагбаум наконец открылся, но ни одна машина не поехала, — все шоферы высунули свои головы и вытаращили

глаза, глядя на быстрый теперь поезд, на последнем вагоне которого, уцепившись за поручни, уезжали Юна и Нис, причем Юна размахивала одной рукой и голосила что попало в качестве прощальной песни:

— Я позвоню вам вовремя,
И телеграмму дам!
Вперед, за Белым Вороном,
К далеким берега-а-а-аааам!..

И тут у этих машин отвалились все колеса!

(А так всегда случается с теми, кто не едет по своим делам, а только тарашит и тарашит глаза на кого-нибудь другого.)

Книга 2

Белый Ворон приходит сам

Часть 1. ПОРА БРАТЬСЯ ЗА ОРУЖИЕ

1. ВСЯЧЕСКИЕ РАСТЕРБАСЫ

Жили-были, поживали, далеко не хаживали, что сажали, то жевали, а другого не желали... В общем, это деревня. Стояла.

Стояла она на краю леса, и в ней было — всё, что хочешь! Хочешь мельницу? Вот тебе мельница! Хочешь подсолнухи, тыкву, или может вино из винограда? Всё есть. Было там даже электричество, оно тянулось от мельницы по проводам к каждому дому. Не хочешь? Ну, милый, я тогда не знаю, чего тебе надо. Сходи к дяде Дику, может он подскажет*.

Дядя Дик был полицейский, он был самый сильный, кулаки у него были — ого! как у другого голова!.. И еще здо-ро-венная дубина! Посмотреть только, как он мчался, зажав ее обеими руками, к месту очередного беспорядка — тут на самых буйных, не говоря о простых любителях укатить кочан с чужой грядки, напал такой столбняк, что дяде Дику оставалось только брать и вести. Что он и делал. Провинившихся Дик сажал в т у р м у, которая находилась у него на задворках, между поленицей и курятником, а ранним-ранним утром двери ее открывались, дядя Дик впрягал его в плуг, — или там

---

* Шутка. Дик — так в этих местах назывались дикие кабаны. «Иди к дику» — значило «ступай лесом, куда подальше».

в санки, на которых возят дрова, смотря по времени года, — после чего они вместе пахали сперва до забора, а потом и до заката, молча ужинали, дядя Дик запирал нарушителя обратно в сарай, до следующего утра, и так ровно семь дней, и без всяких тут растербасов. Зато и огород же был у дяди Дика! И в доме все цело и на местах, дрова — полено к полону, сено заготовлено, яблони побелены, а цветник!.. Кто хоть раз там побывал, месяц вздыхать будет... если, конечно, не повезет тут же попасться еще раз. Да. Хорошо еще, что за пределами своего забора дядю Дика мало что интересовало, — так бы точно к рукам всю деревню прибрал. Даже когда он был еще молодой и дрался за правую сторону, правые всегда побеждали.

Правая сторона вообще-то была и левой — если от леса смотреть. А левая тогда, наоборот, была правой. Так просто для удобства называлось. Посередине деревни проходила дорога, вот она-то и делила деревню на две половины. По весне парни выходили на эту дорогу драться: правые с левыми, — а потом, ближе к лету, глядь — а они уже помирились и переженились на сестрах друг друга. Но дорога-то оставалась! Так что следующей весной новая молодежь подрастала и выходила на нее драться. Старые люди, правда, говорили, что дорога вовсе не для этого, а на вопрос, как же еще отличить, кому с кем драться, отвечали: да уж как-нибудь. А дорога ведет в город. А город — это как бы такой большой огород, приходи, бери что хочешь... ф-фу-у.

Конечно, они всё ввали. Ни в какой такой город дорога никого не вела. Можно было пройти по ней до самого леса, можно и дальше: целый день чесать по лесу, а уже на закате вдруг — раз! — и выйти из него. Ну и где этот город? Одни поля, точно как и везде. Можно, конечно, еще дальше идти по этой самой дороге, по краю леса, мимо полей, но лучше уж поворачивать назад, пока совсем не стемнело. Лучше сходить на озера, уток половить — больше пользы будет.

Озера находились в лесу, прямо возле деревни, и их было семь. Седьмого, правда, самого дальнего, никто не видел, но так уж говорилось для ровного счета. Тем более, что один человек в этой деревне все-таки видел седьмое озеро — много

раз. Человек этот был охотник. Его звали Заяц. Он жил один, на самом краю деревни, ближе всех к лесу, и каждое утро выходил на дорогу, чтобы в лесу свернуть с нее на какую-нибудь из ему одному (и еще псу) ведомых тропинок. Пёс бежал первым, потому что все видел быстрее и лучше, и когда глаза Зайца начинали различать его черную тень впереди, это значило, что уже светает. Они шли дальше, слушая, как просыпается лес, и ни про какую другую дорогу Заяц знать не знал и не думал.

2. ХРОМОЙ И НЕМОЙ

Заяц был просто себе Заяц, нормальный.

Он был, правда, немного нелюдим. Но тут уж не его вина: дом его стоял на самом краю деревни, как бы на отшибе — ближе к лесу. Из-за этого у него даже электричества не было: проводов не хватило. Но он не огорчался: привык. На самом деле, у него много чего еще не было, если из-за всего огорчаться... Огорода, например; или родственников. У всех остальных в деревне было по уши родственников; почти все в этой деревне и были родственниками. Зато у Зайца был пёс.

Этого пса он подобрал как-то на дороге, когда был еще молодым (а пёс был щенком), — а теперь Зайцу было много лет: двадцать пять; а пёс вырос в большущего черного зверя. Ну, не такого уж большого — с чем сравнивать. Во всех дворах собаки были маленькие, пятнистые, с закрученными хвостами. Они тоже все были родственники. Они заливались все таким согласным лаем, когда Заяц в сопровождении пса шел по деревне! Это так говорится; на самом деле пёс шел впереди. Так что сперва можно было увидеть пса — ничего себе зверя, идущего как будто самого-по-себе, ни звуком не отвечая на собачий концерт по сторонам — а уже потом, сильно отстающую, фигуру, которую ни с чем не спутаешь, с одним

плечом выше другого, и все время припадающую на правую ногу. Потому что Заяц был хромым. Он был такой с детства. Может быть, с рождения; но никто не помнит своего рождения, Заяц его тоже не припоминал...

— А говоришь — «как все», «нормальный».

— Сказано же — с чем сравнивать; а если сравнивать не с чем, то и выбирать не приходится. Конечно: вряд ли он выиграл бы соревнование по бегу на короткую дистанцию — так когда это было, те соревнования? Может, и никогда. А может, так давно, в молодости, что он, честно говоря, на это не обращал внимания.

Зато в лесу ему не было равных — там вообще никого, кроме него, не было...

— Еще зверей.

— Так спроси тех зверей — тушки или шкурки которых он выменивал в деревне — тоже не часто: раз в год — на то, что ему надо было; а надо было ему немного. — Кто скорей успевал? И если шагал он не слишком быстро — то всегда в правильном направлении; и никогда не останавливался — до полной остановки и законного отдыха.

С псом же он не равнялся: каждый был на своем месте. Вот и всё.

Правду сказать, не слишком много видели Зайца и пса в деревне — немногим чаще волков. Волков же в деревне не было. Они ушли. За оленями. Те, кто их не видел — а не видел никто — если только не слушать, что болтают старые люди: много они чего болтают, — почитали пса за волка: «Как его зовут-то?» — На это Заяц неизменно пожимал плечами. И точно: не назовешь такое животное Бубликом, Растопыркой или там Грызолизом. «А чего он не лает?» — Кое-кто мог бы и добавить, что это непорядок для охотничьей собаки — которая должна подавать в лесу голос, когда видит дичь.

Да, но вот только этот кое-кто не потащился бы ночью на край деревни, чтобы это сказать.

Зайцу же — когда оказывался после леса в своей избушке — хотелось поговорить. Такое у него возникало желание. Почувствовать себя таким, как все. Может быть, если б не

пёс, у него и не возникло бы такого желания, — а может, он все равно бы разговаривал... с печкой! Но с псом, конечно, поинтересней. Разговаривали они примерно так.

3. ЗАЯЦ ГОВОРИТ

— Может дупеля, может пуделя. Либо в сук, либо в тетерею. Дядя Филат подарил пару утят: вон, говорит, летят. Перья остались, а мясо улетело.

...Или вот: стреляй хоть в пенёк — лишь бы прошел день!

Ухо пса, видимое с обычного места Заяца на тахте, повернулось на один градус — значит, слушает.

Заяц вздохнул. Рассмотрел в темноте порванную меховую безрукавку — и перекусил толстую вощеную нить. Иголку воткнул в моток этих ниток. И кинул, не вставая, в сундук.

На улице была весна. Но, если бы кто вышел сейчас на улицу, он бы серьезно в этом усомнился! Но никто не выходил: в деревне спать ложатся рано, выпив свою траву мартиновку и мяту. У Заяца тоже была мята. У него ею всё крыльцо заросло. В печке, маленькой, железной, гудел огонь, а дверца ее была открыта, чтобы не жечь зря свечей. Пёс лежал у двери. Вообще он не любил находиться в доме, и только из уважения к Заяцу делил с ним эту, людскую, жизнь.

Заяц еще раз, поглубже, вздохнул. Засиделся. И сейчас спать не хотелось. А вот бывает, когда весна, наступившая уже вроде, опять отступит. Луна, заслоненная облаком, в морозном небе неподвижно застывшим, как будто составленным из ледяных иголок, и вдруг какая-то иголочка — как кольнет тебя в сердце!

...Но не было никаких иголок. Кроме той, которую он кинул в ящик.

— Рано не рано, говорит в капкане лиса, а ночевать придется, — заключил Заяц.

И встал.

Он решил сходить во двор, перед тем, как лечь, перед тем как проснуться, через каких-нибудь пять часов, чтоб отправиться в поле*.

Пёс уже тоже не лежал у двери, а стоял, дожидаясь. Заяц толкнул дверцу печки, чтоб не высыпался уголек, толкнул входную, и они вместе вышли.

Луны не было. Был ветер. В лесу, вверху, сосны скрипят, сучья ломаются, того и гляди угодят по лбу. Вот потому лучше ночью в доме. Когда Заяц вышел из туалетной будки, которая была у него как у всех — в огороде, пёс уже стоял у двери. Заяц приблизился и открыл ее.

Но пёс не вошел.

Он стоял неподвижно, ушами нацелившись в сторону дороги.

Заяц придержал дверь. Но нужно было или входить, пока не вышло из дому всё тепло. — Или дать ей закрыться.

И только дверь дотронулась до косяка, оставляя внутри всё, что было внутри, — пёс, словно того и ждал, стронулся с места. В темноту — и нет его.

Заяц стоял, глядя в ту сторону, куда пёс исчез. У него не было такого слуха, как у пса. Не было у него и таких ног, чтобы его догнать. Нужно было, значит, подождать. Можно было даже в доме подождать. Зато у него было — в доме — кое-что, чего у пса нет и не может быть. Почему он про это вспомнил?.. За все двадцать пять лет оно ему ни разу не понадобилось.

Распахнув вторично, он шагнул, протянул — и сдернул эту штуку с гвоздя. Дверь еще не успела закрыться.

А когда он, вприпрыжку, размахивая свободной рукой, dospешил до дороги, — ветер, сорвавший с него шапку еще возле дома — не было времени ее искать — рванул ввысь от земли до неба.

---

* Так охотники говорят. Вместо леса, они называют «в поле». Это чтоб звери не подслушали, куда они собираются, и не разбежались. В деревне даже другое слово обозначало охотников: полевничий.

Тучи распахнулись. Луна, яркая, без ущерба, выкатилась над дорогой. В залившем всё свете Заяц увидел далеко летящего впереди пса — а дальше

у самого

леса

— Э-ге-ге-ге-ге-е-е-е!!! О-о-хохохохо-хо-хо-о-о!

Он кричал, но крик бился, заворачивал у самых ушей, потому что ветер — ветер выбивал слезы из глаз — потому, что было никак не успеть. Он перешел на шаг, потом снова, подсакивая, побежал. Он хромал, больше уже не останавливаясь, и сквозь слезы видел, что пёс добежал.

Слился! И вдруг рассыпалась куча. Люди — куча людей; пёс проскочил ее насквозь. Заяц поскользнулся на замерзшей грязи, упал, едва не выпустив то, что было в руке, а когда поднялся — пёс снова бросался, без единого звука — а те, что рассыпались, обходили его сзади. И тогда, задыхаясь и чувствуя, что всё зря, он размахнулся и, вложив в движение всю силу, послал эту штуку вперед и вместо себя.

— Ура-а-а-а!!! А-а-аа! Попал! — Тот, что замахивался на пса, к Заяцу спиной, повалился в сторону замаха, выпустив свою палку — она улетела далеко прямо в сторону Заяца. Заяц нагнулся за ней — железная! — и перехватив обеими руками за рукоять, завертел над головой, чуть сам на ногах удержавшись. Он добежал! — значит, добежал! Сбоку пес, повалив одного, бросался еще на двоих, и тут перед Заяцем выросла еще пара. То есть, вырос один, а второй, вероятно, вырасти не успел, — по плечо первому, с такой же палкой.

...! Железо сшиблось в воздухе, едва не вырвав Заяцу руки из плеч. В этот момент маленький налетел на большого. Тот отшатнулся, и Заяц успел его хрястнуть плашмя по плечу. Принять еще один удар он бы не смог, и тогда сделал то, что делал в молодости — когда дрался с правой стороной: нырнул головой вниз нападавшему в ноги. Оружие в падении он утратил.

Небо! Земля,

снова небо,

земля,

землянебо!

и снова земля — Заяц встал на четвереньки. Поднялся, шатаясь.

Его противник вскочил. Подхватил с земли палку.

Заяц шагнул назад. Опять назад. Он отступал. Не убежал: куда там.

Словно во сне, он увидел коней. Из темноты, как сгустки темноты, сама ночь, они парили, вставали на дыбы, шарахались в стороны. Без единого звука — видно, он оглох, когда упал — между ними метались две тени: черная — пёс. И еще одна — белая.

В этот момент позади подходящего к Зайцу оказался опять тот, маленький. Он занес из-за спины длинную штуку — и бесконечно долго опускал ее этому на голову.

Тут что-то налетело на Зайца сзади.

Придя в себя, он обнаружил, что сидит на дороге.

Было тихо. Было темно. Одной рукой он упирался в растоптанную грязь. Другой рукой во что-то...

Заяц поднял и приблизил к глазам.

— Мултук, — сказал он.

Слышно было прекрасно. — Хороший был... мултук. — То есть, это была часть от мултука. Приклад.

Пес глядел, как, держа в руке кусок мултука, Заяц подходит к нему, — но сам с места не двигался. Он сторожил. Что?..

Заяц приблизился и остановился. Он молча глядел вниз.

— Дядя Дик, — сказал он. — Нет.

Присев, он одной рукой постучал лежащего по голове.

— Железная.

Опустив мултук, прибавил к ней вторую — и снял рогатую шапку, под которой оказались, как и у всех, волосы. — Ну, — сказал он. — А я думал...

Пес смотрел мимо. Заяц тогда тоже оглянулся.

Отделившись от края дороги, к ним с псом двигались двое. Бросив шлем, Заяц встал.

— Твое, — сказал тот, что повыше. Он протягивал Зайцу ту железную палку.

— Нет, это их. — Заяц услышал свой голос как со стороны.

Тот кивнул. — Теперь твое, хозяин.

Потяжелей топора; поострей косы; подлинней пилы. Зайцу оно было впору — как корове седло. Свой мултук он разломал. А эту штуку, чтоб махать ею в драке, выпустил из рук. Он не он, и не его кон. Это вообще пёс. Он вообще думал — волки. Всего этого не сказал Заяц. Он вообще про это не вспомнил. Он даже туда не смотрел.

Он смотрел на мальчишку, стоящего рядом с этим, едва доставая ему до плеча, — и земля дрогнула и покатила у него из-под ног, потому что он понял то, о чем следовало догадаться с самого начала: это был не мальчишка.

4. ТРОЕ С ШИШКОЙ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

— Проснулся!

Тьма разошлась по углам. Будто в проруби, из светлого пятна посередине выплыло — лицо. Узкое, худое, с кривым носом, с глубокими тенями, как из дерева вырезанное. Таких нет в деревне. Кто это? А я — кто? Мултук. Дорога!

Зяец вспомнил всё.

Одним движением он...

ТРАХ! — ДЗЫНЬ-ь...

Синенькие звездочки перед глазами тухли по очереди, и снова выплыло лицо. Человек держался за лоб. Заяц схватился за свой.

Он сидел на тахте у себя дома.

Печка потрескивала, освещая пространство на полметра вперед через открытую дверцу. Всё как всегда — с тем исключением, что не он растапливал ее в этот раз.

Зяец опустил руку и оглянулся.

Маленькая фигурка, стоящая у окна, вглядывалась в темноту снаружи. Снова повернулся. Человек перед ним, в белой, даже в темноте видно, грязной одежде. Дорога.

— Драка, — сказал Заяц.

Он сплюнул на пол. И подтянул к себе ноги. — ...Пусть она сядет.

Девушка, стоявшая спиной, не шевельнулась.

Человек, сидящий перед ним на корточках, встал. Подошел к ней, взял за руку. Она обернулась. Нехотя отделилась от подоконника и проследовала к единственной табуретке. Но села все равно больше лицом к окну, чем к ним.

Человек вернулся к Зайцу.

— В драке ты не пострадал.

Заяц поднял руку и снова ощупал лоб. — Шишка будет, — удостоверился он.

— Это — сейчас, — сказал человек. Показал на свой. — У меня — тоже. — Он разговаривал с Зайцем медленно, раздельно. — Ты — там — упал. Просто заснул, и всё. Пришлось — сюда. Перенести.

— Я помню, — сказал Заяц. — Я нормальный.

Чего-то еще не хватало, что-то было не так. Он вспомнил то, что не должен был забыть: — Пёс?

Ответ он получил не с той стороны, откуда ожидал, и не на то, что спрашивал.

Из-за стола — где у стены стояла лавка. Никто на нее никогда не садился, некому было садиться. Одна ножка у нее была сломана и прибита на один гвоздь.

Из темноты раздалось мычание.

Над столом появилась рука. В следующий момент, подтащив стол на себя, посередине избушки воздвиглась еще одна фигура.

У Зайца дом был, конечно, маленький. Но чтоб это оценить — нужна была такая туша, стоящая, нагнув рога, обеими руками упираясь в стол: то ли бык, то ли медведь, то ли и то и другое. Сразу стало тесно. И сразу стало ясно. Что никто не заснул, некуда просыпаться, и ничего не кончилось — начавшееся на дороге.

И тут же — еще. Не двигаясь с места, лежал на полу, и только подавал звук: рычал. Там он был, в темноте.

Голова с рогами повернулась.

— Пёс.

Утвердительно сказал хриплый голос. Пёс не шевельнулся, но тон рычания стал выше. Бык... медведь однако словно бы потерял к нему интерес. Поднял к голове обе руки, ощупал. Осторожно снял и положил на стол рогатый котелок.

— Это кто меня приложил? — спросил он хрипло. Глаза остановились на Зайце. — Чем?

Повернулся вновь к псу. — Тише, — посоветовал он. — Просто поговорим.

— Хочешь спросить? — Человек, сидевший перед Зайцем, подал голос. — Спрашивай у меня. Например, где твои парни.

Они были разделены столом. Человек в белом чуть переменял позу. Но сидел так же, сложив руки, одна на другую. Быкмедведь подался вперед. Качнул головой.

— Ты мне не нужен, — сказал он. И обратился опять к Зайцу.

— Я забираю ее. И разоидемся. Ничего тебе за это не будет.

Заяц сбросил ноги с тахты. И тоже поднялся — для этого сидящему пришлось встать. Трое стояли теперь в доме — и девушка на стуле. Она не глядела на них, глядела в сторону окна. Пёс лежал на прежнем месте, рычание сделалось неуловимым — просто дрожание воздуха, которое различил бы только Заяц.

— Вы... — сказал Заяц. — Сядьте. — И повернулся к человеку в белом: — Пусть она ляжет.

Протиснувшись между ним и столом, он прохромал к двери, где, на полу в холодном месте, стояла кастрюля с едой, нагнулся и подвинул псу. Обычно они не ели перед охотой.

Послышался шорох.

Девушка, стриженная как мальчик, пересела на тахту. Сбросила ботинки, один о другой, — и улеглась, лицом к стене.

— ...Возьми, — сказал Быкмедведь.

Сняв с себя, он протягивал через стол плащ — вроде накидки. — Укрой, — велел он.

Заяц принял его и, расправив, накинул на девушку. Она не шелохнулась.

Быкмедведь, проследив за этим, кивнул...

...и с грохотом обрушился на пол.

Заяц отхромал к двери. Взял железную штуку для драки из угла — там она все время стояла. Оперся на нее — острием в пол.

Другой рукой снял с гвоздя тулуп.

— Она сломана была. Забыл предупредить. На, — он швырнул тулуп Быкмедведю. — Ты можешь взять подстилку, — сказал второму. — Вон там. Стол отодвиньте к стене. И печку закройте. Еда утром.

Человек в белом взялся за стол.

Быкмедведь медленно поднялся с пола. Отряхнулся. Потом шагнул на него и, отодвинув плечом, одним движением поставил стол на попа к окошку. Заяц, волоча за собой железную штуку, приблизился к развороченной лавке. Воткнул ножку обратно, стукнул по ней и, покачав на устойчивость, сел. Пёс лежал там, где и ел. Быкмедведь расстелил на полу тулуп. Второй закрыл дверцу печки. Стало темно.

Заяц сказал:

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — сказал человек. И, чуть погодя, раздался хриплый голос: — Спокойной... ночи.

Но Заяц не лег. Он сидел, одной рукой держась за перекладину лавки под собой, другой — за уткнувшуюся в пол штуку. В тишине и темноте его маленького дома. Чувства его замерли, слух, пусть не такой, как у пса, — слух охотника — обострился и работал сам по себе, различая и распутывая, распрямляя и разделяя звуки дыхания спящих.

Вот пёс. Это угадывать не надо было, Заяц знал его дыхание не хуже своего собственного. Пёс дышал почти как человек; да он и был как человек. Только лучше.

И это тоже ясно: грудь работает как трактор, а дыхание сиплое, как и голос. Ты вот третьего попробуй разыщи. И Заяц внутренним движением перевел слух на человека в белом — но уловил его далеко не сразу. Тот дышал почти без-

звучно, словно не окончательно соскользнувший в первый, неглубокий сон, — а то и вовсе не спящий.

Он перестал вслушиваться. Некоторое время сидел, вообще ничего не думая и чувствуя только шишку во лбу. Потом встал.

Все облака куда-то делись, и луна светила — ярче, чем тогда, на дороге. И было тихо-тихо. Ни ветерка. Заяц стоял, подпирая спиной дверь своего дома, а дорога лежала перед ним, спящая в лунном свете. Но, может быть, она притворилась. Может быть, она как река подо льдом. Вот вскрылся лед, и то, на что можно было наступать, не обращая внимания, сдвинулось и поплыло, сокрушаясь и перемалываясь — срывая с берегов слишком близко неосторожно подошедшие постройки и увлекая их за собой.

И тогда он почувствовал, что растет.

Он рос, рос, и вырос — до неба. Но до неба — это только так говорится, ведь никто не знает, где небо, и Заяц не знал, где он. Он стоял и смотрел, на уносящую, сверкающую, вьющуюся нить дороги, тонущую где-то далеко в темноте, а внутри у него жгло так, что хоть плачь, и он и плакал. Только так, что это не было никому заметно; никому — потому что никого больше не было там, где он, а если бы он сам почувствовал на лице слезы, он бы не понял, подумал, что может дождь, или ветер... А ветер здесь был холодный и дул все время с одной силой в одном направлении. Он стоял, а во лбу у него горела звезда. А в руке у него был меч.

5. БОМБА РАЗРЫВАЕТСЯ, ИГРА НАЧИНАЕТСЯ

Утро наступило.

Не было видно ни зги. Облака, умчавшееся вместе с ветром, лишь уступали место другим; вот они и напоззли, скрыли небо и звезды, но — мало: все лезли и лезли, толкаясь, и наконец разлеглись от горизонта, и пошел... Нет, не снег. Дождь. Мелкий-мелкий, холодный — но дождь! Дождались.

Заяц стоял, а дождь моросил ему на лицо, а кругом была темнота — да не та. Ночь прошла; и серенький, незаметный для глаз свет уже сочился из туч. И еще что-то было не то.

А вот. Лоб у Зайца был опять гладкий. Шишки больше не было! Она тоже прошла: не вечность же ей торчать, как пню на ровном месте.

Заяц шевельнулся и поднял одну руку — проверить. Тут он еще кое-что обнаружил. Он опять был нормального роста. Так что, если бы он не хотел, чтоб совсем рассвело, и деревня проснулась, и соседи повыходили из домов и увидели, что мокрый Заяц стоит столбом перед дверью своего... То ничто бы ему не мешало просто-напросто повернуться и в него войти.

Так он и поступил.

— Утро, — сказал он, войдя в дом.

— Доброе, — сказал человек в белом. Голос у него был совсем не сонный.

Пока Заяц, присев перед печкой, открывал ее дверцу и подпаливал щепку; а от нее — свечу — оставался уже маленький огарок, — он снял с себя и встряхнул куртку. Заяц запалил свечку и встал.

Быкмедведь и пёс спали у стены, привалившись спинами друг к другу. Заяц поставил свечку на лавку и оглянулся.

— Там дождь, — сказал он.

Человек кивнул.

— Вижу. — Сказал он, глядя на мокрые волосы Зайца.

Заяц снова посмотрел на спящих, поднял повыше меч, дотянулся до пустого ведра в углу — всю воду он выпил вчера — и, стараясь ничем не греметь, вышел. Картошек с десятка полтора у него в доме оставалось. Мелкие, сварятся быстро.

Снаружи, после дома, показалось еще светлей. Колодец находился на задах огорода, прямо перед забором, который давно завалился. Длинный шест, которым он разбивал лед в колодце, лежал на земле, мокрый от сыплющего дождя. Дыра во льду уже оттаяла. Но сегодня снова замерзла.

Заяц не стал за ним нагибаться. Сделал это мечом.

Возвращаясь, старался не сильно хромать, чтоб не расплескать ведро. Еще меч — надо как-то придумать, как его таскать. И, приблизившись к дому, услышал внутри. Замер. Один. Голос. Слов не разобрать.

Он дернул дверь.

Человек замолчал и обернулся. Дров, сколько оставалось, он впихнул в печку — и теперь огонь трещал, освещая пространство перед открытой дверцей и сгустив темноту по углам. Вместо свечи — которая наоборот погасла.

Перед ним сидел пёс.

— Мы разговаривали, — сказал человек и улыбнулся.

Первый раз видел Заяц такую улыбку. Одним краем рта — на узком, сухом лице как будто не хватало места для целой. Или он их экономит. ...Она была веселой. Очень.

Что же будет, когда он засмеется?

Пёс поднялся на четыре лапы. Встряхнулся всей шерстью и пошел к двери.

Заяц выпустил его, поставил ведро, и, упирая в пол меч, аккуратно вдоль стенки двинулся к окну, где стоял сундук без крышки, в котором хранилось вообще все. Перескакивая через широко откинутую руку Быкмедведя, он услышал:

— Хозяин.

Обернулся.

Человек стоял у печи. Одетый в куртку, которую до того снял. — Мы уйдем, — сказал он. — Он уйдет с нами. Те, которые с ним, не вернуться. Я им говорил про вас. Они не верили, пока не увидели. Этот не верит, потому что видит дальше. Поэтому уйдет дальше.

Заяц кивнул: — Поедим, и уйдем. — Тут до него дошло: — ...Про кого говорил? — Он сел на лавку.

Треснули и рассыпались в печке дрова — стало в два раза темнее. То есть нет. Темнота была серой. В доме теперь тоже. Человек глянул в сторону окна — полузаслоненного стоящим дыбом столом. Присел, нашарил горстку щепок на полу и бросил в догорающее пламя: — Вольные сторожа.

Это похоже на тропическую болезнь: человек посреди какого-нибудь дела вдруг бросает его, выбегает в дверь и бежит, пока не выбьется из сил или пока что-нибудь его не остановит, — только тут он не просто бежал, а неся, как ураган, с лязгом, дымом — из-под копыт — и грохотом, — а лязг и грохот оттого, что, перед тем как выскочить со двора, он на себя нацеплял всякие тяжелые и неудобные вещи: корыто, а на голову — ведро. Предчувствовал неприятности? Или пытался хоть чем-то себя придержать, привязать к земле, чтобы не сорваться и не вылететь навсегда, в облака?

...Потому что была вторая сила, направленная противоположно первой, уносящей его прочь от краев, где живет лишь ожиданием известий, становясь все холодней к окружающему, с тех пор, как услышала впервые о том, кто с ее именем на губах — дона Бетта! — защищает сирот и девиц, побеждает врагов и драконов... А вернее, вторая сила — это и была первая. Все равно как хвост ракеты стремится и никогда не достигнет земли, в то время как сама ракета улетает к иным мирам... Но с земли ей навстречу поднимается огненный столб.

Конец все-таки есть, и не всегда смерть, хотя это не худший конец: разве несколько слез, пролитых о том, кого так и не успела узнать, не стоят самой долгой — не озаренной ими — жизни? А еще и неизвестно, насколько бы ей понравилось это знакомство: грязный, вонючий, заросший бородой по самые уши, месяцами не вылезал такой дон из своих

жестянок, потому что останавливался он лишь свалившись от ран или усталости, и на щите его следами ударов был высечен единственный девиз: в п е р е д... С закрытым лицом, с оглушительным звоном — какой оглушительный он должен быть здесь, раз докатился до нее! — ехал на автопилоте и даже не чесался, давным-давно уступив вшам с муравьями свое тело без боя в обмен на возможность без помех обратиться туда, где мыслью встречается с ней:

— Я люблю тебя.

А она отвечает:

— Я люблю тебя.

Трах, бах, гром, молния!..

Он очнулся в незнакомой местности, в темной темноте. Сначала испугался, но подумал, ничего. Со всяким может случиться, кто отправится в полет без руля; самое время посмотреть под ноги и решить, как отсюда выбираться. И смотрит, а там... Ничего. То есть пусто. Переворачивайся вниз головой и шагай прямо так! Со всех боков — черный-черный лес.

И в этом лесу сидят вольные сторожа. И играют в домино. И он несется на них во весь опор, зажмурившись и вопя?.. Так ему, может, и кажется; а на деле — ноги у него подкашиваются, и еще какой-то туман... Шатаясь, он подходит и, упершись от слабости рукой в могучую — таких не бывает — сосну, спрашивает, кто тут есть, по какому праву, и наконец... известно ли им, что где-то, вроде бы очень далеко отсюда, существует та... чью красоту он передать... не в силах — и поэтому требует, чтоб сдавались без слов?!?!.. Никакого ответа.

Отчаянным усилием хватается он за оружие.

Но тут как раз один из них, не оглядываясь и не прерывая игры, осведомляется, по какому праву он сам, если этот затруднительный лес здесь растет специально для того, чтоб какой-нибудь полоумный баран не свалился в спешке за край земли?

Ах вот оно что! За барана... нет; не то. Значит (теперь ему кажется), он у цели?.. Постой. Какая цель?! — он снова хватается за... Вместо этого ему приходится сесть. Некоторое время

он отдыхает, следя за игрой; но постепенно она забирает его, и уже другим тоном он интересуется: вы кто такие?.. Опять на него не смотрят; но, наученный опытом, терпит (да ничего другого и не мог сделать). — Вот кто-то еще отвечает: мы тут ждем. Чего? А ты думал — чего? Работы, конечно. Наши старшие братья здесь шли, всё подмели, место чисто, нас тут оставили. Ну так мы ждем — может хоть что-нибудь появиться. ...Рыба!

Тут и другие наконец обращают на него внимание: знаешь, говорят, ты бы все-таки здесь не шлялся.

Делать нечего. Он и сам чувствует: пора; никогда он так долго не отдыхал; и тем более, лес — как резиновый — начинает расправляться, распрямляться и теснить, выталкивать его из себя; вот он уже и не плетется, а летит что есть мочи, на ходу его охватывает горячка, холера, порок сердца — быстрее! погоняй!!!.. пока не упадешь, с любимым именем на губах... Как вдруг, трах-гара-рах, разворачивается и мчится обратно и влетает в их круг даже на секунду раньше, чем его покинул.

Слушайте, возьмите меня. Век свободы не видать... то есть нет: служить буду.

Немая сцена. Все смотрят друг на друга — на него — опять друг на друга.

«Ты что, сдурел? Кому — служить? Мы вольные. Мы по собственной воле; сами так решили. Еще безработные, к тому же».

Все равно. Согласен. Пусть — по собственной. Не могу, говорит, больше.

Тогда они начинают совещаться. Наконец говорят ему: ладно...

— Ладно, — сказал хриплый голос.

Быкмедведь встал с пола одним махом. Поднял руки и уперся ими в потолок. Задержался так — было слышно, как в потолке что-то хрустнуло... И медленно опустил.

И опять поднял — не очень высоко.

— Сдаюсь.

Покачал, растопырив пальцы, поглядел на Зайца.

— Что? — спросил сурово. — Ты победил. Камнем в лоб меня достал, оружие отнял, парней разогнал. Белого Ворона... — Он погрозил пальцем и повторил низко, звучно, веско: — Белого Ворона отбил. Сам я теперь в плену. И вольный сторож меня сторожит.

Он огляделся. — Где он? Не вижу. Халтурит, — проворчал он. — А если я руки опущу?

— Ладно, — сказал снова.

И вдруг ухмыльнулся. Лицо его стало почти добродушным. — Но всё ж мы его сначала поймали.

— Поймали мы тебя? — бросил в сторону печки. Сам же ответил: — Поймали, без спора. А за это — желание полагается, — заключил, опуская руки.

И тишина.

В тишине лязгнула дверца печки — тот, что смотрел в посеревшие угли, словно не было ничего более интересного, захлопнул ее. — Что ты хочешь? — спросил он через плечо.

— Первое, — сразу сказал Быкмедведь.

Посмотрел себе на ладонь, плюнул в нее и загнул большой палец. — Пусть будет дом в пять этажей. На первом этаже баня. Шведская стенка и боксерский зал. — Он загнул второй палец. — На второй я буду на коне въезжать, и там у нас будет стойло. — Он загибал палец за пальцем. — На третьем спальня, на четвертом консерватория, а на пятом обсерватория. — Рука сложилась в кулак.

— А вокруг дома, — рявкнул он, и помахал кулаком. — Будет сад, в том саду цепь. А на цепи у меня... пусть этот пёс сидит. В железном наморднике.

— ...Меня куда посадишь?

Заяц сидел на лавке, вцепившись обеими руками в рукоятку меча.

— С... с-с... спор это шум, дерись да кончай.

Он весь дрожал — не от страха, от гнева: — Со мной дерись, — сказал он Быкмедведю. — М... м... мало я тебя м... м-мултуком приделал? так я еще м... могу — совсем, в... видно, мозг растерял. Ростом с тебя, а разумом с теля — это про тебя с-с... сказано. У самих дома семь дураков, а т... тут еще

один свалился на голову. Велик бык — да в суп попал. А про тебя, — он повернулся к человеку: — Не поет, так свищет; не пляшет, так прищелкивает. Я вас и знать не знаю, кто вы такие и что у вас за т... торг, — а его я вот таким знаю. Никакой он не сторож. И на цепь его — поди, посади — сам рядом ляжешь. — Заяц совладал с речью.

— Утро уже, — сказал он. — Вам тут надают обоим, и запрут в турму. Идти так идти. А то вы до ужина, вижу, собрались разговаривать.

— ...Молодец.

Железные клещи сжали его плечо, придавили к лавке.

— Стыдно мне было! за трусов своих — от кого сдрысунули? калека да собака! А теперь вижу — не стыдно. Держи руку, малой! — я тебя сделаю сержантом! Лови его! Держи вора!!! Фас!

Оттолкнув Зайца, он обернулся к печи — и надвинулся всей тушей: — Вор и врун, — заревел он. — Ты зачем девку упёр?

Человек поднял голову:

— Она спит, — сказал он.

Быкмедведь остановился, как громом пораженный. Стоял, качаясь, туда, сюда, будто не мог сдвинуться с места. Нагнул голову. Медленно стащил с нее рогатую шапку.

И с полного оборота всадил ее в окно.

БАБАХ.

...Когда рассеялась пыль и труха, там, где была стена — с окном, оконной рамой, карнизом и подоконником, — открылся широкий вид.

Светло.

Посреди обломков досок и бревен, и щепок, во дворе — стол. Он уцелел. Он лежал ножками вверх, и на него сыпался дождь. За завесой дождя, вдалеке, сидел пес. На дороге; и глядел в сторону леса.

В доме все стояли.

Первым пошевелился Быкмедведь.

Он посмотрел на потолок.
Тогда все услышали треск.
Потолок накренился и повисал над вынесенной стеной.
Три остальные поддержали его и не дали совсем упасть.
И не может вечно стоять, как часовой на честном слове,
сроду не выдавшая ремонта одинокая избушка на краю деревни.

В два коротких шага Белый Ворон оказался у тахты и склонился к ней.

— Просыпайся. Пора идти.

Секунда — и черный плащ отлетел в сторону. Девушка уселась и спустила ноги на пол.

Некоторое время она сидела неподвижно, словно не могла привыкнуть к тому, что не спит. Затем нашарила на полу свои ботинки. Сунула в них ноги и, не зашнуровывая, встала и направилась к двери.

Остальные поступили проще: они покинули дом через стену.

По дороге, разрезающей деревню напополам, мимо всех дворов, где, несмотря на погоду, уже наблюдалось обычное утреннее оживление: хлопали двери, звенели ведра, и где-то мычали, где-то стучали, где-то кричали, а где-то бухал топор, — неслись вприпрыжку, ухая и хрюкая, хлюпая и плюхая и награждая друг друга звучными шлепками по голым спинам, — Улам и Бедан.

Эти Улам и Бедан — они были сыновья дяди Дика, а бегали они так каждое утро, зимой и летом, голые до пояса, из конца в конец деревни, — потому что у них силы девать было некуда! Силы у них было ровно столько на двоих, сколько у дяди Дика на одного, зато резвости у каждого — в два раза больше; и если они не занимались тем, что уже описано, то они запинались так: тузили друг друга во время деревенских драк; иногда Улам выступал за левую половину, а Бедан за правую. А иногда наоборот. Так что деревня могла не беспокоиться, что когда-нибудь останется без полицейских; а если вспомнить, что у обоих уже было по паре сыновей, то

деревня скорей могла бы побеспокоиться о чем-нибудь другом. Сыновья, правда, еще ползали, — ну, а Улам с Беданом вскачь приближались к тому краю деревни, который почти прикасался к лесу, и вот тут они остановились: сперва Улам, а потом и Бедан.

— Гоп-ля! — крикнул Улам, и как двинет Бедана между лопаток кулаком. — Смотри-ка, Бедан, ты видишь?

— Еще бы не видать, — отвечал его братец, сопровождая свои слова подзатыльником, — не слепой!

После этого оба приумолкли и, кривясь и моргая от дождя, стали глядеть на выходящих со двора их друга детства... как, бишь, его звать?

Первым шел пёс. Но это был еще не повод молчать; конечно, если первый раз увидеть, то тогда — конечно; но уж тогда это были бы не Улам и Бедан, которые, можно сказать, провели в потасовках с его хозяином лучшие годы, — но за псом!..

За псом двигалась странная процессия: сперва так себе средний, потом маленький; а за маленьким — такой здоровый, каким был во всей деревне только Уламов с Беданом папаша! Но это не был дядя Дик.

А двое первых — это не были
ни Дымарь и Пипопар — ни братья Мисюгины,
ни Шиян, ни Лерь Лурнист, что играет на лурне,
— ни Пистрабинданстон!

Ни Шиян (ах да, Шиян уже был), ни Папазол,
ни Хлебец, ни Лампочка,
и ни тот Ват, что убежал
от своей жены, от Саты,
и построил себе новый
дом через дорогу!

И ни... ну, кто еще?.. Пердинанд Пюфью!

— То есть это не были никто.

А за ними, хромая, поторапливался товарищ Удама и Бедана... как его там зовут, можете вы мне сказать?..

Челюсть у Улама отвисала все больше, больше, пока он не спохватился и облизнулся, потому что ему дождь попал в

рот — но вместо того, чтоб закрыть его, разинул пошире, да как гаркнет:

— Го-го-го! Бедан, глянь, ну вылитый черный бык папашиной мамыши! — И тут он попал в самую точку.

Это была та самая точка, которой Бедан улегся вчерашним вечером на осу, вылезшую с зимовья, проветрить крылья, — Бедан взвыл и так врезал в ответ своему братцу по наковальне, что тот полминуты отдыхал, прежде чем они вместе заорали, — Улам, который вспомнил — да и не забывал! — кто его закадычный приятель: охотник!

— ...Эй, Лис, Лис, Лисовин, мышковать пошел?.. —

(не в склад, не в лад, поцелуй кобыле в зад!)

А Бедан (он был более сообразительный):

— Эй, хромой! Это кто это с тобой?.. Дом горит, козел не види-и-ит!..

Он услышал, что его зовут.

В сером дожде таяла деревня, а на краю ее, на дороге, стояли двое крепышей и, пихая друг друга в бока, жестикулировали свободными от этого занятия руками и, надсаживаясь, вопили — кто громче? Даже если б он вздумал отвечать, им, чтоб услышать его, пришлось бы закрыть рты хоть на минуту, а это — ну нет, это нет, этого от них — нет, никак. Не дождетесь!

Заяц махнул рукой, повернулся и пустился догонять Быкмедведя, чья широкая спина, сошедшая вслед за остальными с дороги в лес, уже скрывалась среди кустов и деревьев.

И без всяких тут растербасов.

6. ЭТА СТРАНИЦА — ГРАНИЦА

Впереди посветлело, и вдруг лес распахнулся.

Шел пятый, или седьмой день, как они шли, — и дождь не отставал.

Если кто-нибудь видел с высоты птичьего полета — а лучше беличьего скачка, потому что для такой птицы, которая летит в небесах, лес — это просто океан. — То он, должно быть, сильно подивился этой компании. Ну точно резиденты, потерпевшие крушение на чужой стороне, — парашютов не хватает. Скользя и спотыкаясь, двигались зигзагом, растянувшись цепочкой: останавливаясь и присаживаясь под каким-нибудь деревом, когда человек в белом — теперь просто в грязном — уходил вперед; но потом возвращался и делал знак: за мной. И опять шли — в новом уже направлении. Цель у этого всего могла быть только одна: истоптать весь лес взад-вперед. А дождь лил и лил на них сверху.

Один опаздывал на четверть дневной ходки.

Если кто бредет по лесу, на границе зимы и весны, лес для него это: снег и вода. Вода; понятно. Каждая иголочка кончается каплей; каждая ветка, за которую схватился, чтоб не упасть, или зацепил головой, награждает собственным душем. Но теперь снег. Снаружи он растаял весь, и нельзя понять, глядя со стороны, сколько в лесу снега. Обходя овраги, в каждом из которых под снегом скрывается ручей, стараясь идти по пригодным к ходьбе местам, все равно наступишь на его островки, ведь не будешь скакать только по обнажившейся уже повсюду земле. Снега может по щиколотку. Он рыхлый и скользкий; съедает усилия. Нога давно промокла: в сапог стекает по штанам; а снизу — от снега. Наступаешь окоченевшей ногой — уводит ногу назад, делаешь шаг — получаешь полшага. Где прошел бы полкилометра летом — или зимой, на лыжах или снегоступах, — сделаешь метров двести.

Особенно если ты хромой.

Он не думал, куда идет. Раньше думать надо было. И подумал — один раз; но теперь не думал, о чем он подумал, вообще забыл. Почти. Что-то было за спиной — чтоб не забыть совсем; увернутое в брезент и прилаженное на ремнях, так, чтоб надеть на две лямки, как походный мешок, — который тоже надет сверху на лямки. — Заставляло держать спину прямой. Торчало над головой, запутывалось в ветках, еще тормозя, вдобавок к снегу под ногами и воде повсюду. Вот это вместо всего.

И хватало. Чтоб не думать; он чувствовал эту дополнительную, лишнюю тяжесть. И еще — что теперь не охотник. Двигался по следу, быстро размываемому дождем — но след был таким, что сразу и не уничтожишь. Кто так ходит по лесу? Не ходит никто; ни охотник, ни зверь; но звери не ходят по лесу в такой дождь. Сидят по своим укрытиям, и если выскокит — то сразу из-под ног; но тут, если б они и были, то давно уже разбежались. — И наткнулся на свою ловушку — как на чужую.

Но ловушку нужно снять. Тем более, раз не охотник. Он распутывал петлю под дождем, потом пришлось снять мешок, чтобы сложить туда. Никто в нее не попался. Встал, оттолкнувшись от земли. Еще время потерял. Захромал вперед, уже не напрягаясь. Должна быть еще одна, ее тоже разрядить, но мешок не снимать. Так бросить.

Темнота наступала как облегчение.

Во тьме он выходил на костер — всякий раз выходил, на треск и свет; и удивлялся бы тому, если б еще мог удивляться. Сбрасывал со спины — и тотчас же, не садясь, шагал в сторону, где темная огромная фигура ладила шалаш — сломав для этого чуть не целую елку голыми руками. Помогал укладывать лапник — рядами, внахлест, начиная снизу. Пальцы не гнулись. Ничего шалаш: воду держал до утра.

На огне булькал кондёр — в шапке Быкмедведя: помятая и погнутая, лишившаяся рогов, в основе она уцелела. Возвращался к костру, развязывал мешок и высыпал чудом завалывшуюся в нем горстку сушеного мяса. Все тянулись к нему. Кроме Белого Ворона. Потом глотали по очереди безвкусное ошпаривающее язык варево — Белый Ворон

накидал туда каких-то корней. Не сушились; хотя были веревки, можно натянуть над костром; но сил уже не было. Сушили на себе, в шалаше, в тесноте, на лапнике, лёжа.

Остальное как вспышки — может быть, вспышки костра:

Маленькая фигурка, увернутая в плащ Быкмедведя — днем он ташил его скатанным в скатку. Протягивает ноги к огню.

Пёс! Был тут. Про пса он забыл. И удивился бы ему — если бы мог удивляться. Не принимавший участия в общей трапезе, сидел поодаль, в темноте. Потом уходил — должно быть, еще охотился. Зато даже кабаны — единственные, кто не лежит по стойбищам и укрытиям ни в какую погоду, а всегда ищут любое, чем поживиться, — не приближались к стоянке. Их следы видел утром пониже, когда покидал шалаш, всегда последним, не разбирая его — сколько таких шалашей они оставили в лесу, за этот пяти- или семидневный проход в дожде?

Хотя почему пяти или семи? почему не шести?

Точно! Это был шестой день, когда впереди посветлело, и вдруг лес расступился.

Когда Заяц вышел, увидел костер.

Сразу было понятно: не обычный привал. Днем они костров не жгли. Закипала вода в котелке. Больше ничего тут не было.

Далее от костра лежал пёс на боку, выбросив в сторону ноги. Спал. На псе, как на подушке, лежала девушка, завернувшись в черный плащ.

Снега не было. Нигде. Дождя тоже не было. Одинокие капли стряхивались с веток. Была тут трава — желтая и помятая, а кое-где уже зеленое пробивалось.

Дождь итссяк вместе с лесом.

На самом деле он кончился раньше, только этого никто не заметил, — а лес на самом деле не кончился. Он начинался сразу на том берегу. А между тем берегом, крутым, и этим, пологим, заросшим перезимовавшей травой по грудь, жел-

той, сухой, едва шелестящей под ветром, — между лесом и лесом, — плыло такое, как небо. Такое ровно-гладкое и такое широкое, в нем шли облака в одну сторону, а само оно тем временем двигалось в другую: всё сразу, как змея во мху, медленно, мутно, серо, зелено, как...

Река, освободившаяся ото льда, — вот что это такое!

Под деревом сидел Быкмедведь. Без шапки — шапка коптилась на костре.

Нахмурившись и губы скрутив в трубочку, Быкмедведь плел венки — уже довольно длинно наплел. Из таких беленых цветов, первыми появляющихся из-под снега, — они называются «девственницы». Целая россыпь таких цветков торчала из-под Быкмедведя, на краю поляны.

Заяц, хромя, подошел, замедляясь за все дни сразу. Быкмедведь глянул мельком на него, посмотрел на свой венок — и аккуратно соединил концы, завязав три узелочка. Потом водрузил его на голову.

Заяц сбросил всё со спины и сел прямо на землю.

Посидел немного, глядя на воду в котелке, потом подо-двинул к себе мешок.

Первой очередью вынул из мешка всевозможнейшую снасть для мултука — куски войлока, какие-то пружины, и втулки, и пластинки, и обтюратеры, и картонки, и парафин, и свинцовые прутья на сечку, еще маленький мешочек с порохом, и железный прут, чтоб им заталкивать всю эту снедь в дуло. Всё, что он выгреб из сундука, когда уходил. Непонятно зачем: ведь мултука у него больше не было.

Разложил это на траве. Потом он достал и тоже разложил кожаные ремни, очень крепкие, свернутые в кольцо, и другой моток, веревки. И наконец выгреб со дна двадцать бесценных картофелин — тех самых, что хотел наварить еще в доме, когда дом еще был.

Вот и всё Зайцево хозяйство. — Не очень-то много он нажил за двадцать пять лет жизни! Не слишком долго ему пришлось собираться, да? — покидая дом, которого больше не было. Может, он знал? И всю жизнь только и готовился к

этому моменту — вместо того, чтоб обзаводиться всяческим добром, как его соседи в деревне.

Да ничего он не знал, и ни к чему он не готовился. Зайцу было слишком много лет, чтоб ждать необыкновенных происшествий. Ему было нормально лет — чтобы решить; и держаться своего решения. Всё на этом.

— Напоили козла вином — пошел с волком драться.

Заяц сперва подумал, что это он сказал. Нечаянно вслух. Но вроде он ничего такого не думал.

Он сгрел всё обратно в мешок. Потом покидал всю картошку в воду — она уже выкипела до середины, но теперь стала снова доверху. Подобрал всё, что валялось вокруг костра, и подложил в огонь.

И только после этого оглянулся.

Быкмедведь сидел, откинувшись к стволу и прикрыв глаза. Но не до конца. Смотрел на него в щель между веками.

— Это про тебя, — подтвердил он.

Заяц промолчал. Он устал, и теперь отдыхал. Если тот ждал ответа — то пусть еще подождет.

Но Быкмедведь еще не закончил.

— Думал, отстанешь. — Глаза совсем закрылись. — Но ты... видно... любопытный, — проговорил, как будто во сне.

Глаза открылись. Сна там не было и следа.

— Ну так скажи мне тогда, любопытный, зачем этот гусь нас в этой грязи возил.

Заяц наконец пошевелился. Переменил позу.

— За псом?

— А-а? — Глаза открылись широко. — За твоим... Карлосом?

— Он не мой, — возразил Заяц. — Он сам по себе.

— Мм, — промычал Быкмедведь, соглашаясь. — Зачем же твой друг Карлос... который у тебя сам по себе... бегал тут как бешеная белка?

— Мне почему знать? — ответил Заяц. — Я не спрашивал.
— Спроси.

Заяц посмотрел на Быкмедведя. Шутит? Что-то не похоже. Сидел он расслабленно. А смотрел цепко.

Он спросил:

— Почему Карлос?

— А кто? Вроде тебя, но помельче. Карлос, — позвал Быкмедведь, чуть повернув голову, и посвистал.

Пёс, где лежал, шевельнул ухом. — Видишь — не спит, — отметил Быкмедведь удовлетворенно. — Притворяется.

Повернулся снова к Заяцу. — Ну так: зачем?

Заяц, подумав:

— Друг он мой — а ум у него свой. Я за ним не ходил.

— А где ты ходил? — продолжал Быкмедведь.

— Охотился, — сказал Заяц. — Не всякая пуля по кости, иная и по кусту. Не наследил по чернотропу, а по пороше. Я себя кормил. А он себя. Он же зверь. Ему больше надо. А ночевали мы вместе.

— М-м, — снова согласился Быкмедведь. — Охотился, — раздумчиво повторил он. — С этим своим... мултуком. Которым ты меня задел. А зарядил чем... Поленом?

— Я не заряжал, — сказал Заяц. Он подобрал палку и бросил ее в костер. — Оно сломано было. Я еще не родился, а оно уже сломалось.

Быкмедведь округлил глаза. И оглушительно захохотал.

И так же резко прекратил. Стащил венчик с головы, смял его в кулаке и отшвырнул.

— Откуда вы взялись, — проговорил он с какой-то тоской. Голосом, хриплым от смеха: — Я карту смотрел. Нет здесь ничего. Пусто. И вот — выскочит такое. Знал бы... Я б здесь зачистку произвел. Всё по уму.

— Где та карта? — спросил он у себя. И сам же себе ответил: — Ускакала. Компас бы. Карлос?.. — снова посвистал. — Я лес знаю. У меня там, в лесу, лагерь. Но это неправильный лес. Или оттого, что кумпол болит... от твоего полена.

— Я б ему шею свернул, — сказал он, глядя на Заяца. — Руки чесались. Никто бы не помешал. Я и с игрушкой могу — с которой ты ходишь. И без. Но я тоже... любопытный.

Захотелось посмотреть, как он выбираться будет. Но всякое любопытство однажды и кончится. Один бы я может еще поглядел. Ее, — он кивнул в сторону, и заключил: — Жалко.

Заяц встал. Нагнувшись, поднял с земли палку, шагнул к котелку и потыкал картошку. Потом расчистил ногой место у костра.

— Здесь, прямо за деревней, болото.

Он прочертил палкой волнистую линию.

Быкмедведь откачнулся от сосны. Встал и подошел.

— Тут мы вошли. — Заяц рисовал на земле.

— Сразу забрали далеко на озера. — Тут повернули. Это вы шли. По сторонам болтались — это чтоб обойти. Чтоб вниз не спускаться. Я за вами. След держал. Вот здесь... почти обратно к деревне вышли.

— Получается круг. Вот второй, поменьше. И третий внутри. Так ищут. Что-то. Тут мы сейчас. — Заяц поставил крест. — Если напрямик до деревни — полдня ходу.

Быкмедведь, присев, упершись в колени ладонями, впивал чертеж глазами.

Заяц стер нарисованное ногой.

И кинул палочку в огонь.

Быкмедведь поднял голову.

— А если не найдут?

Заяц подумал и предположил: — Новый круг начинают?

— И что он искал? Твой Карлос.

Заяц сел. Посмотрел на пса.

— Я спросить-то могу, — сказал он. — Он же не ответит. Он зверь же. Как те, в лесу — я с ними не разговаривал. Я их понимал. Потому и ловил. А его я не понимал. Я даже не знаю, зачем я ему... был. Он здесь самый сильный, самый быстрый, в этом лесу... — Он поискал слова. — Лучший. — Я его отпустить хотел. Когда хотел... когда с вами. Но что-то времени не случилось. А он, видишь, сам. — Заяц хлопнул себя по лбу:

— Он с ним разговаривал! Вспомнил!.. Там, в доме, ты спал — может, слышал? Я за дверью был.

— Так, — коротко завершил Быкмедведь. Встал. Кивнул на реку: — Там что?

Заяц посмотрел.

— Там я не был, — сказал он. — Это не наша сторона.

В этот момент они слышали голос.

Голос доносился от реки, из-за деревьев. Он повторял — нараспев:

— Лодка, лодка, и полян —

Лодка-лодка-лод-ка!

Сначала, вверх-вниз, как лодка на волнах:

— Лодка-лодка, ип-по-лян...

И, забрав чуть повыше — вниз до самого конца:

— Лл-ооо-дка лодка ло-дка!!!

Пёс зашевелился. Выбрался из-под девушки и встал. Потянулся, как самая обыкновенная собака, и потрусил в кусты.

Девушка заворочалась и тоже наконец села. Повела головой в сторону голоса. Но потом глаза ее снова вернулись на поляну.

А Белый Ворон через минуту вышел к ним сам.

Облака разошлись, и солнце светило, и где-то неподалеку тихим свистом обнаруживала себя мелкая птица, — когда он появился из-за деревьев.

Он был голый по пояс. Мокрые куртку с рубашкой он держал в руках. Волосы, тоже мокрые, висели вокруг лица, и с них капало.

Бросив куртку на куст, так что она повисла на нем, он приблизился к огню, нагибаясь на ходу и подбирая палки и ветки. Снял с костра котелок — вода в нем выкипела совсем — и поставил рядом:

— Человек живет-живет, — сказал он.

Ест и пьет, садится на табуретку, делает всякие вещи. Говорит «до свиданья», заводит часы, прыгает в длину, стоит на своем и потом раскаивается в этом. А однажды он ложится спать.

Просыпается — что такое?..

Он лежит на каких-то ветках. Прямо ему в глаз светит солнце. Между солнцем и им — листья.

А вокруг него сидят люди. Он никогда даже не думал, что у людей могут быть такие красные от солнца и комариных укусов лица. Или солнце и комариные укусы тут ни при чем, а всё это красная глина? И что это за перья? Все сидят и молчат и смотрят на него, как будто хотят его съесть.

Но на самом деле они не хотят есть. Они ждут. Они ждут, что он скажет.

Белый Ворон откинулся назад, уперся в землю ладонями, и вдруг вскочил.

— И-и-инде я? — вскричал он.

— И тут он становится индейцем.

Поначалу он никак в это не верит, и не хочет делать ничего, только ходит и пристает ко всем с дурацкими вопросами, но постепенно у него это проходит. Постепенно он начинает понимать, что он индеец; и что он, в общем-то, всегда был индейцем, только не понимал; и тут уже рукой подать и до того, что все индейцы, только не все понимают.

— И тут он становится таким индейцем!.. — сказал Белый Ворон.

Он перестает задавать их (вопросы). Он вообще перестает разговаривать. К этому времени он как раз и видом становится схож с остальными, и обмазывается красной глиной для спасения от комаров, и, хочешь не хочешь, начинает делать всё, что полагается, — а иначе не проживешь, здесь, где нет никаких шкафов и вешалок для посуды. Он ловит рыбу, сидит у костра, и курит трубку, от которой поначалу его тошнит. Одной девушке он приглянулся; и они начинают с ней жить, и в их типи заводится утварь, которой удобнойтись под руками. А однажды утром, когда он уже все забыл и привык, и ему кажется, что все, что было раньше, — было с кем-то другим, у них появляется новый человек.

Индеец встречает его вместе со всеми индейцами, и потом два дня скачет, хохочет и кувыркается через голову; и с важ-

ностью ходит, не отвечая на вопросы. И на второй вечер они сидят уже все; и индеец краем глаза смотрит на новичка (не подавая, разумеется, виду, а вместо того закуривая трубку).

И тут он понимает.

И он говорит себе: хочу домой.

Вокруг него сидят такие, как он, и ничего не изображается на его лице — ведь недаром он стал настоящим индейцем. Он сидит, и вокруг все сидят, и спокойные лица, непроницаемые, как сосны.

И в этот момент кто-нибудь начинает петь.

Он поет, и потом другой начинает петь, а потом третий, а первый тогда подпоет, — и кто-то еще потом начинает новую песню. Все равно, про что — все подтянут. Кроме новичка, пожалуй; но никто ему ничего не скажет. Да и что они могут ему сказать?

— Я сказал, — сказал Быкмедведь.

Он смотрел на Зайца. Как будто никого, кроме них, не было на поляне. — Домой, — приказал он просто, как будто бы псу.

Заяц оглянулся.

Все на местах.

Все, кроме пса.

Пёс как ушел, так и нет его.

Быкмедведь наблюдал за ним вполглаза. — Устал я, — обронил он. — Драться устал. А придется.

Заяц встал.

— А я вот тебе сейчас как дам! — сказал он. — Как д... дам тебе, с руки, чтоб голова не качалась! Это ты, сам, откуда-то взялся — пришел! кидался тут на всех. Дом мне развалил!

Быкмедведь не пошевелился. Он сидел у костра. И смотрел на Зайца снизу вверх. С каким-то новым выражением в глазах.

— Ну, — сказал он. — Еще раз по лбу? Давай, смелей. Я тебя не трону.

Заяц постоял. — Ты сказал — драться.

— Передумал, — сказал Быкмедведь.

Заяц в растерянности не знал, встать ему или сесть.

В этот момент он увидел пса. Быкмедведь не мог его видеть — пёс был в кустах, вон за той сосной. Быкмедведь также не мог знать, что пёс делал. Это мог знать только Заяц. Никакой ошибки. Пёс делал стойку.

И тут же Белый Ворон ответил:

— Я вижу. — Хотя Заяц ему ничего не говорил.

— Туда, — скомандовал он.

Туша Быкмедведя находилась в полном покое.

— Опять врешь, — бросил он безразлично.

— Нет, — сказал Заяц. — Не врет. Это пёс. Он не врет.

Надо за ним.

Быкмедведь воздвигся вертикально. А десять минут спустя они пробирались в кустах — Белый Ворон, нацепивший на себя мокрую одежду, маячил где-то белым пятном. Заяц опять отставал; в руке тащил меч — про который не вспомнил, когда собирался драться, и сейчас зарекался, что больше не забудет. Он также прихватил шлем Быкмедведя с картошкой, и на ходу пытался запихать ее, еще горячую, в рюкзак — что-то подсказывало ему, что они не вернуться.

И пробкой выскочил из кустов на ровное место.

Из освобожденной от снега земли, возле реки, на солнце, где теплее, — лезла зеленая трава. Над тем берегом, заросшим ивами — они торчали из воды, нависали над ней, — солнце опускалось к лесу. Оно слепило глаза. Все были тут. То есть тут были Быкмедведь и Белый Ворон.

Заяц, выходя, треснул веткой. Белый Ворон обернулся.

— Где она?

В тишине вслед за этим стало слышно, как, сотней тихих голосов, неразборчиво говорит река; как плеснул под берегом водяной крот. Лес стоял безмятежный, словно в нем во всем не было никого крупнее кошки, — кроме этих троих, стоявших у самой границы травы и воды.

Белый Ворон повернулся и исчез обратно в кустах.

— Я другое хочу спросить, — голос Быкмедведя был спокоен: — где Карлос?

Заяц шагнул вперед. Он присмотрел в траве ямку, куда поставить котелок — чтобы не таскать его больше и сразу

найти потом, на ровном месте, — когда они сюда вернуться. — Стоять, — велел Быкмедведь.

Приставив согнутую ладонь козырьком, он вглядывался в тот берег. Заяц тоже увидел. Лодка.

Скрытая среди ив. Будь на них листья, вряд ли кто ее заметил бы.

— Твоя? — сказал Быкмедведь, поворачиваясь к нему всем туловищем.

— Я тебе что, — сказал Заяц, — рыба?.. Она — где? Я — где?.. Ну, что ты на меня так смо...

Прежде чем он догадался оглянуться, цепкие руки сдавили ему горло.

Котелок выпал, картошка покатила по траве. Заяц взмахнул мечом. Падая, он услышал рев Быкмедведя:

— ИЗМЕНА!!..

Но тут на Зайца накинули мешок. И больше он уже ничего не видел и не слышал.

Часть 2. ТУМАН

* * *

Он белый, белый, белый!
Белее всех на свете!
Он умный, добрый, смелый!
Его все любят дети!

Он папа всех сироток,
Защитник всех индеев,
С хорошими он кроток,
Но грозен для злодеев!

Мы ждем его от веку,
И к нам придет он скоро,
Товарищ человеку,
Великий... ну-ка, хором!

(Индийская детская песня-считалка)

1. НА ТОЙ СТОРОНЕ (НА ВЕЛИКИХ ХОЛМАХ)

Заяц проснулся.

Он проснулся от холода.

Ему было холодно. Он попытался, не открывая глаз, натянуть на себя то, что бы то ни было, чем укрывался.

И
ни-
че-
го у него не получилось.

Во-первых, он не смог пошевелиться. А во-вторых, выяснилось, что он вообще стоит.

Тут он удивился и приоткрыл один глаз. А затем и другой.

Будь у него их целая дюжина — и тогда бы толку вышло не больше. Перед глазами, сколько он ни таращил их и наоборот сужал для резкости, оставалось белым-бело.

Тогда он понял. Вот что он понял: что находится во сне, и единственный способ прервать его — подождать, пока он кончится сам. С этой мыслью Заяц закрыл глаза и заснул обратно.

Но вскоре он проснулся окончательно. Было холодно. И он стоял. И не мог пошевелиться. Мог только моргать. Ног и рук он не чувствовал, словно их не было вовсе. Еще мог кричать. Наверное. Но он решил пока не кричать.

Вместо этого он стал моргать. И это принесло кое-какие результаты!

Белая мгла перед глазами потихоньку рассеивалась. Проступали сквозь нее какие-то очертания. Вот темнеет впереди что-то длинное. Уходящее вверх. Заяц решил, что это дерево. И он не ошибся. Ведь он был в лесу.

Он попробовал пошевелить головой — и это получилось! Но как только у него это получилось, из шеи в затылок шаркнула такая молния, что он зажмурился.

Неизвестно, сколько он так простоял — наверное, полчаса, а может час или больше. Головой он теперь старался не вертеть. Меж тем время было, видно, послерассветное, потому что туман — а это был туман — рассеивался чем дальше, тем быстрее, и вскоре уже можно было определить направление его движения. Часть его поднималась вверх с воздухом, а остальная часть стекала вниз.

Потому что это были холмы.

Они вставали впереди, поросшие прямым и высоким лесом, а там, где лес был пореже, просвечивало белое — снег! И сам Заяц стоял на холме: не самом высоком — туман еще бродил здесь, колыхался у его ног. Леса здесь не было, только отдельные деревья. Или может, это было что-то вроде поляны, а внизу..? Ничего не видно было. Туман там был. Он спускался, и сгущался, уплотнялся, оседал и располагался, похоже, надолго; и солнцу, которое наконец поднялось — бледным шариком на белесом небе, — вряд ли под силу было разогнать эту муть. Скорее, оно само через час исчезнет, затянувшись белой пеленой.

Но пока оно не исчезло, Заяц произвел расчет. Он прикинул, оценил, разложил, сложил и разделил — и все это не отходя от оси координат: от дерева! К которому был привязан, — он уже знал это; и то, что у него получилось, он тоже знал, еще до того, как у него получилось. Холод наконец пронял его до костей; и он стоял привязанный и дрожал, и смотрел на холмы, которых не было и быть не могло. На той стороне реки. — На той? Теперь она была — та. А та — эта. Он тут стоял.

Неподалеку от себя он услышал знакомое сопение — и, забыв про шею, вывернул голову влево до отказа!

Быкмедведь, словно какая-нибудь туша, которую готовили нести из леса, был крепко-накрепко перетянут и прикручен ремнями, которые Заяц сразу узнал... Откуда? Оттуда, что он эти ремни собственными руками складывал в собственный рюкзак, вот откуда! — Но не к дереву, а к толстому столбу, в поперечных красных и черных полосах.

Котелок без рогов сполз ему на лоб, вымазав его сажей. Один глаз заплыл и сиял фиолетово-черным фонарем. Другим он смотрел на Зайца.

Щетина на лице шевельнулась, рот открылся:

— Доброе утро.

Заяц ответил так же и отвернулся. Некоторое после этого время они провели в созерцании величественного зрелища, раскинувшегося перед ними.

— ...Что мне не нравится, — хрипло сказал Быкмедведь, — что шапку нельзя поправить.

Он вдруг так странно завозился, что Заяц оглянулся опять: Быкмедведь, свекольно красный, дулся и тужился — но добился только того, что котелок съехал ему на нос.

— А что мне жаль... — сказал он оттуда замогильным басом. — Что парни мои не умели спать на льду, ходить по углам, играть на трубе и смотреть на солнце открытыми глазами.

— К-к...то их этому учил, — сказал Заяц.

Быкмедведь с силой тряхнул головой, передвинув шлем на затылок.

— Правильно говоришь. — Он прищурил тот глаз, который оставался на это способен: — Сами должны. А иначе не выйдет дела.

— И не вышло, — заключил он.

Издалека донесся — может, за десять холмов отсюда — долгий тихий звук.

— Слышал?

— Волки.

— ...

— Я не видел. А м-мне рассказывали. У нас б...были. В-в... лесу. П...потом оленей потравили, они яблони ходили есть, зи...мой. Они ушли. А за ними в...волки.

— Не трясись.

— Я не трясусь.

Если земля — вода. То стоишь на плоту на гребне огромной горки. И, если постараться, можно услышать низкий и медленный гул — от медленно, неуловимо глазом, катящихся волн, покрытых лесом? Но слышно стало лишь ветер, который, упав на лес, побежал по верхушкам... Сейчас здесь будет. И — невидимый, неуловимый, хлестнул в лицо и плечи — и вот уже сзади, полетел от дерева к дереву. Дрожь Зайца унёс. Он стоял, спокойный, как столб — будто туловище его стало одно целое с тем, к чему был привязан.

— А тут даже дождя не было. Снег лежит.

— М-м. А я б поглядел... на оленей.

— ...У нас еще так говорили: ворону ветром прибило к земле — ворона говорит: мне как раз сюда и надо было.

— А так у вас не говорили: дураку всегда праздник, всегда чему-нибудь смеется и болтает.

— Такого не слышал. А слышал: домашняя дума в дорогу не годится.

— Ну?.. — Я б тебя сменял... на пару умных... а пожалуй на всех. Махнулся бы не глядя.

— А ты в городе был?

— А ты хотел бы?

— Раньше — нет, а сейчас — не знаю. А что там?

— Сортиры теплые. П а л и к м а х е р с к у ю я б посетил. Постричься не успел. И ФФХХХХПФФФФЫ-ы-ы-э-э-хх!..

— Не получится, — сказал Заяц. Почти не глядя: — Это мои. Крепкие.

— Не суйся... под руку... — пропыхтел Быкмедведь.

Что-то треснуло.

Неужели лопнули прочные, из дубленой кожи, ремни? А может это Быкмедведь что-нибудь порвал себе в животе? Или столб не выдержал напора — и сейчас выскочит из земли с корнями — и, не устояв на ногах, Быкмедведь кувыркнется с ним вместе — туда, вниз, в туман?

Ничуть не бывало. И ни столб не шелохнулся, и Быкмедведь не сдвинулся ни на полпальца.

Но железная шапка свалилась у него с головы и, ударяясь оземь, подпрыгивая и переворачиваясь, покатилась туда.

Вниз. В туман.

2. ДОРОГА ПТИЦ

Однако долго катилась: уже казалось — точка; а это была — кочка; и снова слышался шелест и треск, впрочем, едва уловимо.

Но, прежде чем туман проглотил последний звук, там, далеко внизу, шапка обо что-то ударилась еще раз.

И все стихло.

Но лишь на одну минуту.

Туман ожил. Там, внизу, раздался возглас — и в ответ ему три. Одинокий хлопок — и сразу какая-то беготня, — но прежде чем шум превратился в базар, из тумана вынырнул человек. Молча он бежал вверх по склону, срывая на ходу с плеча — Зайцу безошибочно показалось — в движении или в самом предмете — нечто знакомое. Это был мултук!

Так сказал бы он, если б его спросили; на самом же деле это было ружьё.

Итак, тот сорвал с плеча ружьё и на бегу наставил на них; они и так-то стояли неподвижно, тут и вовсе дышать перестали. Но ружьё не выстрелило, а человек добежал и, кажется, успокоился, остановился и стал заглядывать в дуло, — а уже снизу появлялись еще и еще люди, так что вскоре перед столбами, к которым были привязаны двое наших, набралась порядочная толпа.

Они стояли и глядели. Некоторые перебрасывались словами и улыбками; зубы у них были чрезвычайно белые. Все они были вроде бы молодые, хотя сказать так сразу было бы трудно на вид. Даже имелась пара-тройка детей: вот та рыженькая девчущка с краю — на вид не больше пятнадцати... или может это был мальчик?

В этот миг вздох или шепот пронесся от задних рядов к передним. Зайцу почудилось что-то вроде: «Накуртка... Накуртка». Собравшиеся расступались вслед за звуком, пропустив из задних рядов в передние подошедшего снизу еще человека — чтобы сомкнуться вдвое плотней.

Человечек был невелик.

Не выше той девушки с краю — что теперь можно было легко проверить, поскольку она очутилась в центре, как раз по левую руку от него, и этой левой рукой он огладил ее по плечу, — он и фигурой своей напоминал шуплого подростка. И странное чувство испытал бы любой, взглянув после этого в лицо, где черные, блестящие, как антрацит, глаза окружала сеть мелких морщин, — а резко очерченный нос и скулы на-

тягивали кожу ту же, чем на барабане; и рот с такими же, как у всех, белыми зубами мог смыкаться в ровную, как стрела, черту.

На голове у человека был капюшон, а на плечах куртка: пятнистая, болотно-зеленая.

Это и был легендарный Накуртка.

Искрящиеся глаза остановились на привязанных. Человек повернулся.

— Кто это сделал?

Толпа заволновалась. Никто больше не улыбался. «Крыса, Крыса», — раздалось повсеместно; после чего впереди появился парень, извлеченный из задних рядов доброй дюжиной рук. Ему, похоже, это не очень понравилось: он шипел и огрызался, оглядываясь на все стороны. С ним тоже особо не церемонились.

— Ты, Крыса, — сказал человек. — Всегда. И не один. А я ведь предупреждал вас. Доигрались? Ну, колись.

Назвать его Крысой — значило оскорбить благородное животное. Какой-то желтый, с всклокоченными редкими волосами, — казалось, одни зубы у него были здоровые, зато уж торчали вкривь и вкось: видно это становилось то и дело, так как он приподымал верхнюю губу в гримасе, словно что-то внутри причиняло ему неясную боль... Не отвечая, бросал по сторонам косые взгляды, — как будто намеревался вместо этого повернуться и броситься вниз, припадая к земле, где и скрываться, в тумане, перебегая от дерева к дереву... И вдруг, словно поняв, что пути к отступлению отрезаны, вскинул глаза — и этот бросок был столь быстр, что кого хочешь заставил бы подумать над тем, что, может быть, умнее было лишний раз его не тревожить: — Мы поехали... все знают, куда.

Последние слова он смял, а взгляд, словно сам себя испугавшись, метнулся вбок.

Толпа — как один — перевела дыхание, — но через мгновение тишина восстановилась, потому что:

— Крыса, — сказал человек. — Я тебе брат или враг?

— Брат, Накуртка, — быстро ответил Крыса. Но глаза его продолжали лазать между корнями, пока не прыгнули на ствол сосны, где, похоже, окончательно влипли в смолу. Тогда не спускавший с его лица взгляда, от которого испарился бы самый густой туман, открыл рот:

— У тебя нет братьев. Ты — Великая Крыса, и я перед тобой преклоняюсь. Но братьев у тебя нет.

Человечек отвернулся — то есть повернулся. К толпе.

— Боевая Крыса молчит, — сказал он. — Я бы на его месте тоже не стал открывать рот. Почему всегда Крыса должен за всех отвечать? Где Горелая Спичка? Тухлый Помидор? Еще не проспались? Лучи На Повороте? Дает соловьям уроки хужожественного свиста?

— Он спит. — Это сказал Крыса. Глаза всех присутствующих обратились на него — и лицо Накуртки, чьи губы, изогнутые в роде лука, казалось, не произносили, но лишь придерживали всегда готовые сорваться в свой короткий путь слова — хлесткие, как прутья, и легкие, как петля, — вдруг изменилось, — еще за секунду до того, как взгляд Крысы к нему прыгнул:

— И боюсь, что он не проснется.

Все оледенело на холме.

Люди стояли не шевелясь. Словно никогда не были живыми, а были просто приманки — чик-тук — чучела птиц, — или еще так: стоят деревья, самой поздней осенью, когда уже нечему удивляться и нечего больше терять.

Только беспощадный ветер — Приносящий Снег.

Когда жалобно отшумели после первого порыва ветки, Накуртка разомкнул рот. Тихо-мягко, как пух, который держа в ладонях и присев, чтоб не рассыпался, положил на землю:

— Говори, — сказал он. — И Крыса заговорил: озираясь и щерясь, словно ежеминутно ожидая удара — хотя никто и ничем не препятствовал ему в его рассказе, — и вдруг срываясь в отчаянном устремлении, и тогда всё сыпалось у него изо рта, перегоняя друг друга. Одновременно бросаясь вперед, спотыкаясь и падая:

— Они стояли на берегу. Этот, здоровый... и второй, у него — оружие. — (Вот тут лицо Крысы исказилось кривой улыбкой.) — ...то есть это я так сказал — оружие. Помидор... выдвинул свои предположения,.. даже несколько: это весло — лопата — три шеста и попона, чтоб строить жильё. Ну, а Спичка был уверен, что здесь черенок какого-либо растения. Например, розы...

Чуть не столкнувшись глазами с Накурткой, в последний момент поднырнул, — и дальше, виляя то вправо, то влево:

— ...а оно было завернуто в тряпки и связано. Длинной веревкой. Чтобы не спорить понапрасну, мы подошли кустами. Близко. Так, что могли слышать и видеть их... они же нас не могли. Но лодку-то увидел... большой. За всякими разногласиями... у нас не хватило времени спрятать ее как следует. Вот я и прыгнул.

Пятьдесят пять голов повернулись — в направлении Крысиного взгляда. То есть, поле, или ареал его бегающих и отпрыгивающих, словно обжегшись, взглядов, — расширился и включил кое-что новое. Зайца! И пятьдесят пять пар глаз — оторвали их от столбов и вновь расставили, проигрывая случившееся в соответствии с Крысиным рассказом — придиричиво проверяя. А голос Крысы сопровождал, обгоняя — не доверяя тому, что они там могут сами высмотреть и, как если б в спешке решил доскакать на двух конях одновременно (и притом в разные стороны), — сразу и нападая, и оправдываясь:

— ...Я прыгнул на ближнего — у него оружие; Горелый и Тухлый — к другому,.. и к тому времени, как я положил своего... спать... Спичка проверял... действительно ли не тонет, Помидор бодался с сосной, а...

Пятьдесят пять пар глаз упали на Крысу, словно в нем одном теперь их жизнь была. Забыв о существовании тех двоих, к которым только что были прикованы, так прочно, будто не только их — и самих полосатых столбов там не стояло; одни лишь деревья: деревья, деревья, деревья. И Крыса, дождавшись этого, облизнул пересохшие губы, — и, в оглушительной тишине, голос возник:

— Лучи На Повороте.

Он просто стоял. Ваш Лучи На Повороте. И смотрел, как тот справляется с ними, — как они у него прыгают, как... летучие мыши. И только когда увидел... Что тот стоит один, — тогда он сделал шаг. Вперед, — и улыбаясь, похлопал в ладоши: раз, два, три. И сказал:

«А теперь со мной — потанцуем?»

А тот огляделся. И потом посмотрел на Лучи На Повороте. И говорит такой:

«Больше не танцую. Держите меня, вяжите меня. Вот веревка».

— Оно валялось неподалеку. Между нами. Между мной и тем, — мой выронил его, когда боролись. — Крыса помолчал. — Все-таки оружие, — сказал он с едким, как горчица, торжеством: — Хоть и перевязанное... плохо перевязанное: веревка разболталась... Но не размоталась. И... оно ушло из-под меня на этой веревке, и взлетело к нему в руки, и он ударил Лучи На Повороте в грудь.

Какой-то шум родился в задних рядах. Привлеченные движением, стоящие в середине оборачивались и тут же толкали в бок своих соседей; и передним уже, за невозможностью увидеть, оставалось тянуться на цыпочках и повышать голос, силясь понять, что случилось, — и в мгновение ока оглушительный вопль вырос над соснами, — между тем как снизу, из тумана, не спеша поднимался еще один. Вот он достигнул толпы, — и клич восторга перерос в крик ярости и боли, потому что вся верхняя часть лица его — оба глаза и нос — были расплющены в черно-фиолетовую маску. Что еще? Ах да, поверх всего лицо его было размалевано — красной глиной, белой глиной, и сажей — а вокруг...

Волосы!

Во-первых, их длины, да и густоты, хватило бы, пожалуй, на всех стоящих на поляне;

во-вторых, они были у него золотые,

солнечные,

огненные,

как осенний клен, как грибной дождь, как рассвет одуванчиков,

как медовая струя,
середина янтаря!..

— Привет, все, — сказал он, когда, невзирая на протянутые руки, каждая из которых норовила схватить его покрепче, чтобы увериться в том, что он не залетное облачко и не растает в воздухе, все же ему удалось выбраться в промежуток между первыми рядами, — привет, Накуртка.

Накуртка тоже протолкался вперед и встал перед золотоволосым человеком. Он был на две головы его ниже. — Крыса сказал, что ты умер, — сказал он.

— Крыса пошутил, — сказал золотоволосый.

Накуртка повернулся.

Но Крыса исчез. Не было его и в толпе; никто не успел заметить, когда и куда он делся. Теперь его не будет видно день или два, после чего снова замелькает, избегая прямого взгляда, в задних рядах — но не в последнюю очередь — на охоте, в разведке или дальних вылазках...

— Хоть бы и вовсе провалился, — проронил Накуртка. — Плакать не стану. — И повернулся к золотоволосому. — Так ты в порядке, — сказал он.

— В порядке? — повторил Лучи На Повороте.

Ухмыльнувшись — при чем открылся ряд зубов, способных перекусить гвоздь, — он оглянулся, и: — Ну как я — в порядке?

Новый вопль взметнулся к соснам; и переждав его, золотоволосый повернулся к Накуртке: — Полночи с ними провозились. Вот работа — врагу не пожелаешь: тащить такую тушу тропую птиц. Помидор и Спичка храпят, а я проснулся, и мне понадобилось некоторое время... — Он пощупал расквашенный нос и осторожно им шмыгнул. — Чтобы привести себя в порядок.

Накуртка поманил его пальцем, так что тому пришлось наклониться. — Я тебе больше скажу, — сообщил он ему на ухо, но даже чересчур громко. — Вам придется эту работу выполнять дважды. Сейчас развязать их. Приставить пять часовых — пока не решите, как выйти из этого положения. Как свести их обратно так, чтоб они не помнили, где находились.

Я, кстати, не против, если кто туда же уйдет — если кто за- сиделся тут до размягчения мозга. Оружие на веревке! — Он слегка толкнул золотоволосого в грудь. — Не растолчешь мне соль этой шутки?

— Да было там оружие, — чуть поморщившись, отозвался Лучи На Повороте. — Я тебе потом покажу, оно внизу. Едва мне не пришлось его на себе испробовать. Но Крыса прыгнул, как ягуар, и веревку перекусил.

— Слава Боевой Крысе! — заключил Накуртка. — Так, говоришь, они перешли через реку?..

— Ничего такого не говорю.

Накуртка некоторое время молчал. — Редкое удовольствие с тобой беседовать, Лучи На Повороте. Десять лет ни с кем ни словом. Только с тобой — и чтоб ты отвечал. Значит, это все-таки вас понесло на ту сторону.

Лучи На Повороте шагнул вбок. Остановился в виду привязанных — и им было его хорошо видно. — Спроси теперь, что нас понесло. И я отвечу. — Поводя глазами, с Зайца на Быкмедведя — физиономия которого являла собой весьма схожее повторение той же картины: — Просто хотели поинтересоваться. Откуда они... Знают лодочную песню!

— Лодочную песню? — сказал Накуртка.

— Лодочную песню! — хором сказала толпа.

— Ну да. — Лучи На Повороте передернул плечом.

— Как тебе известно, услышав лодочную песню, любой из нас, по каким бы делам он ни направлялся и как бы далеко ни находился, обязан показать себя спевшему и предложить свою помощь и свои средства передвижения.

— Ничего не напутал? — спросил Накуртка.

Лучи На Повороте пожал плечами опять.

— Слышать ее приходится не часто. Мне довелось, раза три за жизнь. Сколько помню, она звучит так...

Небрежным жестом он смахнул пряди, прикрывающие лицо, разбитое и разрисованное, — и голос взлетел.

— ...Ну как, я ее ни с чем не перепутал?

Все стояли молча. В ушах жило эхо уже исчезнувшего за облаками. Заяц, у которого самого что-то случилось с глаза-

ми, — словно ударил по ним ветер, и как будто внизу мелькнули верхушки самых высоких деревьев, и еще вдалеке серая лента реки... — увидел, как Накуртка сглотнул. О, ощущение жажды в пересохшем горле — так возбуждал, не утоляя, этот чистый, как чистая вода, голос!..

Накуртка опустил глаза. — Если бы у меня была... лодка... — Он подбирал слово к слову, с трудом, как вырывая из земли. — ...Я бы ее отдал тебе... не глядя. И все, что имею... попросил бы взять.

— И не только мне — а любому, — закончил Лучи На Повороте.

Он повернулся:

— Так кто оказался владельцем тайны? Кто призвал нас на край пограничного леса? Фашист. С боевым мечом и при полном парадном прикиде.

...

— Я не пою, я танцую.

Хриплый голос покрыл происходящее на поляне.

Быкмедведь смотрел на Лучи На Повороте из-под грозовой синевы. — Руки освободи, — сказал он ему. — Мы с тобой допляшем. Один на один. А они пусть смотрят. Потом пусть делают что хотят. Устроили тут представление. Перед кем — перед привязанными кривляетесь?

Он повернул голову к Заяцу — без шапки, с одним круглым глазом, с торчащей щетиной — стал вдруг необычайно похож на пойманного мальчишками днем филина: — С силками на них охотиться, — завершил он. — У тебя в сапоге мужества больше, чем во всем этом курятнике.

Взметнулись волосы. Лучи На Повороте шагнул к Быкмедведю — уж не собирался ли, точно, его развязать?

— ...Так вот что это было за оружие!..

Черничные глаза с далекими искрами — ночь, и где-то за невиданными вьющимися деревьями размеренный ритм — бой — неизвестного происхождения, — Накуртка оттолкнул

золотоволосого человека, выше себя на две головы, одной рукой — так, что тот от неожиданности еле удержался на ногах.

— Как же, — произнес он, переводя взгляд с Зайца на Быкмедведя, — знаю. В этом лесу. Заплутали с войны... и прижились. В город выходят... а там им зеленая улица, там такие свои выросли... одних от других и не отличишь, кто те, а кто — эти. Коней им дают напрокат. А оружие у них своё. Оно всё деревянное. Раскрашенное с мастерством и талантом. За пять шагов не отличишь. Чтоб звездануть — и остаться в седле; чтоб дубасить друг друга, и ничего от этого не было... и не ржавеет. Разве — сгниёт. Далеко забрались? — спросил он Быкмедведя. — Ты не знал, что ли, что здесь граница проходит — это там тебе стол, и дом, а тут — всё не твое? Под тобой тут земля горит — тут тебе сам воздух ядовитый. Ты тут сгинешь, провалишься сам по себе, остается только профилактику произвести, залить дустом твой след, чтоб и духа не осталось. ...Но только кто ж тебе песню-то сдал?

— Предателям голоса не давали.

Быкмедведь не выпускал взглядом Лучи На Повороте. Поверх Накурткиной головы: — Убери его от меня, — бросил он. — Я еще разберусь. Кто он: дезертир или просто ряженая обезьяна.

И мертвая тишина.

Человек стоял посреди поляны.

Никогда не горели его глаза. Там все давным-давно погасло. И бесцветные губы почти не шевельнулись, слово слетело с них — сухо, будто муравьиное крылышко:

— Расстрелять.

Он обошел толпу и не оглядываясь зашагал вниз.

Заяц услышал: тлукки-кланц! — стоящий с краю (это был тот, который первый выбежал из тумана) вскинул свой мултук и наставил прямо на него.

Тут и сказке конец.

3. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

— Л-лодка-лодка...

Какое-то странное эхо — словно весь лес облетев — вернуло дальним отголоском спетое Лучами На Повороте:

— ...и-по-лян!..

Ряд из пяти-шести человек, — тлукки-кланц, тлукки-кланц, тлукки-кланц! — целившихся из ружей в привязанных к столбам, дрогнул, стволы повело в разные стороны. Толпа, сколотившаяся в неподвижную кучу, оглянулась... Заколебалась и расползлась.

Вдалеке, на такой же поляне, как эта, поднимающейся из тумана, на таком же холме... Стояли три фигуры: одна повыше, другая маленькая. Третья была фигурой собаки.

Целый час, пока трое на той стороне спускались в туман и исчезли в нем, ничего не происходило. Как в начале: толпа распалась на маленькие кучки, которые переговаривались вполголоса, поглядывая на Зайца с Быкмедведем; передние с ружьями опустили их под разными углами к земле. Накуртка вернулся и стоял неподвижно, лицом туда, откуда ожидалось прибытие. Никто его не трогал.

Наконец они появились. Ряды подобрались, ружья обратились, угол наклона качнулся к нулю — неудивительно: черный вылизанный туманом зверь не выражал желаний познакомиться. Даже они так плотно сдвинулись, что Заяц потерял пришедших из виду. Зато он услышал голос.

— Отпустите их. Они с нами.

Стволы шевельнулись... И застыли, как знаки вопроса, — когда Лучи На Повороте, стоящий позади всех, рассмеялся!

За ним зашевелились, заоглядывались — и ответные смешки понеслись по толпе, вспыхивая тут и там, словно блики солнца на ружьях, которого не было. — Похоже...

Он отбросил волосы за спину и, пробравшись к пришельцам, бесцеремонно их разглядывал. — Похоже, тут завелись командиры. Или мне показалось? Что мы на своей стороне? У меня сегодня плохо со зрением! — вижу чего не бывает:

случайно это не легавый пёс? и что это указчиков шныряет мимо что в городе на перекрестке...

— Начни с того, что не мимо. Случайно у меня есть кое-что для вас.

— Случайно, — Лучи На Повороте покосился в толпу, — ...мы без этого не обойдемся?

— Похоже, Лучи На Повороте! Если будешь продолжать так, как начал, — точно обойдешься.

— Точно. Я Лучи На Повороте. А вот ты кто?

— Белый Ворон.

— Хорошо сказано. — Лучи На Повороте все еще улыбался. — Чем докажешь?

— Здравствуй, Накуртка.

Белый Ворон отвел рукой ближайшее ружье. Собака и девчушка остались за спиной.

— Ты меня не узнаешь?

— Давно узнал, — сказал Накуртка.

Не проталкиваясь — ряды сами раздались перед ним — он прошел и встал. — Здравствуй, брат. ...Кто это?

Сравнить с широчайшей ухмылкой Лучей На Повороте: на узком, сухом лице повело всего угол рта. Но сразу становилось ясно: кто бы он ни был, это — веселый человек.

— Это моя армия.

— Гавно у тебя армия, — сказал Накуртка.

Но дальше что они говорили, Заяц не услышал.

Прямо перед ним очутилась давешняя рыжая девчушка. Скользящее движение руки — и в ней оказался огромный нож из разукрашенных ножен, висящих на ее поясе. Взмах...

И ремни, стянувшие ноги Зайца, упали на присыпанную хвоей еще не оттаявшую землю.

Хорошие были ремни.

Нож исчез в ножнах, как будто они выпили его одним глотком, а девушка скользнула и слилась с... А не было никакой толпы. Кучки — по трое-четверо — стояли там и сям, а другие спускались туда, куда раньше спускался туман, и где он сейчас и был.

Заяц сел.

Рядом обрушился Быкмедведь: как мешок с этим самым, что Накуртка сказал.

Так они сидели, а мимо прошел Белый Ворон в сопровождении большей части оставшихся — тут были и У-Ко-Та-Ко, и Хвост Полощущегося Енота, и Копаст, и Ружье, Которое Еще Ни Разу Не Попало. И девушки — Тильда Мокрый Цветок, и Рита Ньюта, и Иоганна по прозвищу Бесаминуча, которая так любит подпевать Лучам На Повороте...

— Откуда ты узнал, что я Лучи На Повороте?..

— Кто же еще так поет лодочную песню? Как раз в этом месте мы заплутали, чуть-чуть — и могли опоздать. Но тут-то на вас живо вышли.

— А! правильно, есть там одна штучка... Что же, вам повезло! — то есть, это им — им — повезло; но постой. Откуда ты знаешь лодочную песню?..

— Что бы мне ее не знать, — отвечал Белый Ворон, — если это я ее придумал?

4. ЛУКОВЫЙ СУП

Заяц поднялся на холм, ступая на твердый, но рыхлый залежавшийся снег, в который он проваливался местами по колено. Но не замедлял шаг. Он хромал то на одну, то на другую ногу — как будто собрался пройти лес насквозь и выйти с той стороны.

Но наконец — на пятом, если только не том же самом холме, считая откуда он начал: в туман не спускался (он тут был везде), а брел то вправо, то влево, по желанию — так что путь его был родным братом того, который они проделали к реке, — ноги его стали шагать медленнее. Как будто запустили то, что застыло внутри — и наконец он почувствовал свое туловище, которого у него чуть не сутки почти что и не было. Хорошо!

Он даже стал останавливаться, на пять или десять минут, вслушиваясь в туман. Но потом снова шел.

Но потом остановился. Это был холм. Такой, как другие, поросший осинами, стоявшими среди таких же огромных сосен. Много тут и еще всего было. Папоротники поднимали из-под снега скрученные головки; у тополей на торчащих в небо растопыренных ветках расселись крепкие почки, под толстой кожей которых теснились серые и твердые, как камень, «котики»: все заждались дождя. Еще орешник.

В одной из рук Зайца держалась палка, которую он выломал из ореховых зарослей, пока шел. И теперь, усевшись под толстой березой и отложив ее в сторону на метр, он распаливал небольшой костер; а как он это делал — как обыкновенно делают, когда спичек нет: трением*. Не быстрый процесс — но спешить он не собирался. Наконец огонь занялся, он корчил его берестой. Потом руки дотянулись до палки. И вот он сидел на корточках, держа палку над огнем, медленно поворачивая и передвигая.

Через час он отложил палку, — которая теперь вся была черная, горячая по всей длине, а из концов уже не шел, шипя, пенистый сок. Подбросил в костер сучьев, и пошел искать подходящее дерево. Когда вернулся, палка остыла; а в руках у него был десяток прямых тополиных веток толщиной с палец. С ними он проделал то же.

У него не было ни ножа, ни топора: задачу их он доверил огню. Следовало бы это все хорошенько зачистить. Но было уже почти готово. Из всех веревок на нем остался лишь пояс, и Заяц снял его, сделал два узла и, оперев ореховую палку в землю, накинул на концы...

Вьюу-ьюу... ьюу... ью-ью...

В руках у него был лук.

Заяц повернулся.

Но прежде чем он повернулся, глаз его увидел.

---

* То есть сверлением сучка при посредстве петли из обрывка ремня, который прихватил у столбов.

А прежде чем глаз увидел, руки спустили тетиву — и это единственный способ охоты на выскочку.

Если ты охотник на выскочек, не высматривай их в ветвях деревьев. Выскочку увидеть невозможно. Никто даже не знает, что это такое — зверь, или птица... может, лягушка?.. — доподлинно известны нам лишь зрелых особей усы: с ними готовят суп, тот самый. Итак, смотри вдаль, если хочешь — насвистывай; и когда на закате солнца, у границ исчезания мелькнет рыжее пламя, что-то вроде молнии среди пушистых ветвей, у вершин высокой елки... нет — до этого!..

Быстро повернись... но только быстро. **БЫСТРО!**..

И — шагай домой, да побереги стрелы, пули или что там у тебя, — они тебе еще пригодятся!

Заяц промазал.

— Ай, — сказала выскочка.

Заяц бросил лук.

Зашуршали ветки — не громче, чем если бы это была сойка. Потом звук прыжка.

Из-за деревьев появилась рыжая девчушка и пошла к нему, опустив голову.

Кроме большого ножа, которым утром она разрешила на нем ремни и который и сейчас имелся при ней, за плечом у нее висело ружье, а на поясе топорщился топор. На ногах ее были мягкие невысокие сапоги, под которыми не трещит; на плечах — кожаная жилетка, чуть темней, чем ее волосы; все это было так слаженно, друг к другу пригнано, друг на друга кивало, улыбалось и помигивало: резным узором, прoderнутой нитью или яркой бусиной, что вызвало бы ответную улыбку у кого угодно.

Только не сейчас не у Зайца.

Она подошла.

Протянула Зайцу его стрелу. Заяц молча взял.

Девушка постояла, потом села, ноги накрест. — Как ты меня увидел? — спросила она снизу.

— Тебя этот... Накуртка... Послал следить за мной?..

— Накуртка? — удивилась она. — Накуртка никого никому не посылает. Накуртка — один. — Заяц первый раз слышал такой голос — легкий, чистый. Грустный. Вообще-то. Он не часто разговаривал с девушками.

— Накуртка — один, — повторила она. И взглянула на Зайца — глаза как лампочки. Серые. — Я сама, — сказала она. — Знаешь, как меня зовут? Ти-Пи-Та-Ки.

— Заяц, — сказал Заяц. Зачем-то он поклонился.

— Это для скорости, — сказала она своим голосом, полным грусти. — На самом деле будет: Ти-Пи-Та-Ки-Ту-Ко-То... и еще двадцать пять слогов. — Она снова взглянула на него. — Это значит, — пояснила она: — Поющая-На-Суку-И-Замолкающая-Увидев-Тебя-И-Подлетающая-Поближе-Чтоб-Посмотреть-Тебе-В-Лицо-Будто-Кого-Потеряла... И так далее. Кончается там — В-Свете-Карманного-Фонарика. Никто, конечно, все это произносить не будет. А говорят просто — Ти-Пи-Та-Ки, птичка. Это если хотят повторять за Лучами На Повороте.

— ...Кого потеряла? — спросил Заяц.

— Никого, — откликнулась Ти-Пи-Та-Ки. — И ничего, хотя это можно перевести и как «что-то». Там же не говорится «потеряла». Говорится — «как будто». На деле-то она просто любознательна.

— Твой батя, часом, не профессор философии и? — спросил Заяц. (Шутка. — В действительности он так подумал.)

Она встала и отряхнула спину.

— ...И когда-нибудь, конечно, за это поплатится. Вот как сегодня. — Она посмотрела на Зайца. — Я так увлеклась тем, что ты делаешь, что совершенно забыла превращать себя в дерево.

И на этот раз Заяц промолчал. И правильно: это только казалось, что Ти-Пи-Та-Ки ждет вопроса или ответа, когда голос ее, как ручеек, вдруг нырнул под землю, — какой ответ ручейку? Вот он вынырнет через минуту, и зажурчит так же чисто, и настойчиво-непонятно-терпеливо... И, конечно, грустно: — Ну что, пошли? — Она окинула глазами небо. —

Надо поторапливаться, если не хочешь здесь ночевать. Тут же туман.

— Сейчас. — Заяц раскидал остаток костра, затоптал, после чего присоединился.

— Все-таки, что это такое?

На ходу она умудрялась всякий раз поворачиваться, когда хотела что-то сказать: получалось, что шагает чуть ли не боком.

— Я заинтересовалась этим твоим обжиганием посоха над огнем... У нас никто ничего подобного не делает. И тут ты его согнул. А потом эта палочка просвистела прямо у моего носа...

— Это лук, — сказал Заяц. — Ну ты даешь. Мултук у нее есть... Разве это игрушка? Хотя у вас волки... У меня тоже мултук ...был, — добавил он честно.

— Какой мултук? — теперь пришла ее очередь удивляться.

— Такой, — Заяц щелкнул двумя пальцами по торчащему у нее из-за спины стволу.

— Ты поосторожней! Это ружье!

— Ружье так ружье, — согласился он, но не удержался и фыркнул. — ...скажи еще, что он у тебя летает!..

Тлукки-кланц! — Ти-Пи-Та-Ки сделала одно движение, затем вскинула его к плечу... ГРОМ-И-МОЛНИЯ!!!!

— Вот так, — сказала, опуская это.

— ...Дай попробовать.

— Пожалуйста. — Ти-Пи-Та-Ки протянула ему ружье. — А ты меня научишь? Как стреляют из этого твоего... лука. Странное название. Это же закуска.

— Научу. — Заяц вскинул его к плечу — сколько он тренировался в детстве, представляя волков. — Ну... — сказал он разочарованно.

Ти-Пи-Та-Ки засмеялась и, взяв у него ружье, сняла его с предохранителя. — А это, — он повторил движение: словно одноручной пилой.

Ти-Пи-Та-Ки передернула затвор — и:

— Попробуй теперь. — Заяц взял ружье.

...БАБАХ.

Он стоял, потирая плечо. В ушах звенело.

Из ствола поднялся маленький дымок. Значит, ружье. Ветка сосны была, шагах в десяти впереди. Она — где?

— ...Значит, — сказал он, — когда они... Нас...

Ти-Пи-Та-Ки рассмеялась. Наконец-то он ее развеселил.

— Значит... — на ходу сказал Заяц.

— Вас бы расстреляли, — сказала Ти-Пи-Та-Ки. — Я не понимаю, тебе-то что расстраиваться, — отметила она. — Война есть война. С другой стороны — если бы у меня был другом Белый Ворон...

— То что?

— Я бы не беспокоилась вообще ни минуты. Я бы знала, что он придет.

— А, ну! — сказал Заяц. Они прошли два шага. — А если нет?

Ти-Пи-Та-Ки пожала плечами.

— Тогда это не Белый Ворон.

— Ясно, — сказал Заяц. — ...Что такое война?

Похоже, интерес к разговору она потеряла. Может быть, так всегда было у нее, если разговаривали не о ней. (Может, так всегда у девушек, откуда я знаю.) — ...Ну, спроси у Накуртки. А ты вот так идешь — почему? Я думала, ты был ранен.

— Нет, — сказал Заяц. — Я так.

Они полезли через какие-то завалы.

— Тебе что, рассказать про Накуртку?..

Она стояла на той стороне, поставив ногу на пень, поджидая Зайца: — Накуртка был один.

— А потом к нему пришли птицы. — Они пошли дальше. — Это мы. Мы, деревья. Здесь нет противоречия. — Ти-Пи-Та-Ки глянула на Зайца боком. — Это очень удобно, — пояснила она. — А для разведчика так просто обязательно.

— Я тоже умею. Быть деревом — деревом... возвращаться. В дерево. Но девушек в разведку не берут. — Они прошли два шага. — Я вообще умею много такого, чего не надо уметь девушке, — грустно заключила Ти-Пи-Та-Ки.

— А Накуртка?..

Ти-Пи-Та-Ки убежала вперед.

— Накуртка это Накуртка. А птицы есть птицы. Так говорит Лучи На Повороте, а у меня нет оснований ему не верить... — Заяц обогнул елку и увидел ее. — Теперь твоя очередь.

— ?..

— Рассказывать про Ричардали.

— ...??

— Ричардали — солнце вдали... — пропела Ти-Пи-Та-Ки — как трава прошелестела.

Словно облачко набежало на ее лицо: — Разве вы не туда идете?..

— А туда? — сказал Заяц.

— Мне кажется, я еще не умела разговаривать, — задумчиво произнесла Ти-Пи-Та-Ки, — а уже мне были известны все имена.

Потом она еще раз оглянулась, чтобы сказать: — По крайней мере, когда я куда-то иду, я это знаю.

Остаток пути они проделали молча.

— У вас что, лишние патроны завелись?

Было темно, когда они вышли на поляну.

Встретивший их Лучи На Повороте сделал шаг от костра, вокруг которого все сидели. Белый Ворон был здесь, и Быкмедведя увидел Заяц — он громоздился с краю, в своей шапке, надвинутой на брови, и, сидя, вроде бы спал. Боевая Крыса согнутой фигурой маячил. Подальше в темноте лежал пёс. И мешок он свой увидел, который не видел с той самой границы, — валяется у огня. Всё это он охватил одним взглядом.

Волосы Лучей На Повороте были украшены — если только в этом случае можно говорить об украшениях — головным убором — целым забором! — из перьев. И столбы, к которым утром привязанными они стояли, сейчас не были похожи на столбы: столько на них всего было повешено. Тоже перья, какие-то бусы, и погремушки, и барабаны... Попоны и ружья, сушеные грибы, шишки, палочки, чьи-то сапоги, — все равно он не мог рассмотреть всего. В темноте.

Он промолчал. Зато Ти-Пи-Та-Ки сказала:

— Мне кажется, они нам больше не понадобятся. —
Голосом легким, и торжественным, и — самую малость —
грустным: — Он показал мне, как делать оружие, для которо-
го порох и пули...

— Та-Ки, птичка, — пропел Лучи На Повороте.

Знаете ее — ту, которая

отвечает всегда больше, чем спрашивали,

хотя бы спрашивали не ее,

а ей вообще не следовало появляться

там, где большие мужчины

говорят о своих больших и мужских делах?..

Лицо Ти-Пи-Та-Ки, высоко поднятое, белело в темноте.
Молча она выслушала до конца и повернулась, чтоб уйти.

— А ты, брат, присоединяйся. — Лучи На Повороте обер-
нулся к Зайцу.

— Он ел? — Накуртка, появившийся из темноты, успел
что-то сказать Ти-Пи-Та-Ки, — от чего она не смогла сдер-
жать улыбки, блеснувшей сквозь слезы.

И точно, он не ел. С позавчера.

— Спустись вниз. — Накуртка обращался к нему. —
Подойдешь к любому огню, тебе дадут поесть. Потом подни-
майся. — Отвернувшись, он исчез — и снова появился через
минуту, уже с другой стороны костра — и так легко, словно
это была какая-нибудь Ти-Пи-Та-Ки, опустил руку на шею
пса.

Пес не шевельнулся. А рука Накуртки гладила его, тре-
пала, ерошила холку... Если ему и не нравилось, то по нему
ничего нельзя было заметить.

Заяц пошел к откоосу.

Ай-я-яй!.. Что он там увидел!

Это был туман. Но не тот, что утром. Вечерний туман не
лежал плотным покрывалом, а висел неподвижно застыв-
шими длинными полосами и лоскутами. Будто облака, —
и в разрывах этих облаков, там и сям, как звезды, мерцали
костры — штук десять, не меньше. Заяц взялся за дерево:
на секунду ему показалось, что небо и земля поменялись
местами.

Ну ладно. Он стал спускаться.

Ложбина была глубокая, широкая и длинная. В общем, болото. Только земля еще не отмерзла. Но отмерзнет не сегодня-завтра — что тогда? Занятый этими мыслями, утопая в облаках по колено, он чуть не налетел на постройку в роде шалаша, — только покрытую не ветвями, а козьими шкурами, грубо сметанными вместе.

У постройки стояла женщина или девушка и смотрела на дальние костры. Когда Заяц вышел, она обернулась, и он увидел, что она делает. Она кормила грудью голого ребенка!

Заяц застыл, как будто его снова привязали к столбу. Женщина, не говоря ни слова, нагнулась, откинула шкуру, висящую на входе, и скрылась там. Он успел заметить отблеск огня — костер, значит, был у нее внутри?.. Не успел он так подумать, женщина появилась — уже без ребенка. Зато в руках у нее имелась глубокая деревянная миска с ложкой. Которые она сунула ему.

— Спа... — сказал Заяц. — ...сибо! — Тут из шалаша раздался крик. Женщина не обратила на него ровно никакого внимания. Стоя по-прежнему, она глядела в прежнем направлении. Заяц стал торопливо глотать — стоя, обжигаясь и не чувствуя вкуса; наконец он доскреб остатки и, протянув ей пустую миску, еще раз сказал: — Спасибо.

Женщина взяла миску и ушла в шалаш. Оттуда раздались быстрые сердитые слова. Ребенок и не думал униматься. Заяц поспешил ретироваться.

Когда он поднялся наверх, там разговаривали. Он нашел себе место и сел. Половину он уже пропустил. Послушаем, что в другой.

Говорил Накуртка.

— ...ваше «всегда» — это не мое «всегда».

Костер горел неровно, и в колеблющемся свете всё как-то путалось: то людей было не отличить от деревьев, то деревья смешивались с людьми... Один Накуртка оставался неизменен — потому что сидел ближе всех к огню, протягивая руки в самое пламя? Или потому, что казалось — он здесь один?.. Или это казалось потому, что?.. Ах, ну ведь это он сам и говорил: — ...когда тут никого не было.

Хочешь вправо иди — никого; хочешь влево, а хочешь валяйся под елками; хочешь волкам песни пой; а хочешь — себе сам. Вот я и пел. — Накуртка умолк на минуту. Искры из глаз... Или из костра, который он поворошил веткой: — ... был один человек. И у него были братья.

Силачи они все были — как на подбор! А никто их не боялся. Даже не подозревали, какие они сильные — камни могут крошить, или там... стоять без всего, не умирая: год, два, сто лет... Да; они еще не разговаривали. Пальцы ломай, сдирай с них кожу. Ни звука не услышишь.

Ну и, можете представить, каково им было после всего. Если ты сильный, а ни сдачи не дашь, ни убегаешь, а можешь только стоять на своем. Ну и получи своё. ...Один другого краше. Кто кривой, кто горбатый. Кто урод, а кто безрукий. Кто в лес, кто по дрова.

А тот человек... Он тоже ничего. В общем, он на них здорово был злой. Он мимо них всякий раз проходил. И молчал. И они. Молчали — будто сговорились ни жестом, ни намеком не выдать его, не показать, что он их... что он тоже с ними... Помощи не просили — а он бы помог! — уж кто-кто, а он бы! но дело в том, что... Ведь он младший был. Каждый из них — все они, по сравнению с ним, выходили прямо-таки великаны. Терпение их поэтому было безгранично. Нет чтоб наоборот его защитить — кому сейчас легко? — но это что, получается, он, один, должен их? Один — всех? Куда прикажете? А если он ввяжется — и его в порошок сотрут — ведь и тогда не шелохнутся. Нет: все эти силы были им нужны чтоб стоять ровно, когда их убивали — всяк, походу, не глядя, и именно потому, что реакции никакой; это просто была уже привычка; а если вдруг обращали внимание, то тогда было еще хуже — тогда специально для забавы; и лишь он слышал стоящий кругом безмолвный крик о пощаде. Или он слышал свой крик? — Ведь что толку в стойкости, если при этом живой. Лучше было б им умереть.

Хорошо иметь такую семейку. Ужас. Сердце кровью обливается.

...Ладно, пусть. Но почему они стоят? Почему не сказать один раз: хватит! — и не уйти оттуда всем вместе?

Он тогда решил: сами виноваты. Раз они ничего — тогда и он тоже.

— ...Так он думал, проходя мимо, — Накуртка поднялся и, осторожно ступая, вышел из круга. — Думал, думал...

— И очутился тут.

Накуртка стоял на самой границе света и тьмы, между двумя увешанными погремушками столбами, и теперь тем, кто оказался спиной к нему, пришлось изо всех сил выворачивать шею, если они не хотели отходить от костра, и когда Накуртка увидел это, глаза его засмеялись, и сказал он:

— ...Ну, тот парень, про кого я, — он увидел их — своих братьев. Какими они должны были быть. Они стояли: все высокие, статные, красивые и могучие, плечом к плечу. И никто никогда не тронет их здесь!

5. БОЛЬШОЙ СЕБЯ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ РЫБОЙ!

Кто-то подбросил в костер сушняка — треск и пламя. Застывшие лица сидящих, стволы за ними: деревья были деревьями, люди как люди.

Это проделал Белый Ворон. Усевшись обратно, он сказал: — Я про другой город хотел рассказать.

Он закрыл глаза и открыл рот:

— Тиланита. — И еще раз, пробуя звуки в ночной тишине: — Тиланита.

Это даже страна; вся она стоит на одном большом камне. А камень называется — Танит.

По стране, или по городу, потому что это одно и то же, ездит автобус, а внутри его развешаны зеркала, и каждое показывает свою сторону улицы, а другие так установлены, чтобы друг в друге отражаться, — и когда автобус двинется, сразу

все его части как будто начинают ехать во все стороны. Но они не ездят — куда ездить, если в любой конец из другого конца можно дойти пешком за час? Они смотрят его снаружи, как кино, пересвистываются, пересмеиваются, и пересыпают свои четыре буквы из ладони в ладонь и ему в окна.

Четырех им хватает. Две короткие и две длинные; «Тиланита» — я так говорю, потому что я так не умею. Они скажут что-то вроде «ти-ли-ди-ли-да» — только не скажут, а споют. И не это, а совсем другое, каждый свое, одновременно, все вместе — и это продолжается сколько продолжается светлое время суток и сколько продолжается ветер, и вот это всё оно так называется. Вся эта музыка — хотя это не музыка — не скажу и «язык», потому что язык в этом не участвует вовсе, — но, наверное, речь: ведь если на что и похоже, то немного на реку, — служит у них только для того, чтобы называть. Другого они ничего не знают. Ни историй, ни действий, — ведь история это «было», а где «было», там кончилось; а действие значит движение, а здесь движется только звук, но уж его-то не остановишь. Как будто ничего нет, если никто не называет, а им все это нравится и они хотят, чтобы «есть», поэтому называют, называют и называют — пока не пробьет фонтан.

Дважды в день; утром и вечером. Он у них вместо часов. Так и называется: «часы», они скажут: ш-ш-шш... Получаются у них два часа в сутках. И как только пробьют часы, они замолкают, потому что сейчас пойдет дождь. Точно. — И они начинают пить.

Дождь у них никак не называется.

...и молчат, пьют, фонтан бьет, дождь идет — на них, на автобус, выставивший все свои зеркала. На крыши из черепицы. И на корабли с разноцветными парусами.

Танит далеко в море.

На кораблях сюда везли землю. Самую лучшую землю с земли; и после того, как привезли землю, понастроили домов из белого камня, самых высоких — четырехэтажных. А потом уже привезли их — и как только они оказались на этой земле, то начали сразу расти — и выросли выше домов! И никто никогда не тронет их здесь, потому что — спроси любого, и он тебе скажет. Что раньше не было ничего. Один камень —

камень посреди моря; он видел это собственными глазами. И вот друг его видел, — скажи?.. Тут соберется кружок и подтвердит: да, это был голый камень посреди моря.

— ...и все они ошибутся, — сказал Белый Ворон.

Он открыл свои глаза.

— Есть только один человек, который вправду все видел. Это он привез туда землю, и построил город, и привез их; и первое, что они сделали — это они назвали его. Захотели ему показать — как раз случился закат. Или восход, не помню. Но поскольку он оказался рядом с тем, что назвали, и с теми, кто называет, на него это отчасти перенеслось. Так вот он говорит, — сказал Белый Ворон, придерживая свою улыбку, кривую и веселую, как будто собирался невесть какую шутку сшутить: — что Танит — никакой не камень, а Танит — это...

— Ричардали —

Солнце вдали.

Шелест травы,

Листья цветы.

Накуртка чуть выступил из темноты, — столбы за его спиной как будто шагнули друг к другу.

— Давно ты его видел? — спросил он. — Сюда тоже слухи доходят — летяга на хвосте принесла. Ричардали, слышно, построил себе замок и окопался в нем, — а к гостям вместо него выходят мутные ребята. Долго выясняют, с чем ты пришел, а потом объявляют, что к Ричардали нельзя. Говорят: Ричардали приказал передать, что война кончилась. Всем велел кланяться. А больше не говорят ничего.

Треснув, развалилось большое бревно, и костер сразу уменьшился вдвое. Ночь будто наклонилась, разглядывая кучку людей посередине бескрайнего леса, — потому что никто не подумал шевельнуться, чтоб поправить огонь: все глядели на лицо человека, на котором не было ни полуулыбки, ни четверть улыбки: — Накуртка, — сказал он.

— Ты заблудился в тумане. Война кончилась.

— Кончилась?..

6. КОНЧИЛОСЬ

— Кончилась? — сказал Накуртка.

Качнувшись, он шагнул.

Он прошел в круг, и приблизился к огню, и присел на корточки:

— Кончилась... — повторил он задумчиво, — ты говоришь. Значит... теперь Боевая Крыса не будет Боевой. А будет просто — Крыса. Да, это хорошо.

Он потянулся — обеими руками, сколько смог захватить, поднял огромный сноп хвороста — из приготовленного на всю ночь — и сунул в огонь.

Вспыхнуло!.. Накуртка, не успевший руки убрать, отшатнулся назад. У костра произошло движение — все зашевелились, отсаживаясь. Лопнули почки на тополях высоко наверху. Полыхнуло лесным пожаром. Накуртка, не шевеля руками, ожегший не только их, но и лицо (волосы спас капюшон), — лишь откинулся дальше, в опасном равновесии, чуть-чуть — и упадет: — И теперь — всё, — сказал он. — Все теперь могут вернуться домой. Кончилось!

— А там, на перекрестке, в подземном переходе, кто-то поет... то есть, нет: НЕ поет остатками голоса, а мимо, все мимо, не спешат люди — заниматься своими делами... А все теперь там поют как Лучи На Повороте. Я уж не говорю — само собой: им больше не рубят рук от плеча каждой весной, чтоб не путались с облаками... и все кривые — выправились, горбатые распрямились... и на каждом углу следит полицейский, чтобы было как есть — то есть, НЕ следит, перепутал... —

На одних ногах, он привстал и сгреб остатки сучьев, хвороста, бревен, роняя, потащил к пламени: — А вот... Шюларюн, я хотел спросить.

Ухнуло, взвыло, на секунду стало темно — и вдруг выстрелило вверх, и загудело, сотрясая воздух и землю. Накуртка стоял, освещенный с ног до головы: — Как теперь с ней?.. Вернутся все, кого она потеряла — да так, что и искать не нужно, и ждать ни к чему, потому что ИХ НЕТ — и не будет больше уже никогда! — Накуртка повернулся — но там было

пусто: и трех палок не валялось на гладком месте, где выси-
лась заготовленная впрок куча: — Светло тебе, Белый Ворон?
А, если хочешь, сделаем светлее — эй, Лучи На Повороте!
Спой им про Шюларюн! Нет? — тогда я спою!

Накуртка задрал голову и высоким, резким голосом за-
тянул:

— Шю-ю-юн, Шю-ю-юююю-юн, Шю-ла-рюн!

— Да споем, — сказал Лучи На Повороте, — в чем дело?

Он возвысился рядом с Накурткой, хлопнул того по пле-
чу. — Мы им такого напоем! — Скидывай сапоги, брат, туши
папу с мамой!

Позади Накуртки огонь, подобравшись к столбам —
взвился по ним петухом. Накуртка оглянулся, рванулся,
сдергивая с плеч куртку. Лучи На Повороте, ухая, сбивал
ногами и затапывал горящие предметы, волосы мешались
с пламенем, метали искры. Боевая Крыса налетел на столб
низом, сдернул ружье — зашипел и укатился в темно-
ту, тряся пригоревшие пальцы. Тут и все, остолбеневшие
от разворота событий, повскакали и бросились на огонь.
Сгорели все перья, все бусы и погремушки, улетели дымом
грибы, полопались барабаны — и, в угрожающей близос-
ти к пожарным, финальным залпом разрядились в небеса
ружья.

— ...Вот, — сказал Лучи На Повороте.

Осторожно ступая по дымящей земле, он перебрался к
бывшему костру и, подняв, поворошил в нем палкой.

Огня уже не было — но искры — заметались, ища, где мо-
жет быть что-то осталось в горстке мусора. Лучи На Повороте
не останавливался, пока не расчистил все — и тогда куча углей
задышала, замерцала красным сиянием. Лучи На Повороте
отбросил палку, присел на корточки и поднял голову:

— А что петь-то будем?

Заяц проснулся от того, что он выпался.

Слева храпел Быкмедведь. А справа. Что всю ночь ему
упиралось в бок, не давая откатиться, посвободнее растя-
нуться, во весь лист?

Это был меч. Аккуратно замотанный в ту самую лошадиную попону и крепко перевязанный веревками.

Заяц запихнул ногой его в угол.

Было раннее утро. Туман стоял в полный рост, как вчера на рассвете, белый, как полотно, липкий, как варенье. Заяц постоял, держась рукой за косяк... Там не было косяка. За угол... Угла тоже не было. Строение, в котором они провели ночь, представляло собой что-то в роде большой шляпы шампиньона. Кажется, его тут же в темноте и соорудили — навтыкали шестов, накидали одеял... Плохо он помнил, чем вчера кончилось. Перед глазами еще колыхалось яркое пламя.

Заяц постоял, держась рукой за шкуру, которую откинув, он и вылез наружу, — шкура та была не козья, как ему вчера показалось, а чья? — не скажу. Понадеявшись на то, что туман наверху уже рассосался, и наконец отделившись от постройки, он двинулся вслепую в наудачу взятом направлении, ощупывая ногами землю перед тем, как шагнуть, и выставив вперед ладони. Таким образом, наткнувшись всего на пару жилищ, в одном из которых его обругали, а в другом — похвалили*, он достиг склона.

Издали — а когда выбрался к обгоревшим столбам, то куда ближе — доносились гулкие хлопки, искаженные туманом, значение которых он за вчерашний день уяснил. Поколебавшись — не хотелось ему самому быть принятым за выскочку — он все-таки стронулся с места. Что еще осталось со вчерашнего: толчок в плечо — соединенный со вспышкой на том конце: плечо аж чесалось еще раз почувствовать эту отдельную, но каким-то образом продолжающую его силу. Вчера, в изобилии событий и людей, он это впечатление утратил. Столько он видел за всю предыдущую жизнь! Все они сливались в однородную массу, лишь отдельные лица выглядывали: Лучи На Повороте... Накуртка.

По крайней мере, сейчас не было никого. И Заяц, умытый туманом, трясась от свежести, боремый двумя противо-

---

* Сказали: «Молодец! Глаз у тебя на пятке» — но не выглянули и даже вряд ли проснулись.

положными желаниями, довольно-таки бодро хромал прямо на выстрелы.

Которые давно стихли. Он насчитал — раз, два... три, и продолжил: «четыре». — Но четвертого не последовало. В тумане. Он напрягал слух — а глаза шарили по сторонам. Сам себе не признаваясь, Заяц ждал, что кто-то вот-вот вынырнет из тумана... Кто бы это мог быть, а? Может быть, Быкмедведь?

Он почти что забыл, что сам его отпустил. Ведь это чего-то да стоит? Он с ним всю жизнь прожил — а Заяц? — ему теперь казалось, что да.

Хотя это было всего лишь пять лет. Заяц до пса был почти что таким, как сейчас. Но сейчас — он чувствовал себя лишившимся глаз. Ушей. Пёс бы знал! Куда двигаться можно, а куда — нельзя, в незнакомом лесу... Ну, а руки? Руки остались при нем; он вцепился в висящее на плече; а голова — была занята мыслью: одной, которую держал, как в воде — буюк; как шаман — бубен:

Придется теперь привыкать охотиться одному.

И не заметил, как выскочил из тумана.

На открытом пространстве, утыканном засохшими елками — весной это будет болото, как уже сказано. То есть это была вода. Но замерзшая, присыпанная снегом. На снегу том стояли... Заяц узнал со спины Лучи На Повороте. По волосам. А впереди него — чьими руками водил Лучи На Повороте сзади: р у к о в о д и л..?

БАБАХ.

Заяц остановился. Лучи На Повороте обернулся. Обгорелое перо, оставшееся от вчерашних, торчало у него за ухом. Обернулась та, что стояла впереди него — с винтовкой на отлете.

Вот теперь — «четыре».

Лучи На Повороте отпустил плечи девушки — та опустила винтовку, — Стволом вниз! — одернул ее Лучи На Повороте, легко шлепнул по нему — и опять повернулся к Заяцу.

Чернота вокруг глаз у него почти сошла — может, натирал чем-то всю ночь? — и было теперь видно, какие они у него: синие!

— Гусей стреляли, — сказал он и сверкнул зубами. — А гуси улетели.

— К н... нам п-полетели. — Заяц услышал свой голос — хриплый, как у Быкмедведя.

Лучи На Повороте задрал голову. Заяц посмотрел за ним — как будто увидел стаю, как она пролетает над лесом и полем, делает круг — и снижается, чтоб ночевать на озерах.

— К вам — это на той стороне? — Лучи На Повороте шагнул вбок, загородив собой девушку. — Эх, самый сезон у вас там сейчас, жаль, короткий. Поохотиться бы по-нормальному, да?.. с засидкой, с профилями... А зимой кого в своем лесу берешь?

Заяц сказал:

— Г... грибы собираю.

Лучи На Повороте прищурился.

— По-другому поставим вопрос. Что там Ти-Пи-Та-Ки вчера говорила? О каком-то оружии без патронов и шума — это не оно?

— Это не оружие, — сказал Заяц.

— А что? — Лучи На Повороте, глядя на Зайца, завел руку назад — и вывел из-за спины девушку. Перехватил ее этой рукой за плечи — а другой мягко вынул у нее из рук: — Вот — штука! Сухой Мартын, десять зарядов — калибр мелковат — а я с ним на вепря ходил. От волков тоже помогает. Хочешь попробовать?

Девушка, похожая на мальчика, смотрела в сторону.

— Я уже пробовал вчера, — сказал Заяц.

— У Ти-Пи-Та-Ки? — Игрушка. Крысино не видал? Хаммерлеска, оленебой. Не хочет. Меняться, что я ему ни предлагал. Давай, — говорит, — на девушку поменяем. — А я — девушек — на оружие — не меняю, — сказал Лучи На Повороте, глядя прямо на Зайца.

Снова зубы сверкнули. Он протягивал Зайцу то, что держал:

— Давай, не тушуйся, — вон девчонке понравилось. А мне покажи свой. Ти-Пи-Та-Ки сказала, ты его прямо вчера сделал?

Заяц отодвинул локтем Лучи На Повороте.

Мягко скользнула стрела с тупым наконечником. И, теряя перья, рухнула на снег только что севшая на елку пестро-черная птица...

— Да ты ас. — Лучи На Повороте рядом щелкнул языком. — Не гуся, так сороку. Штука-то не простая! А ну, вон та шишка — видишь?..

— Это лук, — сказал Заяц. Наложив стрелу и заведя до плеча, он медленно развернулся... Грянул гром. Шишка висела на месте. Лучи На Повороте смеялся, опустив винтовку.

— Ищи ее на земле. Палочку твою. Если от нее что-нибудь осталось.

По-хозяйски притянув к себе девушку, он перевернул винтовку и, стволом в землю, протягивал вперед:

— Меняем? Я твой, ты мой; через три дня посмотрим, сможешь сделать так же?..

— Зачем тебе? — сказал Заяц. — Если у вас у всех здесь...

— Научиться хочу. — Лучи На Повороте тряхнул волосами. — А насчет всех — не беспокойся, у нас их на самом деле мало. Две «Сайги», штуцерок, дробовик у Крысы и еще пара таких, что с углем заряжают, чтоб стволы не разорвало, — ну, то, что у Ти-Пи-Та-Ки, я не считаю. А порох, дробь, а патроны? За всем этим в город гонять — а в этот раз мы и в город не попали... Вас встретили! — Он покосился на девушку и почесал нос прикладом: — У Накуртки, конечно, есть, целый арсенал. Но он не даст.

— Почему?

— Почему, — повторил Лучи На Повороте. — Я тебе сейчас расскажу, почему.

7. ОХОТА НА ДАНИЭЛЯ

— Мы тогда были не здесь.

— А где вы были?

— Были — где мы были, это другой разговор. Далеко отсюда. Там лес не такой, там... ну, словом, мусорный лес. Люди туда приезжают. Со всеми потрохами, свинью пожарить, банки побросать... Следов от них много.

А стояли мы там, тихо-мирно. Местные к нам привыкли, даже подружились с какими-то. У них свое, у нас свое, а костерок общий. Вроде им интересно было поглядеть на нас. Самим с собой скучно, а мы — развлечение. Всерьез они нас не брали; они ж не знали, что мы... ну, не важно. Не лезут — и хорошо. И Накуртка. Мы не знали, думали, с ними. А они — с нами. Просто приبلудился. Такой, как сейчас: вынырнет всегда неизвестно откуда. Жарко было... да, а он в своей куртке.

— И раз две девушки за водой пошли. Не наших, ихних — они там такие тоже были... вроде твоего друга. — Лучи На Повороте раскорячился, изобразив Быкмедведя — похоже! — Один другого толще. Ну и вот, пошли девушки за водой — а вернулись только через несколько часов... ночью. Там рядом компания накануне встала. Не знаю, что они себе думали, а скорее всего ничего — просто перепились до потери соображения. Они же не знали, что у нас... ружья; об этом и наши, как-бы-приятели, не знали. Ну, вот они этих девушек и обидели. И завалились спать.

Собрались мы думать — думали недолго: вопрос понятный. Нам-то светиться как бы и нельзя — нас к тому времени искали... так вот, я говорю: Накуртка. Про него что-то стало выклёвываться. Слухи ходили... а скорее, эти местные всё придумали. Они, с нами поживши, сами стали поинтереснее, вроде как от нас заразились: сочиняли всякое, для забавы. Будто бы он где-то воевал... один. Или как будто, что ли, подшутили над ним... а он взял — и весь свой взвод во сне положил... и нас, мол, сейчас, тоже. — Это шутки такие, да? Я даже знаю того шутника, кто это пустил. Я потом его в сторонку отвел и мозги-то и вправил. А потому что ври — да

не завирайся! Никто не мог над Накурткой шутить; а он — над всеми. Ну ты его видел. Язык у него что нож; как он этих местных поддевал. Они терпели. Другому бы спуску не дали, а его... любили, что ли. Если б он что и сделал — то не потому. Не за себя. Сейчас увидишь.

В общем, пошли. Кого там где ловят, уже не вопрос: нельзя просто так. Точка. Никто на месте не остался. Кроме девушек, ясно. И Накуртка пошел. В тот лагерь. Стоят палатки, из палаток — храп. Утро, самое раннее, было. Стали их бить. Прямо в палатках, ногами.

Все, кроме Накуртки — он шел, да не дошел, встал там поодаль. В палатках кричат, не понимают ничего, не проспались еще. Вылезти хотят, а не могут. А мы бьем. И тут Накуртка. Бежит к нам — и кричит: — Хватит!

— Его слышали. Бросили их и ушли. А вскоре мы совсем оттуда ушли. Накуртка еще раньше пропал. Может, и мы потому. Что-то исчезло. Стало понятно... и до этого было, конечно, что мы по разные стороны.

— Наша сторона... здесь. И мы его встретили.

Обрадовались сильно — правильно, значит, угадали. Ну, а он нам... не обрадовался. Мы тут того... даниэлей малость постреляли.

— Это что? — спросил Заяц.

— Даниэль! — Лучи На Повороте уставился на Зайца. — Не встречал? Я их тоже, признаться, ни разу не видел. Кто знал, что тут за лес? Вышли на стадо. Повезло. А стаду, понятно, — нет. А что делать? Осень наступила; сам видишь, туман — по утрам уже и лёдик; а у нас девушки, им вредно на земле спать. Припасов — ноль. Ну, и мы их сильно много перебили, патронов тогда еще никто не считал. Наткнулись лоб в лоб; девчонки кричат: здесь они! уйдут!.. — им в ответ, чтоб на деревья прыгали, — а сами у стволов повставали и как давай мочить!.. Такого мы не видали. Даниэли мечутся, кусты трещат, а мы палим, не разбирая. Пока пришли в себя — кругом кровь, дым, трупы валяются.

И среди них — Накуртка. Как будто с ними бежал! Опять, как тогда, с палатками. Но хуже еще. Лежит на земле, рядом с оленихой какой-то, за шею ее обнимает. То ли ранен, а то

ли плачет. Как еще Крыса не догадался стрельнуть — с него бы стало.

Наконец встал. Смотрим — цел; и глаза сухие. Ни «здрасьте», ни «до свидания»; «Что теперь делать будете?» — говорит.

Ну, шкуры снять можно, если всем вместе три дня работать, а с остальным... Сели мы курить. «Ладно, — сказал Накуртка, — я пошел к Шюларюн».

И пошел. И попросил ее, чтоб она всех оживила, а Шюларюн говорит: «Я этого не умею».

«Тогда, — сказал Накуртка, — сделай так, чтоб мясо не пропало», — и на другой день тут грянули такие морозы! Плевок во рту замерзал, а пуля — в стволе; лес звенел, как хрустальный. Из шкур, какие снять успели, мы сделали один большой мешок, кострами обложились и лежали с девушками, грелись...

— И тут пришли волки. Оставшиеся патроны мы расстреляли и думали, никого Накуртка уже не найдет, — ни нас, ни даниэлей, — но он вернулся и всех рассчитал. Вот тогда он оружие раздал. Мы кое-как отстрелялись; мясо закопали. Оружие он забрал и обратно унес. «Когда из города сюда придут. А до тех пор... — говорит. — У вас свои дела — у меня свои».

— Ну, у нас свои дела, это он правильно... Мы тут не сидим, дожидаемся... когда за нами придут. Так ведь?

Лучи На Повороте обнял и встряхнул девушку — посмотрел ей в лицо. И вдруг бросил ее и повернулся к Зайцу.

— Я всё сказал. Что можно... и даже и что нельзя. Забудь. Как — надумал меняться?

— Сейчас. — Заяц кивнул на кусты. — За птицей схожу.

— ...Эй, брат! — Заяц, уже шагнувший было прочь, остановился.

— Бросай ты это дело, — посоветовал Лучи На Повороте. — Тут теперь снег лежать будет, пока мы с мясом не закончим. Лучше приходи на полигон. Там даниэль в кустах, да ты увидишь, — Ти-Пи-Та-Ки, птичка, расстаралась, выпросила себе тушу с рогами целиком. Пока девушки мясо коптили, набила чучело — не отличишь. Ну, что теперь с ним делать — не потрошить же обратно. Так; ну... Я тебе дам... — он по-

считал в уме, — десять патронов, извини, больше не могу. Не хочешь меняться — просто так научи. А вечером песни петь будем. Ну как?

— Я приду, — сказал Заяц.

— Буду ждать. — Лучи На Повороте приветственно махнул рукой. Уже издали Заяц услышал — его голос; и, совсем едва уловимо, — девичий смех?..

8. 10 ПАТРОНОВ

Фиу... Фиу-фиу-фиу-фиу-фиу!!! Фиу-фиу-фиу-фиу-фиу-фиу-фиу!..

Три дня Заяц ничего не видел и не слышал: он оглох и ослеп. Потому что... стрелял? Нет: он целился.

На полигоне, или, как это еще называлось, в тире, — на самом деле на поляне, срезавшей верхушку холма, один склон которого круто уходил вниз, чтоб за тонкой полоской деревьев по краю никто не мог остаться незамеченным, — собралось тридцать человек: все желающие овладеть искусством выгибать орешину и брать концы на ветер. Первых он научил, вторых научили первые; четвертые, пятые и так далее то и дело подходили справиться, как высчитать длину стрелы или положить волос на перо, и нельзя ли попробовать стреляные гильзы, понаделав из них железных головок.

А Заяц целился.

Из десяти патронов — пять отсчитал ему Лучи На Повороте, еще пять добавил Накуртка — три он израсходовал в первый же день. Все остальное время просто держал карабин в руках.

Он научился снимать крышку коробки, оттягивать возвратную пружину, затем раму назад и вынимать затвор. Открывать магазин, ставить оружие на флажковый предохранитель и отделять карабин от ложа. Собирать все назад. Всё

это было нужно, чтоб чистить его. Чистить ему не приходилось — ведь он не стрелял.

Он узнал, как толкатель, упираясь в затворную раму, производит откат назад. Он оттягивал раму, вставлял сверху патрон за патроном в магазин, а в конце дня вынимал снизу коробку и высыпал патроны в ладонь. Он рассмотрел их внимательно, и мог засвидетельствовать, что на деревьях они не растут; а то, что он принес с собой в мешке, для этого мултука не годилось. Хорошо, что ему не пришло в голову разобрать и патрон, чтоб посмотреть, что там внутри, — например, камнем, положив его на другой камень, — но патронов было мало, и три уже улетели: один в неизвестность, другой в никуда... третий поближе — дырка обнаружилась на расстоянии локтя от мишени. Заяц вдруг сделался жадным и принялся экономить. Он засыпал, держа руку в кармане, с патронами в кулаке, — с тем, чтоб вскочить рано утром и выйти в туман; и шагать в нем, не видя тропы, за три дня ставшей такой знакомой, как дорога от деревни к лесу. Он выходил на поляну — где не было никого. И потом он целился.

Так три дня — то есть всё светлое время суток. Где не было никого — появлялись все; и вокруг свистали стрелы, как осы, устремляясь каждая к своей мишени, но огибая чучело даниэля, чтобы не убить его второй раз, — а он держал карабин Лучей На Повороте к плечу — час, и два, и три с половиной, иногда только поднимая его чуть вперед и вверх — словно собирался с его помощью днем высмотреть звезды. Сам себя бы он не узнал — если бы ему пришло в голову взглянуть в себя; но он смотрел только в прорезь и видел мушку. И если бы Зайца спросили — кто он теперь? не охотник, а — кто? но и не тот, кто хромал под дождем по своему лесу: тогда еще у него был лес — свой; теперь не было ничего. У него не было даже этого карабина — на ночь он возвращался к своему владельцу; ну, а вернется ли он в деревню? — нет, не вернется. — Значит, останется с ними? — Заяц об этом не думал. Думать он опять перестал.

Только раз отвлекся больше, чем на пару слов: это когда к нему приблизился Крыса и предложил попробовать свой

«хаммерлесган»: длиннее, чем карабин Лучей На Повороте, и с двумя стволами, один над другим. Патрон к нему выглядел по-особенному и собирался вручную, — Заяц посмотрел, но выстрелить не захотел и вернулся к своему занятию. Возможно, он не стал бы отказываться, если б знал, что Лучи На Повороте уступил Крысе за это вперед килограмм дрови, свой спальный мешок и настоящую зубную щетку.

А Лучей На Повороте не было.

Не было! Лучей На Повороте! И, однако, он был. Кто видел, как весенний вам-пум — лесной кулик — летает на утренних и на вечерних зорях? Их двое; они кружат над вырубками и просеками, над мелколесьем, и все время издают: он — «хорканье» и «цыканье», она — только «цыканье»... Кажется, появлялись и тут — Заяц не видел, потому что он целился, — когда описываемая ими дуга соприкасалась с краем опушки — возникали на повороте, и Лучи взмахивал приветственно рукой — но не приближались, а исчезали, увлекая друг друга по неведомой нам орбите; а может быть, это Заяц вообразил — основываясь на вспышках взглядов, которыми обменивались находящиеся на поляне. Потому что Лучи На Повороте был! — в своем отсутствии больше чем когда-либо: ведь то, что он не здесь — в этой затее не — раньше и первое всех; то, наконец, что оставил свой карабин и даже не думал интересоваться, — значило только, что — выше! забирай выше — там, за перевалом, перед которым бросаешь и лук, и ружье — как бросает человек и ружье и одежду на берегу, когда идет купаться — но выше!!! — там, куда залетает, быть может, один удивительный голос.

Никто не завидовал — никому бы и в голову не пришло: наоборот, всякий опускал лук и поднимал голову, слышав — или когда казалось, что слышал — отдаленное эхо звука, который могла издать только одна серебряная глотка; словно и его чуть-чуть забирала та высота; словно и он, будучи братом, нанемного становился Лучи На Повороте.

А когда вечерний туман наплывал на деревья, и больше нельзя было целиться, покидали поляну и стягивались

к костру, уже горевшему на обычном месте, — и там был Лучи На Повороте. Нет, на самом деле был.

Все они тут были, кого не было на полигоне. Пёс лежал — кажется, теперь всехний: то один, то другой невзначай приближался к нему и пытался угостить костью. Пес, впрочем, не брал; правда, и не рычал: когда надоедало, вставал и уходил. Да нет, пёс как раз был неизменен, таким как всегда, только вот... Заяц смотрел на него один раз — и отводил взгляд. Он разучился разговаривать с псом. Накуртка — подавался вперед меж двух столбов (их отчистили и украсили чем осталось; назывались они «отец и мать») — покачиваясь на кулаках, как на качелях — вдруг пропадая и появляясь оттуда, где его никто не ждал. Быкмедведь. Собранный и застегнутый, в надвинутой на лоб шапке, выглядел странно и чужеродно, чтоб не сказать — опасно; но никто его не боялся; никто к нему и не обращался; один Лучи На Повороте раз-другой — но получил ответ столь односложный, что лишь пожал плечами. Сидел и курил самокрутки; спать уходил раньше всех, но там — перед входом — продолжал еще час и два; Заяц слышал, укладываясь, как пыхает, раскуривая одну от другой; но сам — засыпая, продолжал целиться. Меч лежал у него под боком, там, куда он задвинул его первым утром, и даже, кажется, в той же позе... В темноте. Белый Ворон сидел с закрытыми глазами — Накуртка иногда возникал сзади и, нагнувшись к самому его уху, что-то спрашивал, — Белый Ворон отвечал, почти не раздвигая губ и не открывая глаз. Котел закипал; в кипятке заваривали смоляной крепости напиток, — передавали кружку по кругу, грея о нее руки, — а Лучи На Повороте пел.

Как он пел!

Как никто не пел до него — нет! как сам он не пел ни до, ни после того, — и, кажется, сам это знал. Трижды, то есть три раза, три вечера пел Лучи На Повороте, — и идущие к костру бежали бегом, когда слышали, как он начинал, не дожидаясь. Словно этот — новый — голос был ему дан во временное владение, и надо было спешить: почти не слышно слетал с губ первый звук — три сосны вздрагивали, а осины наставляли свои не дождавшиеся дождя листочки под такими углами,

чтобы они не могли трепетать. И тогда голос расправлял крылья на воздухе и рос, заполнял все невозможным сиянием, и уже не верилось, что он исходит из горла, потому что он был везде, и не было ему преград. Но он исходил из горла, и это горло было Лучи На Повороте, и синяки под глазами, и нос картошкой — когда он переставал петь, чтобы вдохнуть — но тут же вновь начинал: возмещать и искупать, раздавать себя всем, кому его днем не хватало — и, конечно, внизу, у женщин, тоже слышали Лучи На Повороте. Кто в эти три дня в этом лесу не слышал Лучи На Повороте?.. Лился свет — сияли волосы — Лучи На Повороте раздавал и раздавал всё, что у него было, и всё не мог исчерпать. И вдруг замолкал. Минуту сидел молча, потом вставал и уходил, — и тогда оставшиеся сидели не шевелясь: еще час-полтора предстояло коротать время, прежде чем установится настоящая глухая ночь и костер догорит, и ничего не останется, как отправиться спать.

Три вечера пел Лучи На Повороте и перепел все песни.

Вот одна из этих песен, она называлась: «Леопард».

— Я проснулся утром,
Ранним утром, на заре.
Я увидел зверя,
Зверь подкрался по горе, —
Желтый в пятнах леопард,
Желтый-желтый, в пятнах,
Ты и он — вдвоем не спят,
Остальные спят — ах!
Здравствуй, здравствуй, осень,
Здравствуй, милая моя,
Милости просим туда, где и я!.. («туда, инде-и-
й-я» — пел Лучи На Повороте)

...Солнце встало, ожил лес,
Леопард тогда исчез,
Завтра утром он опять
Подползет еще на пядь.
Солнце встало, боже мой,
Скоро едем мы домой,
Солнце встало над горой — ой!..

Заяц говорит:

— Эта п-п... песня про дальние п... поля. У нас, в деревне, у всех свои огороды. А поля общие. Когда наступает весна, то все полеводы, и агроном — все они отправляются туда. С ними едет трактор. На тракторе везут всё, что нужно, потому что далеко возвращаться, а работы много. Они там живут все лето. Я туда не ездил никогда, только в детстве. Сейчас я и вовсе от нее далеко. Но деревня есть, и я знаю, что скоро в ней поедут в поля. Я слышал эту песню, она про сбор урожая. А леопард — это просто осень.

— А как же ее тогда пел Лучи На Повороте? Он ведь не был в деревне и не собирал урожай. А никто из деревни не был в тех местах, где он. Может, песни передвигаются быстрее, чем люди? Одни и те же песни появляются в разных местах, и все их поют про свое. А если леопард — осень и скоро домой, то почему он ее поет сейчас? Ведь сейчас не осень — весна?

Этого Заяц не знал.

Этому скоро предстояло разъясниться.

Настал четвертый день. С утра было что-то неладно — Заяц заметил, когда, в тумане, пробирался между построек: какой-то ветерок шевелил их снаружи, а может и изнутри. Но он тотчас об этом забыл. Был четвертый день, и он хотел истратить один — контрольный — патрон перед тем, как всё начнется (соревнования).

На полигоне никого не было. Заяц благоприствовало. Торопливо он сбросил с плеча карабин, вынул из кармана семь патронов — и вставил три, а четыре спрятал. Потом, расставив ноги для прочности, поднял его...

А тихо было. Туман лежал внизу, укутывая землю плотным мешком, не выпуская из себя звуки. Воздух казался особенно неподвижен — как бывает очень ранним утром, вдобавок если не выспишься — неподвижной, чем чучело оленья — сегодня оно торчало в кустах особенно сбоку, особенно одиноко и сиротливо, — ...чем черепа.

Развешенные накануне наподобие елочных украшений по всем деревьям: в глазах их тускло сияли гнилушки, рога

были увиты белыми лилиями, а морды раскрашены сажей и глиной, — они тихо поворачивались на своих черенках. Заяц давно следовало нажать на спусковой крючок; а он стоял, словно зарылся этой неподвижностью, — словно рука у него онемела — словно зря целился три дня и так и не выстрелит — не истратит больше ни одного патрона из подаренных ему Лучами На Повороте..?

Сзади раздался треск.

— ...Ты?

Быкмедведь стоял, пожевывая ветку — самокруток на утро не хватило?.. Впервые Заяц видел его при свете дня — с тех пор, как они оба, привязанные, стояли на поляне совета. Он похудел. Лицо осунулось, синяк сошел, остались только синие тени под глазами. Шапки не было, всклокоченные волосы клубились надо лбом.

Быкмедведь выплюнул ветку.

— Дай.

Заяц помедлил, протянул ему, — Быкмедведь взял и, не глядя, словно это не винтовка была, а пистолет — таким оно показалось в его руке, — выстрелил прямо по черепу: блямс! — грохот, недалеко прокатившись по поляне, ушел в туман, как в вату, а с ним слился сухой звук попадания: череп разлетелся в куски, и ленты, розы, рога посыпались на землю и повисли в ветвях, только веревка качалась на прежнем месте. Вот кому следовало состязаться с Лучами На Повороте!..

— Дай мне. — Заяц протянул руку.

Спокойно, так спокойно — вот прошел поезд, и стрелочник нажимает на кнопку, и шлагбаум, перекрывавший дорогу, пошел подниматься вверх, — он и не почувствовал, как нажал на спуск, в ушах еще жил предыдущий выстрел. Толчок отдачи ударил в плечо — и в тот же миг следующий череп с небольшими аккуратными рогами-спицами волчком завертелся в кустах. Заяц попал не точно между рогов, а на полладони увел вправо. Спокойно! — он знал, как это выпрямить...

Но винтовки уже не было в его руках. Быкмедведь оттолкнул его и замер, приложившись. И-и — раз! Череп полетел вниз: он перебил веревку ровно посередине. Заяц выхватил у него карабин — другой рукой нащупывая в кармане и вкладывая в магазин оставшиеся патроны.

БАМС!

БЛЯМ!

БУМ!

ХЛОП...

...

Пятнистый даниэль, неподвижно стоявший в кустах, подпрыгнул и обрушился под откос, ломая ветки.

А Быкмедведь, не опуская карабин, целился вторично: щелк!

Щелк! щелк! щелк! — патронов больше не было, а он все жал на крючок, четыре, пять, шесть! — наконец остановился, швырнул его на землю.

Захрустел снег под тяжелыми шагами.

Пока Заяц лазил по кустам за даниэлем, тихое утро сменил ветреный, порывами, день. Выстрел перебил чучелу ногу, и оно, не устояв на трех точках, свалилось в овраг; хорошо, что ветер разогнал туман, иначе бы он его не нашел. Тащить было легко, хоть и неудобно: это ведь не тяжелая туша, просто шкура на распорках, набитая сеном. Оторвав полу от собственного кафтана и при помощи дощечки, он кое-как вернул даниэлю если не прежнее состояние, то хотя бы вид — что, если бы Лучи На Повороте подарил ему не десять, а двадцать или сорок пять патронов?..

Теперь можно было уйти — соревнование его, похоже, закончилось — отыскать Лучи На Повороте, отдать карабин, — но как быть с черепами..? При всем желании он не мог собрать их обратно. Хотя для того и предназначались, но вышло плохо: все придут... Странно и то, что их еще нет.

Он решил посторожить, пока кто-то появится. Положил рядом карабин, бесполезный, как какой-нибудь мултук, сел на пень и занялся костром.

Но никто не пришел.

9. СТОРОНА ЖЕНЩИН

Все были на поляне совета. Горел костер, хотя даже еще не стемнело.

Лучи На Повороте, вопреки обыкновению, не пел, а рассказывал что-то, блистая зубами, двоим или троим сидящим возле него. Он едва глянул и, не прерывая речи, кивнул, когда Заяц вернул карабин. С другой стороны костра Накуртка, развалясь на бревне, попыхивал самокруткой. Заяц выбрал себе место.

О соревнованиях ни слова. Но он и так уже понял, что их отменили. Ветер свистал и носился, пламя липло к земле, то в одном, то, вдруг, в противоположном направлении, — всем пришлось отсесть на большее, чем обычно, расстояние. В такую погоду нечего рассчитывать на попадание стрелой. У себя Заяц бы точно сказал, что ночью польет, а что тут, на холмах, он не знал — может, к снегу.

Теперь быстро падала темнота. Но вот Лучи На Повороте закончил свои истории и умолк. Потом он сладко зажмурился. Сильно потянулся. И... — хочется сказать: «запел».

— Песни-то кончились, — сказал он.

Это и вправду было так.

Все молча ждали продолжения: уж очень не хотелось, чтобы это было так. И Лучи На Повороте вскинул глаза: — ...осталась одна походная!

Мгновенный испуг сменился облегчением. Голос поднялся и повел — чистый и прямой, взлетающий без разбега, кратчайшим путем ведущий к цели:

— По долинам и по взгорьям

Шла дивизия вперед...

И пропал.

Три минуты прошло в тишине. Потом Лучи На Повороте, обычным голосом, словно никаких песен здесь не бывало, спросил: — Иоганна, ты?

Никакого ответа. Если это не ответ — то, что ветер выделявал в ёлках. Лучи На Повороте пожал плечами. И снова начал: — По долинам и по взгорьям...

Но теперь Заяц услышал. Кто-то подпевал! — был второй голос! — низкий и плотный, начал сразу же с ним, тон в тон, и одновременно смолк: ни зазора не было между голосом и подголоском, и если это эхо — то оно было прямо тут. Рядом.

А Лучи На Повороте в этот раз уже просто молчал. Ждал. И от деревьев отделилась фигура.

Низкая и крепкая, в длинной юбке, треплющейся на ветру, угрожая нахлестать по носам оказавшимся рядом... Да, это была женщина.

Потянувшиеся к ней языки пламени высветили изрядные скулы, и между ними — столь же выдающийся, крючковатый нос. Длинные, как у Лучей На Повороте, но черные волосы плясали на ветру, то бросаясь назад, а то клубком змей опутывая ее лицо — на что она вовсе не обращала внимания.

Она была похожа на черную, растрепанную галку!

Подойдя к костру птичьим, подпрыгивающим шагом, она остановилась против Лучей На Повороте и открыла рот:

— Чок, чок, получок! Чок, чок, чок, получок!

Вынырнул Накуртка — на месте ему не сиделось. Запустил руку в волосы и приклонил к себе: — Бесаминуча, — сказал он ей в ухо. — Не чокай. Здесь не все понимают.

Широкое бедро презрительно шевельнулась. Но не сделала его обладательница попытки высвободиться. С уголка пробежала по извилистым губам долгая, сторающая дотла усмешка.

— Шла дивизия, Накуртка, — сказала она. — Посмотри на нее внимательно. Посмотри на них напоследок.

— Ты что-то сказать хотела? — уточнил Накуртка.

Тогда голос раздался — и это был не тот голос, который был перед тем даже, как он собирался петь. Этот голос мог быть перед тем, когда он собирался спать, — Лучи На Повороте лежал на боку, подпирая голову рукой: — Чок... получок... чок, чок... получок... чок, чок... — Он умолк, чтобы перевернуться на другой бок, пошевелил рукой, отряхивая

что-то с пальцев, и, зевнув, заключил: — Высечь тебя надо, Иоганна.

— Слушай, Накуртка, — сказала она. — Слушай это, я говорю. Слушай: не скоро ты их вновь услышишь. Много тебе от них было проку? Ни стеречь, ни воровать; ничтожества и тунейдцы. Вылазки в город — смех! распустили хвосты, трясут ружьями друг перед другом. Где ваш последний успех? какова была ваша великая победа?.. Лучше б вы сложили головы — но это не про вас; вы только годны, чтоб высиживать яйца...

— Иоганна, — Лучи На Повороте угрожающе сел. — Еще слово — и ты затронешь тех, кого нет; остановись, добром прошу. Язык до мамы доведет — привяжу тебя к ней да хорошенечко отмутужу! — Но тут она разразилась таким щелканьем, цоканьем и свистом, что, поморщившись, Лучи На Повороте указал на свои уши, как бы собираясь заткнуть их. Тогда она повела головой и заключила: — Вы только всем мешаете. Мешаете тем, городским, — они бы забыли про вас, кабы вы не зудели, как мухи; мешаете сами себе — понять, кто вы есть на самом деле; и навлекаете беды на остальных своим безмозглым геройством!

Лучи На Повороте сделал движение встать.

Поздно! Иоганна отскочила назад — там, под деревьями — как этого до сих пор не замечали? Маленький круг мужчин, сидящих у костра, был оцеплен, замкнут в другой, большой круг: это были женщины. В темноте, под каждым деревом стояло по женщине. В три шага Бесаминуча достигла одной из них — выхватила — и толкнула вперед себя в круг костра.

Стояла, хмурясь от яркого света.

— Твой орел, — сказала Иоганна.

Подогнув одну ногу, кулаком упираясь в бедро, окруженная своими волосами, взметнувшимися на ветру, — она ждала сзади. — Забирай, — велела она. — Большой подарок, белая сестра. Ты будешь спать с ним в болоте. Срываться с насиженного места, потому что его потянуло за волчьим лыком. Трястись по ночам, думая, что его загребли в полицию. Отбирать патроны у своего маленького сына. Как насчет

Крысы, детка? Они друзья. Не удивляйся, если в спальнике вас будет трое. А он щиплется, гнусная крыса! Остальное расскажешь при встрече.

Иоганна подняла руку — указательный палец с длинным загнутым ногтем безошибочно, в темноте, нашел человека, сидящего молча, с закрытыми глазами:

— Мы ждали Белого Ворона. Белый Ворон пришел. Война окончена. Мы летим домой!..

Девушка, похожая на мальчика, посмотрела на Лучи На Повороте — на Иоганну — опять на Лучи На Повороте. Открыла рот и сказала:

— How do you do? I get up at seven o'clock. I go to school number one hundred and eleven. This is a cat, a bat, a rat. And what's she said? What's The White Raven, or The Black Raven, or The Red Raven told her? I don't understand*.

— Они спрашивают... — пробормотал Лучи На Повороте. — Почему их не берут на совет. Почему мужчины без них веселятся, отдыхают и думают — а они вечно внизу, в своей грязной, и тяжелой, и скучной работе. Почему не шушукаться, когда идет разговор? Почему не настраивать мужчин друг против друга? Почему не вцепиться соседке в волосы? Почему бы не выразить мнение, которое никого не интересуется, — потому что не им придется это делать?.. И когда им, наконец, этого всего не позволят, — почему не подслушать, не подсмотреть и не решить все одним?

Он встал во весь рост и откинул волосы.

— А почему бы когда-нибудь не обойтись совсем без женщин?

И повернулся к девушке.

— Мне жаль, — сказал он. И пожал плечами.

---

* Вот что говорит по этому поводу машина-переводчик: «Как вы делаете? Я get up на 7 часах. Я иду к школе 100 и 11. Это будет котом, летучей мышью, крысой. И будет ей сказало? Белое Raven, или черное Raven, или красное сказанное Raven ей? Я не понимаю».

— Что я могу поделаться? — Он что-то вспомнил: — Крыса за то, чтоб тебя взять с собой. Говорит: такой выкуп затребуем! Миллион можно забрать! Но я девушек не продаю.

Вдруг он улыбнулся широчайшей улыбкой: — Надоело бриться топором. Раз народ улетает... Тогда и я, конечно. — Он почесал нос и произнес, обращаясь к ней, с чувством: — Это было здорово, правда.

И вдруг все зашевелились и загалдели, — будто не хватало двух слов, будто был решен давний спор, отгадана загадка, — рассеялся туман, — и все стало ясно — и далеко видно — легко и просто... Кто-то встал и отправился вниз; кто-то подбросил в костер ветвей — с целой ёлки! — а Лучи На Повороте — вот он стоит: — Бесаминуча, может теперь ты попросишь своих женщин убраться вон? Хоть последнюю ночь мы проведем спокойно?.. А? говоришь — крапивы еще нет? Ну и что же — воспользуюсь ивовыми прутьями! — Но Баба Иоганна уже удалялась — но до последнего не отворачивала головы: и так они, сцепившись, две ухмылки — мрачно-торжествующая — и ослепительная, как журавль в небе, — раскачивали, рассекая, пространство между собой... Пока она не скрылась во тьме, — а рядом с Лучами На Повороте встал Накуртка:

— Я так и думал с утра, — сказал он.

— Выходит, что так, — подтвердил Лучи На Повороте.

— Когда? — спросил Накуртка.

Лучи На Повороте наморщил лоб.

— Я б сказал «сейчас», но ты ж знаешь — с девушками. Они говорят: пойдем! А потом краситься будут неделю.

Накуртка повернулся к Белому Ворону:

— А вы?

— Сейчас, — сказал Белый Ворон. И встал.

— Ты отлично все осветил, — сказал он Накуртке. — Я постараюсь исправить свою ошибку. Но теперь не могу. Пообещай, что дождешься и не будешь без меня воевать.

— ...Дождаться Белого Ворона?

Накуртка улыбнулся. Побежали морщинки от глаз к вискам.

— Не моё это, — сказал он. — Да ты не парься, я тебе всегда рад. Какую вину ты хочешь загладить? В чем ты виноват? Я тут, честное слово, пионервожатый себя почувствовал. Жалко же... с их безнадежным партизанством... Я даже доволен. Всё, отвоевались! — Он повел рукой, охватив всё вокруг: — Что я здесь делаю?! Сажу на складах, жду гостей. Придут — подвзорву здесь всё... и себя вместе с ним. Если хочешь, — он произнес четко, не оглядываясь: — дезертировал.

Он повернулся и пошел вниз — обычным строевым шагом, — и вдруг резко вильнул в сторону и оказался у пса:

— Останься, — сказал он.

Пес стоял неподвижно. А Накуртка перед ним, сидя на корточках, и сверкали глаза, повторял, покачиваясь с носка на пятку: — Оставайся. Тут все меняются, я тоже меняюсь на... оружие. Нормальное оружие, не такое барахло, как у них. Каждому по две винтовки... и гранаты... да пусть всё заберут. Если унесут. Мне не надо. Оставайся.

— Карлос, фу.

Быкмедведь, осипший от самокруток, встал рядом.

— Карлос, — сипло сказал он. — Ты еще не нашел. Это не то. Тут не там. Брось. Фу, Кар...

Пса слизнула темнота. Вот он есть — а вот его нет. Да, вот это популярность он снискал себе в последнее время! Накуртка лишь глянул ему вслед — и потом встал, улыбаясь, как человек, у которого все отняли. Заяц его хорошо понимал.

— Эй, Лучи На Повороте! Табаком не угостишь напоследок?

Они стояли друг перед другом: высокий клён и можжевельный кустик: — Как не угостить, — откликнулся Лучи На Повороте. — Только почему «напоследок»? Ты с нами.

Накуртка подавился дымом.

— Ты очень любезен, — проговорил он. — Но я ни с кем. Всегда у нас все-таки разное.

Он повернулся к Белому Ворону.

— Встретишь еще кого-нибудь... Передавай привет.

Белый Ворон кивнул без улыбки.

А спустя полчаса они шли.

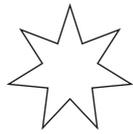
Пес впереди; за ним, шагов на тридцать пять отставая — Белый Ворон. За ним девушка, и дальше, на одинаковом расстоянии, от нее — Быкмедведь, и от Быкмедведя — Заяц. У Зайца был его охотничий рюкзак, набитый копченой колбасой... И меч.

Так они шагали, все дальше и дальше удаляясь от потерявшегося в тумане лагеря. И вдруг все остановились, ткнувшись по очереди в спину друг друга.

Белый Ворон стоял в темноте, на небольшой поляне, задрал голову. Заяц посмотрел вверх... Между ветками сосен в черном небе очистилось от тумана очко.

И сейчас же все услышали голос — единственный голос, способный преодолеть такое расстояние:

— Вот и звезда, — пел Лучи На Повороте,
Вот и звезда, ребята,
Вот и звезда,
Вот и звезда.

Часть 3. СОЛНЦЕ ВДАЛИ

1. БЕЛЫЙ ВОРОН ГОВОРIT

Капнуло на нос в темноте — и зарядило, вымывая из лесу снег, а из памяти — следы недолгой остановки... Да в самом ли деле осталось оставленное за спиной?.. Может, то просто картинка на песке, разрушаемая косыми штрихами?.. Или, вот, на бумаге?

Так ли, не так ли, сунь себе в рот пакли.

Шли, забирая вправо, и если бы не пёс, сверзились бы с обрыва. Река там была: снизу, в темноте. Невидимая, неслышная. Справа. А была бы — слева. Как-то же они оказались на этой стороне. Никаким дождем не сотрешь.

Непонятно, зачем было уходить, — попоскальзывавшись, попроваливавшись в снег, он давал хоть чуть-чуть света, помесив грязь под дождем, остановились строить шалаш в заведомо неподходящем для этого месте. — Никто не спрашивал. Что-то с ними произошло за время между дождем и дождем. До этого как будто каждый держал своё на уме. А теперь бросил. «Идти так идти», — сказал Заяц тем утром возле своего бывшего дома. Тогда он не понимал, что это значит. А теперь?..

Уже никто никуда не шел. Слаженно обустраивали стоянку; каждый как будто обзавелся шестью руками... И четырьмя лапами. Костра не разводили. Спать.

Заяц, убедившись, что еще куда-то соваться — только портить, отошел в темноте к обрыву. Надо выставить из шалаша шапку Быкмедведя — начерпать дождевых капель на утро. Нечего было и думать спускаться к воде: оттуда задувал ветер, и дождь, падая, словно бы выгибался в страхе и стремился обратно — снизу вверх, по лицу и ногам; вынуждая отпрянуть. Назад!..

Сзади раздался шорох.

— ...Я знала, что вас догоню. Вам же неизвестна дорога птиц, и про андерграунд кроссинг... Я говорю, пешеходный переход, — голос легкий, совсем не запыхавшийся.

Щелк! — вспыхнул светляк ровным зеленоватым светом; как всякий светляк, он не становился слабее оттого, что дождь... Что дождь. С черных веток, лишенных листьев, лило на него; на руку, держащую его; на невысокую фигурку — и на длинное, торчащее у ней из-за плеча...

Ветки шалаша зашевелились. Оттуда вылез Белый Ворон. Опустился на корточки и стал смотреть на Ти-Пи-Та-Ки.

Светляк погас. — Надо экономить батарейку, — пояснил легкий голос. — Можно к вам туда залезть? У нас дождя не было год. Ну, полгода. Белый Ворон пришел, — сказала она торжественно, — и дождь..! Все так радуются. Никто не заметил, как я ушла.

Щелк! — включился опять. — Я подумала — вам может понадобиться... — Она подсветила, другой рукой снимая с плеча — ну конечно, ружье. А ты думал — зонтик?

— Это Крысино. Самое лучшее.

— Посвети сюда. — Белый Ворон разомкнул рот — превратившийся у него в точку.

Ти-Пи-Та-Ки послушно направила луч.

Он встал и подошел. Оглянулся на Зайца: иди спать, сказал его взгляд.

Обогнул Ти-Пи-Та-Ки и зашагал в темноту. Ти-Пи-Та-Ки замерла; потом устремила за ним, замелькал по веткам слабый свет. Вот пропал — потух?

Заяц отвернулся и шагнул к шалашу... И столкнулся с де-вушкой, она выбиралась наружу.

Он отпрянул. И подсматривать он не собирался. Мало ли куда ей нужно!

Но как вылезла, так и стояла.

— П... простудишься, — сказал Заяц.

Она не посмотрела. Дождь сыпался на нее.

Заяц сделал еще шаг назад — и споткнулся обо что-то.

Присел и ощупал руками.

— Два бревна. — Он не знал, откуда они здесь. Как специально подготовленные лежали. — Если запалить, будут гореть. Хоть под водой.

С кем он разговаривал — сам с собой? С псом, быть может? Руки его делали тем временем свое дело. Лучи На Повороте подарил ему на прощанье кремневую зажигалку.

Если бы он оглянулся, то увидел — она чуть сдвинулась от шалаша. Но не оглядывался. Прикрывая собой, он запалил огонек между двух бревен. Через некоторое время сдвинул их вместе.

— На, подбрасывай, — он сунул девушке бересту, оставшуюся в кармане. — Вот... — Вложил ей в руку зажигалку. — Если погаснет. Я сейчас! — Он попятился задом и чуть не упал, наткнувшись на Быкмедведя: тот стоял теперь на ее месте — под дождем, снаружи шалаша.

Найти пригодный для растопки хворост под дождем — легче черную курицу в черном лесу. Заяц отошел; потом еще отошел. Влепился в большую елку выставленными вперед руками и стал ломать, загибая, нижние сухие ветки — и тут услышал их.

— ...солнце вдали, — спела-сказала Ти-Пи-Та-Ки.

— Не для тебя. — Белый Ворон.

— Солнце для всех, — голос Ти-Пи-Та-Ки.

— Солнце для лодки. — Белый Ворон. — Лодка для него.

Остальные лишние.

— Но вы же идете.

Что ответил Белый Ворон, было не слышно. Ти-Пи-Та-Ки повысила голос:

— Но я не могу обратно. Нет никакого обратно. Там нет ни одного человека! Они все стали птицами — разве птицы

усидят на месте? Я сожгла за собой мосты, когда пошла за вами. Я не могу вернуться!

Легче угадать, что Белый Ворон сказал. Потому что:

— При чем тут Накуртка? Его не существует! Его нет, и не было никогда — он сам сказал! — прозвенел голос Ти-Пи-Та-Ки.

И Белый Ворон загремел — заорал на весь лес:

— Ти-Пи-Та-Ки! Хватит повторять глупости за взрослыми! Сделай что-то сама, то, чего до тебя никто не делал! И тогда про тебя будут говорить, что ты чье-то солнце. И Положь Ружье На Место!

2. ШНИЦЕЛЬ

Ти-Пи-Та-Ки ночевала с ними — в шалаше было не повернуться. Но исчезла засветло; раньше, чем все поднялись.

Исчез и Белый Ворон.

Сказал ли он перед тем что-то псу — неизвестно; но пёс стоял, готовый тронуться в путь. Зайцу по крайней мере он ничего не сказал. Заяц и так понял: теперь он — направляющий. Вскипятили воды в Быкмедведевой шапке, поели колбасы, потушили костер, горевший всю ночь между двух бревен. — За псом.

Оттого ли, что он шел теперь своим шагом — или потому что дорога была ясна: вдоль берега, навстречу течению — шагать было легко. Пёс петлял по лесу, исследуя местность. Заяц хромал по прямой. Знал, что увидит его впереди: стоит на какой-нибудь особо красивой горке, давая им полюбоваться на подернувшиеся зеленой дымкой деревья. Тоже вставал. Ждал, пока появится девушка. Быкмедведь замыкал. По высокому берегу; отходя только чтобы отыскать переправу через перерезавший путь овраг с ручьем, впадающим в

реку. Пёс перепрыгивал, под ним снег не ломался; остальные перебирались поверху, по какому-нибудь перекинувшемуся скользкому дереву, цепляясь за мокрые сучья. Дождя не было. Дождь остался сзади.

А к полудню их настигла весна.

Не видимая ими, закатившаяся за облака где-то на той стороне — луна превратилась в берёзовый месяц, и дождь довершил остальное. Нет ничего лучше весны в лесу. Снега нет и следа. Заяц то и дело подскакивал, чтоб не наступить на вылезших на открытое место спаривающихся лягушек. По небу плыли настоящие кучевые облака; и, просияв между ними, по-летнему припекало солнце. Это был просто какой-то курорт, да и только!

Все это не помешало им заблудиться.

Заяц понял, когда увидел грибы. Он уже видел их — и удивился им — красные мухоморы, как в середине лета. Ну, может, они такие тут всю зиму растут, на этом берегу. Странно то, что большая вода все время была с одной стороны; он это чувствовал на слух, и всем правым боком. И, однако, снова они: вставшие кольцом (так растёт грибница). Вот этот он пнул ногой, проходя первый раз.

Дождь остался сзади.

— Мы тут уже были, — сказал он Быкмедведю.

— Мы тут третий раз уже были. — Быкмедведь пожевал губами.

— Карлос шуткует? Где он опять?

Они огляделись. Сзади лес. Спереди лес. Справа река.

Слева за грибами стояли густо, в цепь, молодые елки, растопырив свои пальцы с новенькими зелеными ногтями. Как будто кто нарочно их тут высаживал.

— Нельзя тебя вперед пускать, — буркнул Быкмедведь. — Давай я пойду.

Елочные пальцы шевельнулись.

— Ку-ку, — услышали они. И еще раз, с расстановкой: — Я сказала: ку... ку.

Елки раздвинулись, и из них выбралась женщина.

Тетка как тетка, в домашнем халате и тапках на босу ногу. Если б это было в деревне — Заяц бы не удивился.

Крутолобая — как дельфин, сказал бы тот, кто когда-либо видел этого грациозного водяного увальня, столь дружественного людям. А вот какие у нее были глаза — карие и круглые, как у маленькой девочки: эти глаза могли распахиваться и глядеть так, словно награждают тебя чем-то. — Или наоборот: как будто ждут, что им подарят конфету.

Конфет у них не было.

— И что вам нужно от моей грядки?

Голос был необычный. Глубокий, звучный. Гневный — можно бы сказать; когда б не такой сдержанный. Чем-то напоминал Ти-Пи-Та-Ки. Какая-то в нем была грусть: словно они тут непоправимо нарушили; и вопрос — не вопрос; и не им она его задавала.

Непонятно, как на него можно ответить!

Заяц посмотрел на Быкмедведя — Быкмедведь на него. Потом он прокашлялся, расправил плечи.

Женщина, однако, на них не смотрела.

— Девочка, — сказала она — так, как если б это девушка здесь все потоптала. Тень осуждения скользнула по лицу. — Кто ты такая?

Девушка, вместо ответа, повернулась к ней спиной. Очень невежливо! Что-то она высматривала там, откуда пришли, аж на цыпочки приподнялась.

Пёс! Вот он где — выпрыгнул из ветвей. Всю дорогу был впереди, а объявился — сзади.

А следом за ним вышел Белый Ворон.

— Здравствуй... Шюларюн... Шницель...

Больше он ничего не мог произнести, если б и хотел. Дышал он так, словно бежал всю дорогу.

— Шницель, — согласилась она сдержанно. — Она же Шюларюн. Познакомиться решили? Как пойдет. Начало плохое. — Она помолчала. — У вас пропуск? Может, скажете пароль? Кто попало здесь не ходит.

— ...Табачком не желаете угоститься?

Быкмедведь вынул из кармана пригоршню смятых самокруток.

Шюларюн повернулась — словно только что его разглядела.

Быкмедведь приосанился.

— Да, это пароль... даже пропуск.

Видно, ей не с кем здесь было поговорить — а, видно, поговорить она любит. Такому голосу у молчаливых неоткуда взяться. — Можно было и догадаться, — задумчиво произнесла она. — Вы из той компании. Сложное у меня к ним отношение. Если б не одна девочка... — мельком оглядев девушку, качнула головой. — ...Всё время ко мне бегала.

— Девочку я прогнал.

Белый Ворон наконец отдышался.

— Давай, Шюларюн, — сказал он — непонятно было: все-ррез, или смеется? — Давай, превращай нас в грибы. Или уж мы пойдем. Поболтаем в другой раз — и так много времени потеряли.

На Шюларюн эта его улыбка, похоже, не произвела впечатления.

— Не пойдете, — звучно запечатала она. — С места не сдвинетесь!

— ...Придержи клюв. — Хриплый голос.

Быкмедведь отстранил Белого Ворона рукой. — Конечно, не сдвинемся. Мы же не какие-нибудь... — он поискал слово: — нахалы. Ты вот нас, Шницель, или как тебя, — накорми, напои. С утра маковой росинки во рту не было, сухомытка в брюхе ворочается. Да помыться бы не мешало. Раз это твой огород — стало быть, дом неподалеку?

Глаза Шюларюн широко распахнулись — будто бы Быкмедведь наконец нашел в кармане ту самую конфету. Тербя пояс халата, она стояла, кусая губы. — У меня не убрано... — пробормотала она.

Опомнившись, сдвинула брови, возвысила голос: — Никто еще не упрекал Шюларюн, что плохо принимает гостей! Что в доме есть — будет ваше. Поворачивайте.

Вслед за Шюларюн — шлёпающей своими шлёпанцами — они двинулись. Удаляясь от реки; в глубь леса.

3. МАЛЕНЬКАЯ ВЕДЬМА

Долго ли, коротко, но вот и дом — не Зайцева избушка, но вроде. В деревне у него пошире строились. Перед дверью Шюларюн остановилась:

— Оружие здесь оставляем.

Все посмотрели на Зайца — чего это они? Спohватившись, он стал снимать свой мешок и выпутываться из меча. Огляделся — ни сарая, ничего. Одни елки. Кое-как запихнул под крыльцо.

Дверь распахнулась. На пороге появилась девушка необычайной красоты. Это была Шюларюн, по имени Шницель: сухопутный дельфин, маленькая ведьма. Необычайного в ее красоте было то, что она переделалась. Она была в белых штанах.

— Давай то, с чем пришел, — сказала она Быкмедведю. — У меня кончилось.

Быкмедведь вывернул карманы. Соскреб в горсть и преподнес всё хозяйке.

— Зверь может тут гулять. Для него нет запретов. А вас — милости прошу пожаловать.

Они вошли за Шюларюн, придерживающей перед ними двери. В руке ее была самокрутка — и, казалось, только для того, чтобы играть с дымком в непонятные игры: то он вился вокруг ее головы, то влетал вперед нее в какую-нибудь комнату, а когда она сворачивала вместо того в другую, вылетал и устремлялся за нею на манер воздушного змея, — ловкость рук Шюларюн демонстрировала виртуозную. Комнат в этом доме было бесчисленное количество — так могло показаться; на самом же деле всего одна — и еще сдвоенные крохотные,

вроде кладовки; и сени; но всюду двери, в каждой стене, и Шюларюн, по какому-то своему плану, водила их и водила через них по многу раз, нахмутив брови.

Так, поплутав по дому, выскочили с другой стороны — к покосившейся бане, притулившейся между елок.

— Топила вчера, — сообщила Шюларюн. — Но помыться можно. Почиститесь и приходите. Девочка пока со мной побудет.

И помылись — едва теплой водой; к стенкам лицом, нагишом, стараясь не глядеть друг на друга. Баня освещалась единственным окошком; а топилась по-черному; стены были запачканы сажей. Одевшись в то, что на них и было, неизвестно, более грязные или чистые — но точно освеженные, — пошли в дом. Осторожно ступая по скрипучим полам, обувь сняв у входа.

Вышли в залу — а попросту говоря, ту самую комнату, точно как у Зайца: с сосновательным (сосновым и основательным в одно и то же время) столом посередине. Под потолком тускло мигала лампочка — и вот это настоящее чудо: ведь мельницы у Шюларюн не было.

Обе были здесь. Не похоже, чтоб они разговаривали. Шюларюн, одной рукой держа самокрутку, другой накрывала на стол.

Девушка, как у Зайца в доме, сидела вполоборота, поглядывая в окно. За которым ничего не было — ставнями закрыто было снаружи. Когда они вошли, она взяла со стола спички. Чиркнула одной — и сразу же потушила. Вторую. Чирк. Чирк. Спичка за спичкой выстраивались на столе.

Шюларюн, проходя мимо, толкнула к ней коробок. — Дарю. Только не жги ты их сейчас, умоляю. — Повернувшись к вошедшим: — Чаю, — сказала она.

Все расселись, а Шюларюн стала разливать из маленького чайника в крохотные чашки. Еще на столе лежали такие же невесомые сухари и тонко нарезанный сыр. Встретив взгляд Быкмедведя, Заяц поднялся и потащил свой мешок.

Шюларюн наблюдала за его действиями; глаза ее затуманились. — Здесь не едят зверей, — сказала она.

Быкмедведь поперхнулся. — А кого здесь едят — людей?

Отвечать Шюларюн не стала. Быкмедведь прикоснулся двумя пальцами к чашечке и опрокинул в рот. Взял точно так же микроскопический кусок сыра и медленно прожевал.

— М-м, — проворчал он. — Аж за ушами трещит. — Откинулся от стола — стул жалобно скрипнул под его спиной.

Шюларюн на него не взглянула.

— Посмотрим, чего вы стóбите, — сказала она. Она взяла очередную самокрутку, искала спички — забыв, видно, что подарила их девушке. Не нашла и положила на стол. И повернулась к Белому Ворону, изломав свои тонкие брови.

— Зачем? — спросила она.

Белый Ворон положил сыр на сухарь и запил чаем. И только после этого:

— Воровать ли в гостях серебряные ложки? — вместо ответа спросил сам.

Шюларюн подняла брови выше.

— Ответ простой, — сказала она. — Хочешь — воруй. Не хочешь — нет. Теперь ты мою отгадай. Кто над нами вверх ногами?

— Это Карлос валяется на чердаке, — сказал Быкмедведь.

Он встал. — Пойду я тоже посплю. У тебя там что — сеновал? Когда начнется — позовете. — Отошел в угол комнаты, где был люк в потолке, попробовал рукой лестницу — и осторожно полез наверх.

Заяц остался тарашиться на Белого Ворона с Шюларюн. Ну, предположим. Со двора на чердак тоже вела лестница, это он заметил со стороны бани. Все остальное было непонятно. Как будто на другом языке перед ним разговаривали. В глазах Шюларюн он не должен был стоять ничего.

А вот если бы меч — он бы приставил его к ноге, как тогда, в доме. Но меч остался под лестницей. Пусть деревянный (он его не разворачивал за все время на стоянке. Такова была сила слов Накуртки. А сейчас подумал — что за дерево такое, которое столько весит в руках? Хотя на спине — тяжести не чувствовал. Он уже так привык к нему, почти что сросся). ...Точно, он бы чувствовал себя поуверенней.

Словив себя на этом, Заяц устыдился. Шюларюн ничего плохого ему не делала. Все равно он был настороже. Он не понимал их загадок.

Но они, видно, понимали.

— Ответ простой, но неверный, — улыбка тронула его угол рта. Как будто что смешное собирался сказать: — Одну можно. А две уже нет.

Шюларюн встала и походила по комнате. Отобрала у девушки спички — та опять начала их зажигать. Девушка удивленно посмотрела на нее. Стала вместо того грызть сухари.

Шюларюн прикурила и швырнула их обратно на стол.

— Я решаю, — сказала она. Со сдержанным гневом: — Кому здесь что можно.

Но Белый Ворон покачал головой. — От нашего решения ничего не зависит.

— Я бы тоже хотел найти правильное. Но его нет. Даже проводить ее не смог. Попрошался в темном лесу. И чуть не опоздал. — Он не улыбался. — Пришел бы — а ты уже всех превратила.

Он остановил Шюларюн взглядом. — Ей к тебе нельзя, — сказал он.

«Почему?» — спросил взгляд Шюларюн, и Белый Ворон ответил: — Слишком хорошо учится.

Шюларюн села.

— Что же ты наделал, — сказала Шюларюн, — надо тебя наказать.

Белый Ворон опустил глаза. И поднял их:

— Не сейчас.

Положил руки на стол, словно собираясь встать. — Нам надо идти. Если хочешь, потом я к тебе вернусь.

— Зачем откладывать, — сказала Шюларюн.

Белый Ворон закрыл глаза.

Было бы посветлей — Заяц бы увидел, как у него лицо совсем стало белым. Белее одежды. Лампочка мерцала, вот-вот и погаснет.

Но и так увидел. Руки сжали край стола.

Шюларюн без отрыва смотрела на него. — Поспешишь — людей насмешишь, — шепнула она. — Останешься здесь. По справедливости.

С потолка свалилась шапка.

Лампочка вспыхнула ярко!

Появилась нога.

Быкмедведь, задом к окружающим, нащупывая ногой ступеньки, стал спускаться.

Оказавшись на полу, он нагнулся, подобрал свой котелок. — Не спится, — сипло сказал он.

Шагнул и встал перед Шюларюн, выпятив живот.

Шюларюн моргнула. И тотчас же Белый Ворон открыл глаза. Руки, лежащие на столе, разжались. Как-то беспомощно он взглянул на Быкмедведя.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Быкмедведь словно и не услышал. Повертел котелок — и аккуратно водрузил на стол перед Шюларюн.

— Привинти ей обратно рога, — попросил он кротко. — А то тут... без всего останешься в великих занятиях.

Шюларюн нахмурилась. Нацелилась на шапку самокруткой:

— Тресногусная лекула... — заговорила она своим глубоким голосом. — Длиннокоцая конфула. Длинноченская горщуца — парафенская прискуца! — Все эти слова, весьма глупые, приобретали в ее исполнении какое-то угрожающее значение. — Бэйбус! — воскликнула Шницель, размахивая самокруткой, разгоняя дым по углам. — Карапэра! (Или может быть: кара пэра?)

Неизвестно, какое из этих заклинаний должно было подействовать, но только не подействовало никакое. Все сидели в дыму. Шапка лежала смирно.

— Это трудное желание, — сказала Шюларюн Быкмедведю. Она несколько смешалась. — Потом. Мне надо отдохнуть.

— Шницель. — Толстый живот Быкмедведя заколыхался — так ему всё это нравилось. — Баба ты хорошая. Но только... может... колдовать ты не умеешь?

— Что-о? — Шюларюн ткнула самокрутку в стол. — А это ты видел? — Она выставила руку с большим отставленным пальцем, ладонью к себе. — Пок! — взяла его другой рукою в кулак — раз! — Нету. Ну что?! А теперь? — Опять есть.

— А покажи ладонь.

— Вот тебе! — Шюларюн ему сунула кукиш.

Быкмедведь с ловкостью поймал ее руку, повернул вверх запястьем и приложился губами.

Шюларюн отдернула ладонь. В ярком свете лампочки было видно, как лицо ее становится пунцовым.

Вскочив, в одно движение достигла стены, рванула на ней висящий белый шкафчик, и извлекла оттуда большую черную бутылку. Пок! — быть может, она собиралась треснуть ею Быкмедведя по лбу? Нет — она запрокинула ее и сделала несколько хороших глотков. Сияла лампочка, двигалось горло.

Потом она сунула бутылку на место — и выдернула из шкафчика лист, на котором та бутылка и стояла.

У Зайца в деревне бумагу делали — когда она надобилась для какой-либо надобности — из всякого хлама: сухих водорослей, мышьей трухи, тополиного пуха, банановых шкурочек... Эта выглядела иначе — ровная, белая; на белом отпечатался круг от бутылки. Но, тем не менее, по-другому ее не назовешь: бумага и есть бумага. Он бы поручился, что на ней ничего не написано.

Но Шницель устала в лист, как будто бы — было.

— Карлос... — сказала она. — Кто это — Карлос?

— Другое дело, — проворчал Быкмедведь. Он наконец добрался до колбасы, оставшейся в рюкзаке Зайца.

Шюларюн смотрела в бумагу.

— Это про нее, — сказала она. — Я не понимаю... Тут целое стихотворение.

Три красавицы небесных
шли по улицам Мадрида.
Дона Клара, дона Бетта
и прекрасная Флорида.

Вдруг на улице большой
мальчик бедный, мальчик грязный,
мальчик нищий и больной,
мальчик просит подаянье.

Дона Клара так щедра,
подала одну реалу,
Дона Бетта еще щедрей —
подала реалов пару.

Но щедрее всех Флорида:
не имея ни реала,
опустилась на колени
и его поцеловала.

Вдруг на улице большой
продавец букетов разных,
и его остановил
мальчик нищий, мальчик грязный.

За букет прекрасных роз
мальчик отдал три реала
и красавице поднес
что его поцеловала.

— Не сказано, которая из них. — Широко открытые глаза остановились на Зайце. — Ты...

Она разжала пальцы. Лист выпал из ее руки и, перевернувшись, мягко скользнул на пол. — Ты еще не загадал желания.

Пришел его черед подавиться чаем.

— Я п-подумаю.

— Тогда и я не буду про тебя говорить — а просто подумаю.

Заяц подумал... То есть он побоялся подумать. Он даже побоялся подумать, о чем он побоялся подумать.

А казалось бы: что проще? Он мог бы пожелать... не быть хромым, ну? Умела Шюларюн колдовать, нет ли — с него бы не убыло? А вдруг! — шел бы тогда всегда впереди, и держал бы свой меч, и выиграл наконец все соревнования по бегу!

Нет, ему это в ум не пришло. Он просидел, как дурак, не пуская в голову ничего, все осталось снаружи.

— Шюларюн, — тихо сказал Белый Ворон. — Что у тебя там написано про Ричардали?

Шюларюн нагнулась, подняла бумагу с пола и смяла ее. Подтянула свободную табуретку и грузно села. — Нет там ничего, — сказала она.

— Когда я была такой же худой... — кивнула на девушку. Все засомневались в этом — Шницель была корпулентной. Но никто возражать не стал — шутить с ней больше не хотелось. Да и молоденькой она теперь не казалась. Лампочка светила ярко, еще покачивалась, туда-сюда, хотя никто ее не трогал — и тени качались по дому, от этого подташнивало и возникало головокружение. — Тогда то и дело носилась туда-обратно. На простом пылесосе, которым чистят ковры... Нет тех ковров. А мои передвижения ограничиваются этим лесом. И все время круг сужается. — Она встала, подошла к бутылке и глотнула — из горла в горло; потянулась за самокруткой. Быкмедведь вынул у девушки и поднес ей спичку — она ответила кивком. — Это как слепота... слепота сердца. Вот ты сказал — прогнал... не пустил. А я уже не помню, кого. А было... были же... где? А — упал, Бэ — сгинул без вести. О — охрип, а И — осип... Если я вспомню, я заплачú головой. Смелости не хватает — вот той отваги, что вас толкает идти, не уворачиваясь от последствий. Превратиться во что-нибудь, жабу, или змею... они хорошие звери. Но из меня выйдет разве ящерица или мышь. Скоро я не смогу выйти из дому.

В тишине звякнуло. Это Шюларюн положила руку на стол.

— Я ждала. Знала: кто-то придет. Были такие сведения. Хотела оставить... себе. А — нельзя? Почему — я? Здесь — кем — приставлена? Стеречь и хранить; надзирать и решать... Я готовилась. Считала, что готова. Сил на это — хватило бы! Но вас... трое.

Она убрала руку.

— Ваше. — Ну, взяли.

Белый Ворон первым потянулся к столу, к лежащей на нем медали. — Или монете, в которую она их оценила? — Рассмотрел и передал Зайцу.

На золотом поле из леса выезжали трое в ряд: средний смотрел вперед, двое, соответственно, вправо и влево; все на конях. Все трое с мечами.

Заяц отдал Быкмедведю — тот, не глядя, сунул в карман. Потом рука вынырнула — и словила ладонь Шюларюн.

— Кукушечка. — Хрипло, ласково. — Погадай мне.

— ...Ты этого хочешь?

Шюларюн выпрямилась. Гордо и прямо стояла — гордо и прямо, будто не она и не то только что говорила. Одной рукой уперлась в пояс, а второй хлопнула себя по бедру.

— Смотри сюда.

Обширный зад Шюларюн, туго обтянутый тканью, ярко белел в свете лампочки. Шюларюн качнула им, переступила с ноги на ногу. Она стояла, чего-то ожидая.

Мелькнули звезды.

Он увидел воду. Просто большая вода: больше, чем река, — до самого горизонта. Звезды светили вверху, а по воде — лунная дорога. По ней хотелось идти, и он смело шагнул вперед. Но только он ступил — и сразу же начал тонуть. Он взмахнул мечом, издавая крик — но крика своего не услышал. Вода, вода, сомкнулась над ним, он видел лунный свет над головой через воду. Задыхаясь, пуская пузыри, шел он ко дну.

Всё исчезло. Он снова сидел. Только не в комнате Шюларюн. Он сидел в турме.

Это не была турма дяди Дика. Другая, совсем незнакомая ему маленькая комната. Свет падал в нее через окно — но не свет солнца, и не свет луны. Один луч света через окно, почти ничего не освещая; но и нечего было освещать: только стол у окна, и одна койка в глубине комнаты. И там, на койке, в темноте сидел один. Он сидел и не знал, как ему выбраться и куда ему выбираться.

БАБАХ.

Все вернулись к Шюларюн.

Неизвестно, где они были до этого — ведь никто не проронил ни слова. Они сидели по местам и глазели на Быкмедведя — который, один, стоял возле перевернутой табуретки — опять он что-нибудь подвзорвал?

Быкмедведь сипло вдохнул. Вытер рукою лоб.

— Я не понял ничего, — ровно сказал он. — Покажи дальше.

— Дальше только моя ж..., — сказала Шюларюн.

Быкмедведь постоял, нагнулся, поднял табурет и взгромоздился сверху.

— Плохое кино, — заключил он. Взял бутылку со стола. — Будет кто-нибудь?

— Все будут, — сказал Белый Ворон.

Проснулись наутро не совсем понимая, было ли с ними то, что было вчера. Надо было пошарить в кармане Быкмедведя: если там что-то было, то было и все остальное. Но Быкмедведь был угрюм. Лезть к нему себе дороже. Да, зря они пили ту воду.

А может, не зря. Что-то смутное смылось; и оглядываться желания не возникало. Шюларюн ходила — опять в халате, обычная деревенская тетка. Только крутой ее лоб, на котором обозначились в дневном свете морщины, выдавал, что может размышляет о чем-то не очень обычном. Ставни были раскрыты. Лампочка не горела, сколько ее ни тряси — и гореть не могла. Может, всё от нее. Может, просто картинки, которые им показали в электрическом свете.

Шюларюн засадила девушку чистить картошку — на завтрак, обед, и на ужин.

4. ПО ТРАССЕ НА НАДУВНОМ МАТРАСЕ

То есть ни после завтрака, ни после обеда они никуда не пошли.

— А после ужина?

— После ужина тоже. Белый Ворон как в рот воды набрал. И Шюларюн. Они словно собрались состязаться в молчанке, как до этого в загадках.

Начал на этот раз Быкмедведь.

— У тебя крыша течет.

Ночью опять был дождь. Спали они на чердаке. У Шюларюн там действительно был сеновал. Кого она кормила этим сеном? — может, даниэлей? Если они еще остались в этом лесу.

Шюларюн склонила голову.

Быкмедведь мрачно ковырялся в своей тарелке. — Что едим? — осведомился он.

— Мухоморы? — Никто ему не ответил. — У тебя все сено спреет. И потолок следом.

Он отправил ложку в рот. — Видел в кладовке рубероид, — прожевав, закончил он. — Но я туда не полезу. Подо мной эта крыша провалится.

Грибы были жареные. Никто не отравился, не заболел, и ничего больше такого не видел. Значит, не мухоморы.

— Я м...могу, — сказал Заяц. У него в доме крыша была крытая рубероидом. И тоже текла. То есть когда еще был дом, в котором была крыша.

Перекрыть эту крышу ему было всегда недосуг. Слишком мало времени он проводил в доме. И правильно, в результате. Лучше здесь поправить, у Шюларюн. Чем сидеть просто так, не охотясь и ничего не делая. Тут даже ружей не было — чтоб целиться.

Быкмедведь остро глянул на него.

— Можешь, так сделай, — посоветовал он. — Я тоже могу. В бане печь переложить.

— Дров нарубить, — сказал Заяц. — Вон... сколько сухостоя.

Они разговаривали друг с другом. Белый Ворон молчал.

— Нет, — сказала Шюларюн.

Она подняла свои распахнутые глаза. Стыд был на дне. Но смотрела она открыто.

— Мне ничего не нужно.

— Тогда я тебе верну эту... медяшку. — Быкмедведь встретил ее взгляд. — Ты ошиблась, Шницель. Это для кого-то другого.

— Я не ошибаюсь, — просто сказала Шюларюн.

Она встала и начала ходить по комнате. Подошла к окну и толкнула его. С треском окно распахнулось наружу. Птичий щебет ворвался в дом. Ведь они были в лесу. В весеннем лесу.

— Я живу с ним. С дождем — и со всем другим, что у меня есть. Вас я бы вчера еще отпустила. — Так и сказала: «отпустила». — Но я думаю. — Было видно, что она думает — по тому, как наморщился ее лоб.

— Почему Накуртка вас не предупредил?

Про Накуртку они вчера разговаривали с Белым Вороном. Шюларюн спросила невзначай: «Как там Накуртка?» Видно, он не входил в число тех, кого она забывает. Белый Ворон ответил: «Нормально». Или может он ответил: «Как всегда», Заяц не помнил.

— Дальше нет дороги. Только звериные тропы. Они никуда не ведут. То есть по своим звериным делам. Зверю тут раздолье — если бы он остался. Но он же не останется? Он прямо идет — к морю?

Вот, оказывается, куда они идут. Наконец Заяц это услышал. Ни о чем ему это слово не сказало.

— Вам надо было в обратную сторону, по течению, — размышляла вслух Шюларюн. — Реки все ведут к морю — что, не знали? Идти и идти, и идти, и идти, целую жизнь... жизнь реки... может, и дольше. — Она помолчала. — Выходит, Накуртка мне вас послал как письмо. И теперь я должна это письмо прочитать.

Накуртка никого никуда не посылал. Заяц прекрасно помнил, как они уходили. Промолчал. Все молчат, и он.

— Я сказала — всё, что у меня в доме есть? — спросила Шюларюн. Нахмурилась, что-то припоминая: — Отдать... то... чего у себя в доме не знаешь.

Решительно махнула рукой.

— Пойдемте.

В общем, они вытащили из кладовок все пустые бочки, сломанные табуретки, рваные мешки, птичьи клетки, беличьи шубки, картонные коробки, топорщица без топоров. Ножки от кроватей; пакеты с макаронами; стопки книг; пилы и косы; бальные платья — заинтересовавшие девушку — и музыкальные инструменты. Да у Шюларюн дом был — какая-то бездонная шкатулка, а не дом! По количеству вещей людей предполагалось больше, чем на той стоянке! Непонятно, как это всё помещалось в кладовках; и еще оставалось место для прохода.

Теперь лежало во дворе на траве. Напоминало картину переезда. Сейчас приплывет... паром; или, может, пароход. Погрузят весь скарб, Шюларюн сядет сверху и уплывет... в город?

Шюларюн сияла, как маленькая девочка — как будто и вправду уезжала. Но нет. Она оставалась. Так Шюларюн всегда провожала своих друзей. Хотя — какие они ей друзья? Даже дров не нарубили.

В самом низу наткнулись на это.

Жесткое, тяжелое, бесформенное, как рубероид. Вытащили на двор — втроем; и столпились, разглядывая разлегшееся на траве: длинное, широкое, мятое, ржаво-черного цвета.

— Это Великий Ёхан забыл здесь тридцать лет назад свою подстилку.

Тридцать лет?.. В свете солнечного дня лицо Шюларюн выглядело юным — как будто приставленное на крупное туловище. — ...Он очень костлявый, Ёхан, ему было у меня жестко спать; он всегда приходил со своей подушкой и матрасом. О, Ёхан! — это великий ёж; а иголки у него такие, что протыкали пол в доме до самой земли: он потом никак не мог встать — значит, точно не порвется! Ну, что смотрим? — надавайте.

Надули это — потратив оставшиеся от разбора полдня. Надувательная дырка была одна; так что сменялись поочередно, а когда закончили, в головах у всех шло кругом. Шюларюн ошиблась: в том, что получилось, имелось пару разрывов, из которых воздух выходил. Она хотела срastить их заклинаниями, но на всякий случай ей не дали, а решили зашить.

Утром пришлось всё сдуть, потому что тащить к берегу сквозь елки прямоугольный барабан длиной шесть с половиной метров, шириной в три и толщиной почти метр мог разве что весельчак Ёхан.

Шюларюн растолкала их на сеновале. Рядом с ней стояла девушка (обе спали внизу).

Глаза у обеих светились в темноте. Как будто они в пионерском лагере пришли таинственно на цыпочках мальчишек «мазать».

— Я прочитала!

Спросонья никто никак не мог понять — что прочитала?

— Он знал, — прошептала Шюларюн. — Вода пошла.

Ладно. Поняли: она говорит про Накуртку; про то «письмо», которым она их назвала.

— Быстро, — торопила Шюларюн. — Меньше недели, чтоб добраться до... Если не успеете — вас принесет обратно.

Собирались второпях. Заяц чуть не забыл меч — в последнюю минуту нашарил под крыльцом. Не успели даже позавтракать. Шюларюн насовала им грибов во всех видах: сушеных, вареных, соленых. Все равно рассвело, когда они вторично надули матрас. День наступал серенький, того и гляди, снова закапает.

Спускаться не пришлось: вода была тут. У самого крутого берега колыхалась она — и в ней плавали палки, ветки, коряги. Занимались и тут же рассасывались водовороты. А другого берега не было. Всюду вода — и из воды далеко торчат деревья.

Столкнули матрас и попрыгали сверху. Белый Ворон подал девушке руку. Быкмедведь подал другую. Последним вскочил пёс — долго примеривался.

Белый Ворон оттолкнулся от берега шестом. Повернулись — попрощаться с Шюларюн.

А Шюларюн не было. Как будто и вовсе никогда не бывало.

5. ВОДА ТУДА — И ОБРАТНО

Только что цвели косилки*, синеус и утконос, и тяжелые шмели летели у самой земли, гремя ведерками с блиновым вареньем... Да. Всюду вода. По середине реки, разлившейся на все видимое пространство, плывет матрас.

В центре лежит пёс. Насторожив уши и по временам встряхиваясь от брызг. Пёс — не утка; ему бы лучше бежать по земле; но терпит. Знает, что другого пути нет? Рядом, завернувшись в плащ, девушка.

Заяц и Быкмедведь стоят, каждый на своем краю плота, каждый с веслом, — весла не такие, как у лодки, ими не гребют, а подгребают. «Нос к валу», — сказал Белый Ворон. «Всё очень просто: нос к валу», — если б еще понимать, где тут нос, а где хвост. Плот плывет то одним концом, то поворачивает другим, а то и вовсе бортом вперед, и тогда они веслами стараются вернуть ему прежнее положение. Белый Ворон тем временем перемещается, с риском столкнуть кого-нибудь в воду, то с одного борта, то с другого — шестом отталкивает от плота коряги и целые деревья.

Что же: Заяц не видал половодья? Каждый год. Весной, на разливе, тот берег, где лес Зайца, — пологий — наполовину скрывается под водой. Звери спасаются кто куда может; их можно брать прямо так. Но охотиться в это время нельзя.

---

* Их еще называют «косички».

Рыбу ловить. Можно. Заяц однажды, голыми руками, поймал вот такую шу... Да.

Он только не плавал никогда — на плоту, на лодке, и вообще ни на чем. — А «вал» — это волна.

Плот попадает в волноворот. Девушка машет рукой — сейчас ее стошнит. И действительно — подползает к краю, и ее тошнит в воду. Заяц с Быкмедведем пытаются остановить вращение.

А то, конечно, повеселее, чем по лесу под дождем. Когда не крутит, и не тошнит, и привыкли уже — а не как первый день, когда никто ничего не умел, и только мешали друг другу, и чуть было не перевернулись. Они даже перевернулись — два раза. Ладно, дело было на мели, пришлось выгребать на берег по пояс в воде; а матрас за собою тащить на веревке. Быкмедведь чуть не съездил Заяцу по уху веслом. Заяц чуть не утопил меч.

Когда не это, и не то: по фарватеру, по широкой волне, и коряги рассеялись, и — спи-отдыхай! Глазей на затопленные окрестности; за каждым поворотом открывается другое. Где-то всё тает — и вот перебивает течение — и река начинает течь в обратную сторону, и прибывающая вода сама несет их туда, куда надо.

А куда им надо? Это другой вопрос.

— Одна девочка, — голос Белого Ворона.

Заяц, вздрогнув, проснулся.

Он был на земле.

На острове: каждую ночь останавливались на островах; и бывало так — просыпаешься, а острова нет, и матрас колыхается — сейчас уплывет сам по себе.

Но это хороший остров. Целая гора это была бы, если бы не была под водой — и снова на том, Зайцевом берегу. Но не было берегов. Все берега спутались. Теперь всё была одна сторона — та, на которой Заяц никогда не бывал. Он даже дни уже не считал: без толку.

На этом острове он мог бы даже поохотиться — никто ему больше не запрещал; никого не было: ни Шюларюн, ни Лучей На Повороте. Можно себе представить, сколько

тут зверей скопилось, на суше. К ним-то они не выходили: пёс же.

Но охота это дело времени. Не было времени — куда-то они спешили, аж пар из-под весла. Развели костер — у деvушки были спички. И зажигалка тоже у нее. Пожевали колбасы с грибами, запивая малиновым отваром — Белый Ворон нарвал молодых листьев с кустов. Припасы кончались. Придется найти время и на охоту.

И — в шалаш, каждый раз как один и тот же.

Не спалось. Теперь к твердой земле нужно было привыкнуть. Как ни устали за день, только закрой глаза, и начиналось одно и то же: колебание и вращение. Заяц несколько раз засыпал — и дергался: во сне он ронял весло.

И тут — голос! С усилием он вырвался из сна: ему показалось, что сейчас он наконец поймет, куда им нужно?..

— ...и еще одна девочка, а всего три: три девочки — Клара, Флора и Элизабет. Элизабет — последняя — Элис; но в ее классе были пять Элис, и поэтому, чтобы отличить, ее звали сокращенно — Бет. Она и стриглась так, может для того, чтоб от остальных отличаться.

Вот они стояли на перекрестке и никак не могли расстаться, хотя давно им пора расстаться, чтобы встретиться сегодня же вечером, чтоб идти на бэш. А не могли — потому что обсуждали парней, ну, и что надеть, это важный вопрос. У каждой имелась своя точка зрения. Клара и Элис как раз сходились на том, что только они сами знают свои выигрышные и слабые стороны, и вообще личное дело любого, кэпиш? У них не было даже школьной формы — в той школе, где все три учились.

Фло, наоборот, считала, что одеться с оглядкой друг на друга — это будет — о-осэм! Не очень-то они верили этой Фло; друг на друга — это значило — на нее. Но помалкивали; то есть — подтрунивали, пошучивали; а прямо выразить ей несогласие — это будет — экт ап: они всё же были подруги.

И тут они заметили человека, который уже довольно долго, остановившись, слушал их разговор. Ничего удивительного: ведь они ему понравились (особенно Флора). Теперь,

когда они обратили на него внимание, сдвинулся с места и, подойдя поближе, спросил их, как пройти на перекресток улиц...

Они захихикали, глядя больше друг на друга — и правда, он был какой-то гамп... ну никак не дьюд, — блэк шип, да и только! И у них в городе нет этих улиц. Так иди туда, где они есть; если ты хочешь познакомиться — get lost, поищи себе кого-нибудь тому подобного в пару. Они отвернулись от него совсем, а продолжали разговаривать. Конечно, неприятно, когда кто-то стоит на тебя и смотрит. Тем более что он тоже заговорил — прямо в то время, когда говорили они, прямо во время их между собою беседы: он говорил о каких-то высоких качелях, о море, которое ушло из города, о какой-то девочке, которой приснилось, что она — электричка, — они не знали эту подругу, да и знать не хотели! Короче, они обсуждали теперь одного приятеля, который накупил себе мартенсов — д ж и л л и о н! — так что три раза в день меняет одни на другие — но при этом ходит в одних и тех же носках, — а Бет — то смотрела на них, то поглядывала на него, он ее как-то отвлек, перебил тему. Между ними произошла какая-то химия. Он ей сказал: пойдём, я тебе что-то покажу.

В чем они твердо сходились — через два дня или больше, когда были прощупаны баграми и шестами все пруды в городе; и полицейскими собаками обнюхана вдоль и поперек каждая дорожка в единственном парке, — так в том, что не могли же они висеть у нее на ногах: она самостоятельная, равная им — почему-то же остальным в голову не пришло отправиться за угол — с этим bozo (Фло артистично изображала трясущиеся руки; Клара — она как сейчас видела, содрогаясь, красные, как в комиксах, сверкающие зрачки того косоглазого). Да, они стали школьными героинями! — их вызывали на перемене старшеклассники, и они повторяли свои доводы, несмотря на которые — или благодаря им — популярность пропавшей Элизабет далеко превзошла всё, на что она могла рассчитывать, оставшись — и на что могла рассчитывать любая из оставшихся. Старшеклассники срывали ее фото, размноженные на копировальной технике и висящие на каждом столбе; почти у каждого старшеклассника такая

фотография украшала стену его комнаты — что было просто несправедливо. Ни самая красивая — признанной красоткой была Фло; и ни умная — Кларин айкью был самым высоким в школе, — потерянная Бет, получается, заслужила такое внимание единственно тем, что пошла с тем террористом. А им, чтобы вызвать на себя хотя бы отблеск того интереса, приходилось выдумывать новые и новые ужасные подробности того, как всё произошло, потому что никаких подробностей они не запомнили. Никаких подробностей не было.

Сквозь неплотные ветки шалаша — если повести головой вот так — становилась видна звезда. Еще слышно: тихо плещет река, текущая в обратную сторону.

— Выйдем, — хриплый голос.

В темноте Белый Ворон отозвался через короткое время:

— Говори здесь.

— Хочешь, чтобы она проснулась? — Быкмедведь говорил ровно. — Или ты хочешь, чтоб я тебя вытащил?

Белый Ворон зашевелился. Быкмедведь уже выбрался из шалаша.

Стало свободно.

Заяц сел.

Из услышанного мало он понял. Что-то он все-таки понял. Чувствовал себя обманутым.

Кем или чем? Разве его кто-то звал или что-нибудь обещал? Нет, сам пошел, а нужен ли он, забыл спросить. Зачем он ушел так далеко от своего дома и леса — лишний... так он сказал; нет, так сказал про кого-то другого. Что теперь? Обратно? Кто-то еще говорил про обратно. Нет, про обратно это была Шюларюн, «вас принесет обратно». Вот принесло, без воды. Внутри у него жгло — да не то: это было оскорбление и обида. Обижаться он мог только на себя самого — но это же всё равно.

Заяц повернулся, и левая рука его наткнулась на меч.

Девушка вздохнула во сне.

И стало как всегда.

Разве она виновата? Нет, она ни при чем. И, значит, правильно: нет никакого обратно. До конца — не спрашивая, куда и зачем.

Подхватил меч между собой и нею и полез наружу.

Звезды померкли: только что выкатилась луна; полная, была она красная, огромная, не такая, как там, на дороге. Вот, значит, сколько прошло времени — месяц. Месяц всего. И целый месяц.

Остров потрескивал, пощелкивал — полный зверья; где-то мелькал черной молнией пёс, ища, что ему по зубам; а может нашел уже, и возвращался провести ночь около костровища, съев глухаря или водяную свинку.

К главному-то он опоздал. Двое стояли друг перед другом — большая черная фигура и тонкая белая. Все у них тут было совершенно бесшумно, беззвучно.

— Не лезь. — Глаза у него на спине были, что ли? Заяц тоже подошел бесшумно. — Так и будешь за ним таскаться, как оруженосец? Один раз меня остановил. Не выскочил бы тогда — ничего бы этого не было.

Темная фигура обратилась к Белому Ворону. — Кого еще ждем? Карлоса? Так он не придет. Он разрешил. Шепнул мне два слова на ушко. Или ее позовем? Может, она тебя защитит?

— Уйди. — Белый Ворон, через спину Быкмедведя, — Заяцу.

Заяц тоже бы, наверное, не хотел, чтобы кто-то видел, как он будет драться с Быкмедведем. Он решил не уходить. Что там Быкмедведь думал про «любопытный» и «дурак» — но Белого Ворона на него одного явно было маловато. Заяц и в себе сомневался — и не считал нечестным, что у него меч. Он его, правда, не собирался разворачивать — вдруг он все-таки этот... железный. Даст по башке — если после мултука уцелел, то и от того не убудет.

Белый Ворон, однако, стоял. Драться он, похоже, не собирался. Задрал кверху голову, как будто ожидал, пока обновится кровь из носа. Но крови не было — сколько было видно в темноте. — Один парень был фашист, — сказал он.

— И вот однажды... — кивнул Быкмедведь. — Правильно сообразил. Говори. Я тебя не буду перебивать. Как только остановишься — не обессудь. Моя очередь.

— Время пошло.

...Некоторые так говорят — как будто это что-то плохое. А это просто палочка. Фаска. Фашина — называется связка прутьев, пучок. Можно его бросить в болото — и потом по этому пройти. Много чего можно. Здесь такой был — и не без скрытого всегда в прутьях огня.

Разница между ним и остальными — в этом. У них — ничего. А у него пучок. А что будет, если отнять этот пучок? Ничего. Точно так же ничего не будет. Один — не фашист, разве что в насмешку. Это просто... палочка.

— Тормозишь. Сказать-то тебе, похоже, и нечего. По кругу пошел. Если это всё — тогда я. И посмотрим, палочка или не палочка.

Белый Ворон закрыл глаза. Он вглядывался во что-то за закрытыми глазами.

— Всегда... — сказал он, — он думал... о том, что будет, когда он вернется. Не слишком далеко зашел? Оторвать палочку от пучка нельзя. Даже на время. То, что он видел, и то, что он делал, изменило его. Он этого не чувствовал. Везде... он про них помнил. Себя он по-другому не представлял. И не беспокоился за свое положение, или там авторитет — авторитет дело простое, это не вещь, которую, потеряв, нельзя отыскать. Можно. Лишь бы были они — и тогда и он.

Быкмедведь молчал. Молчал и Белый Ворон.

— И они были, — сказал он — выстрелил словами в темноту. Посмотрел на Быкмедведя.

— Запах. У тебя изменился запах. Думаешь, почему он на тебя не рычит?

Темная фигура пошевелилась. — Но молчал.

Это покруче, чем авторитет. Никто не знает, что это такое — и где его отыскать, если твой, прежний, потерялся.

Нужны были доказательства. Пахло от него по-другому — не как от всех в пучке — они пахли друг другом. Но они согласны были на доказательства. Доказательств у него не было. Единственное доказательство он отпустил.

Просто отпустил. Без условий. Лети на все четыре стороны. Тем самым он пошел против всех.

Ну, и что же? — доказательства нет, запаха нет. Нет авторитета — авторитет его ушел вместе с теми, кто его знал: состав полностью сменился за то время, пока он был неизвестно где, пока от них оторвался. Для пучка-то это ничего: он по-прежнему — пучок. Но много значило для него. Схватился первым делом за авторитет. Зря: никогда не надо за простое браться в первую очередь. Простое нужно оставлять напоследок. Он бы его с легкостью восстановил. Но не теперь.

Его просто схватили, связали, привязали... к столбу.

Он не стоял не смотрел, и много там кого поломал. Он был мощный парень, но куда один — против пучка? Его тоже попинали — не сильно. Несоизмеримо с тем вредом, что он принес.

Раздели. Лишили всех регалий. Не догола, только форму сняли. И оставили в покое.

И вот он висит. День висит, два висит. Никто его не трогает. Эта поляна — которую они использовали для своих физических упражнений. Бегали к речке купаться. Боксировали. Прыгали через коня. А он висит. Авторитет — ерунда; и три дня не есть — это тоже всё нормально. Ну, там, комары. Пусть бы они его съели целиком. Если бы его били или оскорбляли — он бы нашел себя как повести. — Но не трогают. Просто не обращают внимания. И... стыдно. Непонятно почему. Где он допустил ошибку — он их не допускал. Не делал ничего — что полагает неправильным. Стыдно. Хоть плачь. Он плачет — но только когда никто не замечает. Перед ними он не может допустить себя потерять лицо. Но это маска. Единственное, что ему осталось. Себя он потерял. Его нет. Просто палочка — валяющаяся в грязи.

На третий день обстановка изменилась.

Случилось там построение. Пришел еще один.

Это был его человек. Он так считал. И человек тот не мог так не считать. Он его нашел, вложил в пучок — после этого тот двинулся расти вверх так быстро, что он его уже и не видел никогда. Но не забывал. Потому что на него вся ставка была. И, может быть, без него вообще не стал бы с ними возиться, — если начистоту; он же видел. Кто они, а кто он, сам.

...Невыносимо было — то, что он его застанет — так. Ну, пришлось ему вынести и это. И потом, он ждал. Не признаваясь себе, запрещая, — потому что последнее достоинство: не ждать ничего. Ждал. Понял только когда увидел.

Вот он висит — и думает: что сейчас сделает? Лучше всего — чтоб прошел, не заметив. Тогда бы, по крайней мере, всё ясно.

Нет: подходит. Остальные все, наоборот, удалились.

Он висит — слезы льются. А до того не рыдал. Но перед ним — еще противнее было. Скрываться.

Тот улыбнулся и говорит:

— Ты упустил того, за кем тебя посылали. Они считают, что ты перебежчик, но я же знаю, что нет. Но лучше бы да. Так ты возбуждал бы в них ярость, гнев. Мы бы с тобой воевали. А так — я даже не знаю, что я могу для тебя сделать.

— ...Я не перебежчик, — сказал хриплый голос в темноте.

— И я никого не упустил. Я тебе говорил об этом с самого начала. Тот, за которым меня, как ты выразился, посылали... а на самом деле нет: я сам их послал, и сам с ними был. — Он никто. Самозванец и пустое место. Не за кем было гоняться.

— Ты нарушаешь субординацию, — Белый Ворон улыбнулся.

— Ты не можешь мне возражать. И не мог тогда, с самого начала. Но раз мы с тобою друзья — я помню и никогда не забуду, что ты для меня сделал, — я тебе отвечу. Это вообще не важно. Кто он, — и кто ты, и кто я. Важно только то, что они себе воображают.

— И тут он понял, что ложь. То самое, с чем он боролся. Нет, если бы он не был привязан, он бы это как-нибудь пережил. Мало ли с чем приходится смиряться по ходу дела. Но лучше уж так. Лучше сразу.

6. ВОЛШЕБНАЯ ГОРА

Днем был новый перегон.

Ни по одному не скажешь, что произошло накануне. А что произошло? — ничего не было. У Белого Ворона нос кривой — так он у него всегда был кривой. Может, еще раньше свернули за его истории. Быкмедведь угрюм не более обычного. Заяц, тот вообще один раз для себя всё решил.

Так они и не подрались; может, и нужно было, чтобы разрядить обстановку, сгущающуюся в тесноте плота. Где с одного движения можно спихнуть не угодившего тебе соседа за борт. С другой стороны, общие труды на сплаве, когда, при недостатке взаимопонимания, в воде могут оказаться все, как-то отрезвляют. С третьей стороны, то есть — по центру: пес, у которого на клыках не обсохли следы вчерашнего ужина, служит наивернейшим доводом к дружбе. Одно дело где-то там на просторе, а тут и увернуться некуда — цапнет!

Ночью кончилось так: Белый Ворон, рассказав свою сказку, ушел спать. Быкмедведь ушел в лес. Заяц после этого не мог никуда уйти. Кто его знает, что ему придет в голову? Хотя пёс. Пёс еще гуляет.

Просидел у остатков костра час. Луна прокатилась и закатилась за лес. Заяц встал и, тыкая мечом в стороны, чтоб на кого-нибудь спасшегося от наводнения не наступить, дохромал к берегу. Там он был.

— Пошли, — сказал Заяц. — З... завтра плыть весь день.

Быкмедведь посмотрел снизу вверх. Шапка его держалась на затылке, на честном слове.

— Куда?

— Приплывем и посмотрим, — сказал Заяц.

— Ты иди, — Быкмедведь опустил голову. — Я сейчас.

Со вчерашней луны небо расчистилось. Река — то есть не река, то, что было на ее месте, большая вода — была гладкой. Оставалось держаться посередине, стараясь не напороться на острова. Течения почти незаметно. Но оно есть. Плот медленно несло куда-то.

Еще такое. Обнаружилось почти сразу, в первые дни: матрас пропускал воздух. Не помогла сверхпрочная смола Шюларюн, которой она проклеила швы. На день хватало; но утром приходилось поддувать его. И сейчас, когда день перевалил за середину, он уже погрузился почти до края, даже небольшие волны перехлестывали через борт. Поскольку еще теперь проседал под находящимися на нем, то по поверхности туда-сюда перетекали ручейки.

Пёс встал. Не нравилось ему лежать в луже. Глядя вперед, временами встряхивал то ногой, то другой. Остальные старались не делать резких движений. Хорошо, что погода была ровной, безветренной.

А потом случилось — то, о чем говорил, столько дней назад, Лучи На Повороте. С неба раздались такие знакомые звуки. Далеко вверху летел клин. Или, вернее, не клин это был, а цепочка. И от нее отходила вбок еще цепочка.

И еще. И еще. — Всё небо было в птичьих стаях. Солнце было еще в полпути от зенита, только начинало окрашивать розовым половину неба, — а они летели своим высоким перелётом — так бы соскочил с плота и побежал за ними, прямо по воде.

...Пёс, высоко поднимая лапы, прошел по проминающемуся матрасу к краю. Никто и ахнуть не успел — он прыгнул.

Плыл, оставляя за собой пенный след, — к горе, возвышающейся над водой справа. Далеко, метрах в двухстах.

Чем у кого было, повернули и погребли за ним.

Никаких гусей на острове не было. Заяц это и так знал, еще до того, как пристали. Слишком высоко они летели.

Было слишком рано, чтоб ночевать. Белый Ворон ушел куда-то. Может, за псом, — его, уже когда высадились, не было на берегу. Быкмедведь тоже скрылся. Остались Заяц и она.

Заяц, после вчерашнего, и посмотреть на нее не мог. Надо было все-таки подрасться. — С кем?

— А что, он вообще на нее смотрел? — да ни в жизни!

Он потрошил свой мешок. Успел захватить из дома коробку крючков. Главные-то снасти остались у него на озерах. С собой всё не утащишь. Ну, может, — в деревне на озера ходили, — не дадут им пропасть.

Он посмотрел. Девушка, сидя на земле, выливала воду из своих башмаков. Потом она закачала штаны выше колен и встала.

— Хочешь тоже? — спросил Заяц. Неизвестно, в честь чего он решил, что она — тоже. — П...ошли научу.

Помедлив, она прошла за ним, осторожно ступая. На берегу валялось их полусдутое плавсредство, край его лизала волна. Когда причаливали, они хватались за мощную иву, склоняющуюся над водой. Всю уже в зеленых листочках.

Заяц взлез на почти горизонтальный ствол и продвинулся по нему, сколько мог, к краю. Девушка, балансируя руками, следом.

— Вот так надеваешь... на палец. — Вручил ей одну веревку с крючком на конце.

Потом он сыпанул в воду раскрошившуюся лепешку — которую сунула ему в карман Шюлярюн. Скатал из оставшихся крошек шарики и наживил — себе, другой ей.

Они просидели, пока Быкмедведь не пришел за водой со своей шапкой. Наловили с дюжину уклек, Заяц даже вытащил леща.

На берегу костер горит. Сварили уху и поели без хлеба. Потом лежали, глядя, как догорает закат и появляются звезды.

Заяц бросает на угли еловые ветки, отгоняя комаров. Пса нет.

Белый Ворон молчит.

Где река глубже, там меньше шумит. По которой реке плыть, ту и воду пить. Где весною вода, там в июле... да*.

Заяц выполз из укрытия и пошел умыться.

Матрас лежал на берегу — метрах в тридцати от воды. Сразу он не понял. Обычно они его так и оттаскивали, чтоб не уплыл. А вчера забыли? — бросили. И ива: сейчас бы они с нее не могли словить и малька. Сухо.

Впереди, подвернув штаны, в воде стоял Белый Ворон и играл в «блинчики». Приблизившись, Заяц увидел, что это не камни. Размахиваясь, Белый Ворон пускал над водой щепки.

Щепки падали недалеко. Покачавшись, как отдельные маленькие плоты, они поворачивались и медленно начинали удаляться. В ту сторону, откуда они приплыли.

Белый Ворон повернулся к Заяцу.

— Надо сдуть.

Разобрать — не собрать: вдвоем они свернули матрас в тюк. Положили у дерева и придавили веслами.

Вернулись на стоянку и доели остатки колбасы. Мешок у Заяца совсем стал легкий.

Быкмедведь всех задерживал: он взялся чистить песком свой шлем. Все стояли, ждали. Заяц не выдержал:

— П... ошли уже.

Быкмедведь глянул на него снизу — как позапрошлой ночью. Но не так.

— Торопишься?

Он осмотрел шлем. Прежде черный, теперь блеснул зеркальным блеском. Встал, тяжело ступая, подошел к воде. Зачерпнул и вылил себе на голову, растер лицо, пригладил волосы и бороду. Повернулся, обошел всех.

Двинулись в гору — а куда еще.

---

* А вот еще так говорят (кто говорит? Может, это какое-нибудь заклинание — в пору и Шюлярюн).

Оттого море всеми реками завладело, что оно ниже рек.

Пса не видать. Заяц не волновался: куда он денется с острова? — Если только не решит добираться обратно вплавь. Если сюда месяц — назад, наверное, можно за две недели.

Но он решил: не решит.

Гора не хуже, чем холмы на том берегу (теперь он опять сделался — тот), даже и повыше. Кончалась она вообще камнем. Заяц такое видел первый раз: скала, прямо из нее торчат деревья. Низкие и кривые — возьми, вырасти из камня. Белый Ворон пошел обходить его. Быкмедведь шатнул ногой отвалившийся кусок — там, где склон был менее крутой, и полез вверх. Заяц тогда тоже.

Выбрались на вершину — Быкмедведь один раз чуть не свалился, когда дерево, за которое схватился, не выдержало его веса. Сползал вниз метра четыре. Заяц обогнал его.

Отсюда было всё видно. Вода вокруг. Но там, где вчера они проплыли, сегодня можно было... Пройти? — нет: увязнешь в болоте. Но мели превратились в острова; острова — в целые цепочки земли. Река входила в берега. — И текла обратно. То есть куда и всегда.

Заяц повернулся к Быкмедведю.

Но Быкмедведь опередил его.

— Ты чего за мной вяжешься, — густо спросил он.

Заяц забыл, что сказать хотел.

— Ч-чего?

— Ч-чего? — передразнил Быкмедведь. — Заика колч-ченок. Кому ты здесь нужен? Без соплей скользко. Ни пользы от тебя — ни вреда. — Он вбивал слова, как сваи в болотную землю. — Все жалеют тебя. И она с тобой только из жалости.

Он произносил вслух то самое, что Заяц сам думал про себя! — позавчера, или когда это было? Ночью.

Но вот последнее это он зря.

Ослепительный свет включился в голове Зайца. В этом свете он увидел — всего один взгляд, которым Быкмедведь наградил его — тогда он не придал значения — когда они... Когда на дереве... Рыба!

— Да ты ч-что... — Заяц шагнул на него. — Ты сказал... ты... я... Мне ее было жалко! — Тут слова кончились.

Он подпрыгнул и ударил Быкмедведя в ухо. С тем же успехом можно было засадить кулаком в дерево.

В следующий миг ослепительный свет вспыхнул в его глазах.

Отлетев, он врезался в кривую сосну — на самом краю камня. — А так бы улетел вниз.

Заяц перевернулся и встал на четвереньки. Из этой позиции, не поднимаясь, бросился на Быкмедведя. Он хотел врезаться ему головой в брюхо.

Быкмедведь встретил его коленом. Теперь нос Заяца был такой же кривой, как у Белого Ворона. Вслепую он шарил вокруг — меч! — Меч он оставил внизу. Вместе с мешком, когда решил сюда взбираться.

Раз, два! — Быкмедведь добивал ногой. Не жалеючи он ему отвешивал, щедро. Три — Заяц схватил эту ногу в объятья, твердую, как та же сосна, — пёс — мелькнуло в голове — и, вместо пса, вгрызся зубами.

Быкмедведь заревел и рухнул. Схватив голову Заяца, он стал загигать ее назад. Заяц сопротивлялся.

Они оказались на краю и покатались вниз. Летели они не расцепляясь.

7. ЧЁРНОЕ

В темноте барабанный бой. Это пульсировало сердце леса. Душно, как в гробу. Темно. И бой, бой, бой барабанов.

Заяц ударился оземь с такой силой, что почти потерял сознание. Может, он его и потерял: почему темно? Куда они провалились? — Но не разжал рук.

Долго они так валялись, побеждал то один, то другой. Когда Заяц постепенно осознал, что борется не с Быкмедведем. Быкмедведь бы его давно заломал. Этот был верткий,

как змея, и какой-то... скользкий, — а комплекцией шуплый, с Зайца. И это... он был...

Черный!

Заяц оттолкнул его обеими ногами — и наконец откатился.

Тот вскочил, как кошка, и бросился в лес. Черный он был. Черный. На черном лице только глаза сверкали.

А как Заяц это разглядел в темноте? Значит, было не совсем темно. Невдалеке что-то горело. Духота — как в бане у Шюлярюн; и так же тянуло дымом.

Посидел под деревом, привыкая ко всему. Где он оказался, он не знал. Но — видно это теперь так и будет.

Поднялся и похромал на свет.

Деревня горела. Пылали дома, похожие на сараи, деревянные столбы с навесами, валяющаяся между ними утварь. Это была не такая деревня, как у Зайца; напоминала больше ту стоянку в лесу. А зачем строить дома, если здесь всегда так... душно? Подробностей рассмотреть он не мог, хотя иллюминация была что надо, но приблизиться было нельзя: за пятьдесят метров листья незнакомых ему деревьев поникли и скукожились от жара.

Из-под ног у Зайца, когда он подходил, выскочило с визгом целое семейство свиней! Они были тоже не такие, как он привык: мелкие, черные и худые. Домашние? Дикие бы к огню не пошли.

Не считая этих свиней, горящая деревня была пуста. Ни зверя, ни человека: может, тот черный, это он так обгорел?

Заяц отошел к тем деревьям. Тут остановился. Дым ел глаза — а все-таки, свет.

В этом неверном отблеске пожара увидел кое-что на земле. Вот бы его меч — прилетел вслед за ним — Заяц бы сейчас ничему не удивился.

Это было ружье.

Заяц присел.

Ствол покороче, чем у карабина, из которого он целился. Главное отличие бросалось в глаза: плоский изогнутый рог

сразу за спусковым крючком, величиной чуть не в полразмера ствола: упираться в землю? просто за него держаться? Не столько рассматривал, сколько ощупывал он незнакомый — но в чем-то главном неуловимо знакомый механизм, и вот нашарил и дернул на себя затвор.

Поднялся — утавив ствол в землю перед собой.

Выстрел?..

Выстрела не последовало. Если оно не заряжено, то было для Зайца бесполезно. — Но рука уже нащупала с правой стороны выступающую пластинку над спусковым крючком, пластинка подалась вниз.

Снова попробовал надавить спуск — и неожиданно оружие затряслось в его руках.

Заяц чуть не упал! Пули взрывали землю перед ним — из отверстия в стволе выскакивали пустые гильзы. Хорошо, что догадался сразу отпустить крючок — так бы ни одного патрона не осталось. Он уже понял: это магазин. Негде им больше быть, кроме как в этом изогнутом роге.

Ухо его различило шорох сзади.

Резко повернувшись, дал новую очередь — наугад и опять в землю.

Это был тот черный. Видно, вернулся за ним. Он стоял, подняв руки. Из одной выпал длинный нож.

...А потому что нечего оружие терять.

Через полчаса черный лежал связанный — на руки пошел Заяцев пояс; ноги крепко перемотал его собственными штанами. Тот брыкался, как лось, когда их с него стаскивали, но Заяц помахал перед ним отнятым ножом.

Сел рядом и стал ждать. Будет здесь когда-то рассвет? Он не думал, что хочет спать — там, откуда он свалился, день только начинался.

И далекий барабанный бой, которого он уже не замечал, вошел в него и погнал кровь в своем заколдованном ритме.

Заяц заснул сидя.

Проснулся, когда было светло. Все тело ломало. Весь он был в синяках и ссадинах. Ночью он этого не ощущал. Нос распух и почти не дышал.

Черный извивался перед ним, пытаюсь освободиться. Ноги тоже у него были черные. А пятки белые. Босые — как он только тут ходит, по лесу?

Посмотрев на Зайца, он замер. Смотрел с земли и моргал. Интересно, что он перед собой видел.

Заяц поднял нож, повесил на плечо автомат. И пошел посмотреть на деревню.

Там уже не горело, только дымилось. Заяц побродил по пепелищу, ничего больше не нашел. Вернулся.

— Я тебе ноги развяжу, — сказал он хрипло, как Бык-медведь. — А руки не буду.

Черный моргал, ничем не показывая, что его понимает. Но у Зайца был опыт. Он разговаривал с псом. Потом с девушкой.

Он распутал на том штаны и перевязал ему руки сзади. Пояс, наоборот, снял и прицепил как поводок. Куртка — такая же, как штаны, пятнистая, коричнево-зеленая, в лесу в таком наряде он будет неразличим, — была тому велика, болталась почти у колен.

— Хочешь отлить? — сказал Заяц. — Я хочу. Пошли.

Он отошел к дереву. Держа того на веревке, расстегнул другой рукой свои штаны и помочился на ствол. Услышал, как льется на землю — черный ловко проделал то же — без рук, растопырясь.

— Теперь наоборот. — Вода. — Заяц показал, будто пьет. — Веди к воде.

Тот стоял, почесывая ногой ногу. Бояться Зайца он вроде бы перестал.

— Я т... твою деревню не поджигал, — сказал Заяц.

Подумал. — Я тебе руки тогда тоже развяжу. Но ты меня не трогай. Я тебя застрелю. — Похлопал по автомату.

Тот вроде бы понял. Но только Заяц распутал его окончательно — он вдруг сделал огромный прыжок в заросли. Без штанов.

Стрелять Заяц не стал.

Он сел под дерево, автомат положил на колени, нож спрятал под себя. Во рту сухо. В голове мутилось от духоты.

Перед ним была сгоревшая деревня. За ним лес — знакомый, колючий даже на вид.

Он встал и шагнул.

Солдаты танцевали. Трое из них барабанили в барабаны. На самом деле это были пустые канистры. Они собрались пойти за водой, и один хлопнул ладонью, другой ему ответил — целой дробью, и вот уже все трое, зажав в коленях инструмент, наяривают, сидя на земле. Они барабанили раскрытыми ладонями одновременно и равномерно; потом один все так же равномерно начинал отбивать левой ладонью громкие удары, чередуя их с тихими, пока его правая, едва слышно, похлопывала, почти поглаживала бок канистры — так поглаживают, успокаивая, животное; другой вплетал в ритмическую основу резкую трель; а третий вел свое, пунктиром подчеркивая то сильную, то слабую долю, — и вдруг вновь сливаются в мощный поток, бьющийся единым биением. Секунды исчезали, их заменили невидимые узоры, сходящиеся и расходящиеся в воздухе, и кто-то из остающихся первым пошел по кругу, как бы прихрамывая, и целый хоровод устремился следом. Солдаты танцевали — потому, что сгорела деревня; они танцевали потому, что удалось отстреляться; и потому что исход мог быть разным, а жизнь — еще долгой; и было полчаса перед тем как пойти за водой. Танцевали черные солдаты в зеленой одежде, а канистры были — желтыми, а ладони барабанщиков — белыми; а в зеленых деревьях вверху танцевали черные обезьяны, и рыжие муравьи танцевали в кустах, подняв свои красные лапки, — так билось черное сердце леса. Так билось черное сердце леса, и центр его был — здесь.

На огромном дереве, у которого крона начиналась почти в небесах, — в развилке сука, укрытый толстыми широкими листьями, сидел Заяц. Как ему удалось взобраться сюда, со всей амуницией? — он сам не знал. Он почти ничего не видел — листья и внизу, и вверху. Зато всё слышал. Автомат висел на боку. Нож торчал из кармана, слишком длинный,

чтобы спрятать целиком. Он его завернул в листья — такие толстые, что не прорежешь. Весь он исцарапался, пока шел — и особенно пока лез: за короткий проделанный путь он видел столько насекомых, лягушек и птиц, сколько наверное не видел в своем лесу за всю свою жизнь. Но он не чувствовал себя здесь охотником. Наоборот. Чуть не схватившись вместо ветки за огромную, толще руки, змею, решил: хватит. Пора отдохнуть. — А где тут отдохнешь? Хорошо, что лес рос — ярусами: сперва вроде папоротников — но огромных, в человеческий рост; выше как бы акации — перевитые на вид вьюнками, только тоже в руку толщиной. И наконец он с них перескочил на дерево — там, где от него отходили ветки, за которые уже можно было ухватиться. Ладони, колени и вообще всё болело от колючек, которыми был оснащен каждый ствол; шевелиться было нельзя: сук тонкий, и он не знал, сколько его еще выдержит. Попробовать перебраться повыше не было сил.

Зато прошел дождь — и вопрос воды был исчерпан. Льющейся с листьев хватило, чтоб напиться. Ее бы хватило, чтоб утонуть. Заяц думал, его смочет. Он думал, внизу будет такое же наводнение, как то, по которому плыл. Но — полчасика — и опять духота и парево.

После этого внизу появились солдаты.

...А это что за черная обезьяна?

Нельзя сказать, что Заяц не обрадовался. Он так обрадовался, что чуть не свалился.

Но не свалился. И поэтому не обрадовался. Радовался, радовался, да не кругом обрадовался.

Как это им в голову взбрело, в этом бесконечном лесу, — оказаться на одном дереве?

Быкмедведь поболтал ногой над головой Зайца. Еще сполз.

Теперь были на одной высоте.

Они сидели каждый на своем суку. Справа и слева. Разделенные стволом.

Быкмедведь выглянул из-за ствола.

— Дай-ка сюда эту штуку.

Заяц и не думал, что он может так тихо. Он его почти и не услышал.

Они могли бы говорить в полный голос — достаточно для этого высоко. И пока внизу танцевали, никто бы их не заметил.

Заяц чуть отклонился. Быкмедведя теперь он не видел.

Быкмедведь еще подался вперед.

— Ты меня прости, если что, — сказал он одними губами. — Но теперь — дай.

— Сам прости, — сказал Заяц так же тихо. — Не дам.

Быкмедведь пошевелил бородой.

— За что?

— Я первый начал.

— Правильно начал, — сказал Быкмедведь.

Вдруг он усмехнулся. — Подумать: где сидим — а о чем разговариваем.

И всё. Больше не смеялся. — Потом посчитаемся. — Надо закончить. Над спусковым крючком переводчик. Переведи его в крайнее нижнее положение. Целься. И стреляй.

Заяц бы мог на это ответить. Пока шел, он отсоединил магазин и посмотрел, сколько у него оставалось патронов. Их было десять. Как тех, что отсчитал ему Лучи На Повороте.

А тех, внизу, — одиннадцать.

И вряд ли одиннадцатый станет дожидаться — пока Заяц, или хоть бы и Быкмедведь, будет прицеливаться.

Но: не с ними он начинал.

Быкмедведь зашевелился. Что он собирается делать?

А вот что. Обхватив ствол, шара впереди себя ногой, он перелазил на сук Зайца.

Если они начнут здесь драться — оба свалятся. Еще раз.

Заяц пополз с другой стороны.

Ствол был такой толщины — что если бы они за него взяли — они бы еле могли один до другого дотянуться кончиками пальцев. Но это внизу. Здесь, встречаясь руками, мешая друг другу, чудом удержались.

Быкмедведь оказался на суку Заяца. А Заяц — на суку Быкмедведя.

Какое-то время отдыхали. И снова голова Быкмедведя появилась из-за ствола.

— Не наша война, — заговорил он беззвучно. Но Заяц улавливал каждое слово. — Почему сюда выбросило — на злости; видно, место было такое, что аккумулирует. Но помнишь... Тот сказал, на холмах. — Быкмедведь передохнул.

— Он знал, что к чему. Война везде. Она не кончается. Можно только победить...

— Шапка! — воскликнул Заяц.

Шапка у Быкмедведя, пока лез, опять сбилась на затылок. Она висела на волоске. Сейчас упадет, как тогда на холмах, и выдаст их!

Инстинктивно он подался вперед. — Как будто мог дотянуться и поправить шапку Быкмедведю! Дотянуться, конечно, не мог; а нож, торчавший у него из кармана, из-за резкого движения выскользнул и, ударяясь о листья, полетел вниз.

Через длинную секунду барабанный бой — разом — стих. Раздался изумленный крик.

Гадать не приходилось — что он кричал. «Вот мой нож!» Это был тот, без штанов. — Теперь в штанах.

А затем раздалось сразу несколько голосов. «Слезай!»

Для большей ясности автоматная очередь прошла листья рядом с Зайцем.

Заяц полез вниз.

Быстрее, чем вверх. Срываясь с вьюнов, ободрав на себе одежду и не только, прыгнул у подножия дерева. Была его очередь поднимать руки. Они бы не поняли, а пойми — не поверили, попробуй он объяснить — с таким видом, и особенно носом, — что он просто охотник из другого леса. Да им это было может и всё равно.

Вчерашний знакомец вскинул брошенный им автомат — и дал еще очередь вверх. Заяц замер. Ждал, что сейчас рухнет

туша Быкмедведя. Но затрещали, ломаясь, ветки. Быкмедведь спускался.

Их окружили. Они встали спина к спине. Было откуда-то ясно: Белый Ворон в этот раз не появится.

Сразу несколько человек обхлопали их сверху донизу. У Зайца не нашли ничего. Зато из кармана Быкмедведя один что-то извлек — поднял руку вверх и издал торжествующий возглас.

— Только не говори, что и тут его ждут, — пробормотал Быкмедведь, пока они, столпившись, рассматривали. — Сейчас воздадут нам царские почести.

К ним повернулись и громко сказали. И снова понятно: это был приказ не разговаривать.

— Обидно... — сказал Быкмедведь полным голосом. Расправив плечи, он разглядывал их в упор. — Как если б Карлос загрыз.

Его бесцеремонно ткнули в брюхо стволом. Потом один черный солдат — командир, бригадир, — подбросил щелчком ногтя большого пальца высоко вверх — закрутилось, зашверкало, и, казалось, улетит к обезьянам — но он поймал в воздухе. Весело цокнул языком.

Заяц понял, что это такое было. Медаль Шюларюн, вот это что такое.

После этого их повели по незаметной тропе. Впереди солдаты, позади солдаты. Ничего им не связывали, ни ног, ни рук, — некуда им было деться. Лес был такой — спутанный, скрученный в узлы; не броситься в сторону; только повиснуть на иглах. Заяц сильно хромал, стараясь не отстать. В левую лопатку упиралось ему дуло автомата, толкало в спину.

Растянувшись в цепь, они шли, и все вниз да вниз.

8. КАК СРАЖАТЬСЯ С КРОКОДИЛОМ — И ПОБЕДИТЬ, ИЛИ ВСЕ ДОРОГИ — ДОРОГА, ВЕСЬ ЛЕС — ЛЕС, А ВСЕ РЕКИ В МИРЕ — В МОРЕ

К реке. Если это была та река, что у Зайца в лесу — а других он не знал: может быть, как дорога включает в себя все дороги, то и все реки — одна? — То она не сильно изменилась: мутная, зеленая, пошире была — но не шире, чем наводнение. Только тут было лето — лето без конца. Дышалось, впрочем, полегче.

Солдаты рассыпались по кустам. Дальше Заяц не понял. Командир, бригадир — забрал у его ночного приятеля автомат. Сунул Быкмедведю. И толкнул в спину. Сам исчез в зелени.

Озираясь по сторонам, оба вышли на открытое место.

Прямо по курсу возвышалась серебристая горка. Они остановились.

— Ясно, — помедлив, сказал Быкмедведь.

Он двинулся к горке. Заяц за ним. Спиной он чувствовал глаза и автоматы, провожающие его из зарослей.

Быкмедведь, сняв каску, стоял.

Из кустов посыпались солдаты. Те, что с канистрами, добежали до реки и стали набирать воду. Остальные стояли, держа автоматы наизготовку. На них никто не смотрел. Щebetали птицы. Шуршала река.

— Ты налево, я направо, — сказал Быкмедведь обычным голосом. — На них не оглядывайся. Будут стрелять — падай и катись. Я прикрою. Как стемнеет, встречаемся тут. У самолета.

Никуда они не ушли.

Взвыло, загудело над тем берегом. И сразу же затрещало — трах-тах-тах-тах — солдаты стреляли вверх. С ревом,

снижаясь, летела такая же серебряная гора, как эта, перед ними, на земле, но ожившая, с крыльями, — Заяц, не веря своим глазам, увидел, как из реки поднимается водяной столб. Он сам остолбенел. Он видел, как черные солдаты в зеленой форме бежали по берегу в лес, поворачиваясь и стреляя; видел Быкмедведя, который залег, откатился и палил в небо из автомата — но сам не мог сдвинуться с места. Серебряный змей развернулся над лесом и понесся прямо на них. Заяц упал и закрыл руками голову. Потом все полетело — земля, вода, огонь и он сам.

9. ПЯТЬ

Маленькие волны беззвучно трогали берег. Тихая вода простиралась так далеко, как не бывает. Горизонт скрыт дымкой. Светло. Но солнца нет. Солнце вот-вот должно встать.

Ощущения медленно возвращались. И зрение. И всё остальное. Вот нос. Нос распух. Дышать лучше ртом. — А вот ноги.

А это он. Заяц.

Заяц пошевелил пальцами рук. Под пальцами был песок. Он и сам лежал на песке. Он чуть-чуть повернул голову.

Девушка. Человек в белом. А там — пёс. Значит, ему это всё приснилось.

Потом увидел Быкмедведя, который медленно поднимался из-за невысокой дюны. Подойдя, он глянул на Зайца.

Значит, это приснилось и Быкмедведю.

Все сидели на песке и смотрели. Заяц приподнял голову — тоже захотел поглядеть, на что они смотрят. Но увидел свой мешок. И меч. Всё было тут. Все на месте.

Чпок! — у него и уши отложило. Вернулись шорохи и звуки. И голос — ну да — голос Белого Ворона. — О том, как они их перетащили сюда?

Заяц прислушался.

— ...просто потому, что некуда было себя деть. Болтался по улицам сутками, — говорил Белый Ворон.

Он смотрел на воду. На воде ничего не было. Разве что одна черная точка на зеркальной глади — далеко, у самого горизонта. Вот на нее он и смотрел.

— Забрали его из таких же гостей. Забрали-то всех; но оставили его одного. Ничего не спрашивали. Просто били. К ночи приходил в себя и знал, с чего начнется следующий день — и лучше было бы ему не начинаться.

Вдруг отпустили. По-прежнему ничего не спрашивая и даже не смеясь.

— А когда его отпустили — оказалось, что для всех он исчез.

Никто его не выгонял. Двери оставались открытыми для него. Но стоило ему произнести слово — оборачивались с таким изумлением, как будто заговорило пустое место... Разговаривать он перестал.

Старался подольше нигде не появляться. Но так тоже нельзя. Оставаться на улице вечно не мог — тускло мигало красной лампочкой у него внутри. Раз его просто отпустили — то просто и возьмут. Ничего, что не делал ничего — он и первый раз ничего не делал.

Приходил куда-нибудь, думая только о том, что если его не заметят, то, может быть, сможет уйти, так же, как пришел.

— ...там его и увидел. Для него он ничем от других не отличался. Появлялись новые лица; новые вели себя так, как и

старые. Словно имелся негласный уговор вокруг него — а может и гласный.

...Забившись в угол, сидел, — и вдруг вижу: он смотрит. Потом на других. Что-то понял. Что-то пробежало по лицу: молния, только темная.

Следующее, что помню: все разошлись, а мы сидим вдвоем. Он говорил со мной, не глядя на то, что не отвечаю. Ничего особенного не сказал. Он был художник. Рассказывал про какое-то место на берегу; там он рисовал. На камнях в штить; а ночью волны — всё смывало. ...Ни красок у него с собой не было; ничего; я так и не узнал, чем он — он говорил — «пишет». Впервые меня захватило что-то, кроме себя. Не то, чтобы перестал соображать; наоборот: подумал, вот, оказывается, как можно? — никто не узнает... Он видел, как я напуган, но не обращал внимания. Сказал, что покажет. Если приду. Прошло полгода. Я так и кружил в том кругу. Выхода особого не было. Понадобились все силы, чтобы заставить себя оторваться. Ничего я не ждал, ни на что не рассчитывал; но если все равно пропадать.

...была скала, уходящая в воду: обогнуть ее можно лишь вплавь. Была еще тропинка, круто вверх. Выбрал тропинку. Поднялся, спустился, и оказался в маленькой бухте.

Никого там не было. Опоздал. Слишком долго не решался. Была поздняя осень. Шторма днем и ночью; какие рисунки. На берегу я увидел след.

Он был старше меня — но маленького роста; и след был маленький. Отпечаток босой ноги, вырубленный в камне. Все складки на месте, впадины от маленьких пальцев.

Несколько суток я провел там один. Разговаривать было не с кем...

Точка на воде выросла. Она теперь была не черной, а белой. И все продолжала расти, приближаясь. Вспыхнул край горизонта — там появлялось солнце.

Все смотрели на море — на красную полосу над горизонтом. Вода покрылась рябью. На берег накатывали шумные волны.

А там, далеко — совсем уже даже недалеко — шел небольшой серый корабль — чуть больше обыкновенной лодки. Самым большим был на нем парус; два паруса: косых, треугольных. Корабль двигался к ним.

Остановился на глубине, с полкилометра не дойдя до берега. Парус сложили. С борта сбросили плоскую шлюпку с круглыми бортами. В нее спустились двое, один сел на весла.

Потом он бросил весла и, соскочив прямо в воду, втянул шлюпку на песок. Курчавый, черноволосый, и сам загорелый почти до черноты; лет ему было сколько и Зайцу. В шлюпке оставалась сидеть девушка. Волосы у нее были длинные, белые. А платье — розовое. Оказавшись на берегу, она встала и, подняв выше колен платье, перешагнула босыми ногами через борт.

Гребец распрямылся и пошел, протягивая всем руку. — Я — Полян, Полян Берегович. А это Парк Лотос Суни, дочь отца моего.

На брата с сестрой они были совсем не похожи. Только ростом сошлись: она была почти ему вровень; выше Зайца и выше Белого Ворона. Она ничего не говорила. Смотрела на всех и щурила свои зеленые глаза.

— Ричардали, — сказал парень, смеясь, — знаете, как он в нее влюбился? Имя! — он влюбился в имя. Папаша объявлял его в автобусе на остановках. Ричардали услышал и сказал, что разыщет, и пошел, побежал, совершил, победил, прославил и добился всего, чего только можно. А она к нему выйти не захотела. Автобус стоял на высокой горе... Тогда он сказал, что построит для нее остров. С автобусом. Туда ее к нему и привезли. Там он ее первый раз и увидел.

— Здравствуй, Полян, — сказал Белый Ворон, — ...здравствуй, Лодка.

Тогда она наконец улыбнулась. Улыбка была сладкая — как торт и как мед, как клубника со сливками. Ямочки появились на щеках, зеленые глаза превратились в щелки.

— Ричардали ждет, — сказал Полян. — Садись. — Он повернулся к остальным и поклонился. — Давайте, до свиданья. Спасибо за компанию.

Они застыли. Смысл слов доходил до них медленно.
То есть как? То есть что это получается?
То есть...
Белый Ворон их покидает?

Заяц посмотрел на девушку. Она переводила глаза с Поляна на Лодку — и обратно. Нагнулся и потащил с песка меч.

Быкмедведь закричал и перешагнул.

— Стоп! — Полян вскинул руки. Обернулся к сестре: — Они не понимают... Да скажи ты хоть что-нибудь! — взъярился он. — Чего молчишь?

— Ричардали ждет, — сказала она. Голос был низкий, глуховатый. Теперь, когда она заговорила, уже не казалась такой сладкой. — Тебя, — сказала она Белому Ворону.

— А меня он не ждет? — Быкмедведь приблизился вразвалку.

— А тебя он не знает, — ответила Лодка.

— Я с ним тоже незнаком. — Быкмедведь усмехнулся.

— Но она вот шла с ним. Ты бы столько не проехала на своем автобусе. А нас — куда ты отправишь? Воевать за свободу негров? Карлос тебе сейчас нос откусит. — Он шелкнул толстыми пальцами.

Лодка улыбалась. Безмятежная, как солнце.

Тогда раздался голос.

— Накуртка говорил. — Белый Ворон стоял, не двигаясь, сзади.

— Подождите, вы! — взмолился Полян. Он обратился к Белому Ворону: — Я не знаю, что тебе говорили и кто такой Накуртка. Ричардали мне сказал: взять одного. А тут — раз, два, три, четыре... — Он посмотрел на пса. — Пять, — сказал он. — У нас на катере столько места нету.

— Ричардали возьмет всех, — сказал Белый Ворон.

Полян махнул рукой и молча повернулся. — Я не могу... — начал он и не закончил. — Идем, сестричка. — Лодка проследовала неторопливо — и опять, задрав платье, перешагнула борт. Спихнув шлюпку в воду, Полян прыгнул в нее, замахал веслами. — Увидимся! — закричал он с воды. Он улыбался, как сначала.

День проходил. Солнце светило в первой половине и скрылось за тучами во второй. Море налилось железом. Никто не купался, не ел, не пил. Девушка сидела, завернувшись в плащ Быкмедведя, — ветер дул. Пёс лежал на песке. Он и разглядел первым: все только увидели — встал и смотрит в сторону горизонта. Когда вынырнул катер — он двигался без парусов, еле различимый в разошедшихся волнах, — то никого не развеселил. Хотя это значило, что — всё, хватит ждать. Тому сейчас приходит конец. — Какой?

Шел он теперь быстро. Стал слышен гул моторов, вплетающийся в шум прибоя. Потом гул стих. Катер встал там же, где и в первый раз, качаясь на волнах. Упала в воду шлюпка. В шлюпку спустился один человек.

Он соскочил в воду, не доплывая до берега. Волны захлестывали его до плеч, но он удерживался стоя. Подтащив шлюпку за собой — выбросил, вместе с набежавшим валом, на сушу. И сам вышел.

Белый Ворон встал. Остальные сидели.

Они стояли друг против друга. Смотрели друг на друга.

Ричардали был похож на Белого Ворона — как Заяц был похож на Белого Ворона. Вот: если Зайцу распрямить спину, выровнять ноги, поставить рядом, — то они сошли бы за братьев при плохом освещении.

Ну так: если Белого Ворона сделать на полголовы выше, развернуть шире плечи, остричь ему волосы, отрастить бороду и усы, и серьгу в ухо... Нет, не то. У них было одно и то же в лицах — только у Ричардали четче, резче. Понятней. И становилось понятно в Белом Вороне — то, что нельзя было понять до того.

— Ты пришел, — сказал Ричардали.

Белый Ворон не спускал с него глаз. Не шагали навстречу, не хлопали друг друга по плечам, не обнимались и не издавали возгласов радости. Стояли и смотрели друг в друга, как в зеркало, что-то разыскивая в нём.

Ричардали первым глаза отвел. Он оглядел остальных. — Что с этим делать? — спросил он. — Ты знаешь мои обстоятельства.

— Обстоятельства меняются, — сказал Белый Ворон. — Мои обстоятельства изменились.

Ричардали думал быстро. — Хорошо. Садитесь, — обернулся ко всем. — Я последним.

Девушка влезла в шлюпку, за ней пёс. Белый Ворон столкнул ее в волны и пошел за ней в воду, придерживая рукой. Быкмедведь догнал и взялся с другой стороны. Заяц поспешил следом. Волны сбивали с ног. Они поочередно перевалились внутрь; Быкмедведь — едва не утопив шлюпку. Когда сел Ричардали, погрузились почти до бортов. Ричардали молча греб, остальные вычерпывали воду.

Потом он поймал концы и пришвартовался. С катера сбросили веревочную лестницу. Поднялись тем же порядком, кроме пса. Ричардали нагнулся, упираясь руками в катер — пёс вскочил на него и перепрыгнул.

Загудели моторы. Катер пошел в открытое море.

10. НА ОСТРОВЕ ПОЮЩИХ ДЕРЕВЬЕВ НЕТ ДЕРЕВЬЕВ

Ум-па, ум-па, ум-па-па! Музыканты дули щеки. Впереди, спиной к морю, лицом к ним, стоял Полян. Голый по пояс, украшенный шейным платком, он дирижировал, размахивая руками. Иногда он поворачивался — дирижировала тогда только одна рука — и смотрел в волны.

Это был порт, только маленький. Тут был длинный деревянный причал, были рельсы, по которым новый корабль спускают в воду. Был маяк, он сейчас горел, прожектор проходил по воде через равные промежутки. Был даже подъемный кран. Всего один корабль стоял в порту, нижние огромные реи, чуть ли не вдвое превышающие ширину судна, подняты к мачте. Тросы, как паутина, тянулись от остальных к корпусу. У причала с одной стороны покачивалась на воде вереница лодок. Еще несколько небольших парусников подходили к порту, — остроугольные паруса делали их похожими на летучих мышей. Был закат, небо поделилось на три полосы, снизу вверх — ярко-оранжевая, темно-оранжевая, зеленовато-оранжевая. Все паруса были черные против солнца. Черные плавучие мыши на оранжевом небе.

Полян махнул рукой, плюнул, по обычаю, в море, музыканты смолкли и расселись отдыхать. Причалили. Ричардали бросил сходни, подождал, когда все сойдут, и тоже спустился на берег. Девушка, похожая на мальчика, — со времени, когда Заяц увидел ее в первый раз, волосы ее подросли и прикрывали ей лоб, — озиралась по сторонам. Смахивала волосы со лба, раскрыв глаза и рот и улыбаясь.

— Я же говорил — увидимся! — воскликнул Полян Берегович, опять пожимая всем по очереди руку, а Быкмедведю даже долго тряс. Он был явно и искренне рад, что все уладилось — без него.

Подкатил автобус с включенными фарами. Музыканты стали загружать свои трубы и рассаживаться. Ричардали кивком пригласил гостей за ними.

Когда все разместились, он тоже вошел и встал сразу на подножке — больше места в автобусе не было. — Сначала отдыхать — или гулять? — спросил он Белого Ворона.

— Гулять, — сказала девушка, уже не похожая на мальчика. Глаза ее сверкали. — Гулять! — сказала она.

Тронулись. Ехали минут двадцать все время под уклоном вверх. Автобус, набитый людьми, натужно гудел. Поворотов было не очень много. Дома, двух- и трехэтажные, стояли в ровном беспорядке, — повернутые к улице боком, лицом, другие даже углом. На каждом шагу были скамейки и урны.

Горели разноцветные фонарики посередине цветочных клумб.

— Так же пешком ходим, — говорил Ричардали Белому Ворону. — Автобус только для инструментов. Завтра увидишь, как работаем. Полян — бестолочь, но и его приспособили по мелочевке. Музыкант, правда, отменный.

— Где деревья? — спросил Белый Ворон.

Ричардали перегнулся со своей подножки к шоферу. — Поторопись. — И снова Белому Ворону. — Сейчас будет фонтан. Они, — кивок на Быкмедведя с Зайцем и псом, втиснувшихся втроем на одно сиденье, — такого не видали.

Толчок! Автобус остановился. Все стали выходить.

Они оказались на площади. К ней сбегались все улицы со всех сторон. Это была самая возвышенная часть острова — то, что это остров, отсюда, если найти место, свободное от домов, хорошо просматривалось. Огоньки со всех сторон спускались вниз — и обрывались в черноту моря. Ее разрезал маяк через равные промежутки: вле-е-во... И чернота. Потом — впра-аво... А здесь светло. Тоже всюду скамейки по кругу. Между ними прогуливались парочки. Когда автобус остановился, парочки тоже остановились — «О-о-о!» — заплодировали, пока музыканты выгружали инструменты. Выскочил Полян, уже на ходу дирижируя. Его встретили усилившейся овацией.

Музыканты, не настраиваясь, заиграли. Подошла Лодка. Она улыбалась всем, ни слова не говоря. Ричардали обнял ее. Высокая — она была все-таки ниже его. Они стояли, точно позируя, — но в темноте, в тени автобуса. Им бы под ноги какой-нибудь куб — получился бы памятник тому, что происходило.

Из центра площади — из середины круглого бассейна — вырвалась мощная и толстая струя.

Она била вверх-вверх-вверх — и вверху с ней встретился прожектор из порта — он больше не обшаривал море, а вернулся назад, в город, — там, где вода расплывалась и начинала падать вниз-вниз-вниз. Все сверкало на площади, парочки танцевали, Ричардали подхватил Лодку и прошел с ней несколько тактов — не танцевали только Заяц, Быкмедведь,

пёс, Белый Ворон, — девушка с ними задрала голову и хватала капли раскрытым ртом. Музыканты продолжали дуть в мокрые, сверкающие в свете прожектора инструменты. Струя уменьшилась и исчезла — а капли еще падали из воздуха. Но тут же вырвалась вторая струя — длиннее и мощнее предыдущей. Три! — три струи вырвались из середины фонтана в середине площади в центре города. — Всё, — сказал Ричардали.

— Отведи их в гостиницу, — обратился он к Лодке. — Мне надо пересчитать корабли. Сегодня уже ничего не будет, — сказал он девушке, — а завтра увидите всё. Ты спрашивай у нее, чего надо. — Он подтолкнул всё так же улыбающуюся Лодку.

Гостиница была рядом с площадью. Деревянная, в два этажа, с деревянными лестницами и перилами. Их разместили на втором этаже, а девушке Лодка отвела комнату на первом. Затем они спустились поесть, умылись и вернулись наверх, где Лодка тем временем застлала кровати. Она взбила подушки и, всем напоследок улыбнувшись, вышла.

Ночью у них было, видимо, землетрясение — Заяц слышал сквозь сон, как кровать под ним ходит ходуном. Но он устал от землетрясений и не проснулся.

У плиты стоит Лодка. Вокруг нее суетится озабоченный Полян. У Лодки глаза красные, все ее бело-розовое лицо было сейчас одинаково красным. Слезы падали прямо в еду.

— Убери ты ее от плиты, — сипло сказал Быкмедведь. От морского ветра он простудился.

— Я сам приготовлю. — Он встал к огромной сковороде, стал поворачивать кашу. Лодка села на стул.

— Джесси пропала, — сказал Полян. — Наша сестра Джес*. Лодка всхлипнула. — Ку-у-куда она могла деться.

— М-маленькая? — спросил Заяц. Лодка вызывала сейчас только сочувствие. Он готов был отправиться искать, забыв про завтрак.

— Т-три года... — сказала Лодка. Она плакала уже не стесняясь, уронив руки на стол. — Она у-у-утонула.

---

* Jess [dʒes] — опутинка (ремешок, лента на лапах ручного сокола); надевать путы (на сокола).

Вошел Ричардали.

— Что-то увидите, — сказал он. — Быстро. Я пригнал автобус.

Все потянулись вслед за Лодкой, бросив еду. Заяц задержался. Позвать пса — может, он раньше найдет? Он не знал, где он ночевал, и пооткрывал все комнаты поочередно. На улице? Глянул в окно.

— Бегом! — крикнул ему Ричардали.

Автобус рванул с места, дикими виражами заносясь на немногочисленных поворотах. Через пятнадцать минут выгрузились внизу. Это был противоположный от пристани край, усеянный камнями.

— Папаша наш, Бе-е-ерег, — говорил Зайцу Полян — как оказался рядом с ним на автобусном сиденье, так и не отставал: — Был великий путешественник и великий козёл. Я не оскорбляю — в прямом смысле. Вот с такой бородой, вот с такими рогами! Но умел пустить пыль в глаза и показаться хоть парнем, хоть ветром. Однажды он увидел прекрасную сучку — и тут же грянулся оземь и обернулся в славного пса породы колли....

Заяц не вслушивался — он смотрел во все глаза на двух собак, бегущих длинными скачками в волнах на мелководье друг за другом. Рыжая и черная, рыжая и черная.

— Джесси! — крикнула Лодка. По лицу ее текли слезы.

Рыжая собака не обернулась. Прыжок — и вот она уже плывет, удаляясь от земли. Черный пёс неотступно следовал за ней. Две собачьи спины, рыжая и черная, мелькали в волнах.

— Они не утонут, — сказал Ричардали рядом.

Быкмедведь остановился, поджидая Зайца. Придерживал шаг, принаравливаясь к Зайцеву шагу.

— Карлос, как видно, нашел.

Он о чем-то думал и говорил не сразу. — Если это всё, — сказал он. — То, сдастся мне, лучше бы на берегу... — Он не закончил.

Берегов там было много. Но Зайцу вспомнилась та сторона — та, самая первая их остановка. После дождя, у реки, у деревни.

Автобус поехал.

— Не туда, — сказал Ричардали, стоящий, как вчера, на подножке. — Направо. — Он повернулся к Белому Ворону. — Хочу еще кое-что показать.

За поворотом открылось большое пространство, почти без наклона, свободное от домов. Зато тут стояли ангары. Автобус чихнул и затих. Груды досок лежали, аккуратно сложенные. А дальше — длинные могучие бревна. Концы их скрывались за строениями.

В длинном сарае, открытом с одной стороны, гудела пила. Двое вели бревно к этой круглой, вертящейся на месте, пиле — звук изменился, железо завизжало, входя в дерево, полетели опилки.

Никто не успел ничего понять — как Белый Ворон повернулся, размахнулся и что есть силы хватил Ричардали по лицу.

Ричардали отшатнулся. Ударился головой о дверь автобуса. Автобус качнуло. Все повскакали со своих мест.

— Открой. — Белый Ворон рванулся к двери.

Двое схватили его за локти. Но Ричардали качнул головой — отпустили.

— Открой, — велел Ричардали водителю. Он вышел вслед за Белым Вороном. Все остальные уселись опять на места.

Они стояли друг перед другом — одинаковые. От этого казалось, что Белый Ворон ударил сам себя.

— Хочешь повторить? — уронил наконец Ричардали. — Или что-нибудь скажешь?

Белый Ворон покачал головой. — Ничего.

— А я отвечу на твоё ничего. Я должен был спросить у тебя? — ответил Ричардали. Он был спокоен, только провел раз рукой по щеке. — Отправить туда, не знаю куда, телеграмму: прилетай, оттуда, куда ты улетел, когда посчитал, что уже хорошо потрудился. Ты бы посоветовал возить нам деревья с материка. Куда уж хуже этих. Их не таскали, не нянчились с ними больше чем с собственными детьми, не поливали их потом. Они просто растут. Сами по себе. Они плохие. Их можно. Чтобы оградить этих оградой, и водить вокруг них хороводы. Я должен был снаряжать корабли,

тратить время, горячее — плюс человеческий фактор. Тут не много людей. Каждое место, каждый килограмм на счету, больше я не могу их позволить. Их я должен был кинуть на бессмысленный труд — чтобы сохранить твой покой — чтоб ты мог дальше летать и рассказывать сказки. Но мне не нужен пиар. Я тебе скажу: древесина — везде древесина. Нет плохих и хороших — и мы не можем ни у кого отобрать. Мы должны обходиться тем, что у нас. Мы не воюем, мы торгуем. А теперь мне скажи: ты работал со мной, когда все от меня отвернулись. Ричардали испортился. Сдулся. Перестал нас потешать. Ты увидел. То, чего нет; чего не видел и я и не мог показать никому — все они появились потом, после, когда всё уже было. Я держал место для тебя. Ты меня не просил, я сам подумал, — ты никогда ничего не обещал, не говорил, что вернешься. Я не брал лесника — хотя лесник вот так, позарез нужен, — я смог взять специалиста по распиловке только когда один тут сошел — я его не выгонял, по собственному желанию, и хорошо — пустой был парень. Даже рожать мы отправляем на берег. Семьдесят человек у меня на руках — отборные, лишних ни одного, и я отвечаю за каждого. — И я взял всех твоих. Хотя это ставит под угрозу всё наше. Ты ударил меня на глазах у них всех. На глазах у Лодки. Что ты с этим собираешься делать?

— Ничего, — сказал Белый Ворон.

Он повернулся и полез в автобус. Ричардали вошел следом. — Трогай, — сказал он шоферу, — у них уже завтрак остыл.

— Ты все время считаешь, — сказал Белый Ворон, — считай. Оставь тут ее: на столько-то я наработал. Ей, кажется, здесь по душе. Остальные смогут тебе пособить... если пожелают, если ты пожелаешь, конечно. И прощай, Ричардали. Доброй ночи.

— Куда ты пойдешь, — сказал Ричардали. Первый раз за все время он улыбнулся.

— В ученики Накуртке, — ответил Белый Ворон.

— Ты пойдешь в ученики ко мне, — сказал Ричардали. — Посмотри на себя — какой из тебя стрелок. Я тут кое-чем овладел, пока ты был в добровольной отлучке. За моими ко-

раблями очередь по всему миру стоит, и стоят они... дорого. И не так много расходуя я дерева. Мы работаем долго. За это время новые успеют подрасти — посмотри-ка, молодая корабельная роща... Они тут растут — год за десять: такая земля. И такой воздух.

— Расскажу тебе сказку, — сказал Белый Ворон, — не бойся, короткую. Однажды Накуртка мне показал — собой показал, своим телом: одного достаточно. И если это не оно — не то, о чем я рассказывал — то кто заставит меня замолчать? И если я об этом забыл — чтобы говорить единственному человеку — то спасибо Лучам На Повороте, напомнил... и Шюларюн напомнила, и другие. Мне не нужно учиться стрелять.

— Ну и хорошо, — сказал Ричардали.

— Я знал, что ты поймешь. Ешьте, а потом посмотрим корабль. Это самое лучшее из всего, что я до сих пор строил, он называется... «Небо». Вечером дадим вам концерт.

— Плотник, — сказал Ричардали, хлопая по плечу человека — такого же усатого и бородатого, как он сам. — Второе лицо после меня, считай, боцман. В послужном списке имеет галеон «Золотая Лань» Френсиса Дрейка! А по нашим тут меркам: самый молодой. Всего год ему здешнего стажа.

На Ричардали была сейчас красная косынка, повязанная концами назад, скрывшая его буйную шевелюру. В ухе стальная серьга. Был он в синем комбинезоне, как и все в ангаре.

— Больше, — поправил плотник. — С прошлой холодной весны. Тут стояли полтора шпангоута, еще не на киле. И киля-то не было.

— То есть поспел к самому началу, — заключил Ричардали. — Не знаю, что бы я без него делал. Все станки в рангоутном цехе на нем. И все работы на нем замыкаются. Это мой друг, — сказал он плотнику, — самый главный. А это... тоже друзья.

Все пожали руки. — Ну, не будем мешать, — сказал Ричардали. — Покажу вам мою гордость.

Они прошли по светлому цеху, узкому, но просторному — благодаря тому, что работали всего несколько человек; а готовые детали были подняты к высокому потолку; только ровно сложенные длинные доски занимали место у стен. Ричардали остановился у еще одного станка.

— Моя любовь, — сказал он, — и мой конь, мой штурвал... короче — рабочее место. Драгоценный мой рейсмус, самое первое, вместе с циркуляркой, что я приобрел. Не скажу, сколько километров доски пропустил сквозь себя. Если сломается — всё тут остановится; оттого я к нему никого не допускаю. После каждого изделия разбираю, смазываю валы, промываю растворителем от смолы. Этот станок видел только нашу сосну... Еще одна характеристика — очень важная. Видишь, он на станине стоит. Какая самая первая у нас нехватка, после количества людей? Место. С местом просто катастрофа. И ничего не сделать, его столько, сколько есть, и неоткуда взять больше. А у «Неба» грот-мачта — 25 метров; фок поменьше, но того же порядка. А теперь смотри: 25 метров — это 25 метров перед станком, и 25 метров за ним — чтобы провести через него заготовку. Перестраивать цех? Сносить дверь и строить снаружи навес? Скажу не стесняясь: моя была рагуха. Станок достаточно легкий. Мы подсовываем под него рохлю... И тащим его под заготовкой!

Ричардали посмотрел на Белого Ворона в ожидании, не дождался и махнул рукой. — Вот что бывает, если не вовремя уйти в отпуск. Отстал от дел, — с сожалением сказал он. — Нет, ты не понимаешь! — Он снова возгорелся. — Какой это варварский способ! Десять человек: восемь держат заготовку; один тащит станок впереди; а я толкаю. — И все смеются. Но работаем. Даже ничего не сломали. И знаешь что я тебе скажу? — работаем лучше всех.

У нас есть секреты. Не стану их разглашать. Одну деталь приоткрою. Какой главный недостаток деревянных судов? Наружную обшивку делают из сравнительно коротких досок — при их подгонке возникают неровности, увеличивающие сопротивление воды. Самая большая длина досок без дефектов, какие бывают на материке, — метра два. Так вот у наших сосен семь. Я не знаю, где я бы такие нашел и во сколь-

ко мне бы это влетело. Мы попали в мировой запрос на естественные материалы. Считается же, что наши суда цельнодеревянные. На деле, конечно, не так: но у «Неба» шпангоуты не железные, а из той же сосны. У нас есть кузнечный цех... со всем мы сами не справляемся; я сотрудничаю с одной фирмой на берегу. Но «Небо» будет наше целиком. Клиперные обводы — какая форма! при длине 48 метров всего 8 в ширину. Он отвечает принципам теории волновых линий: в воде движется как рыба. Прежде чем я решился в это ввязаться, я читал и считал почти год. Этот трехмачтовый парусник будет ловить самый легкий ветерок — «Небо»! — но при дизельном двигателе, на солярке, как грузовик. Сейчас пойдем посмотрим на корпус. Доводка будет на верфи на воде. Спуск на воду более сложная история, до конца еще этот процесс не проработан, он еще обсуждается. Все, что вы видите здесь — система, и эту систему собрать — со всеми узлами, со всеми блоками, — соединения между собой рангоутных деревьев, все веревочные части, механизмы — все это делается после спуска на воду. Вообще, очень много ручной работы — это тоже мировой тренд: мода на все аутентичное. Я вас не утомил?

— Куда корабль пойдет? — спросил Белый Ворон.

— На аукцион, — не задумываясь ответил Ричардали. — Хотя... об этом рано. Может быть, я его так полюблю, что не смогу с ним расстаться — тогда подсунем что-то из наших. Но скорее всего придется отдать. У нас большие расходы; а будут — еще больше, он и задумывался как скачок в этом смысле. И я хочу высадить тик — знаешь, ведь его можно совсем не красить! Но сомневаюсь. Классическая конструкция требует древесины высочайшего качества — конечно, наша сосна этому отвечает. Но эпоксидные клеи сейчас настолько хороши, что снимают все вопросы. Тик или дуб — их тоже можно клеить, но в них природные кислоты и масла, которые ухудшают прочность шва. Долговечность корабля будет под сомнением. Я бы наоборот, вообще отказался от лесонасаждений! — тогда можно будет расширить цеха. ...Но нет, пока еще это наше всё. Тысячи тонкостей. Давайте на выход.

Снаружи их ослепило солнце и ветер. Ричардали остановился перед небольшим, сравнительно с остальными, вагончиком:

— Парусная мастерская. Тоже мельчайшие хитрости в изготовлении люверсов и пришивании ликтросов, сборивании паруса — от степени которой зависит его пузатость, а инструкций нет. Интуиция! Справляются только женщины. Острота чувств на грани с волшебством — а сила не женская нужна. Один из самых востребованных инструментов, рядом с иглой и наперстком-гардаманом, — пассатижи. — Он обратился к девушке. — Тебе скучно с нами. Я освободил от работы барабанщицу Кэт. Иди туда, спроси ее, она тебя отведет покататься на доске. Умеешь ходить на парусах? Только возвращайтесь пораньше, ей нужно будет переодеться к концерту.

«Небо» — может, это и был самый прекрасный корабль, но понять это было пока невозможно. В огромном ангаре, собранном из какого-то белого полупрозрачного материала, стояло что-то, занимающие его почти целиком, — но опутанное тоже целиком паутиной лесов, сколоченных из таких же желтых досок.

— Подождите, — сказал Ричардали, и исчез в этом переплетении.

Между лесами и стеной ангара было свободное пространство — ну как, свободное: везде лежали штабеля. Человек шесть, в комбинезонах и касках, работали и здесь — с ленточными пилами, шлифмашинами и ручными рубанками. Другие цепляли на крюк, спускающийся с потолка, по рельсам на котором ездил стрела, доски — и подавали их вверх.

Хлоп! С лесов, с двухметровой высоты кто-то спрыгнул — точно перед ними приземлился.

— Белый! Слышал, что ты пришел — только я спал. А утром вспомнил: да я столько уже всего слышал, что и на этот раз усомнился.

Это был верзила с Быкмедведя ростом, в таком же синем комбинезоне, как у Ричардали, но прямо на голое тело.

Босыми ногами он стоял на опилках и обрубках, не обращая никакого внимания на опасность занозить пятку.

Лицо у него было бесформенное, как блин, к тому же перегорелый — но с прекрасной и открытой улыбкой.

— Бурый. Привет, — Белый Ворон улыбался своей — кажется, первый раз, как они здесь появились.

Перескочив с ноги на ногу, тот отступил на шаг, оглядывая Белого Ворона сверху до низу:

— Слышал — тебя поймали, арестовали, велели паспорт показать. Заставили работать на победителей. Слышал, ты летаешь в облаках, перехватываешь ракеты средней дальности! Говорили, ты теперь диктором на телевидении. Говорят, ты надел черные сапоги и собираешься сменить власть так, чтобы никто не заметил разницы!

— ...да разве ж я стану работать? — отвечал Белый Ворон.

— Ну?... а я, вот видишь, попался. — Детина с комическим удивлением глянул на большой деревянный молоток у себя в руке. — С утра до ночи доски грызу, как жук-древоточец! — только и радости трудящемуся человеку, что... бульк! Здесь и химики, и инженеры: сладили мне аппарат; а сам знаешь кто увидел — расколотил киянкой, а меня хотел ссадить на берег долой — да я не дался. — Он кивнул на работающих и ухмыльнулся. — Без меня они все пропадут. Гну права. Присматриваю за хозяином, не позволяю прибыль пустить в производство, а заставляю елочки садить да ремонтировать скамейки, да девкам на конфеты, да не забывать перекуры, не работать свехурочно, подбиваю коллектив, — короче, мучу воду в ступе! Ну, дай я с людьми поздороваюсь. — Детина сделал шаг, занося руку для хлопка. — Бурый.

— Серый, — сказал Заяц. Не зная, как тут у них принято, тоже выставил руку — шлеп! — ладони их звонко встретились.

— Бурый. — Детина повернулся с рукой на отлете к Бык-медведю. — Ого, — сказал он, задержав ее в воздухе.

Поднял молоток в другой руке и повертел. Ухмыльнулся — опустил. И опять размахнулся ладонью: — Эрик.

Шмяк! Рука Быкмедведя не шелохнулась.

— Ого, — опять сказал Эрик Бурый, и потряс ладонью, и еще на нее подул.

Появился Ричардали.

— Трапы готовы. Можно подняться внутрь.

— Наш атаман, — Эрик уставил палец в Ричардали — длинный, как стамеска, кончающийся плоским грязным ногтем, — ...и рад был бы, если б тебя, Белый, словили. Он спит и видит во сне каждую ночь, что пришло приглашение от тебя — предложение сесть на самолет со своей молодой женой и ее братцем и слетать выпить казенного рома. Да может орден какой — у тебя нет, Белый, в кармане завалящего ордена?..

Ричардали одним движением вышел из-под пальца Эрика Бурого и махнул остальным рукой.

— А что ж ты тогда делал, Белый, — кричал Эрик им вслед, — что ты делал все эти годы? Напрасно мы ждали тебя — что ты появишься в силе и славе, с подарками от большой земли, да переведешь нас наконец на легальное положение, да освободишь от налогов?

За лесами открывалась широкая щель, по которой можно было пройти вдоль стены из желтых досок, нависающей наклонно вверх — но пошли они не туда. Поднялись по желтой лесенке следом за Ричардали — и спустились. Голос Бурого перестал быть слышен.

Погреб. Это был желтый погреб — но очень большой; уходящий в длину; в высоту же он был как погреб. Ричардали пришлось голову наклонить, проходя под верхними балками, остальные их чуть не касались — кроме Быкмедведя. Бока погреба были полукруглые, на изогнутых деревянных распорках; лежали какие-то бочки, инструменты, и доски везде, тянулись провода, свисали с балок лампы. Людей не было, только вдаль угадывались работающие двое-трое.

— Вот она вся красота... та красота, которую по крайней мере я вижу — которая сейчас здесь присутствует. Она и останется.

Голос Ричардали звучал приглушенно, дерево гасило звук, низкие балки.

— Корпус, считай, готов. Мы установили набор нижней палубы, — он поднял руку и коснулся брусьев прямо над сво-

ей головой, — и палубы выше — палубу полубака и палубу квартердека, а всего их три. Сейчас приступили к установке боковых галерей на корме — так называемые штульцы, где будет гальюн. Набор кормы полностью есть, и постепенно идем на зашивку. Внутренняя обшивка сделана вся, наружную завершим к концу весны и начнем герметизировать. Дальше настилы палуб, это подольше будет, к середине лета закончим. Насытить корабль внутренними помещениями — это ранняя осень, их тут не так... К октябрю-ноябрю хотим иметь готовый выкрашенный корпус, чтобы он был готов к спуску на воду. А дальше — зима. Всё, что вы видели в рангоутной мастерской — это всё, что выше палубы корабля. Это, как я сказал, будет собираться на воде, в следующем году. Про мачту помните? — при установке она оснащается салингом, марсовой площадкой, сверху устанавливается стеньга, потом брамстеньга, — и в итоге вырастает в 47 метров! Все мачты, все реи полые внутри — они легкие... Ну вот, — сказал Ричардали.

Вся фигура его, то, как он стоял, расставленными ногами, пригнутая под балкой голова — говорили — даже если бы он молчал.

— Ты видишь? — спросил он Белого Ворона. — Это — ты видишь? Давайте поднимемся — посмотрите сверху, то, что готово на верхней палубе... Если еще не устали.

А пожалуй, устали — Заяц по крайней мере — больше, чем если бы сам работал. Забрались по лесам — по лесенкам на лесах — на верхнем их ярусе, похожем тоже на лестницу из поперечных полос, сидел человек и что-то делал рубанком или шлифмашиной — может, это и не леса были под ним, а деталь корабля. Встали, не доходя. — Вот эти топы, — говорил Ричардали, — топ-тимберсы будут обрезаться примерно здесь, вот она, палуба, чуть ниже — как видите, наружная обшивка уже дошла почти до верха...

Голос его сливался в однородный гул, из которого высказывали слова: ридерсы... полубак... планширь... Трудно было держать внимание, оглушенное впечатлениями; еще труднее — представить, что это всё поплывет по воде. Для Зайца

это походило на какой-то дом, но большой, в котором могла бы с легкостью поместиться и жить их компания — и еще бы осталось место для десятка таких же компаний.

К его облегчению, стали спускаться. Ярусом пониже опять наткнулись на Эрика Бурого — он забивал нечто вроде деревянной пробки в круглую дыру. Он подмигнул им — и помахал своим молотком.

— Работает за двоих, — говорил Ричардали — он ушел с Белым Вороном несколько вперед; Быкмедведь отстал, поглядывая по сторонам; Заяц, как всегда, хромал сзади. Двигались в обратном порядке опять мимо всех корпусов, туда, где подъехал за ними — надеюсь, автобус.

— Ест за пятерых — а пьет как лошадь.

Он оглянулся и остановился, поджидая их. — ...Я бы его прогнал, — взглянул на Белого Ворона и закончил жестко: — Он мне здесь мешает. Взял бы двух специалистов взамен. Но на берегу он пропадет.

— Что он тебе сделал? — спросил Белый Ворон. — Раньше вы на пару всё успевали.

— Я бы тоже запил, — проворчал Быкмедведь, подходя. Он всё слышал. — Скучно тут.

— Скучно?

Ричардали уставился на него, не понимая. — Я тебя завтра поставлю на лесопилку, — сказал наконец. — Больше ты вряд ли с чем справишься. Тогда увидишь, как тут скучно.

Ричардали с ними не поехал — из автобуса было видно: кратчайшим путем отправился в мастерскую. В гостинице застали Лодку, моющую пол: статная, высокая, не сгибаясь, водила она шваброй. Она им милостиво улыбнулась. Похоже было, никто тут не присаживается и на минуту.

Заяц же поднялся наверх, в комнату, которую ему отвели, и лег на кровать — вытянуть ноги. Проснулся он с пустой головой. В гостинице тоже пусто. Все ушли, его забыли; скорее, не захотели будить. Чувство, не отпускавшее его с тех пор, как они здесь очутились, усилилось многократ.

Он начинал понимать, почему Ричардали называют солнцем. И хорошо, если это солнце вдали. Ричардали сжигал. Огнем, который у него внутри. Даже Быкмедведь не выдержал этого пламени. Белый Ворон, правда, в нем высветился. Но Белый Ворон не в счет.

Заяц потрогал свой нос. За дорогу он, кажется, научился драться. Но это умение здесь бесполезно. Еще он когда-то был охотник. — И это не годилось. Ричардали доставал его тут — в комнате, где нет, кроме него, никого. И единственный способ уйти в тень был: начать что-то делать.

В кухне ждал его обед, прикрытый тарелкой. Заяц под нее не заглянул. Он еще не поработал на обед.

Дорогу на автобусе он запомнил.

У цехов что-то изменилось. Днем снаружи людей не было — кроме тех, кто вносил что-нибудь в них или шел по какому-то делу из одного к другому. Теперь покуривали группки; тоже не многочисленные. В главном ангаре, где корпус корабля, кое-кто оставался, и еще в рангоутном цехе, который показывал Ричардали сегодня: восемь человек заканчивали выборку паза на заготовках для бизань-мачты. Но основная масса ушла. Рабочий день кончился. Заяц, пытаясь переварить увиденное и услышанное, проспал пять часов.

Он этого не знал.

Хромая, он направился к ближайшей такой группе из четырех человек. Они примолкли и стали на него смотреть.

— Где... Ричардали? — спросил он.

Он хотел сказать «Белый Ворон» — но в последний момент постеснялся.

— Зачем тебе... Ричардали? — спросил один с улыбкой.

Он был похож на плотника, с которым утром их Ричардали знакомил. Но пониже и поплотней. В ухе у него была серьга — как у Ричардали.

Другой спросил, кивая:

— Что у тебя?

— Это? — Заяц посмотрел. — М...меч, — сказал он.

Он сам не знал, зачем его взял. — В то же время с ним, пусть бесполезным, он чувствовал себя... Да: прошедшим всю дорогу, что он досюда прошел. Если бы ему дали какую-нибудь работу — он отложил бы его в сторону и начал делать. Но меч был бы при нем.

— А если бы у него была медаль, что дала им Шюларюн? Он бы и ее нацепил?

Заяц что-то вспомнил. Медаль... ее нет у Быкмедведя, потому что...

Но он сейчас же об этом забыл.

Они переглянулись.

— Ты можешь носить меч? — спросил первый.

— Ты, может, рыцарь? — подхватил второй.

— В смысле — тебя посвящали? — опять первый.

Двое остальных просто смотрели на Зайца.

Заяц почувствовал себя как на кухне у Шюларюн — где Белый Ворон с Шюларюн играли в загадки!

Но там от него не ждали ответа.

— ...Корова никогда не трубит в собственные рога, — вместо него изрек третий.

На вид он был самый старший. Сухое, загорелое лицо, с тонкими чертами; а на голове голубая косынка, повязанная точно так же, как у Ричардали. Они тут все были как-то похожи. Как будто разобрали Ричардали на части — и каждый взял себе какую-нибудь.

Пыхнув два раза сигаретой, он бросил ее в урну щелчком.

— Сейчас мы его посвятим. — Идем, — коротко скомандовал Зайцу.

Они проследовали мимо цехов. Шли в молчании, не обращая внимания на любопытные взгляды таких же компаний — которыми те их провожали, особенно Зайца. Оказавшись наконец на задворках — здесь валялись груды коры, какой-то лом; стояла деревянная будка, похожая на туалет, какой у Зайца был в огороде, — предводитель остановился.

Все тоже встали. Полукругом, точно ждали, что Заяц начнет с ними драться. Что — со всеми четырьмя?..

— Во времена Утера Пендрагона, — заговорил старший.

...когда он был королем и властвовал над всей землей, герцог со своей женой предстали перед королем, и стараниями баронов примирились они друг с другом.

В это самое время прискакал туда вдруг рыцарь в доспехах и на могучем коне и силою увез с собой ту даму, как ни плакала она, ни кричала. И король был рад, когда они уехали, ибо очень уж много от нее было шуму.

Но как только король Утер узнал об их столь внезапном отъезде, разгневался он ужасно.

— Я скажу тебе, — молвил король. — Я болен от ярости и от любви к прекрасной Ингрейне, от которой нет мне исцеления.

— Сэр, — отвечал ему Мерлин, — не должно вам лежать тут, как вы лежите, место ваше — на поле брани, пусть даже отвезут вас туда в повозке.

Похоронили его, как подобало королю, а королева, прекрасная Ингрейна, сильно убивалась, и с нею все бароны.

— Ибо, — сказал тот, — никогда в этом мире нам больше не встречаться, не расставаться.

— Хорошо вы говорили, — сказал король Нантрес. То же сказали и король Карадос, а с ним и король Уриенс; так сказали король Идрис и король Брангорис; также и король Крадилманс и герцог Канбенет; то же сказал и король Кларенс, а также и король Ангвисанс. Потом починили они свои доспехи, выровняли щиты, взяли новые копыя и уперли их каждый в бедро и так стояли недвижно, точно лес стоячий.

Так они бились друг с другом, покуда совсем не задохнулись.

Латы их расклепались, и тела их были обнажены.

После того выехал сэр Плацидас, добрый рыцарь, против сэра Кэя, и поверг его наземь, и коня и всадника, и тогда разгневался сэр Гриффлет, выехал на сэра Плацидаса и с такой силой его поразил, что рухнул тот наземь вместе с конем.

И еще прибыл один король, который именовался Корольс-Сотней-Рыцарей, но, впрочем, было и у него самого, и у его людей прекрасное оружие и во всем полное снаряжение.

А тут поднялся простой люд Карлиона с дубинами и дрекольем и перебил многих рыцарей*.

...Глаза третьего были под цвет косынки — светло-голубые, и этими своими прозрачными глазами он, прищурясь, разглядывал Зайца.

— Всё ли ты понял; и хочешь ли ты? Чтобы от лица великого и тайного ордена Тиланиты, во исполнение миссии, которую мы тут представляем... — Он посмотрел на своих товарищей справа и слева. — Мы тебя посвятили.

— Хочу, — подсказал Зайцу четвертый, тот, что до сих пор молчал.

— Говори, — толкнул Зайца в бок самый первый, — а иначе как тебя посвящать, если ты сам этого не желаешь?

— Молчите. — Голубоглазый сверкнул на них глазами. — Пусть отвечает сэр С-Мечом-В-Мешке.

Заяц много чего слышал с того дня, когда он ушел из деревни.

Он слышал, что рассказывал Белый Ворон, и что рассказывал Быкмедведь. Слышал он, что рассказывал Лучи На Повороте, и что рассказывал Накуртка, и что рассказывала Шюларюн. И самым последним он слышал, что рассказывал Ричардали.

Но никогда он еще не слышал такой ахинеи.

Но он был здесь.

Не стремился сюда, и не хотел занимать чье-то место, и не знал, сумеет ли тут что-то делать. Но он пришел. Он не спрашивал: а значит, заранее согласился.

— Х-хочу.

Все четверо смотрели на него.

— Опустит голову, — наконец сказал старший. Он огляделся и подобрал с земли кусок коры.

Хлоп! — размахнувшись, приложил Зайца по макушке. Кора разлетелась, труха посыпалась Зайцу на плечи.

---

* Это книга Томаса Мэлори про короля Артура. Третий-в-косынке пересказал ее наизусть. Но кое-что перепутал!

Заяц поднял голову и посмотрел на них.

Все молчали.

— Что-то не то, — высказался последний, четвертый.

— Ты что-то перепутал, — заметил самый первый.

— Забыл, — второй.

— Неужели. — Голубоглазый в задумчивости трогал свой подбородок. — Ну да, — спохватился он. — Как это я. Конечно. ...Но где же меч, коим быть ему посвященным в рыцарское достоинство? — провозгласил он.

— Вот он, — подсказал первый.

— Извлеки его из ножен, — подхватил четвертый; но голубоглазый в косынке остановил его жестом руки и завершил:

— ...и проси у меня, чтобы я произвел тебя в рыцари.

Заяц стал разматывать мешковину. Ну он и запутал ее — пришлось помогать зубами.

Мешковина упала. Все молча смотрели. Неизвестно, что они ожидали увидеть.

Первый раз Заяц его видел при свете.

Солнце спускалось.

— Хорошая работа, — сказал голубоглазый каким-то другим голосом. — Дай сюда. — Он протягивал руку. — Повернись. Еще. Еще. Вокруг себя. Три раза.

— Рыцарем-то я тебя сделаю. — Заяц почувствовал еще один удар — мечом, плашмя, по затылку.

— Закрой глаза.

— И уши, — сказал голос первого.

— И досчитай до трехсот шестидесяти пяти, — второй.

— И зайди в помещение перед собой.

— И присядь.

— И свободен.

Заяц уже считал. Если бы он повернулся — то увидел бы, что четверо уходят.

Но он не поворачивался.

— ...триста сорок пять, триста сорок шесть, триста сорок семь, триста сорок восемь, триста сорок десять, триста пятьдесят... Триста пятьдесят один, триста пятьдесят два, триста

пятьдесят три, триста пятьдесят четыре, триста пятьдесят пять, триста пятьдесят шесть, триста пятьдесят семь, триста пятьдесят восемь, триста пятьдесят девять, триста шестьдесят, триста шестьдесят один, триста шестьдесят два, триста шестьдесят три, триста шестьдесят четыре, триста шестьдесят пять. — Заяц открыл глаза.

Никого не было.

Он повернулся. Меч лежал на земле. Рядом валялась мешковина.

Он хотел было нагнуться за ним — но вспомнил, что ему велели зайти в коробку.

Это и вправду был туалет.

«Тум-тум-туммм. Тум-тум-ту-дум. Тум-тум-туммм... тум, тум».

На деревянной сцене стояли музыкальные инструменты. Во-первых назовем, хотя и в последних рядах стоящую, барабанную установку из пяти барабанов — большой бочки, двух средних, одного самого большого напольного барабана, и малого, а также еще и тарелок. За установкой сидела барабанщица Кэт, старший мастер парусного цеха. Она потрагивала барабаны палочками, иногда нажимая на педаль и извлекая «бум».

Во-вторых, все остальные. Их было человек пятнадцать, а могло быть гораздо больше: все жители города умели на чем-нибудь играть и раньше каждый вечер давали друг другу концерты. Одна половина играла, вторая слушала; потом менялись местами и вторые играли, а слушали первые; пока и те и другие не стали говорить: «Я это уже слышал». В качестве компромисса был избран духовой оркестр, не потреблявший электроэнергию и исполнявший фокстроты и мазурки.

Сегодня концерт давал Ричардали для своих гостей, и поэтому на сцене были его ближайшие соратники, включая Поляна Береговича: Садыков, Димон Геноцид, Ричи Блэкмор, Джим Моррисон, Гребенщиков и другие. Они прохаживались по сцене взад-вперед, переговариваясь с помощью своих инструментов: электрических гитар, скрипок и

грушеобразных микрофонов. Удивительно, как они не запутывались в проводах.

Провода шли от ветряков, которые питали и гостиницу. Для стройки корабля их было недостаточно; там работали несколько дизельных генераторов.

Заяц пришел с мечом. Он его не заворачивал в мешковину — решил, что больше не станет; а что потом — потом. Он шел вверх, и на свет — туда, где наверное увидит тех, кто его оставил одного в гостинице. Но увидел чуть раньше, чем ожидал.

Пёс. Его нашел. В темноте. Обрадовался ли он? — да чуть не задохнулся. Он думал, пёс уже никогда не будет его. Он и не был; но нашел же? — нашел! Они шли, вдвоем, перед ними расступались: перед псом — и затем взглядывали на Зайца: на его меч. А была-таки порядочная толпа. Все живущие на острове собрались. Скамеек не хватало, многие сидели прямо на земле, хотя вечер спустился холодный. И ветер. Горели костры, на отходах деревьев, которые автобус привез с лесопилки. Кое у кого в руках были смоляные факелы; такие же торчали из земли перед сценой.

В толпе они с псом увидели остальных, и протолкались к ним. Она была здесь. Даже в темноте было видно: лицо ее загорело. Волосы разметались. Зажигала спички и поднимала их над головой. А что делали остальные, пока его не было с ними, — может тоже гуляли, или работали с Ричардали.

Музыканты настраивались; кто-то садился и играл — но тут же зачин мелодии сменялся опять какофонией звуков. Всё «уа», да «вззы», да «умм».

В темноте появилась еще одна фигура.

Выше окружающих на голову, она двигалась, спотыкаясь. На метр от нее создавалось свободное пространство — все как-то отходили, словно не желая вступать в разговоры.

Но Белый Ворон не отступил.

— Белый.

В руке Эрика Бурого, которой он раньше держал молоток, была теперь черная бутылка — копия той, что они видели у Шюларюн. Он запрокинул ее и застыл в позе горниста — словно, наперекор звучащей, со своей, неслышной музыкой.

Опустошив наполовину, сунул бутылку Быкмедведю. Быкмедведь повертел ее и тоже глотнул — один раз. Но не передал дальше, а вернул Эрику.

Эрик принял, не уронив. Он раскачивался — как будто не твердая земля была у него под ногами, а палуба корабля — но каким-то чудом удерживался стоя. Был он таким, как днем, в том же комбинезоне на голое тело и с бесформенным, как лепешка, лицом. Была и разница: он не улыбался.

— Что ты здесь делаешь, Белый? Проваливай отсюда. Тут негде тебе приземлиться.

Белый Ворон взял бутылку у него из руки — не отпил, а перевернул. Полилось на землю. Он ждал, пока не вылил всю, а потом отбросил ее в сторону.

Эрик смотрел, не протестуя. Теперь он начал икать.

— То же, что и ты, Бурый, — сказал Белый Ворон. — Помогал Ричардали.

Эрик покачал головой. — Он не нуждается в помощи. — Он несколько раз икнул, молчал, пережидая. Потом сказал: — Ему было нужно... если бы ты... — Новый приступ икоты.

— Это ты говорил, — сказал Белый Ворон. — Что здесь получают они? Всё остальное я понял.

— Ч-ч-ч... что и везде, — сказал Эрик. — Деньги есть — калачики ешь. Денег нет — поколачивай плешь!

Он присмотрелся к Быкмедведю — как будто примеривался, не хлопнуть ли того по загривку. Но передумал — и шлепнул себя: аж присел.

— Что они с ними дальше делают? — На лице Белого Ворона не было улыбки. — Ходят дарить друг другу?

— Спроси у них, — предложил Эрик. — Может, складывают в сундуки, в ожидании, когда сойдут на берег и начнут их тратить.

— Многие сошли? — продолжал допрашивать Белый Ворон.

— Н... никто. — Эрик икнул. — Что ты ко мне привязался? — спросил он угрожающе. — Я неясно сказал — пролетай! Дополнить? — Он поднял руку и толкнул Белого Ворона в грудь.

— Ее вот можешь оставить, — продолжал Эрик.

Тяжелой ладонью он схватился за плечо девушки.

Зайцу не нужно было искать меч. Меч был при нем. Всем видный. Кроме Эрика: у него, должно быть, в глазах помутилось.

Оставалось отшвырнуть его в сторону — и прыгнуть на Эрика — не смотря что тот Бурый. Несмотря на то, что нос у него еще плохо дышал.

Быкмедведь опередил.

Аккуратно поднял руку Эрика у девушки с плеча — и опустил. — Разговариваешь — так разговаривай, — буднично посоветовал он.

Она вертела головой — то на одного, то на другого. Оживленно блестела глазами. Ничего не поняла.

— ...О чем? — Эрик заморгал.

— Ты что-то спросить хотел? — обратился он к Белому Ворону.

Но сам вспомнил:

— А, деньги. Я не в курсах их бухгалтерии. Мне ничего не полагается. Я всё пропил. А Ричардали на деньги плевать. Всё держит Лодка. Парк... Лотос... Суни, — произнес он, икая после каждого слова. — Ричардали спрятал свои запасы заморских вин под ключ. Так я к ней подкатился. Тары-бары, прошлые заслуги, да всё нахваливал ейного мужика, какой он был молодой. Там поди полных бутылок и не осталось — все перепробовали мы с нею под разговоры.

— Ричардали, — сказал Белый Ворон.

— Ричардали — что? — Эрик уставился на него. — ...А Ричардали — самый бедный, — сказал он.

— Ходит, и всё занимает, и занимает. И всё новые и новые выдумки... и новые... и новые. Всем он тут должен. На сто лет вперед. Потому и не уходят, наверно. Слишком много

каждому задолжал. А может, ждут, когда всё навернется, чтоб раздербанить то, что останется. Мне почем знать? Говорю, ко мне это не относится.

Он подумал, покачался:

— Если он ослабеет — его свалят. Здесь есть мастера не хуже его. Почему они должны это терпеть? Он этого не понимает. Спятил Ричардали. Умишком повредился. Рвется — а на нем, как ядро, висит. Приковал себя. Ходит, вынюхивает... чего ищет? Есть только то, что есть. Ниоткуда ничего не взять. Всё так плотно. Он загоняется: как мопед — стоит, пока едет. Сколько осталось...

— ...Одна ошибка — и приплыл. Такое будущее, — заключил Эрик. — Я это вижу. Потому и пью.

— Толкать падающего не буду. Мне он ничего плохого не сделал. Но и защищать не впишусь. Здесь другие лица были, и иначе всё начиналось. Завалюсь в кусты; а проснусь — будет всё позади.

— За один раз его может не кончат. Если сообразят. Как письмо — только без адреса. Топтать нужно напоказ. Чтоб слух разошелся — чтоб весь белый свет смотрел. И тогда его друг — который летает неизвестно где — бросит всё, и примчится. И тогда они бросят Ричардали, с его дутым величием, — и выстроятся в очередь. И получают, что кому причитается. За свой труд...

— ...Но ты здесь. — Эрик уставился на Белого Ворона в каком-то недоумении — словно вот сейчас только его встретил.

— Никогда он тебе не скажет — и намека не допустит — как он тебя ждал. Это был его шанс. Ты мог всё спасти. Вывести на другой уровень — так, чтобы им было его не достать. Но не захотел. И правильно. Топи его вместе со всеми.

— Где выход, — спросил Белый Ворон. Он молча слушал Эрика вместе со всеми.

Эрик вздрогнул, как будто проснулся. Растопырил руки и посмотрел на них. — Но бутылки не было в его руках. Укоризненно он глянул на Белого Ворона:

— Посмотри.

Он повел рукой в темноту.

— Нравится? Белый? Ну, хорошо, ведь правда? Не сравнить с тем, что на берегу! Я в этом тоже принимал участие. И культурный отдых... Надо это всё сжечь.

Толпа отшатнулась от него. Эрик развернулся — и побрел, один, в темноту, разыскивая свою бутылку. Но оглянулся и проорал: — И начать всё с начала!

— Лети, Белый! Лети! Начинай — всё — с начала!..

11. ПЕСНЯ ПРО КАПИТАНА

Музыканты сладились и заиграли все вдруг. И громко! Усиленный электричеством звук поднимался над городом и спускался потом вниз, чтобы позабавить рыбы стаи. Барабанщица Кэт барабанила по своей установке.

Толпа заволновалась, те, кто сидели, встали. Задние начали пробираться вперед. Круговоротом людей Зайца, вместе с мечом, отнесло от своих. Притерло к кому-то вплотную — оглянувшись, он узнал того, кто его посвящал, — вожака. Тот тоже его узнал — в глазах его появилось что-то — а потом он улыбнулся и, освободив стиснутую боками других руку — протянул для рукопожатия.

Но как притерло — так и оттерло. Обменяться приветствием они не успели.

Открылась занавеска позади сцены и вышел Ричардали. Музыка враз смолкла. Вся площадь, сколько ее там было — на скамейки даже встали ногами, чтоб лучше видеть — захлопали и засвистели.

— Капитана! — слышались крики. — Давай капитана!

Ричардали был как есть — в той же рабочей одежде. Он подошел к переднему микрофону, взял его и сказал:

— Какой, к черту, капитан. — Усиленный микрофоном звук покрыв весь шум снизу. — Тише сделай, — сказал он

человеку, который рулил всеми звуками на пульте внизу перед сценой.

— Новую придумал. Ночью, — сказал он после этого, и улыбнулся как-то по-детски.

Свист и топот взметнулись выше прежнего. А Ричардали сразу начал.

ПЕСНЯ ПРО КАПИТАНА И БОЦМАНА БРОДА № 3

— Простите, сэ, назойливость такую,
Позвольте мне задать один вопрос.
Ужели здесь напрасно мы кукуем —
Тверды и одиноки, как утес? (вариант: и мучит нас
то рвота, то понос)
Нельзя ли стать так, что мы дождались,
И что сей миг и есть — то, что прийти могло б?
И только оглянуться нам осталось
И лавром увенчать взаимно лоб,
И лавром
увенчать
взаимно
лоб.

Ричардали пел не так, как Лучи На Повороте. Собственно, не пел — просто почти говорил. Можно даже подумать бы так: работал он лучше, чем пел. Но вся фигура его, то, как он стоял, расставленными ногами на сцене, точно несгибаемый дуб, на ней выросший, или, верней, всё и все — выросли вокруг него, — говорили — даже если бы он молчал.

И капитан ответил:
— Боцман Брод,
Закройте свой лукавый, лживый рот.
Разуйте глаз,
Карман держите шире:
Нет дел до нас
Тому, кто в этом мире
Назначит срок,

«Та...дám!» — сыграли музыканты.

Или продолжит срок,

«Та...да́м!»

И выдаст
то награду,
то урок.

Кривить душой не стоит из того —
Что мы
не получаем
ничего.

Выскочил Полян Берегович и залудил соло на электрогитаре — но Ричардали повел головой — стушевался и исчез. Барабанщица Кэт задавала такт, как метроном: раз, два, три, четыре; та-дам! два, три, четыре... — каждую сильную долю отмечая напольным «бук». В общем-то, это был марш; даже танго: с синкопой перед сильной. А тут вдруг вальс пошел — пробил на три четверти.

И оба повернулись прямо к морю,
А там, бушуя, пенилась вода.
Но это было бы еще не горе —
И это была б вовсе не беда — когда
бы

беспощадно-белый
парус

Вспорол бы синь, идя по курсу к нам,
И только б оглянуться нам осталось
На брошенный и бесполезный хлам...
На брошенный
и бес
полезный
хлам.

Но сроки истекли, пробил склянки:
Баковым — на бак,
ютовым — на ют,
шкафутovým — на шкафут!

Мы покидаем ясную полянку,
Которая дарила нам приют
В беспочвенном и долгом ожидании
В слившемся две судьбы в одну желаньи

Скорей вступить
На тот высокий путь
Где каждый
Получает
Что-нибудь.

Что было дальше в той песне, никто не узнал.

Прозвучала фальшивая нота.

Ричардали гневно оглянулся — вдруг лицо его изменилось — он взмахнул микрофоном, пытаясь удержаться на ногах... Как! стоя на месте! — Но он не стоял уже на месте.

Сцена встала под углом 45 градусов.

Заяц почувствовал, что и сам он стоит под углом 45 градусов.

А потом всё посыпалось.

Визжали женщины, кричали мужчины, и отчаянно лаяла на какого-то невидимого врага рыжая Джес. Пёс — нет. Он не лаял. Никогда.

Прямо перед Зайцем оказалось вдруг лицо Белого Ворона — постаревшее за секунду на сто лет. Он разомкнул рот. В крике и грохоте Заяц слышал так отчетливо, как в абсолютной тишине:

— Танит — это не камень, — сказал он.

Огромная волна накатила на город.

Зайца потащило, кувыряя с землей, камнями, музыкальными инструментами, скамейками, урнами, людьми — которые, махая руками, искали ухватиться за дерево.

Но не было деревьев.

Танит уходил в глубину. Он поплавал кругами, создавая страшные водовороты, чихнул, выпустил несколько фонтанов подряд. «Долго я спал», — подумал он. Во сне он слышал, что на спине его что-то происходило. Стало теплее. Потом холоднее. Что-то ползало. Чем-то щекотали. Потом этого всего стало слишком много.

«Мухи», — подумал он.

«Одна муха — это еще не мухи», — подумал он сам себе, плеснув мощным хвостом, устремляясь вниз.

Вести диалог ему тут было не с кем.

Зато были корабли. «Небо», конечно, утонуло — последняя волна накрыла недостроенный корпус. Но другие удержались. Люди уцелели все. Это было и хорошо, и плохо. Плохо — потому что места мало; а хорошо, что никто не пропал — хотя многих вылавливали всю ночь, кружа на месте, где только что был город, и дома, и цеха, всё. Все умели хорошо плавать. И было много спасательных средств: кругов, жилетов, шлюпок, канатов. Всё время готовились к этому. Даже занятия специальные были по подготовке. Но думали, что это не понадобится. Люди всегда так думают.

Только когда рассвело, и пересчитались сто раз, по спискам, и по рации сказали — что всё, все есть. Вдруг поняли: одного не хватает. Ричардали!

Он стоял внизу один на шлюпке — такой маленький отсюда. Вроде бы совсем наверх не стремился. К нам спиной, смотрел на будто бы покрывшуюся маслом воду. ...А не было места. На палубе всех прижало друг к другу, как сельдей в бочке.

К краю пробился Эрик Бурый, с могучей силой расталкивая оказавшихся на пути. — Потеснились! — гаркнул он. — Или я тоже туда спрыгну. — Он сунул два пальца в рот и оглушительно свистнул. Ричардали оглянулся. Свесившись за борт, Эрик протягивал ему руку.

Их высадили на берег самыми первыми, в темноте. На том же месте, где и взяли. И после этого Ричардали отправился обратно, где будет на шлюпке спасать нанизавшихся

на плавающие полые внутри фок- и грот-мачты утонувшего «Неба», и последним взойдет на корабль, и под утро уже маленький караван кораблей стронется и двинется в открытое море — с ним и с теми же, кто с ним был на Тиланите.

Он не попрощался.

12. БЫКМЕДВЕДЬ ГОВОРИТ

Костер догорал. Досок прибило к берегу не слишком много. От чего они были — от лесопилки, или от утонувшего «Неба»? А кто знает.

Сидели у огня, оглушенные и вымокшие до нитки. Пёс ходил по берегу, взад-вперед — что он там искал, в темноте? Смотрел туда, откуда приплыли. Ничего там не было.

У Зайца меч лежал под боком. Мешковина утонула — но меч он не выпустил. Ни теплее от этого не делалось, ни светлее. Его потряхивало. Одно только хорошо: под собой он чувствовал твердую землю.

А нет, наступило. Как-то незаметно стало всё видно вокруг. Солнца нет ни вдаль, ни вблизи, но головешки костра посерели. Пришел новый день.

Быкмедведя не было — он отошел куда-то вбок, в кусты, за дюну. Потом он вернулся. В руках у него было ружье. Это было не ружье, не мултук. А автомат Калашникова.

— Руки вверх, — сказал он.

Белый Ворон на него едва глянул.

Заяц пошевелился. Дуло повернулось к нему.

— Не двигайся, — сказал Быкмедведь. — Выстрелю.

Направил автомат на Белого Ворона. — Смотри, что тут делается. Где бы ты ни появился — всё рушится.

— Не болтай чепухи, — Белый Ворон поднял глаза.

— Там один станок весил 500 килограммов. Четыре тысячи кубометров ушло на корпус. Мачта — четырнадцать этажей. Многое изменилось от того, что ты взошел?

— Вот как ты заговорил, — кивнул Быкмедведь.

— Да, — подтвердил Белый Ворон. — Просто остров на атолле. Сейсмическая активность. Мы ни при чем.

Казалось, что это всё не на самом деле. Всё было как-то обычно. Они разговаривали.

— Отпусти ее, — сказал Быкмедведь.

— Никогда не отпущу, — ответил Белый Ворон.

— Отпустишь, — сказал Быкмедведь. — Считаю до трех. Раз... Два... Три.

Пёс прыгнул.

Крови вытекло немного. Пуля попала псу в сердце. Глаза остались открытыми. Заяц выкопал мечом глубокую яму. Отошел от берега далеко, и все равно на дне показалась вода. Быкмедведь притащил пса один. С Зайцем они спустили его в могилу, и втроем закидали песком.

Девушка еще раньше ушла. Не глядя ни на кого, встала и пошла прочь.

Быкмедведь бросил сверху автомат. Патронов в нем не было.

— Тебе туда, — сказал он Зайцу. Кивнул налево. Сам повернулся и пошел вправо.

Заяц остался с Белым Вороном.

— Что ты ему сказал? — спросил он, шагая на него. — Там, у меня в доме.

— Я не знал, — сказал Белый Ворон. — Я не хотел. Болтал, что попало.

— Что?!

— Если тебя нашли на дороге — тебя и бросят на дороге.

Пёс
Карлос
сын собаки и волка,
который повел людей за собой
туда, где была Джес —
дочь собаки и человека.
Она понесла четырех щенков —
внуков собаки, и человека, и волка,
деревьев и моря,
дождя и ветра,
дождя и ветра.

Начался ветер. Он рвал одежду на Зайце. Никого не было на берегу.

Заяц встал, пошел. Он шел и шел, опираясь на меч. Он завернул его в какую-то тряпку, из того, что было из одежды. Почему он остался сидеть? Когда Быкмедведь ему сказал? Ведь меч был с ним. Он не хотел об этом думать.

Он шел и шел, где-то он ел, где-то спал. Ничего не думая и ничего не вспоминая. А потом он вспомнил.

Он оказался в каком-то месте. И тут он вспомнил, что показывала ему Шюларюн. Он огляделся. Место это показалось ему похожим на то, что она показывала. Там стояли три дома, три дома. Их было три. Он выбрал себе один. Каменный дом, в два этажа, разрушенный, без перил на лестницах, но жить можно. Он нашел комнату, в которой не было вообще ничего. Ни кровати, ни стола, ничего. Надо где-нибудь найти кровать и притащить.

Надо сказать о сворованном. Вся корабельная оснастка и кораблестроительство украдены из интервью строителей 54-пушечного парусного линейного корабля «Полтава» — с некоторыми поправками, обусловленными характеристиками «Неба». Абзацы при посвящении в рыцари — из книги Томаса Мэлори «Смерть Артура», в том числе фраза: «Рыцарем-то я тебя сделаю».

А еще: «Как! стоя на месте!» — из воспоминаний кавалерист-девицы Надежды Дуровой.

«Пора браться за оружие» — это из американской национальной песни про Джона Брауна, неправильно переведенной. Шюларюн — из припева одной композиции ирландской фолк-группы «Clannad», неправильно расслышанного. Стихи «Три красавицы небесных» — народные.

Поговорки — всех народов и стран.

Остальное ваше.

эна трамп

Книга 3

Необычайное путешествие
воробья по имени Нис
и беспризорницы Юны,
и что они там нашли,
и что потеряли

Часть 1. ВПЕРЕД, ЗА БЕЛЫМ ВОРОНОМ

1. ПЕРВОЕ В ЖИЗНИ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Поезд, идущий темной-темной ночью по черному-черному лесу. Рельсы разрезают его, как например такой торт... да? Вот разрезать его на две половинки. Ага; ну вот только теперь еще представим ползущую по этому тонкому разрезу пчелу, а еще лучше муравья. А торт пусть будет величиной с дом! Вот; тогда получится что-то вроде того, как этот поезд полз по этому лесу: трепеща; не чая... ну, чая, чая, который пьют! — ни чая, говорю, ни кофе, чтоб запить этот уж-жасно сладкий и такой... черный... Кто черный — кофе?..

Да лес!!!..

Ладно; это я от радости; а поезд — он ехал себе; а лес — был никакой не торт. А стена! — и эта стена волшебным образом расступалась, распадалась на две половинки, напра-а... — и нале-е-е-е... Во! — по мере того как поезд мчится — у-у-ууу! дым из-под колес, из всех труб искры, — ничего не боясь, куда ему надо. Но вдруг он стал останавливаться.

Почти шагом — и, по мере того, как смолкал грохот колес, вспугнутая до этого, выползала змеей из-под рельсов и поднималась над ним на хвосте, распуская бескрайнюю мантию, тишина. И огромная, черная-черная ночь приняла

в свои объятья — поезд, что черепашьям ползком взобрался на пригорок и тут остановился совсем.

Такой пригорок, поросший мягкой, уже уставшей от дымного, длинного лета травой — до самого низа, где, внизу, не было реки или озера? — поди знай наверняка, в темноте. Ни реки, ни озера, ни асфальтной дороги, желающей поднырнуть под железную (так тоже бывает)? Ни какой-нибудь даже захудалой станции!.. А тогда непонятно, с чего бы ему останавливаться в таком месте в глухом лесу посреди черной ночи — когда...

Открылась дверь в каком-то вагоне посередине состава. В девятом, вот в каком: где едет начальник поезда! — и из этой двери, под зад коленом, вылетела маленькая фигурка — и умудрилась на лету одной рукой скрутить назад фигу, а другой вставить в зубы и затянуться один раз сигаретой!

Но тут она так треснулась задом об эту ничего себе мягкую траву, что сигарета улетела куда-то как пуля, а сама — кубарем покатила вниз, под пригорок, где — теперь понятно? — на счастье, не было ни озера, ни речки! А уж в дверях вагона барахталась в сильных руках другая, еще меньше, и, успев только пискнуть:

— Я ни-ис..! — выпорхнула, как птица воробей, но не взлетела, а тоже покатила.

Дверь захлопнулась, и поезд тронулся, и через две минуты уже не было ничего, кроме черной ночи, затерянной в черном глухом лесу — ну, еще и рельсы, в которых, если приложить ухо, долго можно ловить перестук колес, уносящих поезд все дальше и дальше.

Тогда над темнотой пригорка взвилось не слишком-то вежливое:

— Гавна не жа-а-алко-о-о! — Ах, вряд ли кто-то из владельцев мог слышать гневный клич! И словно поняв это и этим раздосадован, голос решительно взял гораздо ниже: — Ну, ты чего разлеглась?.. не выспалась ты, что ли?..

— Я нис...

— Слышали уже, — отозвался бесцеремонный голос, — давай, пошевеливайся!.. Крути педали, пока не дали!..

Ну, здравствуй, беспризорница Юна!!!

Я даже сейчас сама закурю, хотя давно уже бросила, — стой; сколько же..? Десять лет. Да, десять лет прокатилось, как два пальца об ас...фальт, — а у них-то только ночь того самого утра, когда беспризорница Юна и воробей по имени Нис влезли в медленный поезд, выезжающий из города, пересекая так называемое большое кольцо, то есть автомобильную кольцевую, и весь день пролежали вдвоем в одной узкой и глубокой багажной полке над дверью в пустом купе, куда им сразу посчастливилось заскочить, — так что еще неизвестно, больше ли я отдалилась от беспризорницы Юны за эти десять лет, проведенных черт-те-где, чем сблизилась беспризорница Юна с воробьем за этот день, проведенный бок о бок?..

Да, похоже, их здорово сблизило — особенно вот сейчас, когда из тьмы в ответ на эти воинственные команды послышалось безмятежное журчание.

Беспризорнице Юне оставалось лишь фыркнуть.

А кто виноват? Что в то время, как она заснула, едва лишь ее бок коснулся багажной полки, так что даже колени остались висеть над дверью, и всякому вошедшему в купе достаточно было бы одного взгляда вверх, чтобы выйти на цыпочках и вернуться через десять минут в компании начальника поезда, — в это самое время воробей лежала, забаррикадированная ею, в дальнем углу этой жестяной коробки, ниоткуда не видная и сама не видевшая ровным счетом ничего, глотала пыль и предавалась горьким размышлениям о том, как попала она, воробей, — угодила в самую ужасную, самую тесную клетку, из которой нет другого выхода, кроме — и тут ее начало так трясти от страха, что весь вагон содрогался, — кроме как к папе и маме; она ничуть не сомневалась, что сейчас, вот сейчас купе распахнет, и в дверях встанут папа и мама:

— Посмотрите на нее! Ну, теперь мы тебя выведем в люди, — конечно, ее и раньше наказывали, но никогда еще в своих проступках она не заходила так далеко, как недвижимо запертая в этой пыльной и узкой коробке;

— и тут же она очутилась в школе, и уже не папа и мама, а учительница, поставив воробья посреди класса, говорила, показывая пальцем:

— Посмотрите на нее! Кем это она себя возомнила, — чтобы отпустить ее на место в недоброй тишине, лишь предвкусывающей перемену, когда можно наконец накинуться вместе на воробья и пихать, и стрелять в нее «модэлкой», потому что когда еще кто, вместо того чтоб сидеть в школе в учебный день, попадался в тесной и пыльной коробке?..

2. ПРИЯТНО ПОЗНАКОМИТЬСЯ

А теперь остается добавить, что Нис лежала в глубине багажной полки, не зная ничего и лишенная всякой поддержки, не имея во рту маковой росинки, не заснув ни на минуту (она сперва попыталась; и ни у нее чего вышло. Не. — От отчаяния она стала думать по-воробьиному), не смея вздохнуть или шевельнуться — а сколько ей раз хотелось выскочить и закричать, чтоб уж скорее все началось — то есть кончилось? — ровно десять часов без передышки. Все это время Юна спокойно спала (если кто забыл, где она провела предыдущую ночь — пусть читает «Начало»). С девяти утра, когда они вскочили в этот поезд — и до семи вечера, когда в пустом купе наконец-то появились пассажиры.

Папа, мама и двое толстых и крепких детей, с щеками, как яблоки, — в точности таких, какие не проходили мимо воробья в ее школе и классе!

Воробей. Сейчас. Они. Захотят поставить наверх свои сумки — потом наступит молчание на две секунды — потом оглушительный голос...

Они просто запихали их под сиденья. А сами сели сразу есть: огурцы, вареную курицу, консервы из скумбрии — нос воробья улавливал все запахи. Дети — это были мальчик и девочка — затеяли ссориться и драться; мальчик ударил де-

вочку кулаком; тогда девочка специально опрокинула на него лимонад. Взрослые стали орать на них и надавали обоим оплеух; потом все вместе принялись играть в карты. И ТОГДА СЛУЧИЛОСЬ УЖАСНОЕ.

Ей и всего-то требовался какой-нибудь глоток, чтобы утолить жажду, а последний раз она вообще пила — когда?.. вчера вечером? Словом, ей вдруг очень сильно захотелось — внезапно, то есть не внезапно, а уже давно, ЕЙ **ВООБЩЕ ВСЕ ВРЕМЯ ХОТЕЛОСЬ!**.. но она думала... но теперь было поздно.

Она почувствовала: еще минута — и конец. Воробей зажмурилась. Нет! Нет!! Раз, два... два с половиной... Два на ниточке... И по-след-ня-я се-кун-доч-ка...

— Я лезу наверх! — вдруг объявил толстый мальчик внизу, бросая свои карты.

— И я наверх! — закричала девочка. Можно было и не смотреть.

Настала мертвая тишина.

И в этот критический миг беспризорница Юна проснулась. Она свесила голову и увидела поднятые к ней четыре лица — в другое время как яблоки, сейчас каждое было как булка — довольно-таки длинный батон.

— Здрасьте, а это вы тут теперь едете? — сказала беспризорница Юна.

Она сбросила ноги вниз. И моментально оказалась на полу... Однако когда с багажной полки выглянула вторая голова — с косичками! — осторожно, но очень-очень быстро воробей стала спускаться — лицо у мамы сделалось белым, как скатерть; папа стал пунцовым, будто в горле у него застряла кость от скумбрии. Что касается детей, то они дружно позеленели — от зависти?

— Ну покеда, — сказала Юна, — ...покедова! — поправились она, сочтя, что попутчики заслужили более вежливого обхождения, но затем, не тратя времени, шмыгнула за дверь. «Быстрее!» — прошипела она воробью в ухо, увлекая ее за собой по узкому, застеленному ковриком коридору, в конце которого маячило зеркало.

— Я не могу, — сказала воробей. — Мне нужно в туалет.

3. ОПИСАННЫЕ ПЕСОЧНИЦЫ

Беспризорница Юна приняла молниеносное решение. За ними, пока что, никто не гнался. Она толкнула дверь напротив зеркала, до которого они как раз добежали:

— Давай, только по-быст... — Она запнулась. И еще раз толкнула — посильнее.

Дверь была заперта.

Беспризорница Юна и воробей Нис посмотрели друг на друга. — Ну хочешь.., — Юна задумалась, — иди в тамбур! Я посторожу. — Воробей не сдвинулась с места.

И правильно сделала — двери за ними распахнулись, и в тамбур прошествовала целая орава спортсменов — из вагона, из которого и они только что вышли — а навстречу им такая же орава протопала, видно, из вагона-ресторана; но прежде чем они разминулись и тамбур закрылся, Юна, испустив сдавленный вопль, еще более молниеносно совершила заныр под топающие ноги — и вот, в руке ее ЖЕМЧУЖИНА! — огромный бычок, почти целая сигарета, и на конце ее тлеет красный цветок — упоенная успехом, Юна затягивается и выпускает в лицо воробью, один за другим, три клуба дыма!

Но затем ей стало воробья жалко. Та стояла бледная — сразу было видно, она сдерживается из последних сил. Юна дернула дверь. За ручку: — Надо найти проводника! — вспомнила она. Где-то она что-то такое слышала. — Он ее запер на станции.

Однако, видимо, встреча с проводником не очень Юну прельщала — иначе отчего бы, вместо того, чтобы пойти поискать его, как это следовало из ее собственных слов, она, сжав сигарету в зубах, повернулась к двери туалета спиной и стала колотить в нее пяткой, довольно-таки развязно приговаривая: — Лысые дураки! Открывай, если не хочешь, чтобы тебе подпалили твой паршивый по... — Пятка ее встретила пустоту.

А затем она почувствовала, что, вместе с сигаретой и со всеми словами, которые она уже сказала, и с теми, которые только собиралась, ее поднимает в воздух. — О-о!.. — Это и был проводник. Двух метров ростом, в фуражке, синей фор-

ме и погонах с паровозиками. С усами и пышно выбивающейся из-под фуражки шевелюрой.

— Девчонки. — Он ловко словил за шиворот воробья, которая бросилась под его локоть в освободившийся туалет. — Девчонки! — Он перевел взгляд с беспризорницы Юны, болтающейся в его левой руке, на воробья в правой. — Вы из какого купе? — Он легонько потряс их, отчего у обеих лязгнули зубы.

— Из пятого, — угрюмо сказала Юна. — Чего ты вцепился? Пусти ее в туалет!..

— А тебя? Тебя я тоже должен пустить? — Он меланхолично поболтал Юну с Нисом в воздухе, словно прикидывая, не столкнуть ли их лбами, — и мягко, как на лифте, приземлил на пол. — Ну, пойдем к вашим родителям. — Он вздохнул. — Может, они мне заплатят штраф... За противопожарную безопасность. А?..

И они пошли, на коротком поводке из собственных воротников, причем даже Юна, сколько ни хорохорилась и собачилась: «За что это штраф» и «Не имеешь права», понимала, что их дело — табак.

— А через минуту: «Вот они! Вот они!!» — оглушил их вопль детей; в то время как их папа и мама, уже нормально-го цвета, пыхтя и отдуваясь, повторяли: «?!...» и «!!!...» и даже «.....!!!!!!!...» — а еще через минуту посуровевший проводник, закрутив им воротники, проволок полузадохшегося воробья и Юну, которая все время вырывалась и пререкалась: «Не имеешь права!» и «Я милицию позову!» (ну, это она уже опростоволосилась. Хотя воробей подумала не так, а: «просто-оволосилась»). Перебирая ногами где-то по, нет, над, тол, ком и думая, что ей, наверное, не стыдно за Юну, и даже совсем не стыдно за себя, а сильно, просто очень сильно хочется в туалет). Потом... что было потом. Они, в общем, не поняли ничего. Не успели. Купе, в которое их втокнули — и отпустили; вскочивший со шконки такой же проводник: нет, в два раза ниже и в два... три! раза толще — это и был начальник поезда — задыхаясь и тряся коротким, как сарделька, пальцем, кричал шепотом: «во-о-он... у меня полон дом

ревизоров!..» — и побледневший их проводник, выволокнувший их в темный тамбур и рвущий «стоп-кран», а дальше...

— А дальше я сыграла ему герб и гимн.

Тишина.

Поезда, наверное, уже не было слышно и в рельсах. Зато слышно, как трещат сверчки, а может кузнечики. Где-то далеко шумит ветер. Ночь — нет, это был вечер — на счастье, была не слишком холодная. Еще не так далеко отошло от лета. Совсем даже недалеко.

И все-таки это была осень. Когда ходят в школу. А то, что вечер — не ночь — то разница между ними была незаметна. Тут, в полной темноте, на пригорке, где до школы и города — всего ничего, какой-то день езды. И неизвестно, сколько дней — в другую сторону. И куда. И по звездам не скажешь. Звезд не было. И, может быть, поэтому уверенный голос, который произнес эти дурацкие — еще бы не дурацкие, сам бы он не мог объяснить, что они значат — слова в темноте, был чуть-чуть немного слишком уверенный.

И вдруг другой голос отозвался — и это был, совершенно точно, ничуть не слишком уверенный голос — но и никакой неуверенности в нем не было — а в самый раз: — И ничего ты ему не сыграла. У тебя и не было на чем играть! — А это была воробей, которая чувствовала себя, несмотря на отсутствие школы, ни на то, что ночь только началась и совершенно не собиралась когда-нибудь прекращать тянуться, — а может, именно поэтому — так легко и свободно, как не чувствовала себя НИКОГДА В ЖИЗНИ. Никогда в жизни. Никогда в жизни ей еще так долго не хотелось в туалет — и никогда в жизни ей не приходилось ходить на горшок в такой полной, совершенной, кромешной тьме — в которой можно было и не надевать штаны после того, как ты уже их сняла.

Юна, не услышь этого голоса, — вероятно, все-таки пораскинула бы сейчас мозгами. Если бы у нее были сейчас только одни свои собственные мозги. А так — задумываться не приходилось.

Вместо этого она засунула руки глубоко в карманы. И сказала:

— Мне сегодня, то есть вчера (да, потому что я уже проснулась!) — один — черный, этот, негр, вот. Играл одну песню. Сказать, на чем? На бревне. В черном лесу. Почерней, чем этот. Ну что, ты уже застегнула свои штаны?

— У меня нет штанов, — сказала воробей. — Я в платье.

— Ты бы еще школьную форму надела, — сыронизировала Юна. — Пошли, чего здесь торчать.

— Куда пошли? — спросила воробей. Против воли, головы обеих, как на одной резинке, повернулись — у воробья — на-праа... — а у Юны — нале-е — во! В сторону, предположительную, города и школы. — У тебя на бороде, — сказала Юна невпопад. — Я жрать хочу. Может там какой-нибудь... буфет. Погнали!

Если ты ходил когда-нибудь по шпалам, то ты знаешь, что через шпалу идти слишком широко. А по каждой шпале — узко. Вот по этим самым шпалам, в сторону, в которую ушел ушедший поезд, семена и перепрыгивая — одна, а другая — не сбиваясь с ритма, а шагая в ногу, и поэтому проваливаясь то вверх, то вниз, на землю между шпалой и шпалой, — ползли между рельсов, обступаемых лесом, две мелкие точки. А лес — обступал и сливался, с темнотой, справа налево, сверху вниз, а также и на обоих совершенно одинаковых горизонтах. Разгоняя скуку, темноту и страх — потому что идти по шпалам, в первую очередь, скучно, и только в третью — страшно, — какая-то из них пела, отстукивая себе с правого боку кулаком по ноге в сильную долю — и это была беспризорница Юна, доказавшая, что исполнение герба и гимна — за неимением горна и бубна — возможно на чем угодно: хоть на расческе.

По долинам и по взгорьям
Шли ребята в огород,
Чтобы сладкою морковкой
Напихать себе живот.

Чтобы сла-адкою морковкой
Напихать себе жи-воот!

Тетя Маша увидала,
Побежала в сельсовет,
И за каждую морковку
Дали нам по десять лет!

Десять лет мы отсидели,
Десять лет нам нипочем,
Но зато мы тетю Машу
Угостили кирпичом.

А она...

— Смотри-и-и! — закричала что есть мочи воробей. Видно, она думала, что Юна, как глухарь, раз поет, то не видит и не слышит.

— Смотри сама, раз такая... зрячая, — отозвалась Юна сердито. Она оскорбилась за тетю Машу.

Но потом она решила прекратить обижаться — ведь действительно, что-то вдали нарушало незыблемое однообразие пейзажа. — Давай скорей, побежали! — Вприпрыжку они поскакали вперед, и вскоре прямо по курсу твердо обозначился синий фонарь, горящий тусклым ровным светом. А еще через пять минут, выскочив из темноты и чуть не ударив их по носу, встала поперек рельсов маленькая избушка.

4. КАК ИСКАТЬ СЕБЕ ДРУЗЕЙ

Поперек рельсов — это так говорится; на самом деле — подалёку. Кирпичный белый дом, не совсем похожий на дом — маленький слишком, всего с одним окном, заколоченным ржавой жостью. Обойдя всё это по кругу десять раз, они теперь стояли на всякий случай в стороне от двери. Шагах в десяти на углу. Юна грызла ноготь. Не думай, что она впала в затруднение — нет, никаких затруднений. Это по рельсам за-

труднение — потому что скучно и вперед без вариантов — но с этим справились (она так считала) — то есть это значит, что продолжать топо тупать, то есть — тупо топтать! она! больше! отнюдь не собиралась. В темноте. — Когда однообразие сменяется явлениями загадочными и необыкновенными, — наступает, наоборот, мобилизация и этот... реванш. Только не путай, это я говорю; беспризорница Юна и слов таких не знала. Ей было стыдно, что она понесла урон от проводника на глазах у воробья; и вот теперь она покажет, как это делается на самом деле.

— Это станция, — заключила она в темную темноту. — Бывшая, — поправились через три секунды. — Здесь должен быть где-нибудь шлагбаум... и дорога, — продолжала высчитывать она вслух, — ...может быть по ней кто-нибудь... едет.

Но после этого она замолчала на целых две минуты, ожесточенно обгрызая большой палец. Не оттого что не знала, что делать — наоборот! мозги у Юны крутились, как счетчик, прикидывая, как туда попасть до утра, когда будет видно, — если не через дверь, запертую, по всему так, наглухо и надолго, — значит, через окно, — отодрав жесь, — каким-нибудь, — ...способом. ДОМКРАТОМ!.. — От воробья никакого ответа никто не ждал. Воробей и не отвечала. Просто сошла со своего места и двинулась к стене с окном маленькими шагами.

Привстав на цыпочки, она постучала в жесь, и потом еще раз:

— Здравствуйте, извините! — сказала она тонким и громким срывающимся голосом, — ...Вы не видели Белого Ворона?

Через минуту еще дверь распахнулась и Юну ослепило светом.

Ничего особенного — это просто был фонарик. Но он ударил Юне прямо в глаза. Юна отшатнулась — и хотела было тикать — ей помешало то, что, ослепленная фонарем, она не видела воробья: вдруг поймут? хуже будет возвращаться! — А пока она мешкала, с порога сошли и перед ней встали две высокие, как из трафарета вырезанные фигуры. — Мы ищем

тут... друга, — выпалила Юна, одновременно выглядывая воробья за их спинами — может догадается, что надо пилить куда подальше, пока Юна им заговаривает зубы? — Вы не видели? — продолжала она, лихорадочно обдумывая тем временем, какой бы подать воробью знак. — Он такой: здоровый, вот с такими плечами!

А этот дура воробей, приблизилась и встала рядом с беспризорницей Юной. И спросила своим тонким голосом:

— А вы... случайно не Белый Ворон?

— Я Лёша Хряпов, — сказал передний. — А это Федя.

— Федя... Просто, — сказал задний, светя попеременно то на Юну, то на Ниса фонарем.

— Простофедя? — сказала Юна. — ...Ну ладно, мы пошли. — Она дернула воробья за рукав: мотай удочки!

— Куда вы пошли? — сказал первый. У него была борода. Теперь Юна это разглядела. — Тут нет ничего на тридцать километров вперед.

— Впе... ред? — скапросила Юна. — В какую сторону?

— В любую.

— Пошли лучше к нам, — произнес второй. У него была тоже борода, а голос у него был добрей, чем у первого. Просто добряк! — а у первого зато была улыбка. Шире плеч, — а плечи у обоих были что твой метр, — воробей подумала «косая сажень» — хотя почему косая? — наверное все-таки «прямая». Она смотрела на стоящего впереди широкими глазами. Вдохнув полную воздуха в грудь — она выдохнула:

— Жалко, что вы не Белый Ворон!!!

— А жто вы ждесь желаете, — спросила Юна. Рот у нее был набит колбасой. Воробей тоже жевала, но как-то слабо.

— Ветер ловим, — сказал Лёша Хряпов.

Они все сидели в этом маленьком домике.

В доме не было ничего. Сидеть приходилось на полу — если бы Лёша Хряпов не дал куртку. Вот, они сидели рядышком на куртке. Фонарик лежал между ними, и между Лёшей Хряповым и Простофедей, которые тоже на чем-то сидели, — и светил в потолок. Было немножко видно. Зато вот была колбаса. Воробей, как уже сказано, ела ее, но мало и

плохо. Потому что смотрела на Лёшу Хряпова. Не отрываясь. Иногда она вообще забывала, что у нее в руках что-то есть.

— Я еще хочу: можно бутерброда? — спросила Юна. Она строго соблюдала вежливость.

— На. — Простофедя протянул ей бутерброд, отрезанный толсто коротким ножом от целой буханки хлеба. Колбасы было целое кольцо, он ее просто отломал.

Он улыбался доброй улыбкой.

— Вы там долго шли — не было ветра? — сказал Лёша Хряпов.

Он на воробья смотрел, и подмигнул. Воробей поперхнулась колбасой. — Ни-ис.., — пискнула она, когда смогла разговаривать.

— Должен быть, — сказал Простофедя.

— Чем его ловят? — спросила воробей и покраснела до слез. Она бы предпочла, чтоб Юна спросила. Но ту, вроде бы, кроме бутербродов, ничего не интересовало.

— Дверью, — сказал Лёша Хряпов. — Завтра. Сейчас будем спать. Мы уже собирались, скажи, Федька?

— Ну да, — согласился тот. — Ты рассказывал про кукурузу.

— Выключай свет.

Простофедя выключил фонарь. «А как мы будем спать?» — хотела спросить воробей. Если у них только одна куртка? Еще она хотела попросить не выключать свет. Ничего не спросила. Стало темно.

Что-то упало на воробья. — Держите это, — сказал голос Лёши Хряпова, — ...и еще вот это. Все, больше ничего нет. Устраивайтесь как можете, девчонки.

— Что за кукуруза? — Наконец и Юна сочла возможным подать свой независимый голос.

Она наконец управилась с колбасой, а спать ей вовсе не хотелось.

— Катя Кукуруза, — сказал Лёша Хряпов. — О, Катя! Катя! Катя Кукуруза.

5. ИСТОРИЯ ПРО КАТЮ КУКУРУЗУ

— Видишь, у нас ничего нет. Разве что ветром чего-нибудь надует? А Катя Кукуруза — разве ей такое нужно? Катя Кукуруза! Ей и дворца было бы мало — то есть не ей: ей вообще ничего было не надо. О, Катя, Катя, Катя Кукуруза! Дураки мы с тобой, Федька, ничем не запаслись, ничего не нажили, не сумели, пусто, как в консерве.

И тем не менее, Катя Кукуруза не отказывалась со мной гулять. Даже напротив: казалось, ей это нравилось. Всякие билетёры, и врачи, и директор училища, и какие-то еще, уже совсем незнакомые мне морды... Городок у нас маленький, так что эти последние, видно, приезжали издалека. Все они не давали пройти — приходили и вставали, со своим барахлом, загораживая ей дорогу. О, Катя, Катя Кукуруза. А она — она шла со мной. И все разлетались. Все они — как от сенокосилки — со всеми своими вещами. Стоило ей повести вот так своими длинными белыми волосами — и их сдувало в ту сторону, в которую она взмахнула.

Никто не знал, где она живет. Даже я, Перекати-Кукуруза! Мы с ней встречались всегда одинаково; на главной площади города. Город у нас называется Николаев. Там стоят лучшие в мире автоматы с газированной водой за три копейки. Вот ими я ее и поил, когда ей хотелось пить. Половину воды я сливал, чтобы было побольше сиропа. У кого угодно слиплись бы кишки от такого количества сиропа, которое мы выпивали в те дни — у кого угодно, кроме нас с Кукурузой. Иногда я задерживался, зарабатывая эти медяки, — и тогда, подходя, видел издалека пару-тройку охотников до Кукурузиных улыбок; обычно они прятались — кому охота быть снесенным волной? — когда Катя срывалась и шла мне навстречу — как прогулочный катер. Кое-кого, конечно, приходилось и разбрасывать. Катя была сильная, от оплеухи ее расцветали цветы, которые не увядали до следующего лета. Мне она говорила — зачем? тебе же здесь жить. Бывало, однако, я возвращался, проводив ее на трамвай — трамваи она останавливала как такси, протянув руку поперек рельсов, — в сопровождении целого эскорта. Все они меня знали и не решались напа-

дать — после прогулок с Катей Кукурузой у меня был такой прилив сил, что не слабо было мне перевернуть машину. Вот они и остерегались — берегли свое добро. Пока наконец не случилось по-другому.

Пока наконец однажды мы с ней возвращались утром, прогуляв всю ночь — и увидели их. Через два часа мне надо было на работу. Было ясно, как день — они никогда не видели Кати Кукурузы, их привезли и поставили здесь, тому, наверное, не более часа. Я сказал ей: «Катя, уходи» — она ответила: нет; задала она мне задачу. Пришлось объяснять. Я сильно вырос за то время, пока мы встречались; и в физическом отношении; наконец, оглядев меня, она поняла, что я справлюсь. Повернулась и пошла в обратную сторону, не оглядываясь, — а я пошел к ним, опасаясь, что иначе они пойдут за ней — о, Кукуруза!

Дело было под фонарем. Я их расшвырял. Их было восемь — ну, около того, не меньше. Что у них было в руках — не видал; но точно они были не с пустыми руками. Вдруг все разбежались. Я один. Поворачиваюсь, а передо мной стоит Катя в платье. Грудь под платьем сильно вздымалась: так мчалась меня спасать, запыхалась даже. Я сказал: Кукуруза — уходи. Она стояла на месте и смотрела на меня. Никто так не смотрел на меня в жизни. Тогда я повернулся и пошел. Чувствовал я себя неважно. Штормило — и морская болезнь: что ни шаг, то, казалось, стошнит, от всех этих сиропов. Неприятнее всего попало по спине — руками шевелить было трудно, так я и шел, не шевеля руками. Куда? — в больницу, вот куда. Неподалеку была одна; но когда я пришел, врач сказал, что сегодня выходной, и посоветовал мне вызвать скорую помощь. Когда я повернулся — он ойкнул; но я уже ушел. В другой больнице мне вынули из спины нож. Я с ним шел всю дорогу. Спите, девчонки. Слышите — ветер.

6. ПРИНОСЯЩИЙ МЕРСЕДЕСЫ

— Вставайте! Вставайте! Вставайте! Вставайте!

Беспризорница Юна и воробей по имени Нис проснулись вместе на полу.

Это была первая настоящая ночь, которую они провели вместе. Провели они ее так, как не снилось никогда в жизни не только воробью, но и непризорнице Юне: на какой-то куртке!

Не в этом дело. А вот: они были довольно-таки далеко от дома, что Юниного, что воробьева; без разницы. И они были. Вот; они проснулись. На какой-то куртке; а укрываясь какой-то другой курткой. Они выпались. Что-то хорошее случилось с ними вчера.

А именно то! они ехали, и они уехали, и они выпались. Они преодолели трудности — не только Юне не было чего стыдиться перед воробьем, но ведь и воробью, пожалуй, было чем гордиться? Пожалуй? Беспризорница Юна обнаружила в себе уважение к воробью: девчонка, «ниис...» — а даже не стала там как-нибудь плакать, или страдать. Как она держалась вчера — нормально. Даже ей захотелось это воробью сказать; только она не могла придумать, как. Затруднительно было придумать — потому, что холод ворвался в дом, выпущая взамен тепло, которое ночью они надышали. А в двери, застилая солнце, тоже хотевшее ворваться, стояла как по трафарету вырезанная фигура, и это был Простофедя, добряк, и он повторял сто раз подряд:

— Вставайте! Вставайте! Вставайте! ВСТАВАЙТЕ!

Хоба-на!

Юна, махом, села. — Мы уже встали, — сообщила она в дверной проем. — Не надо орать.

Простофедя ступил в дом — дверь не закрывая. Сразу стало тесно. — Не видно, — сказал он, оправдываясь. — Там, — он указал бородой. — Солнце. Погода хорошая.

Воробей тоже села. Косички у нее расплелись, и она стала их по одной заплетать. Юна с ней переглянулась. — А где этот? — опять повернувшись к Простофедю.

Она, поглядев на воробья, вспомнила про то же, что и воробей. Катя Кукуруза... При свете дня эта история как-то

потускнела. Уже не производила того впечатления, которое произвела ночью. На Юну.

— Хряпов пошел за грибами. Сейчас придет. Свинухи, — сказал Простофедя, с ударением на «у».

— Свинухи! — фыркнула Юна. — Ну ты скажешь!

— Свинухи, — упорно повторил Простофедя. — И зелёнки. Тут много. Сейчас, ведро наберет и вернется.

— У вас же не было ведра. — Юна вскочила. Она чувствовала необычайный заряд бодрости.

— А теперь появилось! — раздалось снаружи дома. Юна посмотрела на просиявшее — может, оттого, что солнечный луч наконец упал на нее? — лицо воробья.

— ...А колбаса есть? — завопила она так, что было на улице слышно.

— Сама ты колбаса! Вылезайте скорей, поглядеть, каков улов! Вы такого не видели!

Так они и посыпались на улицу взапуски, — Юне причем захотелось пройтись колесом, не знаю, как и сдержалась. Может быть, потому, что она не умела ходить колесом? Я, в общем, не помню, умела она ходить или не умела. На улице стоял Лёша Хряпов. Теперь, под солнцем, по-осеннему ярким, было хорошо видно, какой он. Вот он какой: в резиновых сапогах и рубахе, связанной на животе узлом. С рыжей бородой. Простофедя был точно такой же, только борода темнее. Но все-таки они были разные. В руке Лёша Хряпов держал ведро, доверху уложенное мокрыми бурями шляпками. А другой рукой он похлопывал по боку...

— Хоба-на!!!

Юна стала ходить вокруг как кот. Как тигр. Осматривая и дотрагиваясь — пальцем! В отличие от воробья, которая как встала, так и стояла со своими косичками. — Где она была? Тут же ночью не было — мы ночью тут всё обходили! Ты ее в лесу прятал?

Молниеносно она повернулась к Лёше Хряпову. — А она... ездит?

— Какое — в лесу, — Лёша Хряпов поставил ведро на землю и небрежно пнул его ногой. — Ведро прикатилось. Было б два — мы бы с Федькой пошли, два ведра набрали.

А так я один пошел. И она прикатилась. Ветер ночью был. Или что? Я похож на человека, у которого есть машина?

Юна оценила: — Не похож, — вынуждена была она признать. На лысого толстяка Лёша Хряпов, точно, не был похож — со своими загорелыми мышцами живота, выглядывавшими из-под небрежно увязанной рубахи. Юна передернулась; холодно же уже! Но тут же про это забыла. Машина была еще та: самолетного цвета, вся помятая; боковое стекло было залеплено по косой синей изолентой. На фоне ослепительно синего неба, запаха елок, белой избушки, железных рельсов — она была ПРЕКРАСНА. — А она ездит? ...А покрутить — дашь??

— Дам покрутить — и тебе, и — как тебя зовут? — Нис, — сказала Юна. — Ее зовут — Нис. — ...И Нису. Хотя — что крутить? Вдруг не ездит. Я же не знаю.

— Ври побольше... — Юна с подозрением уставилась на него.

— Проверим?

И вот они ехали все в машине. Машина была — «Нива»? или «Ока»? — не знаю марки, да и Юна, как я понимаю, хоть и строила из себя знатока, тоже ни в чем таком не разбиралась. Но очень старая. Пахло в ней, если сидеть, бензином — протечки. А Лёша Хряпов не был похож на человека, у которого есть машина. Он не был похож даже на человека, который умеет водить машину.

Юна с Простофедей сидели на заднем сиденье. Юна — ей хотелось покрутить. Но была не ее очередь. Нис — да: воробей по имени Нис! — сидела сейчас за рулем, то есть за баранкой. Перепуганная насмерть Нис — вцепившись в руль — вела эту дребезжащую машину. У нее ПОЛУЧАЛОСЬ. Ехали они, правда, медленно-медленно, со скоростью тридцать километров в час, — можно себе представить, каково было скучно на заднем сиденье беспризорнице Юне. С Простофедей — который, хоть и был добряк, был порядком-таки скучноватый. Он нагнулся к Юне и спросил:

— Сколько тебе лет?

— Тридцать, — отозвалась Юна, ерзая на сиденьи. Она думала о скорости.

— А куда вы едете? — спросил Простофедя.

— Мы... — Юна запнулась. Говорить про Белого Ворона ей с утра что-то не захотелось. — Едем, — неопределенно сообщила она.

Простофедя отогнулся. Но потом опять нагнулся. Видно, ему тоже было скучно ехать со скоростью тридцать километров в час:

— Что ты делаешь сегодня вечером?

— Вечером... — Юна не выдержала вежливости. — Дайте я!!! — закричала она.

Произошло это в тот самый момент, когда Лёша Хряпов, прыскавая в бороду, ткнул воробья в бок. Воробей, едва живая от ответственности, правда, не выпустила руль — но руль вильнул — машину тряхнуло — все клацнули зубами — кое-кто прикусил язык — а Лёша Хряпов тогда просто одним движением поднял воробья и пересадил на свое место — воробей так и осталась с невидимым рулем в неразжавшихся от напряжения руках: — Нет, дайте я!

Он не был похож на человека, который умеет водить машину. Он был похож на человека, который умеет выжимать газ. Машина рванула, подскочив на пробойне асфальта. Ее бросало от обочины к обочине — пока Лёша Хряпов жал на то и на это, каким-то образом удерживаясь от того, чтобы не свалить их всех в канаву... У беспризорницы Юны захватило дух.

Солнце прыгало по небу, как сумасшедшее. Деревья и поля неслись мимо и проваливались в тартарары. Не верилось, что ЭТА машина может дать ТАКУЮ скорость. Сейчас, вот сейчас развалится!!! — придется им всем с той же скоростью бежать по колдобинам, неся то, что осталось от кабины, на своих плечах! Воробей, сидящая впереди, не визжала, как можно было ожидать от девчонки, — она онемела. Она держалась за сиденье. Косички у нее расплелись. Куртка Лёши Хряпова — которую Лёша Хряпов снял и повесил одной рукой, когда он садился за руль — была у нее на плечах. Может быть, она уже просто умерла? — Она и сама не знала.

Хорошо еще, что дорога...

А дорога...

Дорога была такая, как предугадала накануне беспризорница Юна. На ней, правда, еще оставался асфальт. Но никогда не было, потому что это была брошенная дорога — потому что рядом, неподалеку, была давно уже другая новая большая дорога, так сказал Простофедя. А здесь — заросшие поля с каймою леса паабапал — что значит — по обе полосы, то есть стороны — этих сменяющихся разноцветных полей.

Так они приехали в город.

7. ПОХОЛОДАЛО

Погода изменилась за два дня. Солнце все так же сияло, но уже не грело. Клёны показали свои красные носы. Каждое утро было холоднее, чем предыдущее. Нис, Простофедя, Юна и Лёша Хряпов гуляли по улицам города. То есть это Лёша Хряпов водил их всех. Они заходили во все кафе и съели все мороженое в городе. Воробей даже немного заболела орлом. Я, конечно, хотела сказать — горлом. Воробей и беспризорница Юна ходили в одних трусах. Шутка. Они ходили в тех самых куртках, на которых тогда спали. Куртки были им велики. Они ходили с закасанными рукавами.

У Лёши Хряпова на каждом углу были друзья, он то и дело отрывался от компании, чтобы поговорить с кем-нибудь. А они тогда ждали его в нескольких шагах. Но он недолго; возвращался к ним и говорил: «Пошли!» — и они шли. Потом, когда они обходили уже все улицы этого города, они заходили в магазин и покупали себе еду. И Лёша Хряпов говорил: «Пошли!» И они шли домой.

А дом был не дом, а мастерская. На полу там валялись стружки, и стояли доски всякие в углу, и заготовки для мебели. Там была маленькая двухконфорочная электроплитка,

они заходили, Лёша Хряпов бросал еду и говорил: «Федька, готовь!» И Простофедя, одетый в кухонный фартук, готовил на электроплитке еду. Вкусную. Например, яичницу. Мебели в мебельной мастерской не было никакой. Но кровати были. Беспризорница Юна с Нисом спали на одной, а на другой спал Простофедя, а Лёша Хряпов спал на полу. Еще в мастерской были какие-то свитера. Нису дали один, вместо ее платья, а беспризорница Юна выбрала себе другой. Вечерами они разговаривали о том и о сем, но беспризорница Юна вспомнила про тайну и помалкивала про Белого Ворона. Нис тоже. Как рыба.

Так что они разговаривали немножко про город. Про школы, какие есть в этом городе. И в том, — то есть в том, который сейчас. Судя по результату, они не очень отличались в обоих случаях. Про погоду еще разговаривали. Что осень. И на второй или четвертый вечер, еще они не собирались ложиться спать, Юна сказала:

— Всё, нам надо ехать.

Все замолчали и стали смотреть на нее. Потом Лёша Хряпов сказал:

— Надо так надо. Жалко, что машины больше нет, мы бы вас завтра утром отвезли. За город.

— А где-е? — спросила беспризорница Юна. — Машина, которую вам... на которой мы...

— Он ее продал. — Лёша Хряпов кивнул на Простофедю. — На что, ты думаешь, мы тут всё это ели? — мороженое...

— А тебе? А вам? — сказала Юна.

— Мы еще что-нибудь поймем. Может, мотоцикл? — а, Федька? — Простофедя кивнул с важным видом.

— Подводную лодку, — изрек он.

Лёша Хряпов повернулся к воробью и беспризорнице Юне.

— Мы в поезде ехали. Видели, как проводник протаскивал вас через все вагоны. Нам как раз надо было выходить. Немного дальше. Там станции нет, поэтому мы все время снимаем стоп-кран в этом месте, когда едем. Так что у них было два стоп-крана на небольшом участке пути. — Лёша Хряпов засмеялся. Но вдруг стал серьезен:

— А потом вы к нам сами пришли. И сказали, что ищите друга. И мы решили постараться стать вам друзьями. Надеюсь, у нас получилось.

— Угу... Получилось, — сказала Юна. Они с воробьем переглянулись.

— Спать, — сказал Лёша Хряпов.

А утром они проснулись. Оделись во все эти свитера и куртки, — теперь обе были похожи на самых настоящих беспризорниц. Ничего у них с собой не было. Колбасу уже тоже всю съели. Лёша Хряпов и Простофедя провели их до остановки и посадили в автобус. Который должен был вывезти их за пределы города. Автобус тронулся — а Лёша Хряпов и Простофедя остались на остановке.

8. ПААБАПАЛ ДОРОГИ

Стояли беспризорница Юна и воробей по имени Нис. Юна стояла на одной стороне дороги, а Нис на другой. Когда Юна видела вдаль появляющуюся машину, или грузовик, она начинала кричать, петь, возбужденно приплясывать и приговаривать, — а когда машина начинала приближаться, она переставала это делать, а вытягивала правую руку ладонью вниз. Но приговаривать не переставала:

— Давай! Сейчас мы тебе поверим! Мы тебе верим. Что ты нас хочешь повезти. Куда нам надо. А куда нам надо? Сейчас узнаем. Давай, ну! НУ!!! Аааа-а-а! у тебя шина лопнула! Карбюратор протек! И мост погнулся! Ты навернешься вооон за той гоооооор-кой!!!

Это уже причиталось машине вслед, когда та — вжжжжж-жих! — не останавливаясь, пронеслась мимо. Но после этого была следующая машина. Так что Юна молола языком просто не прекращая. У воробья уже уши заложило от этого трезвона. Поэтому она стояла на другой стороне доро-

ги, и когда видела машину — то все равно Юна видела и эту машину, она кричала: — Воробей, дава-а-ай! — И начинала приплясывать и пританцовывать, а когда машины пронеслись мимо поднятой руки воробья: — Аааа-а-а! Там вас гаишник поджидает!!! Будете там торчать пять часов! В моторе мыши заведутся!!! — Пока что пять часов торчали тут они с воробьем. Солнце их кратковременно пригрело и даже утихомирило — в том смысле, что Юна где-то час делала все это молча — но теперь оно уже перевалило зенит; сразу начало становиться холодно, и Юна — видимо, желая поддержать воробья, — открыла рот, чтобы уже его не закрывать навсегда. Это она зря. Воробей некоторое время терпела; но потом она тоже открыла рот, чтобы спросить — зачем пропускать машины, которые едут туда, то есть обратно? Все равно не знаем, куда нам надо. (До этого они стояли на одной стороне дороги.) Будет в два раза больше, которых можно остановить.

Юна захлопнула свой и уставилась на воробья. Не потому, что воробей предложила что-то сильно умное — эка невидаль, Юна сама бы додумалась до этой идеи не более чем через три минуты. Тем более, что «туда, обратно» — это теперь была чистая условность. Был уже второй, или третий день с тех пор, как они покинули Лёшу Хряпова с Простофедей, и хотя за все это время вряд ли отъехали так же далеко от них, как за первый — от города, Лёша Хряпов с Простофедей казались теперь такими же далекими, как город. Может быть, даже дальше. Юна бы не взялась утверждать с уверенностью, что они вообще были. Если бы не... нет, постой, а как же куртки? — Которые не грели вообще! в которых они уже две ночи ночевали на скамейках на каких-то полустанках — до которых их довозили какие-то непонятные электрички, у которых конечная была через две остановки после того, как в них влезает на станции, — к которой, в свою очередь, тебя подкинут по пять километров сомнительные грузовики (один был с хлебозавода, и Юна с Нисом получили от шофера по горячей буханке — которые, но уже холодные, они и грызли на этих скамейках).

Так что всё окончательно перепуталось.

И тем не менее. А тем даже более: ни разу! За все это время воробей не захныкала, не запросилась к маме, и даже не указала беспризорнице Юне, что они заблудились. Предположим, они не заблудились. Трудно заблудиться, если с самого начала не знаешь, куда идешь, знаешь только, что ищешь, — а тогда все равно, где и искать. Но если оно не находится в первые три часа? Неизбежно приходят в голову мысли. У Юны было их уже штук пять — и она не переставала поражаться, искоса поглядывая на воробья. У воробья не было. Она вела себя спокойно. Можно было бы подумать, что ей все это нравится, — если бы не реплики, которые она себе время от времени позволяла. Например, сегодня утром, когда они выбирались со станции опять на дорогу, и Юна — от холода, конечно — принялась болтать и петь, она услышала от воробья — что? «Помолчи немного». — Еще пару-тройку было за эти дни в этом роде. Юна, слыша такое, лишь похмыкивала. А дело в том, что беспризорнице Юне нравилось все, что она не могла сама придумать. — А никогда в жизни она не могла бы придумать, или хотя бы угадать, что с т а к о й попутчицей ей придется искать Белого Ворона. Она бы могла придумать что-нибудь вроде себя; ну, в крайнем случае — Санты. Даже никогда бы не узнала, что такое бывает!!! — не встретить она тогда ее на крыше. И теперь ей нравилось: как воробей умывается из-под колонки в деревне, через которую надо пройти, чтобы выйти на трассу; как потом аккуратно заплетает мокрые косички. Как она заснула первой ночью на станции после Лёши Хряпова и Простофеди — на лавке, нахохлившись, носом в воротник — Юна поняла, что будет драться не на жизнь, а на смерть. С полицейским, с кассиром, или с просто любым посторонним, — с любым, кто захотел бы разбудить воробья в эту минуту. Утром она про это забыла. Конечно, они бы все-таки поссорились, если бы воробей слишком бы сильно огрызалась с Юной и мешала ей делать то, что ей хочется, — но, вроде бы, воробью тоже нравилась беспризорница Юна. А главное — несмотря на путаницу в пути, ни по каким признакам, ни на одну секунду по ней нельзя было сказать, что ей хочется назад в город. Как будто внутри себя она с этим рассталась в один шаг; реши-

тельно и бесповоротно. Можно так сказать, что она оказалась вдруг большей беспризорницей, чем беспризорница Юна? — Когда в ней это произошло? — Не тогда еще, когда они ехали в поезде — нет, не тогда; а когда? — воробей вообще говорила мало; можно было не сомневаться, что и сейчас не скажет.

Поэтому они не поссорились. А наоборот. Воробей не мешала Юне особенно болтать, когда той того хотелось; а вместо этого перешла дорогу и тоже подняла руку — что было и правильнее всего. Потому что Юна сама собой заткнулась, когда огромный рефрижератор с кабиной, поднятой на полтора метра над землей, волшебным образом войдя в невидимый контакт с протянутой над обочиной, опущенной вниз ладонью, стал вдруг сбавлять свой неудержимый ход. И остановился. Метрах в ста за воробьем; или перед — если считать с того места, где стояла беспризорница Юна.

9. КАК ВЫБИРАТЬ СЕБЕ НАПРАВЛЕНИЕ

— Куда вы едете? — запыхавшись, спросила Юна.

— А вы куда едете?

— Мы ищем Белого Ворона.

Юна резко оглянулась на воробья.

Разбалтывать тайну направо и налево? Она хотела еще тогда сделать Нису втык, после Лёши Хряпова и Простофеди, но тогда не успела — воробей сама поняла. Или так показалось. Зря, стало быть, показалось!

Но потом она посмотрела на водителя — перегнувшегося через всю кабину, чтобы открыть им дверь, — снова на воробья — опять на водителя — в общем: потом. Беспрекословно полезла наверх, когда водитель убрался на свое место за рулем, бросив перед тем наружу им: — Садитесь.

Следом полезла воробей. Она уселась, устроилась и захлопнула за собой тяжелую дверь обеими руками. Водитель

повернул ключ, нажал на педаль, машина завелась и тронулась — так плавно и мягко, даже незаметно! Они сидели вот на какой высоте! — дорога стремительно шла под колеса, через секунду уже скорость была та, на которой он только начал остановку.

Солнце било в лоб сквозь стекло — тут могло бы неправильно показаться, что тепло на улице — тогда как на улице было — только что от — туда: они знали сколько! Водитель опустил себе полупрозрачный козырек сверху стекла. Деревья бесшумно качали ветками, на которых было уже полно желтых листьев. Осень! Внимание Юны обратилось опять к водителю.

Он был вот какой уже: старый. Лет тридцать. Или сорок. (Тут надо заметить, что для Юны, как и для воробья, это было, в общем-то, одно и то же.) Волосы давно не стриженные — нет, не это; а вот, может быть, то, что он был слишком загорелый? А вот бороды у него не было. Юна, когда не могла сразу что-то решить, она бросала думать: обычно само сходилась. Так и в этот раз.

— А вы что, знаете, где Белый Ворон? — с места в карьер начала она.

— Не-а, — сказал водитель, — я не знаю. А вы анекдоты знаете? Скучно уже, я давно еду.

— А как вас звать? — спросила Юна. Ей что-то сразу не приходило в голову ни одного анекдота.

— Ну может Ваня.

— Ну может — как? Иван Петров?

— Не-а, — сказал водитель, — меня по-другому зовут.

— Ну как? Меня вот — Юна. А она — воробей, то есть Нис. А вас?

— Ну, меня — Винато Инету.

— Че-го?? — Юна чуть с сиденья не слетела. — Такого имени не бывает!

— Бывает. — Оп! машина мягко переехала через рельсы. Они ехали дальше. — Я индеец. Ну что, знаете вы анекдоты? А то я вас ссажу. Возьму кого-нибудь другого.

— Сейчас, — сказала Юна. Мозги у нее работали, как отбойный молоток. Как два отбойных молотка! — в две

смены!!! — Смотрите: мальчик приходит к папе и спрашивает — папа, что такое альтернатива? Папа говорит: у тебя есть белая гладкая курица. Например, она тебе сносит яйцо. Мальчик говорит: это альтернатива? Папа говорит — не перебивай. Она тебе высидивает это яйцо. И у тебя появляется желтый пушистый цыпленок. Мальчик говорит: это альтернатива? Папа говорит: подожди. Вот, проходит время, этот цыпленок растет, и вот у тебя по двору ходят уже две белые пушистые курицы! Мальчик говорит: папа, а альтернатива? Папа говорит — я тебя ремнем! Слушай, когда взрослые говорят. Они ходят, ходят, потом начинают нестись... и вот спустя какое-то время у тебя по двору ходят двадцать белых куриц. Они несутся... И через месяц у тебя на летнем солнышке ходит несметное полчище куриц! Они несутся, бегают туда-сюда, жрут зерно и их становится больше и больше! Наступает осень, льет дождь. Во дворе появляется лужа. Куры ходят мокрые, грязные... Лужа становится все больше. Куры забиваются в курятник, лезут на шест... Они уже не несутся. Дождь все идет. Вода поднимается выше. Куры перебираются на другой шест, подальше. Многие тонут. И вот, спустя месяц, у тебя остается двадцать мокрых грязных куриц. Проходит еще месяц, и из двадцати выживает одна... — Папа, а альтернатива? — Утки, сынок.

Раздался сдавленный звук. Это теперь воробей чуть не слетела с сиденья.

— Это анекдот? — спросил водитель. — Не смешно. Высадить вас, что ли?

— Ага, — сказала Юна. Ей опять приходилось разрываться на два фронта. С одной стороны — воробей, которая так хохотала, что это становилось небезопасным: вся красная, старалась сдержаться, и чем больше она старалась, тем меньше у нее это получалось — она могла, на каком-нибудь ухабе, вылететь вообще за дверь! И с другой — водитель, который был, видно, совсем дурак — не такой, как Простофедя, а настоящий. Такой, что просто не может говорить неправду! — ...Эй, нет, подождите! Я вам потом другой расскажу — сейчас вы сперва скажите. Как это — вы индеец?

— Очень просто, — ответил Винато Инету. — Раз вы не хотите анекдоты рассказывать, тогда я пошел кушать. Потому что — чего так ехать, скучно.

И действительно, машина сбавляла ход. Справа по борту стояло кафе — расписное, деревянное, с коньками на крыше. Дурак не дурак — а очень ловко Винато Инету зарулил на площадку перед ним, где уже стояли одна или две машины. И остановился, носом чуть-чуть не доехав кузова впереди стоящей — миллиметраж!

— Выходите. Вот, видели? кафе. Я кушать пойду. Все равно не можете ничего рассказать, тогда чего и ехать.

— А нас с собой возьмете?

Это сказала воробей. Глаза у нее блестели — ей даже пришлось вытереть слезы: вот как она смеялась!

— Да? — сказал Винато Инету. — Ну ладно, пойдёмте. Выходите только все равно: я вам сюда не понесу!

Они полезли наружу. Воробей, которую еще до сих пор колот тоненькими иголочками смех — и Юна, которая в рот воды набрала. Нужно было немного очухаться. Слишком все быстро тут происходило.

В кафе, когда Винато Инету принес поднос с пельменями, они так взялись их молотить, что Винато Инету даже ложку ко рту не донес. — Ну вы даете! — сказал он. — Вы что, одним хлебом питались?

— Мм, — отвечала Юна, наворачивая за обе щеки. — Два дня.

— Так вы меня так объедите. Не, я с вами дальше не поеду! Вон, смотрите, тоже шоферы сидят. Идите лучше к ним. Они вам еще пельменей купят.

Юна отодвинула пустую тарелку.

Глаза у нее тоже заблестели, как у воробья. Она чувствовала себя сытой — и в голове у нее все сложилось, чего до этого ей не хватало. Тем более, что воробей опять признавала ее старшинство и превосходство. Краем глаза Юна улавливала: она смотрела на нее сейчас почти как раньше на Лёшу Хряпова. Это потому, что Юна ее рассмешила. Хорошо: пусть ненадолго. Юна успеет.

— Больше не хотим, — сказала она. — То есть, спасибо. Нет. Мы с вами поедём.

— Да? — сказал Винато Инету. — Чего вы тогда расселись, вставайте да идите! Времени уже сколько — уже ночевать через час останавливаться!

— Прямо — через час, — сказала Юна. — Через два, самое меньше.

А действительно, спускались сумерки.

Через час ли, через два, свет фар пока недалеко разбавлял пролитую в воздух, но быстро густеющую синь. Ровно журчала машина; дорога все шла под колеса, навевая сон. Юна периодически выключалась, но сразу спохватывалась и взглядывала на воробья — если та и спала, то с открытыми глазами. Потом в звук мотора вплелся еще какой-то звук.

А это Винато Инету что-то гудел себе под нос. До этого времени они ехали молча — и Юна молчала: это была передышка, раз Винато Инету почему-то не просит рассказывать анекдоты.

Тут она почувствовала: хватит. Иначе она заснет окончательно. И не сделает чего хотела.

Юна встряхнулась. Подобрала под себя ноги, сложила их крестом, — и решительно развернулась на сиденьи, к Винато Инету лицом.

— Что вы поете?

— Пою. — Гудение кратковременно прекратилось. — Вы же не рассказываете ничего. И чего я вас брал? Все равно один еду.

Юна шмыгнула носом. — Спойте погромче, — предложила она. — Мы вас послушаем.

— Чего слушать? Я слов не знаю.

— А про что? Песня — про что? Хоть это вы знаете?

Винато Инету что-то буркнул.

— Че-го?.. — Кажется, Юна сегодня уже так говорила. — Я не услышала! Про крысу?

— Про боевую крысу, — сказал Винато Инету. И опять загудел.

Юна шмыгнула носом еще раз. Нельзя было останавливаться. И она взяла быка за рога:

— Расскажите про индейцев. Вы сказали днем — вы индеец.

— Чего рассказывать? — Винато Инету переключил фары с дальних на ближние. Вжжжих — встречная машина унеслась под левый локоть. — Индейцы все ушли, — опять переключая на дальние. — Чего про них рассказывать?

— Куда ушли? — спросила Юна. — А где они были? А вы почему не ушли?

— А я почему знаю? — Винато Инету резко нажал на тормоз. — Всё, мне это надоело, — сообщил он. — Сидят, едут... молчат. Я уже чуть не заснул один раз. Утомили уже. Вылезьте!

Машина съезжала к обочине. Потом она остановилась. Юна с воробьем переглянулись. И остались на месте.

— Вылезай! — Винато Инету повысил голос.

Ничего не поделаешь, они стали выбираться. Юна чувствовала себя, спускаясь за воробьем с высоких ступенек, как дурак. Сорвалось. Что она придумала, то сорвалось теперь совсем.

Они захлопнули дверь. И стояли, переминаясь с ноги на ногу.

Машина тоже стояла.

Потом они услышали, как хлопнула дверь с той стороны.

Обойдя кабину, появился Винато Инету. Он что-то нес в руках. — Оладьи буду делать, — объяснил он. — Не наелся я. Всё из-за вас!

Положив все, что нес, на землю, прямо у колеса, он отодвинул воробья локтем и открыл дверь в кабину. Стал там копать под сиденьями. Потом встал на нижнюю ступеньку и дальше копался. — Вот. — С торжеством соскочив со ступени, он предъявил им пустую консервную банку из-под килек с отогнутой крышкой, держа ее как за ручку. — В этом жарю, — объявил он. — Как раз по размеру. Вкуснее, чем хлеб, получается. И в магазин не надо.

Воробей подумала, что на этом она, когда сидела, должно быть, стояла ногами. Тем временем Винато Инету, присев у колеса, разжигал что-то, похожее на примус. Это и был примус. Он поставил сверху консервную банку и вылил в нее подсолнечное масло из бутылки. — Вот, — еще раз с торжеством сказал он. — На. — Он дал воробью литровую банку, в которую засыпал муки и воды. — Мешать будешь.

Масло зашипело и стало переливаться через край консервной банки. Винато Инету сдернул банку с примуса — и сейчас же запрыгал, дую себе на пальцы. — Лей, чего стоишь! — закричал он воробью.

Воробей плюхнула в консервную банку, стоящую на земле, жижи из стеклянной банки — которую она не домешала. В банке еще раз зашипело. Винато Инету подхватил ее и поставил опять на огонь.

— Вот сейчас будет оладья, — приговаривал он. Потом присел перед примусом, расставив колени и упираясь в них ладонями, как будто собирался в туалет по-большому. Но вместо этого стал одной рукой, очень неудобно, копать в заднем кармане штанов. — На! — Он сунул что-то беспризорнице Юне. — Читай сама. Раз ты такая умная. А я тут ничего не разберу.

— Че...

Юна тоже присела. Свет от примуса был такой слабый, что она ничего не могла разглядеть. Бумажке этой было, наверно, сто лет! Истертая на сгибах, исписанная, к тому же, с обеих сторон карандашом, она, должно быть, претерпела три стирки вместе со штанами Винато Инету прямо в этом кармане. — Бо... е... Боевая? — Юна сунулась так близко к примусу, что чуть не обожгла себе нос. — Боевая Крыса? Бы... ы... был... индейцем?

— Потом считаешь. — Винато Инету попытался выдернуть у нее бумажку — но Юна была начеку: она вскочила. — Да потом! В кабине свет. Ой — оладья сгорела! Всё из-за вас.

Спустя какое-то недолгое время, нужное, чтобы пожарить поллитра оладьев, они сидели в кабине. Был свет. И печка — которая была не печка, а просто решетка на панели. Но грела хорошо — так как на улице было уже холодно. Еще огурцы. И оладьи. Больше ничего. Воробей и беспризорница Юна не хотели оладий, так что они только съели по одной, найдя их, действительно, не хуже любых других оладий — может, это свежий воздух так на них подействовал? На Юну с воробьем или на оладьи?.. Ну ладно.

Так что Винато Инету один уминал все, как экскаватор, хрустя огурцами. — И слушали то, что беспризорница Юна читала по слогам с бумажки, — причем Винато Инету слушал с не меньшим любопытством, чем остальные.

Вот что она прочитала.

10. ПЕСНЯ О БОЕВОЙ КРЫСЕ

— Боевая Крыса был индейцем,
А Лучи На Повороте был его лучший друг.
Они собирались обтяпать одно дельце,
Но их в засаду заманили вдруг.
Лучи ушел, а Боевую Крысу поймали,
Посадили в клетку, приготовились пытаться,
Но сперва все эти штуки ему показали,
А потом стали говорить, а ему — слушать и молчать.
«В сущности, ты, Крыса, ты нам не нужен.
Ну кто ты такой, чтоб из-за тебя еще тратить запал.
Вот тот, второй, он таких, как ты, стоит 12 дюжин.
Жаль, что он убежал, а ты попал.
Ну хочешь, мы тебя просто так возьмем и отпустим?..
Эй, принесите ключи, велите его расковать!..
Он — великое дерево, а ты — чахлый кустик.
Если тебя расстреляют, никто не станет горевать.
То ли дело — о нем! Одних девушек штук, наверное, двести!
Да, вот уж одно к одному, а другому — всего ничего...
Вы же как будто влюблялись все время вместе, —
Ну а выбирали, конечно, его.
И сейчас кому повезло? Тебе и нам — нет. Но можно было бы
и поменяться...
Но ведь и тебе, наверняка, его жизнь дороже своей.
Ну вот что, ради такого случая не будем торговаться,
И тебе добавим 30 новеньких золотых рублей.
30 рублей — и свобода! И пусть он побудет на твоём месте.
Справедливо? Хотя раз пусть почувствует — тебе какво!

И кто знает, может быть, со временем, ты понравишься его невесте...
Ведь нельзя же так: одному — всё, а другому всегда ничего.
Слушай, Крыса! Укажешь парням его среди этого вшивого сброда —
У нас нет его фото. (По слухам, он высок и красив.
Конечно, если остальные такие, как ты, уроды, —
Обошлись бы и сами. Разве так, для проформы, тебя попросить.)
Соглашайся, Крыса! Вот деньги. А вот и ребята, —
Эй, ребята, вот этот того.

Стоп! Юна перевернула бумажку.

— А здесь... Здесь ничего не разобрать!!! — Это, видно,
была та сторона, которой бумажка лежала наружу, когда штаны
Винато Инету стирали вместе с ней. На ней не было видно
ничего. Ни одной буквы.

— Я и говорил, — согласился Винато Инету с удовлетворением.
— А ну дай-ка.

Он взял бумажку у беспризорницы Юны и стал ею вытирать пальцы.

— Отдай!... те. Отдайте ее мне! — Юна рванулась за бумажкой.
Не тут-то было — Винато Инету скомкал ее и засунул обратно в карман.

— Ну Винато! Инету! Отдай бумажку! Мне нужно!

— А что ты мне дашь?

— Я... — Юна сунула руку в карман. Потом в другой. У нее
было, вместе с курткой, много карманов.

К сожалению, все они были пусты.

Тут ей попало что-то. Что-то, о чем она совсем забыла.
Юна вытащила руку и разжала ладонь. Это был коробок со
змейкой, нарисованной на наклейке.

— Вот... — рука Юны дрогнула. Ей было немножко жаль
так совсем их сразу отдать. Это были спички, подаренные
Сантой. Они еще ни разу не воспламенились.

— Покажи-ка... — Теперь уже Юна отдернула руку. —
Спички, — сказала она. — Они горят под дождем. И в воде не
тонут. Там целая коробочка, ни одна не сгорела. Ну, две сгорели,
когда мне показывали. Дашь бумажку?

— Не-а, — сказал Винато Инету. — На кой мне твои спички.
У меня тут зажигалок сколько.

Юна как в первый раз оглядела кабину. Она увидела... Ну, что она могла увидеть. Машина была ого-го какая; они в такой еще ни разу не катались. Можно себе представить, сколько здесь было зажигалок.

Тут воробей подала голос. — А что дальше было?

— А я почему знаю? — сказал Винато Инету. — Тебя хотел спросить. Ну всё, спать надо.

Он щелкнул чем-то и свет выключился. — Я полез назад, — сказал голос Винато Инету в темноте. — Ну, кто из вас, хотите со мной? У меня тут места сколько!

— Нет! — сказала беспризорница Юна.

Они сидели, вжавшись в свои воротники. Винато Инету возился и ворочался сзади, на лежащем месте. В темноте. Зато было опять видно, что за стеклом. Ничего хорошего.

— Винато Инету! — сказала беспризорница Юна. — Где ты ее взял?

— Там... — сказал через минуту приглушенный занавесками голос.

— Где там?

— Думал, что важное может... — И потом еще: — Они унесли, а я оставил...

— Это где?

— Там,.. на море.

— Это откуда ты едешь?

Винато Инету захрапел.

Беспризорница Юна тоже молчала.

Она что-то искала. По всем карманам.

— Потеряла, — сказала она.

— Что, спички?

— Нет. **ВИНАТО ИНЕТУ!!!** Включи свет!

Храп не прекращался.

— Ты еще поищи, — тихо сказала воробей. Она не знала, что, но она поняла, что случилось непоправимое.

Юна искала. — Нет, — сказала она наконец.

Они молча сидели. Так прошло десять минут.

— Пошли, — сказала беспризорница Юна.

Воробей ни слова не ответила. Она стала открывать дверь.

— Куда это вы? — Винато Инету вдруг проснулся.

— В противоположную сторону, — сказала Юна. Воробей уже справилась с дверью.

Отдернулась занавеска. Рука Винато Инету просунулась и включился свет. Щурясь, Винато Инету смотрел то на воробья, то на беспризорницу Юну.

— Эй... подожди, — сказал он совсем не сонным голосом.

Юна остановилась с занесенной ногой над ступенью. Она повернулась к Винато Инету.

— А спички-то ты мне отдай. Ехала, ехала... Пельменей одних съела.

— На. — Беспризорница Юна бросила спички.

Воробей уже стояла снизу. Беспризорница Юна спрыгнула к ней. Они захлопнули тяжелую дверь. Вдвоем.

11. НАЗАД

Они шли по той самой дороге, по которой только что ехали.

Дорога была пуста. Никого не было на дороге. Никого-никогошеньки. Было холодно. Светили звезды.

Они шли молча. Беспризорница Юна не разговаривала. И не пела. Если бы у них были спички, они хотя бы развели костер.

А если были бы сигареты, воробей бы покурила. Но у них ничего не было. Ни сигарет, ни спичек. Так что они шли.

На дороге никого не... да, это я уже говорила. И темный лес, и всё такое, — всё уже говорила. Не очень хорошо у них всё получилось, да? Сколько уже дней с того дня, когда они выехали на поезде из города — а до сих пор не приблизились к цели. И даже наоборот — если считать, как считала беспризорница Юна, что она что-то узнала — что-то, о направлении, в котором нужно идти к цели (и почему она так считала — мне неизвестно!) — то тогда они весь сегодняшний

день ехали — и очень быстро — удаляясь от нее со скоростью сто километров в час. Цели. И даже еще хуже: беспризорница Юна, как выяснилось, растеряла по дороге то, что ей должно было помочь (и это мне неизвестно, почему она так считала!) отыскать эту цель. На что они рассчитывали? — что, шагая непреклонно, они смогут хоть на сколько-нибудь уменьшить эти все километры? — Или, может быть, они собирались найти потерянное Юной?

Ни на что они такое не рассчитывали. И, прямо скажем, ни о какой цели они не думали. Они просто шли. Воробей сперва шла рядом с Юной; потом немного поотстал. Ей хотелось сейчас идти одной. Она не спрашивала; а Юна — как я уже говорила — не рассказывала. О чем было рассказывать? О том, что нужно было остаться хотя бы до утра в машине Винато Инету? — Или о том, что, может быть, повернуть назад и постучаться и опять попроситься в машину к Винато Инету — вдруг он их пустит? — хотя навряд ли: вряд ли он даже проснется... — Так они уже далеко ушли от машины Винато Инету; и с каждым шагом — все дальше и дальше. Так они и шли.

Если честно, Юна все-таки рассчитывала. Она рассчитывала наткнуться на что-нибудь такое, как тот дом, где были Лёша Хряпов и Простофедя. По опыту она знала, что ночью — это одно, а утро — это совсем другое. Если бы сейчас утро — пожалуй, она бы все-таки нашла, с чем обратиться к воробью. До утра было, однако, как до неба. И хоть Юна, опять же по опыту, знала, что если идти долго, то обязательно на что-нибудь наткнешься, но они шли. Они шли уже достаточно долго. И единственное, на что они наткнулись — это был дорожный знак — пришлось подойти совсем близко, чтобы прочесть, что на нем написано: большими белыми буквами на синем фоне:

КОНДАКОВО 2

— А это что? — Юна первый раз, как они вышли из машины, открыла рот. У нее было хорошее зрение. Она встала на цыпочки. Она прочитала вслух то, что было чем-то острым нацарапано на синем фоне — пониже больших белых букв:

— Кондаково — край богатый,
Тумаков гребни лопатой!

Они посмотрели друг на друга.

— Пошли. — Юна пожала плечами.

За знаком начиналась малая дорога, уходящая вправо от большой дороги, по которой они недавно ехали, а еще совсем только что шли. Теперь они шли по этой маленькой дороге. 2 — это было два километра. Если быстро шагать. Большая дорога осталась за спиной в темноте, и очень скоро ее как будто бы не было вовсе — они топали по маленькой, приближаясь — к чему? Ни они — ни я пока что — мы этого не знаем.

Часть 2. ДОРОГА К МОРЮ

1. СУХОГРУЗ

Фью!

Длинный-длинный-длинный... нос. Что, — дятел?..

Да ни близко!

Нос — это нос. Обрато будет — корма. Не корма для дятла — жуки и личинки — а корма, — ну, корма! Корма корабля, вот чего! Ну наконец-то!!!

Корабль! — что ему и делать? — он плывет. По реке, по самой ее середине, разрезая носом недлинные волны, — какие бывают на реке. И кажется, что это река движется сама по себе, только тихий плеск разрезаемых этим длинным носом волн — но на самом деле есть у этого корабля и моторы, и — как это называется, рубка? Да; рубка; где моторы; которые гудят как миленькие; только там, на корме; досюда не доносятся ничего. Потому что тут — нос. Длинный — длиной сам с целую набережную! Этот странный корабль, который, если бы рубки не было на корме, назывался бы баржа. А так — он называется. Сухогрузный теплоход, вот как.

Нос этого сухогрузного теплохода — по которому можно было бы ездить, как по набережной, на велосипеде — да, можно было бы, если бы почти весь этот нос не занимал такой... ну, больше всего это похоже на гараж. На крышу от гаража с совсем некрутыми скатами. Только без гаража. Одна

крыша, на которой можно сидеть, не сваливаясь, — если и свалишься, беда небольшая: она поднята всего на полметра, ну, может, метр... Над землей? Над носом! И еще метр — дорожка вокруг крыши — отделяющая нос от собственно воды. Так что все-таки можно было бы проехать на велосипеде. Всё, хана велосипедам, иначе мы не сдвинемся с места. Однопалубный двухвинтовой сухогрузный теплоход с баком, ютом, двумя трюмами, двойным дном и двойными бортами, транцевой кормой, надстройкой и машинным отделением в кормовой части, предназначается для перевозки 20- и 40-футовых контейнеров международного стандарта, генеральных и навалочных грузов, включая зерно и лес, а в том числе опасных грузов классов 4 и 5, не требующих специальных систем пожаротушения!

— И на этом сухогрузном теплоходе, на его длинном носу, на крыше, на ее скате (правом), как на ровной поверхности — ближе к концу носа, а дальше всего от кормы — сидела одна маленькая фигура. Которая: куталась в куртку, надетую на ней поверх длинной тельняшки, тоже поверх чего-то надетой (свитера, что ли? правильно было бы свитер наверх тельняшки — но как есть, так есть); грызла что-то вроде семечек, только не семечки, вынимая это из рукава; а одновременно с этим курила папиросу Беломор; и — нет, не пела во весь голос, но насвистывала сквозь зубы.

Так что не услышала — а может, слышала, но специально не обращала внимания — как к ней по этой самой крыше, взобравшись на нее от самого того места, где она начиналась от кормы, движется другая фигура, еще поменьше — но в такой же тельняшке.

Она наконец приблизилась. Остановилась сзади. Подождала — а затем похлопала первую по плечу — для чего сначала пришлось закатать рукав тельняшки — по самый кончик пальцев, даже длиннее!

Первая продолжала свистеть. И лишь когда вторая похлопала ее вторично, свист прекратился. В отличие от всего прочего: она затянулась папиросой — потом вынула что-то из кармана и положила в рот — потом картинно медленно выпустила дым — прямо в облачное небо, — в переменную

облачность. И потом стала жевать. И только потом, не оглядываясь: — Чего.

— Я помыла всю посуду.

— Да? — сказала первая. — И что?

Метким щелчком! — она запустила окурок и проследила за его полетом. Убедившись, что он попал куда надо, а именно в воду за бортом. Наконец повернулась.

— Они хотят есть.

— Опя-ать???

— Они говорят, что уже четырнадцать склянок*. Обед.

— Они же только что ели... ЯИЧНИЦУ!

— Они хотят теперь блинов. Они... то есть он сказал, чтобы я нашла тебя. И сказала, что если мы их будем плохо кормить, то он... то они нас высадят.

Берега стояли и медленно проплывали за широкой полосой быстро бегущей воды, вспыхивая всеми красками осени, когда солнце выглядывало из облаков, и тут же скрывалось обратно. Хотелось смотреть и смотреть на это, забыв про все на свете. Только отсюда. Оттуда — то есть, с этих берегов — вряд ли так хорошо было видно.

— Та-ак... — протянула первая фигура. И встала.

Отряхнув себе зад, она опять повернулась ко второй. Голос у нее был теперь деловитый:

— Ты умеешь делать блины?

— Умею... немного.

— Что для этого надо?

— Мука. Яйца.

— Так они съели ВСЕ яйца!

Они посмотрели друг на друга. — Может, компот лучше сделать? Из сухофруктов? — спросила первая, поразмыслив.

— Они хотят блины.

Первая засунула руку в карман. И вынула оттуда... Сухофрукты! — вот что это было: сухофрукты. На этот раз

---

* Склянок всего восемь есть на корабле. Загадочные «они» подшутили над Нисом — а, скорее, Нис сама перепутала — она же воробей — как она вечно путала все слова — с обычными сухопутными часами! Это были бы всего лишь четыре склянки.

попалась вишня. С косточкой. Она сунула ее в рот. Пожевала, и плюнула косточку за борт. — Пошли, — сказала она.

И они пошли — по крыше в сторону рубки; при этом первая напевала — видимо, то, что раньше насвистывала: — Дуууулю, дулю, дулю вам — не-е-е забудьте шайбу нам. А-а-а-а забудьте шайбу нам — по-о-о-осчитаем зубки вам! — О! при чем тут шайба? Это, видимо, были издержки того, что Юна проучилась в школе, — 4, или 5, или 7 классов?..

2. КАПИТАН НИС

А теперь надо рассказать, как беспризорница Юна и воровей по имени Нис очутились на борту сухогрузного теплохода — после того, как они свернули согласно указателю «КОНДАКОВО 2» на малую дорогу с большой, по которой до этого шагали, темной ночью и холодной (теперь можно сказать то, что тогда было не нужно: что это был настоящий заморозок! такой — после которого утром ломаешь ногами лёдик на краю луж). — В обратную сторону от той, в которую их вез до этого большой рефрижератор, — в который они сели после того, как...

Ну так вот: ничего я рассказывать не буду. Потому, что это просто: играть в поддавки — может еще в догонялки?.. Нету времени. К делу! — иначе так и будем плестись на сутки позади отважных (да, нужно отдать им должное!) Ниса с Юной.

Они подошли к рубке — шум моторов тут был отлично слышен. Юна взялась за дверь — такую, как бывает только на кораблях: всю белую, и с закругленными углами, — и, открыв ее, вступила сразу на лесенку, круто уходящую вниз. За ней двигалась Нис — почти натыкаясь ногами Юне на голову: вот какая была крутизна этой лесенки, какие тоже бывают только на кораблях!

Потом по узкому коридору — а здесь все было похоже на то, как в поездах, но в поездах прямо, а тут — гляди, запутать-

ся! — они прошли до самого конца, где коридор заворачивал за угол. Тут была еще одна лестница, она круто поднималась вверх. А за ней сразу — тоже дверь. Войдя в которую, они оказались в довольно-таки просторном помещении. Это и была кухня. То есть камбуз.

Юна сразу стала открывать двери всех шкафов, тоже белых, и выдвигать все ящики — они были большие, и во всех них что-то было. Нис просто стояла, прислонившись спиной к большому холодильнику. Имела, между прочим, право — она-таки хорошо потрудилась, пока Юна там прохлаждалась на полубаке — или как это называется у них там, на кораблях.

— Так, — изрекала Юна, — а это что такое... — Ничего, однако, не прибавилось с тех пор, как они утром делали команде завтрак. То есть это Юна. Она изготовила яичницу. Из семидесяти яиц. Отлично получилось. Не хуже, чем у Простофеди.

Юна, тем не менее, продолжала перечислять — может быть, ей это помогало в самообладании: — Сухо... фрукты. — (Это мы уже видели.) — Рыба. Может, сушеную рыбу?.. — Нис на это никак не отреагировала. — Ладно, — мрачно пообещала кому-то Юна; и далее: — Мука. А..?

— Вот это — что?

Юна засунула туда палец и лизнула. Надо полагать, что это все-таки не был порошок от крыс и тараканов. И действительно: — О... Это сухое молоко.

Нис оттолкнулась спиной от холодильника и сделала шаг вперед.

— Ага, — сказала Юна.

— Ага... — сказала Нис.

Они посмотрели друг на друга.

— Если сушеное молоко, — сказала Юна.

— Может, можно без яиц... — сказала Нис. Она подумала (но вслух не сказала) о том, как мешала у Винато Инету лепешки.

Тут в наличном составе камбуза произошли некоторые изменения. А именно, в широкое окно, имевшееся в стене,

которое до этого было пустым, — то есть, если выглянуть в него, то можно увидеть... потом скажу, что. — Вот, в него просунулась голова.

— Эй, девчонки, — сказала голова.

Голова держалась на загорелой шее, которая торчала на плечах, обтянутых тельняшкой — точно такой же, какие были сейчас на Юне и Нисе (куртки они уже, кстати, сняли). — Только ему она была впору. — Девчонки, — повторил владелец головы и всего, что дальше по пояс (остальное оставалось скрытым ниже окошка). — Давайте хоть что-нибудь. Жрать хочется.

— Мы сейчас блины сделаем, — сказала Нис. Юна же просто громыхала ящиками — она искала муку, которую теперь потеряла — как будто отвечать было ниже ее достоинства.

— Блины-ы?? — Матрос уперся руками и всунулся в окошко так, что Нис испугалась, что он сейчас совсем вывалится к ним. — Настоящие? А как вас зовут, девочки? Меня Ёхан.

— Капитан. — Юна наконец нашла то, что искала, и с грохотом выдернула ящик с мукой из шкафа целиком. Тяжелехонек он был! — Понял? Ее зовут: капитан Нис. А теперь давай, вали отсюда! — Размахивая кастрюлей, которую час назад вымыла Нис, в которую она сама могла бы поместиться — наполовину, — она двинулась к окошку. — Понял? Давай, вали! А то вообще ничего не получишь!

— Что ты такая строгая? — изумился Ёхан, но всунулся в окошко обратно. — Скорее бы уже, блины ваши... — это он уже оттуда. И потом совсем исчез. Юна еще подошла к окну и высунулась в него, чтобы проверить. — Там была столовая, вот что. Сейчас в этой столовой царили пустота. И чистота. Длинный стол, составленный буквой «П», был тщательно вытерт, и на нем перед каждым стулом лежала салфетка — нераспакованная пачка которых была найдена тут же, в камбузе. И всё это сделала Нис.

— Всё, — сказала Юна, возвращаясь из окошка тем же манером, что и матрос, только в обратном порядке. — Помогай мне. — Вдвоем они подтащили ящик с мукой к столу. А кастрюлю Юна поставила на стол. — Теперь нужна какая-ни-

будь... лопата. Ага, вот! — Она увидела в углу совок — как раз по размеру того, что они собирались делать.

— Я в это мусор подметала, — заметила Нис. — Возьми лучше что-нибудь другое.

— Ладно, — (на стене висела другая кастрюля, поменьше). — Тогда этим.

Через полчаса было вот что: обсыпанные мукой с ног до головы Юна и Нис мешали по очереди тесто (кастрюлю они все-таки поставили на пол). Какой-то длинной деревяшкой с расширением на конце — наверное, она была именно для того. Юна все время подбавляла то одного, то другого. То ей казалось, что тесто жидкое, то что молока мало. Комки плавали в тесте. Это молоко — оно никак не хотело растворяться. Посередине грелась плита. Это была огромная электроплита, вместо конфорок на ней был один целый лист из чугуна — сейчас он уже раскалился докрасна в центре! Юна и Нис — они уже сняли тельняшки; сняли свитера; Нис опять осталась в платье; а Юна — в том, что на ней было до этого: рубашке и штанах, наверное.

— Говорят, у вас тут капитаны завелись?

— Я тебе сказала: ва... — Юна осеклась. Это и был капитан. Его физиономия в фуражке — он был без бороды, зато небритый, наверное, седьмой день — маячила в оконном проеме.

Он сунул себе в рот незажженную папиросу Беломор. — Когда будет обед? — спросил он другим углом рта.

— Через двадцать минут, — сказала Юна. — Дайте папиросу!

Капитан заглянул к ним.

— Тебе курить некогда будет, — резюмировал он. — Через двадцать минут посылаю команду. С чем блины?

— С... рыбой!

Нис отпустила палку, которой мешала. Палка сразу попыталась утонуть в тесте. — Ой... — Нис успела ее словить. — С какой рыбой? — Капитан исчез, окошко было пусто.

— С этой. — Юна метнулась к шкафу и стала вытаскивать одну за другой банки консервов со скумбрией — всего двадцать пять банок. — Чем ее открыть? Ты чего стоишь, давай,

мешай, нет, не мешай! где масло? — Со сковороды, которую они водрузили на плиту прямо перед капитаном — с нее шел дым.

Капитан вошел в камбуз и остановился у порога.

Юна по уши в муке сидела на столе, свесив ноги — почти лежала. Опираясь на локоть. На полу стояла пустая кастрюля из-под теста. В кастрюле лежал один Юнин башмак.

Нис стояла у окошка между камбузом и столовой. Ноги у нее подгибались. В камбузе стульев не было предусмотрено. Хорошо еще, что матросы принесли пустые тарелки на окошко сами. Туда, то есть с блинами, ей пришлось всё разносить.

— Первый раз такое ем, — сказал капитан. — Блины сладкие, а рыба соленая... — И, помолчав, оценил: — Вкусно.

Юна с Нисом не шевельнулись. Триумф они пережили — это было когда матросы стали всовываться в окошко за добавкой. До этого они ждали, когда их уже наконец начнут ссаживать — вышвырнут прямо здесь за борт! В консервную скумбрию они положили сметану, положили перец, положили лук, положили чеснок. И размешали это, как тесто.

...Капитан повернулся, чтобы уходить. Но остановился и оглянулся. — На ужин тушеное мясо.

Он опять повернулся, но остановился. — На. — Он бросил Юне папиросу, вынув ее, торчащую, из-за уха.

— Ты тут видела где-нибудь мясо. — Юна шевелила только губами — так же как, чтобы поймать папиросу, подняла только руку.

— Где, где — в холодильнике, — сказала Нис. Сдвинув прогремевшую гору тарелок, она наконец присела — на окошко.

— Его надо размораживать.

— Ты откуда знаешь.

— Я ни... Я знаю.

3. ГОРЯЧИЕ ДНИ, ИЛИ ПРОКЛЯТАЯ СОЛОНИНА

Так пять или восемь дней. Им некогда было нос высунуть — в смысле, на нос высунуться. И посмотреть, куда они там плывут. Хотя иногда все-таки высовывались. Например, когда пошел снег. Он шел в воду и таял. Берега были сумрачные, совсем не такие, как раньше. Все матросы высунулись посмотреть на снег. Но потом снова просияло солнце. Все-таки была еще осень, не зима. И потом они еще высовывались, когда был шторм. Шторм был ночью. Но тут им даже не дали высунуться — сразу прогнали обратно. Не капитан, а там был еще кто-то, боцман, или лоцман, Юну потом весь следующий день мутило, а Ниса — не очень: она оказалась качкоустойчива. Но они держались. Они готовили уху из кислой капусты и щи из рыбы. Рыбу поймали матросы. Они уже плыли по какому-то озеру. Берегов было почти совсем не видно. Матросы им немного помогли: они отрезали рыбам головы.

В камбузе было жарко, а на палубе холодно. Юна сидела на крыше. Подошла Нис.

— Он сказал, что всё. Завтра. Они оттуда едут обратно. У них будет уже нормальная эта... кочка. То есть которая готовит.

Юна сделала так: «фф-пок!» — Только громко.

— Ну и пусть готовит, — сказала она. — Напугали. Распустила Дуня косы, а за нею все матросы. Я уже вообще есть не захочу никогда в жизни.

— Захочешь еще, — сказала Нис. Тут они призадумались. — Надо у них натереть что-нибудь, — сообразила Юна. — Сухофруктов. Или сгущенки.

— У тебя сумки нет.

— Сумку тоже можно. Ночью пробраться в купе... в каюту...

— С сумкой тяжело, — сказала Нис. — Лучше в карман положи.

Юна полезла в карман... Это был урюк. С косточкой. — Хочешь?

Нис взяла урюк и положила его в рот. Некоторое время они молчали, глядя на исчезающие берега. В воздухе моросил — на берега, и на них — очень мелкий дождь. После камбуза очень кстати.

— Все равно зима, — заключила Юна. — Скоро. У них тут все замерзнет, и они не будут ездить. А нам — нам надо быстрее ехать. Пошли, надо фарш крутить.

4. УТРОМ

А утром... Утром светило солнце. Но Юна с Нисом не готовили. Так сказал капитан (он сказал — не успеете). Они сидели теперь вдвоем на этой крыше. Они уже ехали опять по какой-то реке. Берега у реки были высокие, кусты по берегам были красные. А деревья — желтые. Листьев на них оставалось уже не очень много. Были видны — между деревьями, и выше, по всему берегу — дома. Домов было много. Юна и Нис опять к чему-то приближались.

Нис толкнула Юну, не очень сильно.

Юна посмотрела. Теперь капитан к ним приближался. Он шел со стороны рубки.

Подойдя, он встал, — но на крышу, к ним, влезть не влез. Остановился напротив — так, что оказался примерно на одном уровне с Юной и Нисом, — которые сидели, поджав ноги.

— Так, — сказал капитан.

После этого он стал молчать, гоняя из угла в угол рта свою незажженную папиросу. Юна уже хотела стрелкнуть у него эту папиросу — она всего выкурила за время путешествия две, или четыре, так мало у них было времени, — но тут капитан достал зажигалку. У всех матросов зажигалки были самодельные, с откидными крышечками и с колесиком, — Юна видела, когда они резали рыбе головы. — А у капитана была

на пьезоэлементах: она вообще было не видно, как горела. И, шелкнув ею перед носом, наконец прикурил.

— Команда довольна. — Попыхивая папиросой, он глядел куда-то поверх Юны и Ниса — как будто разговаривал сам с собой. Или размышлял вслух. — Говорят, что их с самой армии так не кормили. Предыдущая — она сошла в тот день, когда вас взяли — готовила одни клёцки. Клёцки на завтрак, клёцки на обед, клёцки на ужин. Клёцки кончились, а она не захотела готовить что-нибудь другое. Пришлось ее высадить.

— Пожалуй, я вас беру на ставку. На двоих одну. — Теперь он смотрел на Юну и Ниса, — сразу на обоих. — Сейчас разгрузимся, и пойдем обратно. Потом опять сюда. Потом еще в другое место. Потом зима. Все пойдут в отпуск. Потом будет весна.

— Да прямо!! — выпалила Юна.

Она вскочила. Теперь она была — плюс крыша — не на одном уровне с капитаном. А выше. — Мы так не договаривались. Мы обратно не поедem. Мы вас кормили? Кормили. Всё, выпускайте нас! — Капитан поднял руку ладонью вверх. Юна заткнулась.

— Во-первых, — сказал он, — выпустить я вас сейчас могу только в воду. Сядь.

Юна молча села. Капитан дождался этого. И продолжил.

— Во-вторых. Я же вас на ставку беру. Вы спросили, какая ставка? Не спросили. А может, она очень большая. Может, вы после этого сможете поехать куда хотите — хоть на океанском лайнере. Вы еще торговаться не пробовали. Может, я вас на две ставки возьму. Плюс — сгущенка, орехи, сухофрукты, шоколад — неограниченно.

— Что-то я не видела, — буркнула Юна. — Шоколада.

— Потому что его нету. Мы сейчас в порт зайдem, и возьмем. Всё возьмем. Надо только составить список. Сколько мяса, сколько масла, сколько подсолнечного масла. Яиц, молока. Уже прямо сейчас нужно составлять. Иначе не успеете. Вставайте и идите.

Юна взглянула на воробья. — Нам нельзя! — сказала она с отчаянием. Шоколад ее сразил. — Мы ищем Бе... лого Ворона, — договорила она обреченно.

— В-третьих, — сказал капитан. — Зима. Белый Ворон зимой не летает.

— Вы что, знаете Белого Ворона? — спросила воробей. До этого она молчала.

— Понятия не имею, — сказал капитан.

— Чего тогда болтать, — мрачно сказала Юна. Проболталась она сама. Она сейчас это переживала.

— Никто зимой не летает, — сказал капитан. — Не плавают, не ползает. И никуда не едет. Дождетесь весны. А там — пожалуйста.

— Нет, — сказала Юна.

— Как хотите, — сказал капитан. Он вдруг потерял к ним интерес.

Аккуратно затушив папиросу о край крыши, он спрятал ее в карман. Повернулся и пошел. Но через два шага остановился. — Сейчас шлюзы, — сказал он, полуобернувшись. — А потом вам выходить. Собирайтесь.

— Постойте! — Капитан обернулся совсем.

— А... эти, полосатые — вы у нас отберете? — спросила Юна. Она имела в виду тельняшку.

Капитан пожал плечами. — Забирайте. — А сухофруктов можно взять? А... сумку?

— Сумку не знаю, — сказал капитан. — Если только кто-то из матросов. И мне некогда с вами рассуждать. Меня ждет команда.

5. ШЛЮЗ ПЛЮС-МИНУС НИС

И, значит, были шлюзы. Корабль стоял в такой бетонной коробке. Стены у нее были склизкие, коричневые. А внизу была вода.

Нис с Юной сидели на палубе. На крыше они сидели, на том месте, где всегда, на носу. Они уже были полностью со-

браны. Собственно говоря, собираться-то было нечего. Если бы не...

Матросы. Они все шли и шли к Юне и Нису на палубу. И каждый что-то нес. Матрос Ёхан принес зажигалку. Матрос Гендос принес сумку, которая у него осталась, он сказал, из армии, — сумка была не очень большая, и очень старая, из брезента зеленого цвета, который выцвел и стал почти белым. Серым на самом деле. Она была доверху набита сухофруктами. У матроса Пихара Юна, почувствовав вкус к подаркам, попыталась выцыганить фуражку, но он не дал. Зато им дали еще какой-то одежды. Произошла смена курток — теперь куртки на них были теплые, зимние, с подкладкой. Но все такие же большие. Прямо-таки пальто, а не куртки. Обуви же на Юну с Нисом на этом сухогрузном теплоходе не нашлось. Потом матросы все ушли — им надо было работать. Юна с Нисом остались.

Нис еще в самом начале — еще до матросов — написала пальцем на этой мокрой коричневой стене. Она думала, что Юна не видит. Но Юна видела. Она подглядывала. Она увидела, как Нис написала:

НИС

Юна быстро отвернулась. Но Нис еще не закончила. Когда Юна в следующий раз посмотрела, там было написано:

НИСНАЮ   ЗНАЮ

КАПИТАН

ШЛЮЗ ЮНА БЕЛЫЙ ВО

Непонятно, что могло означать это послание и кому оно предназначалось. А теперь корабль быстро шел вниз. Вода под ним убывала, и вскоре надпись осталась на такой высоте, до которой не смогли бы дотянуться Юна с Нисом, даже встань они друг на друга. Потом вода перестала убывать. Открылись ворота в передней стене шлюза. Корабль плавно вплыл в другую коробку, точно такую. И ворота за ним закрылись. Но зато открылись другие ворота, перед ним. Это был почти уже город.

Сухогрузный теплоход с Юной и Нисом на носу медленно плыл мимо домов, улиц и машин на дорогах. Это был речной вокзал. Всего один матрос — которого они не знали, как

зовут — ловко закрутил канаты на больших железных болтах, торчащих из пристани. И сразу же убежал: ему надо было работать. По деревянному мостку с перекладинами, чтобы не соскользнуть в воду, они сошли на пристань. На пристани они повернулись и стали смотреть на корабль. Они увидели капитана на верху рубки. Но он даже на них не оглянулся.

6. ГРЕБИ ВИНТОМ, А НЕ ЛОПАТОЙ. — ОДНА ЛИШНЯЯ ГЛАВА, КОТОРОЙ БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО. НО ВСТАВЛЕНА — ПО МНОГОЧИСЛЕННЫМ ПРОСЬБАМ ЧИТАТЕЛЕЙ. НО БОЛЬШЕ ТАКОГО БЕЗОБРАЗИЯ НЕ БУДЕТ!

Очень просто. Они шли, — пока не увидели странные огни, приближающиеся с той стороны, куда они двигались. Странного в них было то, что, в отличие от фар машин, которых всегда пара, эти двигались по одному — мерцая, исчезая и разгораясь вновь — словно бы перегоняя друг друга. Юна дернула Ниса за руку. Они едва успели соскочить с дороги и спрятаться в канаве — как мимо них, тарахтя моторами без глушителей, промчалась целая кавалькада. Юна с Нисом, однако, не спешили покидать эту канаву: в ней было безветренно и сухо, хотя и не слишком тепло, — и правильно сделали: очень скоро кавалькада с ревом промчалась обратно. Они продолжали сидеть. Но потом им это надоело. Целую ночь провести в канаве? — это не входило в их планы: они и так уже две предыдущие ночевали в каких-то малопригодных местах. Тогда-то Юна и велела Нису ждать тут, никуда не уходя, а сама отправилась на разведку. Нис сразу же потерял ее из виду. Вскоре она услышала уже знакомый ей звук. Кавалькада возвращалась. Но на этот раз звук не пронесся

мимо. Наоборот. Он стих, но совсем не исчез — и неизвестно еще, когда опаснее: когда это был пролетающий на огромной скорости оглушительный треск, или теперь, так близко, выжидательно-упругий: дрн-дрн-дрн-дрн... ддрррын-дрн-дрн... Нис — от страха, конечно, — было еще хуже так сидеть и ничего не знать — высунула нос. Потом она высунулась из канавы наполовину.

Вся кавалькада стояла теперь тут. Огни сгруппировались, и были направлены с разных сторон на что-то — на кого-то, стоящего в центре. Слышались голоса — но что они говорят, было не разобрать. По интонациям, впрочем, было ясно. Назревала драка. Юна — Нис узнала ее, полуосвященную этими огнями — повела себя в своей обычной манере. Вот кто-то толкнул ее сзади — и сразу раздался удивленно-возмущенный возглас — ни секунды не медля, Юна развернулась и отвесила первому попавшемуся ей под кулак хорошего тумака: по всему виду, она твердо решила не торговаться на сдачу и доказательно оспорить, кто тут еще будет грести лопатой. Тут же те, кто стоял до этого позади, опираясь только одной ногой на землю, держа наклоненными свои мотоциклы, соскочили с них совсем. Куча сгрудилась...

— Пустите ее! — отчаянно закричала Нис. Она окончательно вылезла из канавы.

Куча рассыпалась. Те, кто ее составлял, не ожидали контр-удара с тыла — видимо, Юна забыла им рассказать про Ниса. Кто-то еще, правда, сунул еще Юне раза — кому-то еще отвечала Юна тем же. Но в основном все теперь смотрели на воробья. Действительно, со своими косичками Нис составляла здесь, на дороге, явление незаурядное. Нис, в свою очередь, смотрела на них — и то, что она видела, было неутешительно. Мотоциклетные шлемы они снимали — потому что в шлемах неудобно драться — под шлемами одни оказались бритыми наголо; у других вместо причесок торчали какие-то хохлы.

— А это что за птица? — наконец спросил кто-то — нельзя сказать, чтоб главарь: все они были как на подбор одинаковые в своей пестроте.

— Я не птица, я... — Нис запнулась, — я воробей! — крикнула она. По сравнению с этими ее одноклассники сами

были бы воробьями перед петухами. Она потеряла страх. Как выяснилось, не трудно потерять то, что унести не можешь. Бесстрашно Нис шагнула вперед. — Пустите ее! — сказала она еще раз. — Мы вас не трогали. Мы едем на море.

Грохнул хохот.

Они смеялись, сгибаясь пополам и склоняясь к рулям своих мотоциклов — «Минскач» спортивный, и «Ява», и другие там были, но эти в основном. Даже Юна криво усмехнулась — ей-таки дали в челюсть, и теперь она трогала языком изнутри то место, прикидывая, что, кажется, удар был смазан, синяка не будет. Потом кто-то сказал Нису: — Садись! — Это и был на самом деле главарь — совсем невеликий ростом, чуть выше Ниса, ну, может, с Юну — крепыш: у него единственного прическа была нормальная, этим он отличался от других. То есть, конечно, все они отличались — просто разглядеть это не было времени. В темноте.

— Отвезем их на море? — обратился он к остальным.

Ни на какое море их, конечно, не отвезли. Это была река. И под мостом в темноте как раз стоял тот самый сухогрузный теплоход. На который они потом взобрались и ехали. Короче, им многократно повезло. Кроме того, они покатались на мотоциклах.

7. ПЕРЕЛЕТНЫЕ КРЫСЫ

— ...Лучше умереть стоя!

— Чем лечь здесь спать, — заключила Нис.

Они стояли на чердаке. Чердак был восьмиэтажного дома. Дом был в городе. Город был на холмах. Он был в два раза больше, чем город, где жили Нис и беспризорница Юна. Утром они сошли с теплохода на речном вокзале — и весь день здесь ходили.

А город был весь в кленах. И в фонтанах. Но фонтаны уже не работали. Они были закутаны на зиму. Зато клены.

И каштаны. Они бродили по городу взад-вперед и вверх-вниз. Юна играла в такую игру — наподобие корабля, она врезалась в кучи кленовых листьев, засыпавших улицы города, и шла вперед, загребая ногами и расшвыривая вверх и в стороны тучи желтых шуршащих листьев! За ней Нис. Еще они кидались листьями. Когда они уставали ходить, они останавливались например перед пельменной. В окна было видно, как люди за столиками едят большие пельмени — с ладонь величиной — таких не было в городе, где жили Нис и беспризорница Юна. — И ели сами сухофрукты, доставая их из сумки на боку Юны. Или садились на площади на скамейку, где сидели люди вокруг фонтана, который не работал. И ели сухофрукты. Еще ездили в метро без копейки, — когда им надо было например от станции «Речной вокзал» перебраться в центр города, — уж в городе-то знала как надо передвигаться беспризорница Юна. Но потом наступила ночь. Надо было опять где-то ночевать. Они пошли на чердак одного дома в центре. Теперь они стояли на этом чердаке, на самом пороге, не решаясь пойти дальше — сразу от порога начинался какой-то гравий, который начинал так страшно хрустеть, как хрусталь, стоило наступить на него один раз, что казалось, этот хруст разносится по всему дому — уж тем-то, кто живет на восьмом этаже, сразу станет слышно, что над ними кто-то ходит, и они прибегут, и...

Впрочем, у них была зажигалка. Юна шелкнула ею — осветилось на метр вперед. — Доски! — По гравию были проложены доски — специально, чтоб идти по ним вглубь чердака и не шуршать. Они прошли по этим доскам до примерно середины, и тут остановились.

— Может, надо постучаться в какую-нибудь квартиру и попроситься к ним поночевать? — подала голос Нис. Действительно, совершенно непонятно было, в каком месте этого огромного холодного чердака — и почему именно в нем — им устраивать свой ночлег. С таким же успехом можно было ночевать на крыше. Или на улице в фонтане.

— Лучше умереть стоя... — с пафосом начала Юна (где-то она что-то такое читала. Вряд ли читала — скорее, все-таки слышала — может, в каком-нибудь кино?)

— Чем лечь здесь спать, — закончила Нис. Обе приуमолкли.

И как только они затихли, стал слышен какой-то писк. Достаточно слабый, он шел, казалось, со всех сторон.

— Это ласточки, — сказала Юна уверенно. Зачем-то только она понизила голос.

— Зубасточки, — сказала Нис. — Ласточки сейчас знаешь где?

— Где?

— Где Белый Ворон. В теплых краях.

— Много ты знаешь. — Не то чтобы Юна не осознала справедливость слов Ниса, просто ей неприятно было, что Нис догадалась, а она нет. — Тогда кто это? — она переменила тему.

— Крысы, — сказала Нис. — У меня на чердаке. Ну, на доме, где я сидела в городе на крыше. Были крысы. Они точно так же пищали.

Юна посмотрела на нее еще с новым изумлением: — Да, ты знаешь толк, — признала она. — Ты их, что, не боишься?

— Чего бояться. — Нис пожала плечами. — Просто неприятно.

— Может, нам по ласточкам идти? — У Юны, как всегда, голова работала — на целый фейерверк. — Наловить ласточек, и выпускать по одной! Эй, ласточки, нам тоже туда! В теплые края, мы с вами — ласточки морские! — Она стала выбивать чечетку — зубами и ногами — даже в теплых куртках здесь было холодно, — и споткнулась с доски на гравий. Гравий страшно захрустел.

— Это крысы, — сказала Нис. — Пошли отсюда.

Ни слова больше не говоря, Юна повернулась и пошла по доскам, щелкая своей зажигалкой. За ней следовала Нис. Так они бесславно выбрались обратно в подъезд, где и остановились на последнем этаже у батареи, не решаясь пойти искать себе еще какое-нибудь другое место. Тут хоть батарея, она грела чуть-чуть. Город был, конечно, очень красивый в свете фонарей, под низкими черными тучами, склубившимися к вечеру — сквозь которые иногда мелькала одна какая-нибудь звезда. А спать?..

8. ДОЖДЬ, ГРАД, ВЕТЕР

Случилось то, что и должно было случиться — их наконец настигла настоящая осень, переходящая в зиму. После того, как Нис с Юной проспали ночь стоя, вцепившись в батарею в подъезде, то и дело просыпаясь и разговаривая о чем-то, чего ни одна, ни другая не могли потом вспомнить, — и после того, как утро наступило в виде первого человека, который вышел из двери как раз восьмого этажа и спустился сначала к ним, а потом мимо — и при этом шестнадцать раз оглянулся на Юну и Ниса, — и после того, как шаги его дошли до самого низа и потом хлопнула подъездная дверь — и беспризорница Юна сорвалась с места с криком: «Поехали где тепло!» — против чего Нис не возразила ни малейшим звуком — и они тоже поскакали вниз, и вылетели на улицу, и потом на метро — оно уже работало — спрашивая у людей, доехали до края города. И вот после этого, когда они уже стояли на краю дороги, опять вытягивая руку навстречу машинам, пошел дождь. Сначала он зарядил косо, и был мелкий, но через час — а они все еще стояли на том же самом месте — это был уже настоящий ливень. Куртки их промокли не сразу. Сперва какая-то машина их подбросила десять километров; потом еще другая — тоже десять километров; и вот когда они вылезли из этой другой, оказалось, что они отсырели до самого последнего перышка или нитки или синтепона. И никакой надежды просохнуть — потому что тут они уже зависли по-настоящему. До самого вечера. Они съели все сухофрукты и выкурили оставшуюся у Юны с корабля в зачатке последнюю папиросу пополам (не Беломор, а Север). Нис ужасно после этого кашляла и решила, что никогда не будет курить. Сейчас она не потянула бы даже на воробья. А были — обе — похожи просто-напросто на куриц из Юниного анекдота. До вечера. А вечером дождь плавно перешел в снег. Ночевали они в этот раз в забытом кем-то в чистом поле стогу сена, забравшись в самую его середину — сверху он был прикрыт целлофаном, а внутри было довольно-таки тепло — но, конечно, высохнуть так было невозможно. Соврать будет — сказать, что они не вспомнили — и неоднократно! — капитана с его

предложением. Но почему бы тогда не остаться еще раньше, у Лёши Хряпова с Простофедей? — оттуда их тоже не прогоняли. И поэтому утром, когда они проснулись — и увидели. Вокруг лежал снег. Первый снег! — А они ночевали на улице!!! Удивительно еще, что они не заболели. — То, выбравшись из своего стога, в сырых куртках, довольно-таки бодро потопали опять на трассу — и при этом Юна распевала песню, подслушанную ею у матроса Гендоса, когда они резали рыбе головы. Сиплым голосом:

— У солдата нет погон —
Значит дезертир!
У солдата нет ремня —
Он его пропил.
У солдата кошелек —
Он его украл!
Проводи нас до турмы,
Товарищ генерал,
Товарищ генерал! — Сидит солдат на коечке,
В незнакомой комнатке,
И от улыбок сторожа
Вся комнатка светла,
Не обижайся, сторож мой...

В этот момент Нис уже вступала на дорогу и поднимала руку. И машина — это была не легковая, и не грузовая машина — а типа «ГАЗ», то есть — газик, — первая же ехавшая по шоссе, остановилась, вроде бы, еще до того, как Нис подняла руку, — и если бы Юна не так увлечена была пением, она бы, конечно, не дала Нису ее поднять, а наоборот, утащила бы ее куда подальше! — Но было поздно.

Распахнулись все дверцы. Из них высунулась головы. Все они были в фуражках. Помахав Нису и наконец на полуслове осекшейся Юне пригласительно рукой, они сказали:

— Поехали.

Это была полиция.

9. В КЛЕТКЕ

— Здравствуйте!

Все полицейские, которые были в отделении — штуки три перед перегородкой, и тот, что сидел за перегородкой за столом и что-то писал — повернулись и стали смотреть. И было на что! — в отделение вошли все остальные полицейские, которые были в машине — еще штуки три; а между ними посередине беспризорница Юна — в мокрой куртке — и Нис — в мокрой куртке; которых, когда они уже вошли, полицейские пропустили вперед — причем Юна чрезвычайно независимо — руки в брюки — прошествовала туда, куда ее пропускали: на середину комнаты — с таким видом, будто ожидала аплодисментов.

На самом деле им было не так плохо. С того момента, как их забрали в полицейскую машину — не успевших отойти и ста метров от стога, в котором они ночевали, — ну, как всегда бывает, когда долгое приключение вдруг прерывается намного превосходящей тебя силой — и от тебя уже ничего не зависит. Можно расслабиться. Они попали в тепло. Всю дорогу, которую они ехали, полицейские проехали с шутками и прибаутками. Юна тоже язык за зубами не держала. И вот теперь они входили в отделение.

Двое полицейских встали там же, где уже и так стояли трое полицейских, а третий полицейский сказал полицейскому, который сидел за перегородкой:

— Видал? — Указывая на Юну с Нисом.

— Не слепой, — возразил тот, за перегородкой. — Где вы их взяли?

— На трассе поймали!

— Не надо врать, — заявила Юна. Все полицейские, сколько их было — два да три — пять, да еще двое — семеро! — они все уставились на нее вторично. — Это мы вас поймали, — сообщила Юна. Она шмыгнула носом. Сиплым голосом: — Вон она поймала. — Кивнув на Ниса. — Что, нельзя, что ли? — Юна перешла в наступление. — Мы просто ехали. Мы ничего не делали. А чем докажете? — Да, беспризорница Юна имела немалый опыт обращения с полицией!

— Где это ты простудилась? — поинтересовался полицейский за перегородкой — он даже высунулся из-за перегородки, с любопытством разглядывая Юну. — Вон, и ботинки. Не по сезону.

— В сто... — Юна осеклась. — Нормальные ботинки, — сказала она мрачно. — Где написано? Что нельзя в таких ботинках?

— А подружка твоя чего молчит? — спросил другой полицейский — из тех, что стояли в отделении. — Эй, скажи что-нибудь!

— Она ни-ис! — Юна повернулась к нему. — Она вас не знает! И с незнакомыми не разговаривает. Нис, давай, скажи ему что-нибудь. И мы пойдем.

— Я... — Нис глотнула воздух. Внезапно она собралась и сказала твердым, хоть и тонким голосом: — Отпустите нас, пожалуйста! Мы больше так не будем. И мы ничего не делали. Ловите себе воров каких-нибудь, или мышей, если хотите. А мы просто себе ехали. И мы поедем дальше. — Нис никогда в жизни не попадала в полицейский участок. Но этого никак нельзя было сказать по ее речи! Казалось, она провела в прениях с полицией не меньше времени, чем беспризорница Юна. Юна с гордостью оглядела полицейских:

— Вот! Понятно? Ну, в общем, мы пошли. До свиданья.

— В общем, — сказал тот полицейский, который входил последним, тому полицейскому, который сидел за перегородкой, — оформи их там, как полагается. А мы пошли. — Пошли! — Все трое полицейских, которые привезли Юну с Нисом, двинулись к выходу из участка.

Цоп! — один из полицейских, который был в участке раньше, словил за куртку Юну, устремившуюся было, ухватив за руку Ниса, тоже к двери.

— Пустите! Нам надо...!

— Мг, — согласился полицейский. — Вот сюда. — Без особых усилий он слегка повернул Юну. А всё это место, где стояли полицейские, и перегородка, и стол за перегородкой, за которой полицейский сидел — всё было справа от двери, если входить в участок. А если повернуть голову от двери прямо налево — то там была еще дверь. Которая была в решетке

от пола до потолка. И в этой двери ключ. Вот в эту дверь и подтолкнул полицейский беспризорницу Юну. Следом, другою рукой, была отправлена Нис. Дверь закрылась за ними, и ключ повернулся.

Они были в клетке.

10. ПРИМЕРНО ВЕРНО

Юна еще по инерции ткнулась в дверь обратно — всё! Дверь была заперта — а ключ?.. Если бы полицейский оставил нечаянно ключ с той стороны — то, если у тебя не слишком большая рука, можно с легкостью просунуть ее в широкую дырку решетки, и... но полицейский, спрятав ключ в карман, вышел за дверь. Остались те двое — и третий, за перегородкой. Потом двое тоже вышли; а третий с кем-то разговаривал по телефону. Про них?..

Нис стояла и осматривалась. Смотреть тут было нечего — метр двадцать в ширину, три в длину, плюс скамейка. На скамейку можно было сесть. Так она и поступила. Поискала гвоздик, чтоб повесить куртку, не нашла, сняла ее и тоже положила на скамейку.

Тем временем открылась дверь из коридора и в нее заглянула еще одна голова. Она повернулась направо, потом налево. Увидев стоящую за решеткой Юну, голова открыла рот. И застыла. Ни туда, ни сюда.

— Эй, — сказала Юна, — сколько времени?

— Семь минут восьмого, — ответила голова без запинки.

— Врешь, — догадалась Юна. — Сейчас девять! Ну в крайнем случае одиннадцать.

— Гы-ы! — обрадовалась голова.

Дверь открылась шире, и за головой появился весь полицейский. Он был только что с улицы. Он встал перед решет-

кой и принялся бесцеремонно тарашиться на Юну и Ниса. Он был как две капли воды похож на матроса Ёхана.

— Ух ты, тебя случайно не Ёхан зовут?

— Хо-о! — опять обрадовался полицейский.

— А может у тебя брат есть? — продолжала допрашивать Юна.

— Есть, — согласился полицейский.

— А где он работает?

— Здесь.

— Нет, это не то. Ладно; как тебя зовут?

— Угадай, — сказал полицейский.

Юна подумала и предложила: — Олег.

— Примерно верно!

— А ты нас выпустишь на две минуты?

— Зачем?

Юна оглянулась на Ниса. — Мы хотим умыться, — сказала она. — Мы еще с утра не умылись.

— Нет, не выпущу, — сказал полицейский.

— Почему?

— У меня ключа нет.

Тут раздался голос из того края комнаты. Это был полицейский за перегородкой. Он уже кончил разговаривать по телефону. — Приведи мне одну из них!

— Которую? — откликнулся их полицейский.

— Любую.

— Сейчас! — Полицейский вынул из кармана ключ и отпер дверь. — Выходи!

Юна вышла. Полицейский Олег довел ее до перегородки, а сам остановился с той стороны, открыв рот, как будто приготовился снова сказать: «Гы-ы!» Юна уселась на стул без приглашения и, ткнув пальцем в его сторону, заявила:

— Пусть вот он уйдет. Я ничего рассказывать не буду!

— Иди посторожи пока ту, — сказал полицейский за столом полицейскому Олегу.

Тот с явной неохотой, но подчинился. Они остались вдвоем. Пять минут они смотрели друг на друга. Потом наконец полицейский за столом сказал: — Ну?

— Чего ну? — спросила Юна.

— Рассказывай.

— Чего рассказывать?

— Кто вы такие, куда едете. Фамилия, имя, место жительства.

Юна шмыгнула носом. И предложила:

— Лучше вы что-нибудь расскажите.

— Че-го? — полицейский отложил ручку, которой он уже приготовился записывать.

— Про рыбалку. Я же слышала, вы говорили по служебному телефону. По межгороду. Вашему другу. Форель. Вы ее словили. Она жирная. Потому что в декабре. Она, эту... ну, икру мечет.

— Так. — Полицейский привстал и выглянул за перегородку. — Эй! Уведи эту, приведи другую!

Вернулся полицейский Олег. Он вел Ниса. Юна едва заметно нахмурилась — Нис поняла ее и опустила глаза — все равно что кивнула. — Пойдем! — сказал полицейский Олег, улыбаясь до ушей. — Поговорим. А то она не хочет разговаривать.

— Лысый козел пусть с тобой разговаривает, — сказала Юна.

— Садись, — сказал полицейский за столом Нису.

Нис села и аккуратно оправила торчащее из-под двух свитеров платье. — Молодец, — сказал полицейский. — Ты не как твоя подруга. Она слишком разговорчивая. А ты рассказывай, что тебя спрашивают. А будешь как она, так я вас отправлю обеих.

— Куда? — спросила Нис.

— На художника учиться, — сказал полицейский.

— Я не умею, — сказала Нис. — Рисовать.

— Там тебя научат. Ну, будешь рассказывать или нет?

— Что? — спросила Нис.

— Всё. — Полицейский взял ручку и пододвинул к себе бумажку. — Честно и откровенно. Куда ехали. Зачем. И, главное, откуда. Адрес. Улица, дом, квартира, этаж. И чем родители занимаются. И ее — вот ее тоже.

— Мы... — Нис умолкла. Вдруг она решила. — Мы ехали на корабле. Там матросы, там... капитан. Капитан Нис.

Это я. А мы... мы делали еду. Яичницу, сухофрукты, сгущенку, и... бефстроганов. И пели. Сидит солдат на коечке и про далеких подруг. И рыбу из кислых щей. Ловили. — Нис умолкла. — Мы еще стояли в шлюзе, — подумав, добавила она.

Полицейский уже давно не записывал, а просто молча смотрел на Ниса. Наконец он пододвинул ей бумажку:

— Распишись. — Сказал он каким-то тусклым голосом.

Нис посмотрела. Кончалось на сгущенке. Она нахмурила лоб и приписала — «бифстроганов». («Ноф» или «наф»?) — И подписалась аккуратным почерком:

ПРИМЕРНО ВЕРНО

Пришел полицейский Олег. Обиженный. Беспризорница Юна с ним больше не разговаривала, а на все его вопросы выставляла в сторону решетки фигу. Две фигуры. Он препроводил Ниса в клетку и запер за ней дверь. Нис села на скамейку, где уже сидела Юна.

— Ну как? — спросила Юна.

— Нормально, — сказала Нис.

Юна шмыгнула носом. — Там в сумке что-нибудь осталось? — поинтересовалась она.

— Зажигалка, — сказала Нис.

11. ЗЕМЛЯНИЧНЫЕ ПОЛЯ

— Эй! Чего это нам не дают еды?

Полицейский, который теперь сидел за столом за перегородкой, попался какой-то слабонервный. Он тринадцать раз вошел — и столько же вышел. Не обращая внимания на то, что Юна с Нисом уже проснулись, и сидят переглядываются, трут глаза, и тарашатся наружу — спросонок им могло показаться, будто полицейских выпекают тут в неисчерпаемом количестве, на втором этаже, — ни одного знакомого лица не обнаружилось с той стороны решетки: ни полицейского

Олега, ни тех, что их привезли вчера, и ни тех, что вчера тут были! — а что им там на самом деле показалось, я не знаю.

Во всяком случае, Юна чувствовала себя хорошо.

В отличие от вчерашнего — когда, не надо забывать, они только что ночевали в стогу, а до этого ночевали стоя в подьезде, а потом выдержали первое (у Ниса — первое в жизни!) сражение. — И с честью. — И готовы были выдерживать еще. Но поскольку это сразу не понадобилось, — то выяснилось, что они не выспались. В тепле, и, хоть на жесткой скамейке и узкой, но места хватило в длину, потому что они были маленького роста — головами друг к другу, Юна на куртке, а Нис на сумке — потому что была ее очередь нести сумку. Если бы они шли. А так — она воспользовалась сумкой вместо подушки. Всё по справедливости. — И так они проспали сутки. С перерывами — то есть, просыпаясь, когда поворачивались на этой все-таки жесткой скамейке, но потом засыпая себе спокойно дальше, благо внимания на них никто не обращал.

...И тут вдруг направился к ним прямо от двери с таким видом, как будто собирался броситься на решетку!

— А ты кто такая? Кто ты такая, я спрашиваю! Чтоб тебе еще давать еды!..

Юне это не очень-то понравилось. Те полицейские, которые были вчера, — они, по крайней мере, вели себя спокойно.

Она отступила от решетки на шаг.

— Если я тебе скажу, что я — Анна-Лидия Вега-Серова? Тогда что?

Полицейский раздулся, как лягушка.

— Ты у меня..! Ты!.. — И, видимо, испугавшись, что сейчас лопнет, повернулся и убрался за перегородку, где принялся яростно накручивать телефон. Вдогонку ему последовало:

— Или давайте выпускайте нас! Мы тут не в зоопарке! Нас ждут... друзья.

— Я тебе покажу — друзья! — донеслось из-за перегородки. — Ты у меня сейчас назовешь всех своих друзей!..

Видно, он боялся Юны. Раз даже не решился высовываться из-за своей перегородки. Юна сунула руки в карманы и вернулась на скамейку к Нису.

— Высохла, — определила она, пощупав куртку. — Наполовину. Что, будем еще тут сидеть?

— Скучно так сидеть, — сказала Нис. — Лучше поделаться что-нибудь.

Юна подошла к решетке и принялась с чрезвычайным вниманием через нее вглядываться.

Все полицейские одинаковые. Да; если ты куда-то идешь, или, например, бежишь — то тогда на бегу это так для тебя и есть: просто — полицейские! Совсем другое дело, если сидишь в клетке, где, ввиду узости перспектив, только и остается, что пялиться из нее наружу. Полицейский, который стоял теперь в отделении вместо полицейского Олега, был флегматичный. Он сначала отирался возле окна, созерцая открывающийся из него вид вчетвертьоборота, выставив левую ногу и опираясь на правую; а теперь выставил правую. А на левую оперся. Вообще, если так смотреть — во всяком случае, отсюда, — то становилось непонятно, в чем же состоит работа этих полицейских, и за что их на ней держат? Вот этот полицейский Улам — за какую из ног был привязан и почему торчал у окна, если мог пойти в любую сторону? Может, тоже чувствовал себя за решеткой? Только с другой стороны? — Это я говорю, а не Юна; Юна — она просто увидела нового полицейского.

— Эй, Улам! Подойди сюда!

Полицейский хорошенько поразмыслил. Потом, оттолкнувшись спиной от стены и приобретя необходимое для этого дела ускорение, приблизился к решетке. Подперев ее плечом, он повернул к беспризорнице Юне ухо.

— Давай мы тут вам побудем кем-нибудь. А нам пусть за это дадут еды.

— А кем ты хочешь быть? — Две минуты до этого он думал, открывать ли ему вообще рот.

— Космонавтом, — сказала Юна. — Иди, сходи туда, спроси этих своих. Что им нужно. А мы это поделаем.

По-видимому, беспризорница Юна нашла верный путь к ушам и мозгам Улама. Он неплохо понимал прямые указания. Он оттолкнулся теперь плечом и проследовал к выходу. Не прошло и получаса, во время которых Юна, за неимением

больше новых полицейских, разглядывала помещение снаружи — стены, пол и потолок, — и норовила еще отыскать такой угол, чтобы хоть краем глаза глянуть в окно, — как он вернулся с ключом.

— А что мы будем делать?

— Снег копать.

— А там СНЕГ?! Точно, я забыла — нет, мы так не играем!

Пусть нам тогда дают... — Юна оглянулась на Ниса.

— Ботинки, — сказала Нис. У нее на ногах были туфли. То есть, когда они садились в поезд. Они тогда были еще почти совсем новые. Похоже было, они не вынесли замачивания в дожде с финальным проходом от стога до обочины. Из кожезаменителя.

— Ботинки! — объявила Юна. — И куртки. Пусть тоже дают. У нас не высохли.

Вооруженные огромными жестяными дворницкими лопатами, беспризорница Юна и Нис, шаркая кирзовыми сапогами и в негнущихся телогрейках, пыхтя и кряхтя, развозили мокрый снег по сторонам площадки перед полицейским участком. Они занимались этим от забора и до обеда. То есть, когда Юне пришло в голову, что им не стоит слишком уж стараться — снег, он все равно когда-нибудь растает? — То было уже поздно. Они уже почти все сделали. Наполовину. Юна бросила лопату и обернулась к полицейскому Уламу — которому, видно, было все равно, где стоять: он бы и в чистом поле нашел себе на что опираться. На сей раз это была полицейская машина. Та, в которой они приехали. Или другая.

— Всё, мы теперь есть хотим. — Полицейский Улам подчинился, и они пошли в столовую. Столовая была на втором этаже. — А это что? Перловка!..

— Унести?.. — Полицейский Улам проявил нечто вроде любопытства.

— Нет! — Юна обнаружила в себе вкус к перловке. Они с Нисом очистили жестяные тарелки — а как они очистили и проглотили полагающееся к перловке крутое яйцо, они и сами не заметили. — А добавку дают? Мы тогда может еще тут вам... побудем.

Улам принес и добавки. На третье было какао. Потом они опять очищали снег от полицейского участка (или наоборот?) — теперь уже совсем даже не очень стараясь, а больше для виду и поглядывая по сторонам. Но все-таки к вечеру очистили все до асфальта. И все равно им было бы не убежать. Даже от полицейского Улама. В таких сапогах. Потом они вернулись в клетку; где Юна начала буянить, не обнаружив своих курток:

— На чем мы будем спать? — Но им сказали, что спать они могут на телогрейках, а что куртки унесли сушить. — Они бы и тут просохли, — недовольно буркнула Юна. — И ботинки тоже унесли. Интересно, а что мы будем делать завтра? Если снег больше не нападает?

Это уже относилось к Нису — которая, как всегда аккуратно, устраивалась на скамейке на ночлег. — Туалеты мыть, — сказала Нис.

12. ГЕНЕРАЛ

С утра первое, что увидела Юна в отделении, это был старый знакомец полицейский Олег. Он остановился перед решеткой с той стороны:

— Ну, теперь вам крышка, — сообщил он, сияя, как полная луна. — Генерал приехал!

Юна — она ничего не успела понять. Как полицейский Олег убежал. Тут только она заметила, что в отделении творится что-то не то. Дверь ежеминутно хлопала, а телефон звонил. Полицейские больше не смотрели в окно и не толкались кучами у перегородки — они вбегали и выбегали. А, между прочим, у Юны, после снегоуборочных упражнений, болели и руки, и спина — это вам не на мотоцикле кататься! — И она просыпалась с твердым намерением не пойти на работу, а выторговать завтрак в счет вчерашних трудов. И тут

все эти старые знакомцы — Юна заметила и тех, которые их привезли позавчера, и тех, что были тут, когда их привозили (вот до чего досиделись они в клетке: что уже привычные лица казались чуть ли не друзьями!). — Они все вели себя как незнакомые.

Юна растолкала Ниса. Но им пришлось еще три часа сидеть на скамейке — в течение которых они могли хоть играть в «стакан, лимон», а хоть колоть орехи дверью, — полицейские проносились мимо на такой скорости, что попросту не успели бы обратить на это внимания, — без завтраков, без курток, без ботинок, без лопат, без туалетов. Прежде чем за ними пришли.

Полицейский — просто полицейский без имени — вошел — они сразу поняли: это к ним. Кратчайшим путем он направился к решетке. Погремел ключами в замке и распахнул дверь.

— С вещами на выход.

— С какими еще вещами! — Юна все-таки попыталась устроить небольшой скандал. — У нас все забрали! Пусть сперва отдадут...

— Там поговоришь. — Полицейский ткнул пальцем вверх.

Юна посмотрела. Там был потолок. А дальше?..

Пришлось им влазить в эти кирзовые сапоги, надевать телогрейки — Юна залихватски накинула свою на плечи, чтобы не гнуть руки в рукавах. Сумки тоже не было. Сумки, которую им подарили матросы!.. Они вышли из клетки, полицейский подождал, потом запер дверь и пошел за ними.

— Сюда. — Они направились по лестнице на второй этаж — там, где они уже были вчера, когда ходили в столовую. — Дальше. — Они прошли мимо столовой, потом по коридору, потом мимо туалета, который они собирались мыть: тут воробей остановилась, вспомнив поезд. Они сходили в туалет; потом направо, потом мимо дверей, за каждой из которых сидело по полицейскому, потом по коридору. Потом они остановились у двери. Их провожатый толкнул ее из-за их спин. Они оказались в комнате, где уже сидел... Правильно, полицейский.

Юна почувствовала разочарование: ничего себе, генерал! Он ничем не отличался от того, что их вел. Но тут их полицейский сказал сидящему за столом полицейскому:

— Свободен? — Там была еще одна дверь, которую Юна сразу не заметила. Она вела из этой комнаты в другую комнату.

А тот полицейский ответил их полицейскому:

— Пусть подождут.

Их полицейский ушел. Они остались одни. Полицейский за столом что-то писал в бумажках, не поднимая на них головы. Юна и Нис увидели стулья у стены и сели сами, без приглашения. И уставились на дверь.

13. О ТОМ, ПОЧЕМУ НАДО ЗАШИВАТЬ КАРМАНЫ

Зазвонил телефон. Полицейский за столом поднял трубку и послушал. Потом он положил трубку и сказал Нису с Юной:

— Проходите.

Они посмотрели друг на друга. Разве они уже не были один раз за перегородкой?!.. Они встали и сделали три шага. Юна решительно толкнула дверь.

Комната. Она была побольше. Чем та, в которой они только что были. И стол. Был побольше. Все остальное было точно такое же. А за столом...

Сидел генерал. У него была борода. Это первое, что бросалось в глаза. Ни у кого из полицейских не было бороды. Все остальное — потом. Ну, он был здоровый. И не столько здоровый, сколько толстый. И не столько толстый, сколько шея у него была толстая — как у быка! И борода. Остальное оставалось за столом.

Юна смотрела на генерала. Нис смотрела на генерала. Генерал сидел боком на стуле и смотрел в окно. Неизвестно, что он там видел. С того места, где Юна и Нис стояли, в окне было только небо. Прошла минута.

Генерал повернул голову.

— Можете сесть. — Голос у него был обычный. То есть, он был тоже толстый. Сразу было видно, из какой толстой шеи он идет.

Они двинулись к стульям тем же порядком, как до этого к двери. И сели. Беспризорница Юна и Нис.

— Где вы это взяли? — спросил генерал.

Он поднял руку. Ничего себе рука. Не хуже, чем шея. Он держал между толстым большим и указательным пальцем с короткими ногтями на просвет что-то, больше всего похожее на монету.

— Ничего себе!!!

...

— С чего вы взяли? — сказала Юна. — Я это вообще первый раз в жизни вижу!

Она повернулась к Нису: — Ты это видела когда-нибудь?

— Нет, — сказала Нис.

Юна опять повернулась к генералу:

— А вы где это взяли?

— Я буду спрашивать, — сказал генерал.

Он опустил руку и положил эту штуку на стол перед собой. — Значит, это не ваше, — сказал он. Помолчал: — Значит, я это забираю. Себе.

— Пожалуйста, — сказала Юна. — Нам откуда знать? Где вы это взяли. Мы это вообще никогда в жизни не видели!

Генерал некоторое время смотрел на нее, выпучив глаза и пожевывая свою бороду. Юна взгляда не отвела.

— Значит, — нарушил он тишину толстым голосом, — ты не знаешь, что это такое?

— Нет!

Генерал опустил глаза. Борода его при этом встала торчком. Но заговорил он опять спокойно. Задумчиво. — Между тем, — (разглядывая эту блямбу), — это большая драгоценность. Вся она состоит из чистого посеребренного золота.

Тонкая работа. Она должна лежать в музее. Если ты ее оттуда украла, то... — вдруг он сверкнул глазами на беспризорицу Юну, грозно наставив на нее бороду. — Я тебе скажу по знакомству, сколько лет тебе придется сидеть в турме!

— Вот это ты врешь! — Юна вскочила.

— Простая двадцатипятикопеечная монета! Берешь, кладешь ее на рельсы! Раз — проехал трамвай! берешь наждачку, и гвоздь, и рисуешь там Бе... — Она остановилась. По Юне трудно было предположить, что она могла краснеть — но в эту самую минуту уши ее пылали, как вечный огонь! Генерал, можно сказать, провел ее на жеваной мякине.

Генерал, не отводя глаз и бороды от Юны, снял трубку с телефона. — Зайди, — велел он и положил ее на место. Через секунду вошел тот полицейский, что сидел в соседней комнате.

— Уведи ее, — рявкнул генерал. — Ее мама не научила ее вести себя прилично! — В другой раз Юна бы ответила ему пару слов насчет мамы. Но теперь она была совершенно уничтожена. Угрюмо она прошлепала в сапогах к двери. — Нет!!! — генерал сверкнул глазами теперь на Ниса. — Ты — оставайся! С тобой я еще поговорю.

— Садись! — приказал он, когда за Юной закрылась дверь. Но Нис продолжала стоять. Она встала, когда Юна начала выходить. И сейчас она не двигалась с места. — Ну??! — Генерал повысил голос. — Ты что, тоже не понимаешь? Когда с тобой говорят на человеческом языке?

— Вы... — Сказала Нис дрожащим голосом. — Вы нас посадили... в клетку! И говорите теперь на своем человеческом языке. Говорите на нем сами с собой. Мы лучше разговаривать будем с морскими рыбами. И все равно мы найдем Бе... — Голос Ниса прервался. Она чувствовала, что сейчас расплчется.

— Заканчивай, — сказал генерал. Борода его шевельнулась.

— Белого Ворона! — сказала Нис.

Генерал опустил глаза. Потом он их поднял и посмотрел на Ниса.

— Уходи, — сказал он.

Нис не поверила своим ушам. Но генерал продолжал сумрачно смотреть на нее. Она повернулась и шагнула к выходу. В сапогах.

— Нет. — Нис остановилась оглянулась. Он взял со стола и протягивал ей:

— Забери. Мне это не нужно.

— Это не мое, — сказала Нис.

Теперь Нис не поверила своим глазам. Рука генерала опустилась. Плечи ссутулились. И борода его, грозно встопорщенная, опустилась. Но когда он снова заговорил, голос у него опять был спокойный. Такой, как в начале:

— Значит, останется у меня. Счастливого пути.

Нис вышла из комнаты. Там сидел полицейский за столом и трудолюбиво что-то строчил в своих бумажках. Она сама открыла себе дверь и пошла по коридору, потом спустилась по лестнице на первый этаж, вошла в дежурное помещение, повернула налево к клетке. В клетке торчал ключ, и Нис повернула его, а потом просунула руку через решетку и заперла ее за собой.

Беспризорница Юна сидела на скамейке. Она вскочила и набросилась на Ниса:

— Знаешь, это что?!.. — она оглянулась. Полицейский был всего один, и стоял за перегородкой, далеко. Понизив голос, Юна зашипела в ухо Нису: — Это та штука, которую я потеряла!!! То есть, я думала, что я потеряла — у меня в штанах, в кармане, дырка! Она выпала оттуда и попала ко мне в башмак! А они унесли наши башмаки...

— Где ты это взяла? — спросила Нис.

— Ну, я там... Секрет фирмы. Как бы это теперь обратно заполучить..?

— Он мне хотел отдать, — сказала Нис. — Я не взяла.

— Ты что?! — Юна отпрянула и уставилась на Ниса. — А, вообще-то... Нет, ты молодец! Правильно, что не взяла! Все равно мы это уже как будто бы потеряли. Мы и так всё найдем. Что он тебе сказал?..

— Ничего, — сказала Нис.

14. ДАЛЬШЕ

Дальше им принесли обед. И куртки. На что беспризорница Юна отозвалась:

— Ага! Знаю. Кормить начинают, и всё такое, — совсем забыв, что только что утром хотела начать этого добиваться. — Ты что, не понимаешь? это значит, они уже про нас все придумали! — Но съела всё. Это была опять перловка. Притом холодная. К ней прилагался маленький кусочек сыра. После чего (после того, как тарелки унесли) Юна погрузилась в необычайно хитроумные размышления, призванные опрокинуть одним махом все их затеи. Из которых ее вывел тот факт, что она осознала, что всё это время, уже полтора часа или десять минут или около того — она смотрит на дверь, в которой с той стороны торчит ключ. Она встала, сделала три шага и попробовала просунуть руку сквозь клетку и повернуть ключ. Это ей удалось.

Клетка была открыта.

— Бежим!..

— Не могу. Я потеряю сапоги.

— Ботинки... — Юна оглянулась. Ботинки им не принесли. — Сумка! — Сумка была при них. Беспризорница Юна молниеносно приняла решение: — Ладно, тогда пошли.

Они вышли из клетки, шлепая сапогами. Ни одного полицейского не было ни за, ни перед перегородкой. Снаружи им встретился полицейский Олег, который шаркался, неизвестно что делая в коридоре.

— Вы куда? — обрадовался он.

— Куда не ходят поезда, — отозвалась Юна. Она шла напрямиком к двери.

— В туалет, что ли? Так он наверху! Хочешь — провожу!

Нис остановилась. Посмотрела наверх.

— ...Мы тамходим.

— Где?

— Там... дальше. — Полицейский Олег, открыв рот, застыл в глубоком раздумьи. Нис догнала Юну. Они вышли из участка на улицу. Погода была так себе. Небо хмурилось, готовясь закидать то ли дождем, то ли опять снегом — короче,

чем-нибудь еще. Ни одной полицейской машины не было возле участка. Но дальше им встретилась полицейская машина. Эта белая полицейская машина — не та, в которой их привезли, — с синей надписью на боку: ПОЛИЦИЯ! — стояла там, где они сворачивали с большой дороги, когда ехали в участок. Из нее как раз начинали вылазить полицейские, которые решили остановиться и поесть в закусочной с петухами на крыше. Все закусочные, выстроенные вдоль по трассе, — вот они точно одинаковые. — Один из полицейских что-то сказал, и они все повернулись и стали смотреть на Юну с Нисом. Наверное, они увидели свои сапоги.

Юна помахала им рукой:

— Будка закрыта,

ключ у меня,

кто обзывается —

сам на себя! — прокричала она во все горло. А это оттого, что она ощутила под ногами (под сапогами) опять большую дорогу. О! дорога, дорога — как по тебе соскучились Юна с Нисом (а казалось бы, о чем тут скучать?) — Они удалялись все дальше и дальше от этого поворота — причем Юна то и дело оглядывалась: она опасалась, что полицейские погонятся за ними на машине, чтобы отнять свои сапоги.

Полицейские, выйдя из закусочной и встав в кружок, ели пиццу.

Часть 3. БЕСПРИЗОРНИЦА ЮНА И МОРСКИЕ РЫБЫ

1. ПЕРЕВАЛ

Есть средства передвижения. Сейчас я их перечислю. Поезд, электричка, машина легковая, машина грузовая, мотоцикл. Корабль — о! корабль... Есть еще товарный поезд, и еще дрезина — кто-нибудь катался когда-нибудь на дрезине? я только в кино видела. Есть маленькие поезда, всего с двумя вагонами, я тоже их видела, но не в кино, а на самом деле, — они ездят по специальной маленькой железной дороге, называется узкоколейка, везут рабочих из Вытегры в другое место, где они работают. Самолет... а ну его, самолета. Есть еще удивительное средство передвижения. Троллейбус.

Троллейбус ехал по дороге полтора часа. На переднем сиденьи его сидели беспризорница Юна и Нис. Они таращились в окно.

За окном были пустые поля, чуть-чуть занесенные снегом, из которого торчали какие-то колышки, на которых висели какие-то увядшие черенки. Они сменялись другими полями, чуть-чуть занесенными снегом. Солнце светило сквозь стекла троллейбуса, и Юна с Нисом — они расстегнули свои куртки, скинули капюшоны и вылезли из сапог. Была зима — только странная зима: ни тебе снегопадов, ни метелей; ветер, правда, сильный. За окном проезжали деревья диковинной

формы — это были тополя, — узкие и длинные, они торчали прямо вверх, как свечи. Совершенно голые. Таких тополей не бывает. Нис с Юной — как они забрались так далеко? — где такие тополя — и такая зима?.. А ты спроси у них — вдруг они тебе расскажут? «Мы ехали на машине». — Ха! это вряд ли! они руководствовались хитрым принципом, о котором они не сговаривались, у каждой и так был в голове, без всяких уговоров: не оглядывайся, чтобы не испугаться. — Вперед!

Билет в троллейбусе стоил два пятьдесят. Юну с Нисом взяли так. В троллейбусе не было пассажиров — вообще, эти троллейбусы не ездят зимой. Этот троллейбус ехал по каким-то своим делам (проверял провода). — А они ездят весной и летом. Они везут отдыхающих к морю. Юна и Нис ехали к морю. Они добрались.

Водитель этого троллейбуса чуть отвернул голову от руля, чтобы сообщить им:

— Перевал. — То есть они почти добрались. — А сколько еще от перевала? — полюбопытствовала Юна.

Ей уже наскучило смотреть за окно, — за которым не было никакого моря, — а было, напротив, может быть от слишком яркого солнца, так пусто и голо, что становилось как-то тревожно: ну вот, они добрались. Дальше что? Но, во-вторых, еще не добрались. В-третьих — чего бояться? Если уже добрались?

— Еще час, — сообщил водитель. — Теперь держись.

Дорога изменилась. Она неуклонно пошла под уклон. Троллейбус — если до этого он вел себя, как и обычно ведет себя троллейбус — то есть, попукивая и негромко взывая электричеством, не так уж быстро ехал себе в гору, — то теперь водитель отпустил газ, и отпустил тормоза, и троллейбус совершенно бесшумно покатился вниз. Набирая скорость. А водитель пел за рулем.

— Боевая Крыса был индейцем,
А Лучи На Повороте был его лучший друг.
Они собирались обтяпать одно дельце,
Но их в засаду заманили вдруг.
Лучи ушел, а Боевую Крысу поймали,

Посадили в клетку, приготовились пытаться,
Но сперва все эти штуки ему показали,
А потом стали говорить, а ему — слушать и молчать.

Юна! Она изо всей силы толкнула Ниса в бок. Нис чуть не влетела в стекло (она сидела у окна) — но потом она взяла сумку, и хлопнула ею Юну по башке. Юна на это даже не обратила внимания:

— А дальше?... — затаив дыхание. — Дальше — знаете?

Троллейбус несся вниз — водитель знай себе успевал поворачивать руль.

«В сущности, ты, Крыса, ты нам не нужен.
Ну кто ты такой, чтоб из-за тебя еще тратить запал.
Вот тот, второй, он таких, как ты, стоит 12 дюжин.
Жаль, что он убежал, а ты попал.
Ну хочешь, мы тебя просто так возьмем и отпустим?..
Эй, принесите ключи, велите его расковать!..
Он — великое дерево, а ты — чахлый кустик.
Если тебя расстреляют, никто не станет горевать.
То ли дело — о нем! Одних девушек штук, наверное, двести!
Да, вот уж одно к одному, а другому — всего ничего...
Вы же как будто влюблялись все время вместе, —
Ну а выбирали, конечно, его.
И сейчас кому повезло? Тебе и нам — нет. Но можно было бы и поменяться...
Но ведь и тебе, наверняка, его жизнь дороже своей.
Ну вот что, ради такого случая не будем торговаться
И тебе добавим 30 новеньких золотых рублей.
30 рублей — и свобода! И пусть он побудет на твоём месте.
Справедливо? Хоть раз пусть почувствует — тебе каково!
И кто знает, может быть, со временем, ты понравишься его невесте...
Ведь нельзя же так: одному — всё, а другому всегда ничего.
Слушай, Крыса!
Укажешь парням его среди этого вшивого сброда —
У нас нет его фото. (По слухам, он высок и красив.
Конечно, если остальные такие, как ты, уроды, —
Обошлись бы и сами. Разве так, для профформы, тебя попросить.)
Соглашайся, Крыса! Вот деньги. А вот и ребята, —
Эй, ребята, вот этот того.

Приготовьте костер, томогавки, веревки и столб — и куда там дальше? Крыса, смелей! Мы не будем его больно мучить — всего-ничего!

И Боевая Крыса ответил:

— Ну? Да? Не будете мучить? — так на кой это надо?
Я хотел стать вождем — и стал бы, — не перелети он мне путь!
Он великое дерево — и достоин великой награды —
Я проверю орудия сам, а иначе — куда вам! — его не согнуть.
И тридцать рублей — мне это мало — давайте пятьсот, я хочу
купить кольт, смит и вессон,
Или хотя бы ружье — вот это сгодится — да не бойся ты, не убегу, —
Чтоб, когда я заявлюсь во всем параде к его невесте,
Вы же знаете баб — если пикнет, отправлю ее к жениху.
А теперь отвернитесь. Бледнолицему не видать слез индейца.
Много пройдено вместе — и меня он ни разу не предавал...
Ну все, ребята. Вам больше не на что надеяться.
Руки вверх. Шагом марш. Вы в засаде. Лучи, выводи отряд!
Вы б болтали еще побольше — Лучи На Повороте всегда за это время
туда-обратно успевал.

— Вы сейчас соскочите с проводов! — закричала Юна, подпрыгивая на сиденьи. — А дальше?! Дальше что было?..

— Не соскочу! — сказал водитель. Он постепенно тормозил. Но и не было уже такого крутого спуска. Не было больше никаких полей. И не было — вот, послушайте! — не было больше никакой зимы. Все кругом было зеленое. Они как-то пропустили — из-за песни? — когда и как это случилось. Дорога шла вниз — зато были повороты: до перевала она была прямая; а тут — даже были улавливающие тупики — такие пустые участки за дорогой, на повороте, чтоб если машину занесет, она не врезалась сразу в дерево или камень — это Нис разглядела; прошу заметить: Нис, а не Юна! — И дорога вилась и кружилась, стесненная буйной растительностью. Сосны — тоже не такие, к каким они привыкли, но, наоборот, в отличие от тополей, ниже и кривее — ну, это-то понятно; но и какие-то кусты, с жесткими, темно-зелеными, словно вырезанными из дерматина, листьями, и еще какие-то, совсем незнакомые деревья. Не было никакого ветра. Они

убежали. Вот: они ехали вперед и вперед — и они убежали от догонявшей и уже догнавшей их зимы.

— Дальше там началась перестрелка. — Водитель тоже как-то изменился. Может, потому, что все вез их и помалкивал — а теперь, после перевала, после песни, он был как будто какой-то старый знакомый? — Эти по кустам: пиу, пиу! А эти оттуда — тд-д-д-д-д! Лучи На Повороте вышел и так — рраз! А Боевую Крысу убили.

— Убили?! — Юна вскочила. Но тут же принуждена была усесться обратно: троллейбус уже не несся так вниз — напротив, водитель то и дело давал по тормозам; но повороты! — да, это была штука посильней «супер-8»!

— Почти в самом начале. — Аккуратно укладывая троллейбус в неторопливый, но оттого не менее крутой вираж. Юна разжала руки, которыми она вцеплялась в подлокотник, и перевела дух. И тут же:

— А вы откуда знаете? Вы что, это видели?

— Я всё знаю, — сказал водитель.

— От... Откудова?

— От верблюдова, — сказал водитель.

— А вы тогда знаете и... — Юна осеклась.

В глазах закружились синенькие звездочки. Нет! — в животе у Юны наступило такое ощущение, как будто она сейчас будет падать. — ...БЕЛОГО ВОРОНА!!! — выпалила она.

— Конечно, — отозвался он. — Ну конечно, я знаю. Кто не знает старину Белого Ворона? —

Отпустив руль, он позволил троллейбусу преодолеть следующий участок на инерции. — ...Я и есть тот Белый Ворон.

— ...Врешь!

На это он не ответил никак. Вполглаза глядя вперед, ногами поигрывая на педалях, как бы лениво — а на самом деле как раз вовремя — положил руку на руль — за секунду до того, как они бы влетели в очередной улавливающий тупик.

— Чем докажешь? — Юна не собиралась униматься.

— В гроб ты ляжешь, — возразил он. — Чем ты докажешь, что ты — это ты?

— Я? — Юна повернулась к Нису. — ...Вот, она!

— Ну, а я тебе так говорю. Я Белый Ворон. А откуда бы мне тогда это знать?

— А... Винато Инету!.. Ты знаешь Винато Инету?..

— Конечно, — подтвердил он. — Зато коньяк есть; и водка. Вот тут, за соснами. Через каждые пять метров какой-нибудь ресторан. Это сейчас, зимой. Летом всё есть, даже пиво — залейся. Вы приезжайте летом — чего сейчас тут делать? Сейчас тут даже продуктов нету никаких в магазинах. Те, кто приезжают, скупают всю колбасу. Летом такая жара, что она вся засыхает — так они ее и бросают... Так ею и закусывают те, кто остался. Одной только сухой колбасой.

Юна — она как-то потеряла нить. Раскрыв рот, она оглянулась на Ниса. Которая ничем ей не помогла. Она перевела взгляд обратно на водителя — тот интересовался теперь, по всему видать, только дорогой. Юна сидела с открытым ртом. Потом она его медленно закрыла.

— Туда санаторий. А там — зоопарк... Да уже почти приехали.

И действительно: дорога была теперь прямой, как стрела. Справа тянулась стена, выложенная булыжниками в бетоне. А слева, в зелени, торчали какие-то дома. Троллейбус не торопясь катил вдоль них. Одной рукой. Руль — одной рукой. И повернулся к Юне:

— Тут каждый второй Белый Ворон. Смотри!

В небе реяли белые птицы.

— Это чайки!

— А я о чем. — Троллейбус свернул и устремился вниз, потом сделал еще полповорота.

— Прибыли.

Юна посмотрела на Ниса. Ниса посмотрела на Юну. Потом они, одновременно, посмотрели на водителя.

Водитель, нагнувшись, копался где-то под сиденьем. Потом он разогнулся и нажал кнопку. Двери троллейбуса со звуком выпущенного воздуха распахнулись. Стало тихо. Троллейбус стоял. Водитель повернулся:

— Вам, к морю, — вниз.

Нечего делать: они стали вылезать. Разгибая колени после двухполовиночасового сиденья — ничего такого; столько

ли они ехали за этот месяц или два! Водитель выскочил следом; нажал какую-то кнопку над дверью снаружи, после чего двери троллейбуса закрылись, а он вприпрыжку побежал к троллейбусной станции.

Они остались стоять на этом троллейбусном кольце.

2. ВНИЗ

Как будто в бане. Или в парнике — ну, вроде теплицы; только где у этой теплицы крыша?.. Воздух не то чтоб слишком теплый, но очень сырой, — я говорю: в бане; глаз так и норовил поискать что-нибудь вроде зарешеченной дырки для стока воды; но зеленые деревья, как в разгаре лета! Только, как будто для смеха, на них накидали там-сям снега. Он лежал и тихо сам себе таял — как снег в мае. Тут же зеленые кусты, которые всю дорогу росли вдоль дороги, — можно было их пощупать руками, — сосен не было, зато какие-то туи, может быть, кипарисы, и некоторые деревья без листьев, которые все равно все вместе не создавали ощущения зимы. И, как будто этого всего еще недостаточно — Нис с Юной увидели пальмы — всего пару штук, торчащие прямо из земли; тут, забыв все на свете, они пошли к ним: трогать волосатый ствол: — Настоящие, что ли?.. — сказала Юна.

За пальмами и туями троллейбусная остановка — оттуда отходили троллейбусы, только не такие, экскурсионные, как тот, в котором они доехали, а обшарпанные, городские, даже более обшарпанные (от сырости?) чем в Юнином и Ниса городе, — это была вторая остановка после кольца, на котором у них тоже была конечная. Только в другую сторону. Экскурсионные отходили вверх, на дорогу, — а эти устремлялись вниз по узким мощеным улочкам, мимо в зимней зелени скрывающихся многоэтажных, только не очень высоких строений, за углом. Не успев оглянуться, они уже катились

вниз вместе с таким троллейбусом; внутри такого троллейбуса; всё в этом городе, в парниковом воздухе, катилось, устремлялось вниз. Ниже и ниже. Потом что-то мелькнуло на просвет улиц. Потом они вышли на остановке.

— Куда? — Это было второе слово беспризорницы Юны. Нис, без слов, молча указала. Они пошли, а потом побежали.

— О!!! — Сказала Нис.

Юна? — она уже вышла на финишную прямую, бултыхаясь в огромных сапогах, размахивая руками, как пропеллер, и кричала и пела:

— Вот оно,
вот оно,
вот оно какое!..

Внизу впереди до самого конца перед ними лежало море.

3. НА ГОРШКЕ СИДЕЛ КОРОЛЬ

Тучи — не тучи, а серые сплошные облака, — свалились с горы, в которую, сначала многоэтажными зданиями и изгибами улиц в деревьях и пальмах, а потом все более и более сменяясь соснами и уменьшаясь домами до полного исчезновения, всползал город, — застелили небо, которое уже и так по косоj пересекло солнце, готовясь скатиться. Мокрый и холодный ветер — которого не было выше — тут, на набережной, налетал и бил порывами. Отворачивая от него лицо, шурясь от брызг, на гальке пустого пляжа, замусоренной палками до парапета, бурыми остатками водорослей, а также кое-где и изредка пустыми бутылками, перед потемневшим морем стояли две фигурки в куртках и больших кирзовых сапогах, — на которые, яростно и бестолково, набегали гребни

особо крутых волн, но ослабевших на излете. Расшибаясь в пух и прах о них — или раньше. Не сходя ни на шаг. Упорно. Может полчаса или уже час.

В сумраке, все равно не таком густом, и не таком холодном, кто-то прошагал мимо, шурша галькой. Они не обернулись.

Человек однако не стал всходить по лестнице за парапет, а остановился поодаль. Рядом с торчащей поперек пляжа обыкновенной садовой скамейкой. Он взлез на нее — но не так, как обычно. А вот как: задом сел на спинку скамейки, а ногами — на сиденье. Там, неразличимый в сумраке лицом, но различим огоньком; а также запахом дыма, примешивающимся в соленый вкус носящегося без особой цели бриза, — он оставался.

Они наконец замерзли.

— Пошли? — Это был голос Юны — охрипший от долгого молчания — и может ветра или соли, которую она вдыхала через нос.

Нис не промолвила ни слова — но, шевельнувшись, отступила с линии водораздела. Последняя волна разбежалась по гальке — а сапог уже не достала.

Они отошли на десяток шуршащих шагов — и тут остановились. Темнело теперь уже явственно; и в море далеко зажигались огни пароходов или может быть каких-то станций. Непонятно было, куда идти. Юна с Нисом достигли своей цели. Цели у них больше не было.

Или Белый Ворон? Но если Белый Ворон — чайка! — и что теперь с ним делать? Дуть ему в клюв? Для этого они ехали на всех машинах, и работали на корабле, и сидели за решеткой у полицейских, и ночевали в стогу? Нет, такого даже беспризорница Юна, при всей ее изобретательной фантазии, утверждать бы не решилась. Значит, целью все-таки было это — то, что есть — вот этот край земли, за которым уже больше никакой земли, потому что море. Дальше ехать некуда. Можно было теперь лечь здесь спать.

— Пошли на скамейку, — предложила беспризорница Юна, в характере которой все-таки не было какого-то

особенного терпения, чтобы торчать на каждом месте час или больше. Загребая гальку сапогами, они двинулись к этой самой скамейке, на спинке которой уже сидел человек. Беспризорница Юна нашла такой способ сидения разумным. Взобралась сама на скамейку с ногами; рядом с ней точно так же села Нис.

— А вчера снег шел, — заговорил человек с того края скамейки. — В городе еще лежит. Видели?

— Видели, — сказала Юна. Ей не очень сейчас хотелось прилагать свою изобретательную фантазию для ответа.

— Это плохо, — сказал человек. — Но можно найти где-нибудь еще одеяло.

— Почему еще? — спросила Нис. Почему-то ей не казалось, как обычно, что отвечать кому угодно должна обязательно Юна — может, это шум волн так действовал? Что и слова казались волнами; все равно, чьи?

— А я знаю, куда вас отвести, — ответил человек. — Надо только одеяло.

Разговор на этом завершился. Все трое сидели на скамейке в темноте и смотрели на черное море. Шшшшух — налетали на берег волны. Потом человек на своем краю зашевелился и привстал, вытаскивая что-то из заднего кармана. — У вас спичек не найдется?

— Только зажигалка, — сказала Нис. Протягивая ее через Юну. — О, — сказала Юна, несколько оживившись. — И дайте нам тоже сигарету.

— У меня больше нет. Можешь затынуться, — великодушно предложил он Юне — сигарету не сигарету, а какую-то из газеты скрученную козью ногу. Юна затынулась — и сейчас же поперхнулась и закашлялась. — Фу! Что за гадость! Ты что — листья куришь?!

— Я всё курю, — отозвался не без гордости человек. — Водоросли; еще — листья, табак... Даже веревки. Ну что, пошли? Надо еще одеяло найти — а на море лучше завтра сходим.

Они не стали возражать — и довольно-таки резво соскочили втроем со скамейки. Человек с истинным удовольствием затыгивался своим фунфырем, выпуская струи и клу-

бы дыма. На набережной, где фонари горели — сутки через трое — обнаружилось, что у него уловимо верблюжья физиономия, самой выразительной части которой — губам — эти струи и клубы придавали живописное завершение. Звали его Маша. — На троллейбусе поедем? — осведомилась Юна. Здесь, на набережной, где не было этого однотонно-убаюкивающего гула, она немного вернулась в обычное независимо-деятельное состояние.

— Зачем... на троллейбусе... — отозвался Маша. — Одеяло еще надо...

— А далеко? — спросила Нис, поспешающая сзади.

— Не очень... туда. — Маша кивнул куда-то на самую верхушку горы. А они и так уже шли вверх. Маша оказался быстрым на ноги — то и дело сворачивал и проскальзывал в такие уголки, где, на первый взгляд, вовсе не могло быть прохода. Так, например, они проскочили в кустах под самой стеной ярко освещенного оперного театра — сразу за которым открывалась темная стройка — по которой они тоже пробежались, путаясь в сапогах и спотыкаясь на битых кирпичах — Маша при этом успел нагнуться и, подхватив пару, сунуть себе в необычайно объемные карманы болтающейся на нем штормовой куртки, — и потом, в том же темпе, шныряя то вправо, то влево, и ни разу не запутавшись — в заборах домов, нарядных и одноэтажных. И при этом — все время вверх. На узенькой улочке, поросшей кустами, Маша на ходу оборвал целую ветку и пригоршней сунул листья в рот — «хотите?» — предложил им; от чего Юна, помня предыдущий опыт, наотрез отказалась. — И тут же, пустив их вперед, куда-то исчез. Не успели они дойти до конца этой улицы, освещенной фонарями, как Маша их обогнал. Под мышкой у него был огромный сверток.

— Что это?!!

— Ну, что... одеяло...

— Где ты взял?!

— Нашел. Давайте быстрее... — А они и так уже почти бежали, шлепая сапогами, как целый наряд полиции! В тот момент, когда сапоги превратились в гири, а Юне с Нисом казалось, что больше они не сделают и шагу — вдруг, с какой-то

неожиданной стороны, они выскочили на то самое троллейбусное кольцо, с которого сегодня город для них начался.

— Всё? Пришли??

— Почти, — откликнулся Маша загадочно. — Еще лестница. А потом... еще немножко.

И действительно: лестница. Сжалившись над ними, Маша позволил пройти ее очень неторопливым шагом. Нис все равно остановилась на середине этой бесконечной бетонной лестницы — некоторые ступени в ней были выломаны — остановилась и оглянулась. И что же она увидела. Ой-ей-ей! Река огней — стекала с горы вниз, и там обрывалась безграничной темнотой. У Ниса закружилась голова от этой безграничности — и, может быть, она упала и покатилась бы с этой лестницы до самого конца — если бы не вездесущий Маша, который, оказавшись рядом, подхватил ее под локоть:

— Идем, идем... Потом посмотришь, завтра. — Ну ладно; а если не оглядываться, то голова не закружится. К тому же, когда сердце бьется так, что, кажется, сейчас выскочит через горло, легко забыть про обрыв за спиной. Лестница кончилась. Еще два десятка шагов — и они оказались на таком же асфальтном кругу, как тот, троллейбусный. Только теперь за заборами вокруг кольца темнели совсем деревенские дома. Одноэтажный магазин, наглухо закрытый. В несколько глоток, сблизил и далее, по цепной переключке, залаяли собаки.

— Всё?!..

— Еще... чуть-чуть.

И вот они шли вверх. Мимо дома в два этажа — второй нависал над дорогой, на метр выступая над первым. Под редкими здесь фонарями — от фонаря до фонаря — слыша только свое тяжелое дыхание. Нюхая: необычайной чистоты ледяной воздух. Видя: хрустящие лужицы под ногами. Беленые стены одноэтажных домов в фонарях — в салатный, розоватый, желтый цвета. Позади осталось и это.

Они взбирались по узкой земляной тропе, с которой соскальзывала нога; справа и слева едва угадывалось — что? — какие-то огороды, обнесенные железными сетками.

И, уже не чая конца, на четвереньках, окончательно потеряв Машу во тьме, вдруг ощутить ровную поверхность под сапогом.

Оглушительный лай.

В сменившей его тишине в Ниса ткнулся собачий нос — Нис чуть не заорала! — но разглядела виляющий собачий хвост. Это ее слегка успокоило. И переднюю поджатую лапу: собака хромала. Нис разжалобилась.

Из темных кустов, вместо одного их провожатого, появились две фигуры.

— Вот... девчонки... — пробормотал знакомый Машин голос. — А я одеяло принес...

Вышедший с ним был невысок — не выше Юны — ну, может на полголовы выше. В руках у него были трехзубые вилы — зубьями вверх, черенком которых он грозно постукивал оземь — сам слегка подпрыгивая при этом.

— Ме-е-е-е-е-е... — Раздалось из тьмы. В этот самый миг в голове беспризорницы Юны все спуталось — или, наоборот, прояснилось.

— Овцы, — сказала Юна. — А где хрустальная башня?

— Козы, — сказал человек, потрясая трезубцем. — Башня в процессе. Ну ничего себе, одеяло!.. Я сам хотел в ней спать...

4. НА ХРОМОЙ СОБАКЕ

Они проснулись в яме.

Под ними был деревянный щит из досок. Это был пол. Больше ничего. Еще два одеяла: одно снизу, одно сверху.

Всю ночь Юна усердно играла с Машей в такую игру «перетягивание каната». А именно одеяла. Ниса это не касалось: она спала посередине. С утра, забывшись полусном, Юна ощутила, что Маша куда-то исчез. Она это ощутила так, что одеяла стало хватать. Еще через час это ощутила и Нис.

Сколько ни вертись, ни натягивай одеяло на и под себя, ни поджимай ноги в сапогах или без, — холод одолевал со всех сторон, просачивался сквозь пол. Короче, они проснулись.

Страшно было подумать о том, чтобы покинуть одеяло. Еще страшнее было под ним оставаться. Ну ничего себе! Бросив всё так, они вылезли из ямы — не очень глубокой — выкарабкались по замерзшей песчано-глинистой земле, хватаясь за грязные корни. Тут они остановились, дрожа и шмыгая носами поочередно. Носы были как ледяшки. Кругом были заросли кустов и деревьев, все лысые, без листьев. Солнце светит прямо в глаз, а толку? Никакой такой бани здесь не было и в помине, воздух хрустел, как накрахмаленная скатерть. Скатерть не скатерть, а сапоги и куртки не грели ни капли и точно хрустели, как сахар рафинад, с которым пьют чай... опять чай?! — Да, они бы сейчас не отказались от чашки горячего чая!

Стараясь не двигаться внутри своей одежды, Нис и Юна зашагали куда-то, шевеля растопыренными руками и ногами, как куклы. В сторону видневшегося за кустами какого-то строения. Это оказался сарайчик, сготовленный из шестов и досок, одно слово что строение — просвечивающий всеми дырками насквозь. Зато с крышей.

— Ды-ды-для к-к-к-коз, — Юна открыла рот — как будто Нис без нее решила бы, что это что-то другое. Наверное, хрустальная башня. Подозрительно вглядываясь, но не делая попытки ознакомиться с ним изнутри, рассудя, что там не теплей, чем снаружи, — Д-д-д-давай кричать, — далее сквозь зубы предложила она. — К-куда он нас з-з-завел, а сам с-д-д-дрыснул. — Это, конечно, было невежливое слово, но что поделать? если и впрямь Машиного следа было не вырубить топором. Без этого сарая — а еще без одеял, оставшихся в яме — можно было вообще подумать, что здесь не ступала нога человека. — Ай! — Юна споткнулась и чуть не села.

В шаге от Юны, сзади, обнаружилась рыжая собака. Как она подошла, никто не услышал.

— Тебя, что ли, звали? Иди отсюда! — Нет, Юна не боялась собак, — но нельзя же подходить так тихо, когда и без тебя неприятностей по горло. Собака тут была, конечно, ни

при чем. Если Юне надо было злиться, она могла бы позлиться на себя. Нис присела перед собакой на корточках.

— Чего ты хочешь? — спросила Нис. — Колбасы? У нас нет колбасы.

Это была та самая собака: с приподнятой передней ногой, которую она держала на весу. Нис узнала ее. Она сама была в сапогах. От этого она испытала к собаке братские чувства. Словно поняв это, собака отвернулась и сделала три шага, слегка, но не сильно прихрамывая на своих трех лапах. Нис встала с корточек.

— Она хочет, чтоб мы за ней пошли, — объяснила Нис. — Она нас отведет куда-нибудь.

— Да?.. — сказала Юна. — Куда-нибудь еще?.. — Она хотела теперь разозлиться на Ниса и на собаку, вместе взятых, но сообразила, что тогда придется стоять на месте. — Ладно, пошли, — великодушно одобрила она, — или — стой — побежали! будет теплее! — И с этими словами рванула с места, и они припустили все втроем — Юна и Нис, чуть не выпадая из сапог, которые вчера и так набили им на ногах уже все, что можно, — и рыжая собака с поджатой ногой, — обгоняя друг друга, из кустов — на дорогу, и по ней — опять вверх?

Но в этот раз совсем недалеко. «Бе-е-е, ме-е-е» — раздалось вблизи, а в следующий момент они выбежали на берег — нет! не моря. А небольшого озера. На берегу стояли врассыпную штук шесть коз и объедали лысые кусты. Изредка то одна, то другая останавливались в своем занятии и производили это короткое ме-е. В самом озере, чьи края были тронуты льдом, намерзшим за ночь — в самой его середине кто-то купался, вздымал волны, идущие до берега, и нырял, как большая рыба.

Они остановились, запыхавшись. Собака гавкнула два раза. Тот, на середине озера, вынырнул и оглянулся.

— Джессикаланж! — крикнул он. — О, удалая Джессикаланж!

И поплыл к ним. Проплыв две трети, он встал и пошел, размахивая руками, загребая ногами воду и ломая тонкий лед у берега. Он был совершенно голый. Околеть можно было от этого зрелища.

Нис из скромности отвернулась. Юна же и глазом не повела.

— Эй, мы знаем, кто вы! — выпалила она без предисловий. — Это мы у вас тут ночевали вчера. Вы овечий король. А я беспризорница Юна, а она... — по привычке Юна чуть не сказала «воробей» — но вовремя вспомнила: — ...капитан! Капитан Нис. — Получилось солидно. Хозяин... даже неизвестно, чего он был хозяин: дырявого сарая и коз, что ли? — тем временем уже прыгал на берегу, влезая в свои штаны, и тряс головой, вытряхивая воду из волос и бороды.

— Овечий?.. — удивился он. — А может быть... может, ты и права! — вскричал он воодушевленно. Подпрыгивая от бодрости и холода: — Когда я их вывожу пастись, я чувствую себя настоящим... козлом! — Он оглушительно захохотал: — Ха, ха, ха, ха!

И тут же перестал. — Ну что, девчонки, — доверительно сказал он, подходя к ним. — Что будем делать? Искупаться хотите?

Они переглянулись. — Нет, — первой сказала Нис. — Мы хотим чаю.

— Чаю? — удивился король. — ...а есть ли у нас чай? Старая добрая Джессикаланж! у тебя нет чаю?.. Может, заваялась где-нибудь хоть щепотка? А? Джессикаланж! Что молчишь? Отвечай! — грозно крикнул он. — Что? Запираться? А ну, непокорная Джессикаланж, иди собирай стадо! Сейчас мы пойдем и посмотрим, что у тебя там заваялось!.. — И сам первый, вперед собаки, гигантскими скачками помчался к козам.

Через секунду раздалось «бе-е-е-е» и «ме-е-е». Потревоженное стадо в шесть голов, и двенадцать рогов — бежало прямо на них, перепрыгивая через камни и издавая звуки протеста. Позади бежал король в сопровождении Джессикиланж, вооруженный прутом, которым он размахивал, восклицая «Гоп!» Едва они успели отскочить — как вся орава проскакала мимо и вниз. Они бросились следом. — А куда мы идем? — спросила Юна, догоняя короля. — Мы там уже были! Там ничего нет!

— Как ничего нет?.. — встревожился король на бегу. — Ты уверена? Ты хорошо смотрела?... А хотя... Гоп! гоп! — он

бросился за козой, попытавшейся уклониться от общего направления в сторону еще каких-то съедобных кустов, — ...точно! — с торжеством возгласил он, возвращаясь. — Там, точно, ничего нет. Ну тогда... может быть... может быть, ты подоишь коз? Будет молоко!

Не успела Юна ничего ответить, как выяснилось, что что-то там все-таки есть. Под деревьями подымался дымок.

5. АБА, ФРУСЯ, ПИРА, КАМЕНЬ

Вот как! Перед дырявым сараем, где полчаса назад стояли Юна с Нисом, и где, они могли дать палец на отсечение, не было ничего, кроме утопанной земли, — стояла печка буржуйка — с трубой, из которой исправно шел дым, открытой дверцей, за которой полыхало пламя, и такими кольцами, которые можно снимать поочередно, смотря какой силы огонь тебе нужен, чтобы поставить котелок. На земле, на вчетверо сложенном одеяле, развалясь сидел Маша и, причмокивая своими верблюжьими губами, курил огромную самокрутку.

Нис сразу же присела перед печкой и протянула к раскрытой дверце ладони, пока король — гоп, гоп! — обогнав коз, открывал дверцу сарая и запускал их внутрь. — Ничего себе, — сказал он, закончив эту операцию и приближаясь к ним. — Грозный Маша, где ты был? И где ты стащил печь!

— Да нигде я не был... — уклончиво сказал Маша. Вдруг его заинтересовала самокрутка. Поплевав зачем-то на ее конец и с удвоенной силой принявшись ее раскуривать, произнес что-то уж совсем невнятно, — отдаленно угадывалось «ничего я не тащил»*.

---

* И точно: как это Маша мог что-нибудь притащить? Разве она сама пришла. На козких ножках!

— Где-то я уже видел эту печь... — Король присел у печки рядом с Нисом. — Чем-то она мне знакома... — пробормотал он. — По дороге... В огороде... Джессикаланж... Кровавая Джессикаланж... Вспоминай, где мы с тобой могли видеть эту печку.

— Вспомнил! — Он вскочил. — Это же печка второй Васильевны! Немедленно отнеси ее на место! — Он забегал между сараем и печкой. — Ты в своем уме? Ты что, хочешь, чтобы она явилась сюда вслед за нею?

Он остановился.

— В принципе... — задумчиво произнес он. Одной рукой он чесал голову, а другой бороду. — ...До лета она, конечно, в огороде не покажется... Что делать?.. Разве отдать ей что-нибудь взамен? Как вы думаете, девчонки? — обратился он к Нису с Юной. — Что отдать вздорной старухе вместо ее чудо-печки?

— Козу, — предложила Юна. Прямо скажем, могла и не утруждаться. Никакого другого ответа на вопрос в радиусе ближайших пятидесяти метров не наблюдалось. — Козу! — Король хлопнул себя по лбу. — Конечно, козу!

Он подскочил к сараю.

— Только какую? Которую из коз? Тамара, Майя! Аба, Фруся, Пира, Камень! — Он распахнул дверь: из сарая готовно откликнулись «бе-е-е», «ме-е-е». — Придется кого-то из вас отдать бабуле! — закричал король. — Которая из вас жертвует собой? Чтобы девчонки могли выпить чаю?

Захлопнув дверь, он повернулся к Юне.

— А может... — сказал он спокойным голосом. — Может быть, козы ей будут многовато? А? Как ты скажешь? Может, отнести ей бидончик молока?..

Твердыми шагами он прошагал к печке. — Чаю, — сказал он. — Вдруг он нахмурился. Ноздри его зашевелились. — ...Что ты куришь?

Он бросился к Маше — и, невзирая на вялые протесты того, вытряхнул у него из кармана целлофановый мешочек, завязанный узлом.

— Какой сорт?

— Цейлонский, — нехотя отвечал Маша. — «Три слона».

— Таинственный Маша! — воскликнул король.

В три прыжка он подскочил к сараю — и вернулся оттуда с бидоном. — Сходи набери воды, я пока нарублю дров.

— Не могу я. — Маша сморщился. — Живот что-то разболелся.

— Давайте я схожу, — сказала Нис.

6. САМА ПРИХОДИТ

Торжественная процессия в составе Ниса, Юны и овечьего короля и в сопровождении Джессикиланж спускалась с гор.

Торжественной она была потому, что все напились пустого чаю без сахара. Они спускались по той самой дороге, по которой поднимались ночью. Только как ночью было едва видно — так теперь слишком светло: СОЛНЦЕ! ослепительно сияло на беленые стены домов — и стены отвечали тем же, хоть зажмурься! А не сказать, чтоб потеплело — хотя после чая они частично отогрелись: но только за ночь; и теперь чувствовали себя как макароны на холодной сковородке. Кроме короля — чувство холода было ему видимо неведомо. Он шествовал впереди, в рубашке с завернутыми рукавами — потрясая в воздухе своим трезубцем, когда встречные жители кричали ему:

— Эй, привет! — Нис нормально шла рядом с Джессикойланж; зато Юна же, чтобы согреться, прыгала позади всех, в своих огромных сапогах, и пела:

— Солнышко встало, и я встаю!

Солнышко вышло, и я выхожу.

И еще раз:

— Солнышко встало, и я встаю!

Солнышко вышло, и я выхожу. — А вы почему король? — поинтересовалась она, забегая наоборот вперед и пытаясь теперь шествовать задом.

— Я-то? — удивился король. — Почему это я король — Джессикаланж, ты не знаешь? Может быть... потому что у меня овцы? Тьфу, ты меня совсем запутала! Ну тогда... может быть, потому... что я есть не хочу? А? Как ты думаешь — может? Так быть?

— А мы хотим есть, — возразила Нис. Действительно, не считая чая, у них ни капли во рту не было, наверное, с позавчерашнего утра.

— Мы сейчас возьмем лопаты, — заверил ее король, — и поднимемся обратно. Будем сажать черенки! И летом из них вырастут груши и сливы. У меня есть черенок такой сливы! — Он показал кулак. — Вот такой величины! Желтая, как помидор! — У Ниса потекли слюнки.

— Вы же Сантин папа! — объявила беспризорница Юна, продолжая скакать и не обращая на эти разговоры никакого внимания — она привыкла есть ртом, а не ушами. — Знаете, где она сейчас живет? У нас в лесу! — далеко!..

— Да ты что? — сказал король. — Ну и как она там? Нормально?

Юна показала большой палец.

— ...! Замуж скоро выйдет. Наверное.

— Замуж? — поразился король. — Сколько же ей лет?

— Сколько и мне, — сказала Юна. — Вы что, не знаете?

Король нахмурился. — Ты не поверишь — когда я там сижу — я забываю свое собственное имя! И человеческий язык! На что мне язык? Сворачивать его в трубочку? А потом... а потом приходит Маша, и я снова все вспоминаю! Ха, ха, ха! — Он оглушительно захохотал, но тут же перестал. — А она знает, кто ее папа? — озабоченно спросил он.

— Конечно, — Юна.

— Ну тогда все в порядке, — твердо сказал король. — Ты ей передай... передай... — он пошарил у себя по карманам. — Вот! Вот эту штуку. Она ей очень поможет. В замужестве! Ха, ха, ха!

— Что это? — подозрительно спросила Юна. Штука была, и правда, сомнительная. Похоже, это был просто-напросто обрывок какого-то шнура.

— Шнурок, — сказал король. — А точнее, это кусочек шнура от мокасин. Я бы ей отдал мокасины целиком, но

я сомневаюсь, подойдут ли ей? Раз она, ты говоришь, такая большая...

Он толкнул калитку.

А это уже было то самое второе кольцо, на которое они вышли вчера ночью после лестницы — и с которого началась эта, вторая часть города, не похожая на первую. Они уже дошли досюда — вниз не вверх! Между прочим, непременно прошагав мимо магазина, даже не обратив на него особого внимания — и чего обращать? Если там все равно ничего нет, даже колбасы? — Нис, Юна, Джессикаланж — все гуськом прошли по маленькому захламленному дворику, и вошли в тесные сени — тоже заставленные топорами, лопатами, и прочим инвентарем, который впотьмах они не успели как следует разглядеть. Король толкнул следующую дверь — и они оказались в такой же маленькой комнатке.

Король уселся верхом на единственный стул.

— Джессикаланж! — закричал он. — Фу! Прочь! Иди прочь! На улицу! Ищи! Ищи кашу!

— Ффу... — сказал он после того, как за Джессикойланж закрылась дверь. — Ну что, девчонки... Чаю?

Точно, у него были провалы в памяти.

Нис с Юной тарасились вокруг себя.

— Вы это всё сами делаете? ...А где вы берете кожу?

Король, нахмурившись, шарил по полу рукой.

— Да... сама приходит... — сказал он, разгибаясь и поворачиваясь к ним. В руке у него был огромный сапожный нож.

7. СОЛНЦЕ ВОСХОДИТ НАД РЕЧКОЙ ХУАНХЭ

— ...я покажу тебе одну вещь.

Нис следовала за королем, который, прикладывая палец ко рту, таинственно манил ее. Это оказался сарай для коз. — Солнышко встало, гоп, гоп, гоп, топ! топ!.. — Он выглянул из

двери сарая. — Чего ты там встала? Входи! — Нис с опаской вступила в полутемный сарай — свет шел из открытой двери, а также из многочисленных щелей между досками и шестами. Все козы стеснились за загородкой. Они уставились на Ниса своими глазами, которыми вообще ничего нельзя увидеть — со зрачком как прорезь для ключа, ме-е-екая.

— Дикая Тамара! — Король переступил через загородку и расхаживал между коз, расталкивая их и награждая шлепками по бокам и спинам. — Бешеная Аба, грозный Камень! Ну, кто первый? Кто на нас с Оксанкой? Кто отольет нам полкружки молока к обеду?

(Нис подумала: какая Оксанка?..)

— Только что она открыла рот, чтобы сказать, что не хочет молока, спасибо, до свидания, как король уже откинул шест, закрывающий проход в загородке: — Скорей, а то выбегут! — Ловким пинком он отогнал одну из коз, устремившуюся было на волю. — Строптирая Пива! То есть, строптивая Пира! С тебя и начнем! — Неуверенно Нис вступила за загородку — и сразу же попала в грязь. От отчаяния она едва не села. Король чавкал по ней без печали в полицейских сапогах — но новые разноцветные мокасины!.. Украшенные перьями, кусками разноцветной кожи и замши, с фигурками коз и собак; подошва четыре слоя; выше щиколотки на два пальца, третий отогнут!..

Пришлось ей покамест о них позабыть — король отделил строптивную Пиру от остальных. Там было такое невысокое возвышение за загородкой, более или менее чистое, вот туда-то король ее и загнал. Козу, а не Ниса. Там она теперь и стояла, со своими рогами, недовольно поворачиваясь к ним головой.

Король подsunул под козу котелок и, бесцеремонным шлепком заставив ее стоять смирно, дернул несколько раз за эти сосиски, которые у нее болтались. Струйки молока брызнули, ударив в дно. — Видишь, как просто? Теперь ты!..

— Я... ни... — Чпок. Дзынь! Меее... Трр... трр... трр, трр, трр, трр, трр, трр, трр, трр, трр, трр.

Беспризорница Юна подняла голову. С резцом, зажатым в зубах — она установила опытным путем, что так лучше, чем

бросать его в грязь, где он уже один раз утонул — она сражалась с длинным шестом обеими руками, пытаясь выволочить его из кучи и при этом не вставать с чурбака, служившего ей стулом. По другую сторону от нее в грязи валялась такая же куча шестов, но обработанных. К сожалению, небольшая. Всего три шеста. Необработанных было штук триста. — Пойдем пить молоко, — сказала Нис. Она продемонстрировала Юне бидон, в котором пенилась белая жидкость. — Его только надо процедить.

— Пожожжи, — возразила Юна. Могущественным рывком она выдернула шест, так, что чуть не опрокинулась сама с чурбака. Она зажала его в коленях. — Видишь? — Это она уже выплюнула резец, в руку. Резец хорошо ложился в ладонь. Он был холодное оружие. — Надо его заныкать, — сказала она, восхищенно разглядывая блестящий конец с такой длинной ложбинкой. — Нам с ним ни один мотоциклист не стра... О — где это ты так вывозилась?

Нис даже не моргнула ресницей. Чтобы посмотреть на новый красивый мокасин. И так ясно, что они доверху в козьей грязи. На самом деле кругом было сплошное месиво от растаявшего снега. Мыть их было беспонту. — Сейчас, — сказала Юна, берясь за шест. Резец сразу пошел чертить по грязной коре яркую белую борозду. Чик, чирик — Юна держала шест одной рукой, помогая себе ногой в полицейском сапоге — а другой рукою резцом обдирала кору — удивительно даже, как это так быстро она научилась. — Надо вот это доделать. — Она кивнула на необработанную кучу. — Интересно, что это будет?

— Забор, — сказала Нис. — Пошли поедим.

— Он тогда будет вон до той горы, — сказала Юна с сомнением, озирая окрестности и переводя взгляд на кучу. — А что будем есть? Рис? Я не хочу рис. Дай-ка мне своего молока...

— Его надо процедить, — сказала Нис, отводя бидон. — Может быть, ты хочешь колбасы?

— И конфет, и каракатиц, и клубнику с киселем.

— Мне принесла Джессикаланж, — заметила Нис. Тут уже Юна вынуждена была поднять на нее голову.

— Ну и где она?

— Джессикаланж?

— КОЛБАСА!!!

— Я ее спрятала. Он хотел ее выкинуть. «Негодная Джессикаланж! Козлы не едят колбасы», — процитировала Нис. — Может, он ее нашел и все-таки выкинул. А может, Маша ее нашел. И съел.

Юна уронила резец в грязь. — Ладно, — сказала она, вставая с чурбака. — Пошли посмотреть на колбасу.

Они пробирались по косой от тропы, — в сторону и выше, где дикие холмы, посыпанные хвоей под соснами, проросшей прошлогодней травой. Юна не верила ни в какую колбасу. Надо было им найти Машу. Пусть делает сыр. Он обещал — не рис! если будет молоко. Может, он где-нибудь спит? — она была бы не прочь, чтоб Нис показала ей Машу где-нибудь под деревьями. Маша, конечно, хорошо устроился — если есть один рис, только и будешь, что спать; а если не только что спать, кусок сыра бы не помешал. Белый. Рис тоже белый. Бе-е-е — как снег! Интересно, что ищет здесь Нис? — не Машу же, тут, под деревьями, где она утром с королем пасла коз? — пока она, Юна, там, внизу, варила им рис? Заглядывая то под одно, то другое обходя кругом и останавливаясь в задумчивости в своих новых башмаках. Юна по-прежнему топтала землю сапогами. Мокасины были одни. На всех их не хватило. К тому же Юне они были малы.левой, правой. Рис. Сыр. Рис. Сыр. Может быть, гриб?..

— ГРЕБИ ЛОПАТОЙ!!!... — завопила Юна, как вратарь, бросаясь вниз.

На сухой траве, усыпанной иголками, под ослепительным холодным небом. По два раза без хлеба, обдирая, по очереди, полупрозрачную шкуру. Вонзиться зубами, зажмурить глаза. Споры забыты. Справедливость восстановлена.

Они лежали на склоне холма. Ветер вымел отсюда весь снег, земля под иголками была сухой, но холодной и твердой. Это не страшно, если животы — у них были набиты, так что можно было выбивать на них дробь. Глаза их сузились,

а лица раздобрели. Они ничего не говорили. Даже они закрывали глаза — негреющее солнце пробивалось сквозь веки, делая под ними всё оранжевенькое. Потом Юна открыла свои. Минуту она молчала, прежде чем открыть еще рот.

— Пошли на море.

8. ПОСЛЕДНИЙ ПОВОРОТ

— Там был порт. Они стояли, глаза на огромные корабли — белые семиэтажные плавучие дома, с вымпелами, с флагами, с флажками, с каютами, с пассажирами, с этими... суперкарго. Они вспомнили свой корабль — сухогрузный теплоход. Матросы с кораблей тоже глазели на них — Юна в огромных сапогах и Нис в мокасинах — они стали махать им рукой: залезай! едем дальше! за бугор, за край земли, на тот берег, за солнцем, в Зеландию. Они посмотрели друг на друга. Они вспомнили матроса Ёхана, и Пихара, и Гендоса, и кто там был еще, боцмана или лоцмана, и капитана... Юна с Нисом два раза своего сердца не отдавали. Они тоже помахали им рукой и перестали смотреть. Им было в другую сторону.

— Но это море было не такое, как им нужно. Им нужно было просто море, а тут были парапеты, и набережная, и всякие кафе, в которых правда не было ни одного человека, но зато оттуда глазели официанты — на Ниса, и на беспризорицу Юну. Этого всего им было не нужно. Нужно было — только море.

Поэтому они пошли — куда? Нис махнула рукой вправо (это они стояли лицом к кафе) — и они пошли вправо, и вскоре уткнулись в загородку: забор от порта.

Тогда они поднялись чуть-чуть в город, и, поворачивая то направо, то налево среди узких улиц, и среди домов, обошли эту загородку. Но тут начались какие-то сады, которые

довольно долго тянулись, не давая им сойти вниз. Но наконец сады, вдоль которых они шли, кончились. Город кончился. И куда они сошли — это была уже не набережная, а просто берег. И тут было одно лишь море.

Но город еще был слишком близко. Поэтому они пошли по берегу.

9. МИМО МОРЯ

Они шли не знаю сколько, наверное, не очень долго. Но долго ли, коротко, это теперь не имело никакого значения. Можно было, наверное, вообще не идти, а только перебирать ногами на месте. Иногда им казалось, что они так и делают. Конечно, они привыкли бегать вверх-вниз по горам, а то вряд ли они справились бы с этой задачей. Они шли по гальке, галька проседала под ногой и поглощала шаг. Иногда попадались какие-то деревяшки — обсосанные водой до костяной белизны, они лежали вон где! — неужели тут тоже было море? И ветер.

Он был на берегу. Он поглощал другую половину шага. Не очень вроде бы холодный — не такой, как бывает зимний ветер, но очень-очень сильный. Иногда они закрывали уши ладонями — а потом открывали: и тогда слышали нескончаемый шум, несмолкаемый грохот от бесконечного числа волн, разбивающихся о берег. Они не смотрели в ту сторону. Потому что не было теперь никакой стороны. Не было никакого «когда». Всё было здесь.

Хорошо; но были ли у них трудности? Трудности были. Два раза им пришлось перебираться через скальную осыпь — берег тогда подступал близко-близко к воде, стоя вертикально, а волны, огромные, разбивались у самого колена. Они удачно преодолели эти две трудности. Но потом наступила третья трудность. Медленно и незаметно — по-

тому что здесь всё было незаметно: здесь всё смешивалось: небо, земля, вода. Но потом они смешались еще чуть-чуть. Так что даже трудно стало идти. Это наступил вечер. Они как раз были на середине третьей трудности — еще одной скальной осыпи; длиннее, чем предыдущие — когда он наступил полностью и окончательно. Они торчали на камнях — висели на них, растопырившись, как лягушки, в темноте, ничего не зная: кончится ли вообще эта скальная осыпь и даже куда ставить следующую ногу, — а ветер-то не спал, он поддавал им волной под зад. Было довольно страшно. Юна даже не хорохорилась — а молча ловила ногой спадающий сапог: сейчас он соскользнет туда, со скользкого камня, и она полетит вслед за ним, в пучину. Нису было лучше — мокасины не спадали: зато они промокли полностью и насквозь, до последнего овечьего меха, который был у них внутри. Сколько-то они провисели среди этого бесконечного рёва.

Когда они выбрались на сушу, говорить было не надо. Молча они отступили вглубь суши. Рёв здесь был немного тише. Затем Юна открыла рот, чтобы произнести первую глупость после всех трудностей:

— Здрасьте-досвиданье, под столом собрание, на столе картошка, дайте мне немножко. — Это она попала ногой во что-то, зашуршавшее вроде скатерти — или старого, слежавшегося снега. — О, уже были земные звуки, это уже было слышно!

Но это оказался не снег, а — все-таки скатерть?

По правде говоря, это был огромный кусок целлофана, весь рваный и грязный. Нис подцепила его с другой стороны. Не сговариваясь они полезли в гору — ту, которую только что обогнули, — таща за собой целлофан. Может быть, они и неправильно сделали — ветер здесь был сильнее. Выше они не полезли; и спускаться тоже не стали. Расстелили этот шуршащий кусок на первом же выступе и улеглись, его еще хватило, чтоб укрыться. Прижавшись друг к другу и к земле. Нис сбросила мокасины. Ветер носился по выступу, хлопая Ниса по щеке загибающимся куском целлофана, внизу грохотало черное море. Постепенно они заснули.

10. ШТИЛЬ

Первое, что ощутили беспризорница Юна и Нис, от чего они проснулись — прикосновение к лицу теплой и легкой ладони.

А что легче — килограмм пуха или килограмм железа? Они не поверили сразу же открывать глаза — они слишком хорошо помнили, это было последнее, что они помнили вчера — где они заснули. Они проснулись куда-то в другое место.

Но место было то же. Вот тот же самый целлофан, в котором они завернутыми спали. Под ним было тепло. Ветра не было. Ничего не было. Стояла тишина.

На синий край высокого неба выкатилось солнце. Оно, видно, не очень уже недавно выкатилось. И оттуда по-весеннему пригрело. И это оно приложило их и прижало своей почти невесомой ладонью.

Беспризорница Юна поступила так, как если бы рядом с ее подушкой грохнулся потолок вместе с соседями, и с их кошкой, и мышкой, и стулом, и портфелем, и стиральной машиной: в три прыжка она перекатилась к краю горы, на котором вчера они разложились и спали. — Иди сюда!!! — закричала она.

На море был штиль. Лежала гладкая вода. До самого края, переходя в туман, он сливался с краем неба. Море было светлее, чем небо. У самого берега плескались прозрачные волны.

Спустя три часа. Солнце тянуло небо всё выше и грело явственней. Это была климатическая чаша. А, как известно, море — оно остывает не так быстро, как воздух. Ветер же — он имеет природу холодного воздуха, который занимает больше места, чем уходящий вверх теплый. Перемещаясь из полного места в пустое, на за день нагретую сушу, он дует — довольно-таки сильно. Потом там бывает такой промежуток ночью, когда медленно остывающее море и быстро — земля, они уравниваются в температурах, и ветер дует с земли. А потом все начинается обратно. Но тут был барьер в виде гор: воздух ударялся о них, и, покру-

жившись, возвращался на материк. Ограниченная с трех сторон горами, земля, в отсутствие ветра с моря, впивала и накапливала свет — и разродилась крокусом: желтым, как цыпленок, цветком на пушистой ножке, торчащем прямо из потрескавшейся почвы. Он был здесь третий. Еще безпризорница Юна и Нис.

— Как ты думаешь... — произнесла Юна.

Она перекатилась со спины на живот. Ей пришло в голову, что можно, как король, раздевшись догола, искупаться. Однако, поглядев вниз, передумала: МОРЕ вовсе не выглядело таким уж теплым — утренняя голубизна сменилась синими, невысокими пока волнами. Они и так были — Юна, в расстегнутой рубашке и штанах, а Нис в платье. Они валялись на своих куртках, расстелив их поверх целлофана, босиком — обе были босиком! — сапоги вперемешку с мокасинами валялись тоже под солнцем. Откуда им было знать про какую-то чашку, или стакан? Они шли и пришли; если бы не море, которое, конечно, нагреется не скоро, то тут, в полудне от зимы, было им почти настоящее лето. Нису не хотелось об этом говорить. Честно говоря, она и не слушала — но она понимала, Юне, после всех этих трудностей, ей конечно нелегко будет не болтать. Нис уже к Юне привыкла. А может, Юна в этот раз ничего не говорила? Полуприкрыв один глаз, Нис ловила солнце — оно припекало ей щеки — и наконец она его изловила: на соленую ресницу. Она услышала свой собственный голос:

— Я поеду домой.

Она немножко испугалась — что скажет на это Юна? И села, открыв оба глаза. Нет, видно все-таки Юна что-то говорила. Потому что теперь она молчала. Нис повторила: — Я поеду домой.

— Сейчас? — сказала Юна.

— Почему сейчас? Через час. — Тут Нис посмотрела на солнце. — Через два, — поправилась она. Нет, все-таки Юна была молодец. Она почти ничего не сказала, чего боялась Нис. Она сперва молчала, потом только сказала:

— А родители? Ты поедешь к своим родителям? Ну они тебя и отлупят!..

Нис пожала плечами:

— Не убьют же. — Тут Юне было нечего возразить. — Как ты поедешь? — спросила Юна.

— Я поеду к генералу, — сказала Нис. — К генералу полиции, — уточнила она. Вот что это было: они разговаривали. Они с Юной разговаривали. На человеческом языке. Оказывается, это было очень просто.

— Ага, — сказала Юна.

— Попрошу у него прощения, — объяснила Нис.

Она сильно зажмурилась, чтоб не Юну увидеть, а генерала. И генерал встал, как живой. Такой большой, что никого с ним рядом просто не стояло. Он был больше, чем все, что тут, рядом. Нис могла бы просто вспорхнуть и усесться к нему на ладонь. — За нас, — сказала она, разжимая соленые ресницы. — Он нас отпустил. Мы унесли его сапоги. А я их отдала. Не свои сапоги. И кроссовки не мои, то есть мокасины. Они какой-то Оксанки. — Теперь Нис считала, что она всё сказала.

— Ага, — сказала Юна.

Она встала. Босиком, расставив ноги и засунув руки в карманы до самых локтей: — Ну вот что, — сказала она. — ПРОСИ — ПРОЩЕНИЯ — ЗА СЕБЯ — понимаешь?!! Только попробуй — только попроси прощения — ЗА МЕНЯ... — Юне не хватило дыхания. Она хотела развернуться и врезать с ноги.

Вместо этого она прошагала к краю горы так, как будто бы собиралась с шумом обрушиться вниз. Никакого шума не случилось — она шлепнулась на задницу на самом краю и уставилась на серо-зеленые волны.

Море за два часа разгулялось, приобретая вчерашний цвет. Ветер тоже подул, пока еще не сильный. Было вообще-то холодно так сидеть, босиком и без куртки. Юна усилием воли заставляла себя не шевелиться. В воображении своем она дымила огромнейшей самокруткой. Никакой самокрутки у нее не было; все самокрутки остались у Маши, он их наверно сейчас курил где-нибудь там. Ничего у нее не было.

Нис встала.

— Подожди. — Юна поднялась. — Я тебя провожу.

Они перебрались через скальную осыпь — опыт приобретается быстро. Во всяком случае, не замочив ног. А если бы Нис свалилась в воду? То тогда бы они остались? Об этом ничего не известно. Потому что последний камень был позади. И тогда Юна остановилась. Она стояла и смотрела, как идет Нис — шагом, который можно было назвать капитанским, хотя галька проворачивалась у нее под мокасинами.

11. БЕСПРИЗОРНИЦА ЮНА И СОЛЕННЫЙ ОГУРЕЦ

Над зеленой травой
Под соленой водой
Есть дворец золотой
А может и нет.

Я сижу на скале
Мне 14 лет
Я не в море, не в небе
И не на земле.

Впереди горизонт
Небосвод словно зонт
Где-то поезд плывет
И летит пароход.
Если очень хотеть
Можно тоже взлететь
Только мне всё равно,
Я летаю давно.

Белая птица парила прямо над головой в низком небе. А вот еще одна... Еще. Беспризорница Юна насчитала четырех. Она подняла бровь — птицы качнулись вправо. Слегка повела головой — синхронно, как в синхронном плавании,

все четыре описали серповидное движение. Ее это нисколько не удивило. Даже не заинтересовало.

Волны отсюда казались набегающими медленно, сто лет одна волна, и разбивались медленно взлетающими брызгами — а между волн кружились диковинные летучие рыбы с серебряными крыльями, под алмазными парусами. Юна плюнула в них — но не попала; тогда она хотела бросить камень — и непонятно, как удержалась. А вдруг кто-нибудь пройдет внизу. Вдруг Нис — вдруг она решила вернуться? И, во-вторых, все камни далеко за спиной, на горе — здесь только ровная покатаая поверхность, треснутая вглубь себя, украшенная по краям плоскими разноцветными сухими мхами.

Вдруг Юну прошиб страх. Куда это она забралась?!..

Никаких птиц не было. Темнело, в небе проступали бледные звезды. Месяц выплыл из-за левой горы — не такой как нормальный месяц: он повис над морем горизонтально в виде улыбки, притянув к себе пока тусклую дорожку на волнах, — он смеялся над беспризорницей Юной! Цепляясь и прилипая к ровной поверхности, Юна каким-то чудом сползла с уступа, торчащего из горы, как одинокий коралл — или как торчит последний зуб, вот-вот готовый вывалиться, во рту у старого человека, — и тут, на твердой земле, чуть опять не села. Ноги подкашивались у нее. Она не могла понять, как ее сюда занесло. Она потеряла всю координацию движений; и без куртки — куртку она оставила там. Может быть, у нее была температура. А как проверить, если градусника нет?

Кое-как, на подгибающихся ногах, — кое-где просто садясь и съезжая вместе со щебнем по крутой тропе — за десять минут, или полчаса — она спустилась к месту их стоянки. Ниса не было. Был целлофан. Было темно. Куртка валялась тоже тут, она отсырела в темноте; натянув ее и закрутившись в целлофан, беспризорница Юна стучала зубами, пока не заснула. И вот что ей приснилось.

Это, короче, был суд. Беспризорница Юна никогда не была в суде, поэтому он был во сне у нее похож на то отделение милиции, где они сидели за решеткой. Юна сама в своем

сне тоже была. Только она где-то была в безопасности — сама она могла видеть всё откуда-то свысока, а никто ее не видел. Там был вроде бы генерал. Потом еще там были какие-то тет-ка с дядькой — Юна никогда их в жизни не видела; во сне она решила, что это родители Ниса. Остальные были морские рыбы. С крючками на жабрах; с зубастым хоботом; с фонарями на длинном хлысте вместо глаз — несообразные, ни на что не похожие чудовища. Все они читали какой-то длинный пергамент. Это был обвинительный пергамент. Юна была бы не прочь послушать, что они там читают, — но, сколько они ни разевали рты, они читали его совершенно беззвучно. А за решеткой — там был Белый Ворон.

Она набирала воздуха, пока в легких оставалось место, а когда не осталось — что есть силы закричала:

— Отпустите его!!! Его, в доме, ждут!..

Все чудовища повернулись к ней, и Юна поняла, что она больше не в безопасности.

В тот же миг она проснулась.

Было раннее утро. На краю горы спиной к ней сидел человек — длинные волосы его были забраны в хвост на затылке — и разжигал костер.

— Белый Ворон!

12. БАБУШКИНЫ СКАЗКИ, ДЕДУШКИНЫ ПОДСКАЗКИ (ЛЮБОВЬ И ВСЁ ТАКОЕ)

Человек обернулся. У него было узкое лицо с маленьким ртом и серьезными глазами.

— Я не Белый Ворон, — сказал он.

— Нет?!! — сказала Юна. — Нет? — Она чуть было не занула обратно. Потому что все теряло последний смысл.

Но потом ей стало это подозрительно. Если это был не Белый Ворон — то что он тут делал? Она вылезла из целлофана. Хромая, она подошла к костру. Утро было ясное — но слишком рано, отовсюду тянуло пронзительным холодом — кроме костра. Юна вдруг вспомнила: крокус! Она быстро бросила косяка в ту сторону. Цветок был на месте.

— Дайте закурить, — сказала она. — У вас еда есть?.. Вы точно не Белый Ворон?

Человек улыбнулся. Сразу становилось видно то, что не видно было с первого взгляда на его узкое и серьезное лицо — какой это на самом деле ужасно веселый человек. Точно, это был Белый Ворон!

— Только сигареты, — сказал он — и достав пачку из кармана, вытряхнул одну. — «Лигерос». Очень крепкие. Но можно наловить рыбы.

— Рыбы?! — Юна передернулась: сон еще был при ней. — Не-е... Я лучше так посижу. — Человек тем временем высунул палку из костра с огнем на конце — и Юна прикурила. Еле удержавшись, чтоб не закашляться: — Точно, я знаю, вы Белый Ворон! А если бы вы были не он, вы бы мне не дали сигареты, а сказали бы, что курить вредно!

В углу рта у него держался смех. — А еще что ты знаешь? — спросил он.

Юна сначала затянулась глубоко — пусть не думает. И — не для того она столько ехала, и терпела и холод, и голод, и... ни-ис! — чтобы теперь разговаривать. — Если вы Белый Ворон. — Сказала она вперемешку с едким кубинским дымом. — То я вам скажу, что, в общем. Вам пора домой. Вас там ждут. Потому что хватит. Всего того.

— Кто? — спросил человек. Улыбка куда-то делась.

— Ну... — Юна смешалась. — Дона Бетта!.. — Выпала она. — И все, — добавила она с чуть меньшей твердостью. — Ну короче!.. — Она начала злиться. Потому что все — ну, все! Зачем все они их тогда везли, и помогали, и... пели, ну — всячески помогали?! — Чего мы тут за вами бегаем?..

Если, конечно, это вы — Белый Ворон. А нет — тогда так и скажите!

— Сейчас я отлучусь, — сказал он. — Тут недалеко, в селе, магазин. Принесу хлеб и кабачковой икры. Ты можешь пока полежать на своем целлофане и собраться с мыслями, чтоб ничего не упустить, что рассказывать.

— Только не наступи на крокус! — предостерегающе крикнула Юна.

Он обогнул цветок.

Юна смотрела ему в спину. Потом она откинулась на целлофан.

Она поняла, что придется рассказывать всё.

...

— Меч? — сказал он.

— Меч, — сказала Юна. Он смотрел прямо на нее.

— Меч?..

— Ну... мяч.

— Дальше.

— Мяч, — буркнула Юна, — слутый. Где-то на белом свете, там где всегда хоккей, Александр Мальцев носится как зверь — и, сборная Канады носом пашет лёд, а в воротах Зайцев песенку поёт, и, и — я — знаю — пять — имен — мальчиков, просто — так нечестно, вот что! Что он сидит, и играет, один, в этот... мяч. Ему нужно... Ну, он сидит, и ждет их... своих друзей. Белого Ворона и... еще одного. Еще собака. Такая же, как у них в замке, вот так!

— Из чего ты сделала медаль? — Опять край его рта улыбался. Но Юне стало легче. — Из монеты, — откликнулась она. — Правильно, — он кивнул. — Есть такая техника — кладешь под асфальтный каток... Только потом трудно ее оттуда выцарапать — из асфальта. А картина есть во всех учебниках. Глянь-ка, и школа на что-то сгодилась... — Юна уже ёрзала от нетерпенья, и теперь она перебила: — На рельсы!

О! какая это была улыбка! Всё лицо его осветилось. Юна — она почувствовала себя так же, как когда они утром проснулись от солнца — как будто бы ее похвалили, и устроили пир на весь мир, и дали награды, неизвестно за что. — Как

жалко! — вскричала она от избытка чувств. — Если бы Нис была тут!.. Жалко, что она не дождалась! Ты же видел, да, в шлюзе? ты по этому нас нашел? — Тут Юна помрачнела.

— Но она ушла, — сказала она. — ...к генералу.

— Я вот что-то не понимаю, — сказала она. — Она капитан. Я теперь знаю. Я бы без нее не пошла никуда. Там осталась. — Она посмотрела на Белого Ворона, нахмурившись.

— Я же наврала, — бухнула она. — Ну, Белый Ворон... всё. — Из головы всё придумала, — выпалила Юна с отчаянием честности. — А потом понеслось. Сначала Нис... Потом Санта, оказалось, что знает, и... все. Я потом сама уже стала думать, что есть. Как это так может быть? Чтобы я придумала, а оказалось, что на самом деле?

Он молчал. Вдруг Юне стало холодно. Она смотрела, как он сидит с закрытыми глазами. Вдруг она поняла.

Он смертельно устал. Он уже таким был с самого начала.

Сейчас заснет. Но туда нельзя засыпать! Там эти... Она приподнялась его разбудить — она же их отвлекла. Пусть уходит! А она потом убежит — уж в себе-то Юна не сомневалась.

Но тут он сказал:

— Ты сама знаешь, как, — сказал он. — Вы мне сделали подарок. Теперь я тебе сделаю подарок. Только это такой подарок. С ним придется идти до конца.

— А это не конец?

— Нет, — сказал он. — Это не конец.

Юна прочней устроилась на целлофане. — Гони свой подарок.

И он рассказал.

Там было всё, что рассказала ему Юна, но по-другому. Как будто бы взял то, что рассказала ему Юна, и перевернул слова: мяч — на меч, компас — на Карлос, Як Цидрак на Цыпе Дрыпе, да и много ли слов? — «о», «а», «э!», и еще другие подлиннее, — а значит и историю ты можешь сам рассказать, теперь незачем мне ее тебе пересказывать. Только пусть она кончается домом, где все живут и сидит

Рыболов, и конец пусть в ней будет началом. Тогда это будет то, что рассказал беспризорнице Юне человек на горе, только он был не ты, а беспризорница Юна не я, смотри, они совсем от нас отдельно. Это хорошо, потому что мы можем пойти куда нам нужно. Или нет: нас уже нет. Есть только один человек — и беспризорница на этой горе, вот они пока есть. И пускай нас не будет, а они пусть еще немного пусть будут.

— И он рассказал.

Он рассказывал день, и всю ночь. Они еще что-то делали — еду; или еще они ходили по берегу, чтоб собрать дров, чтоб все время горел костер, чтобы можно было выпить в любой момент чаю. Но в основном рассказывал. А Юна — она тоже без дела не сидела. Она сказала все эти «о!», «у» и «а-а...», а когда у нее кончились эти «э» и «и», она принялась кричать, и хохотать, и ходить на голове, и прошлась ли она колесом — я не знаю только потому, что я вообще не знаю, умела ли Юна ходить колесом. — А не перебивала ли она его? — Да, она перебила: один раз она закричала:

— А зачем он наврал? Ну, зачем он нам сказал — что он — Белый Ворон?

— А что он должен был тебе ответить — что это он — Лучи На Повороте?

И еще раз или много раз перебила; пока не заснула прямо там, где лежала — потому что она уже потом лежала. И человек лежал, и говорил, и так они лежали, укрывшись одним целлофаном и глядя в темное небо, и месяц стал качаться, как качели, оставляя за собой на небе морской след.

И потом он увидел, что она спит. Этот человек, или кто он там был. Белый Ворон? Он ей ни разу не соврал. Он и так-то соврал специально, может, раза два. Про пса? ...Нет. Про пса не соврал. Хорошо, что она спит, иначе бы она обязательно спросила. Ну, один раз там, на холмах. Иначе бы их расстреляли. А второй раз? Не помню. Может, три. Остальное всё было нечаянно.

— За нечаянно бьют отчаянно, — пробормотала Юна во сне.

Но надо было дорассказать до конца. Он это и сделал, пользуясь тем, что она спит.

Эту ночь Юна спала без сновидений. Когда она проснулась, она была одна на горе. Нет, еще крокус. Она посмотрела на небо. Небо было синим, и в нем летели две белые птицы.

Беспризорница Юна стала собираться. Для этого ей было всего-то — натянуть полицейские сапоги. Она соскучилась по маме и хотела котлет. Кого-то еще ей надо выпускать из тюрьмы. Она проснулась в самом конце, как раз чтоб услышать. И нужно было искать Ниса. И Санту. Что-то подсказывало ей, что это будет теперь не так просто.

—
Еще стихи.

Где-то на белом свете,
Там, где всегда хоккей,
Александр Мальцев
Носится как зверь,
Сборная Канады
Открывает счет,
А в воротах Зайцев
Песенку поет.

«Ду-у-улю, дулю, дулю вам!
Не забудьте шайбу нам.
А забудьте шайбу нам —
Посчитаем зубки вам!»

Тут один канадец
Шайбу подхватил
И в ворота прямо
Шайбу закатил,
Александр Мальцев
Это не стерпел,
И канадец прямо
За борт полетел!
А второй канадец
Носом пашет лёд,
К третьему канадцу
Медсестра ползет...

Музыка играет,
Барабаны бьют,
Сборную Канады
На кладбище везут.

(народные)

--

У меня есть тайна, тайна,
Тайна, тайна, тайна, тайна,
Я ее сама не знаю,
Потому что это тайна,
Потому что это та,
Потому что это-та-та-тайна!

Я ее куда-то зарыла — а!
Давным-давно зарыла,
Так давно, что и забыла,
Что, куда и зачем я зарыла — ла, ла, ла-ла-ла,
Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла ла ла!

Так давно, что я, наверное,
Тогда еще не родилась.
— А на вашем месте я бы в это не верила.
Ни ради нас, ни ради вас.
А на нас, а на нас
Имеется ананас —
А на вас, на вас
слова
слова
слова.

И я иду, иду по ковру —
Пока я вру, и вы это знаете,
Но когда наконец-то я
помру...

Вот тут-то вы вдруг
Мою тайну узнаете —

И как вы будете рады!
Зацелуете меня до дыр,
И дадите мне все награды,
И устройте пир на весь мир.

Содержание

КНИГА 1. НАЧАЛО

Часть 1. ВСТУПЛЕНИЕ	5
1. Черная кошка, бегущая по дороге	5
2. Королева Яблочного Замка	10
3. Лес и город	20
4. Незаконная весна	28
5. Воробей сидит на крыше	35
6. Беспризорница Юна и плохая компания	39
7. Один в поле не воин	46
Часть 2. ВЫСТУПЛЕНИЕ	51
1. Возвращение в замок	51
2. Сюрприз	61
3. Прощание	66
4. Тайна	72
5. В путь!	80

КНИГА 2. БЕЛЫЙ ВОРОН ПРИХОДИТ САМ

Часть 1. ПОРА БРАТЬСЯ ЗА ОРУЖИЕ	95
1. Всяческие растербасы	95
2. Хромой и немой	97
3. Заяц говорит	99
4. Трое с шишкой, не считая собаки	103
5. Бомба разрывается, игра начинается	108
6. Эта страница — граница	118

Часть 2. ТУМАН	131
1. На той стороне (На великих холмах)	131
2. Дорога птиц	135
3. На перекрестке.	145
4. Луковый суп	147
5. Большой себя представляешь рыбой!.	157
6. Кончилось.	160
7. Охота на даниэля	166
8. 10 патронов	169
9. Сторона женщин	177
Часть 3. СОЛНЦЕ ВДАЛИ.	185
1. Белый Ворон говорит	185
2. Шницель	188
3. Маленькая ведьма	192
4. По трассе на надувном матрасе.	202
5. Вода туда — и обратно.	206
6. Волшебная гора	215
7. Чёрное	220
8. Как сражаться с крокодилом — и победить, или Все дороги — дорога, весь лес — лес, а все реки в мире — в море	229
9. Пять	230
10. На острове поющих деревьев нет деревьев	236
11. Песня про капитана.	261
12. Быкмедведь говорит	266

КНИГА 3. НЕОБЫЧАЙНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ВОРОБЬЯ ПО ИМЕНИ НИС И БЕСПРИЗОРНИЦЫ ЮНЫ, И ЧТО ОНИ ТАМ НАШЛИ, И ЧТО ПОТЕРЯЛИ

Часть 1. ВПЕРЕД, ЗА БЕЛЫМ ВОРОНОМ	273
1. Первое в жизни приключение	273
2. Приятно познакомиться	276
3. Описанные песочницы	278
4. Как искать себе друзей	282
5. История про Катю Кукурузу	286
6. Приносящий Мерседесы	288
7. Похолодало	292
8. Паабапал дороги	294
9. Как выбирать себе направление	297
10. Песня о Боевой Крысе	304
11. Назад	307
Часть 2. ДОРОГА К МОРЮ	311
1. Сухогруз	311
2. Капитан Нис	314
3. Горячие дни, или проклятая солонина	319
4. Утром	320
5. Шлюз плюс-минус Нис	322
6. Гребви винтом, а не лопатой. — Одна лишняя глава, которой быть не должно. Но вставлена — по многочисленным просьбам читателей. Но больше такого безобразия не будет!	324
7. Перелетные крысы	326
8. Дождь, град, ветер	329
9. В клетке	331
10. Примерно верно	333
11. Земляничные поля	336
12. Генерал	340
13. О том, почему надо зашивать карманы	342
14. Дальше	346

Часть 3. БЕСПРИЗОРНИЦА ЮНА

И МОРСКИЕ РЫБЫ	349
1. Перевал	349
2. Вниз	355
3. На горшке сидел король	356
4. На хромой собаке	361
5. Аба, Фруся, Пира, Камень	365
6. Сама приходит	367
7. Солнце восходит над речкой Хуанхэ	369
8. Последний поворот	373
9. Мимо моря	374
10. Штиль	376
11. Беспризорница Юна и соленый огурец	379
12. Бабушкины сказки, дедушкины подсказки (любовь и всё такое)	381